

ИСТОРІЯ
АХТЫРСКАГО
ПОЛКА

1765-1796 г.

83-10
45

83-10
45

И книг [redacted]

19 3/IV 57 г. Купил на толкучке б. Митрофаниевского кладбища за 15 руб. Редкое издание, вышел только II том.
С.М. Григорович, Л. Перечень историй войсковых частей, ч. I, спб, 1909, стр. 84.

ИСТОРІЯ АХТЫРСКАГО ПОЛКА

Томъ II.

1765—1796 г.

СОСТАВИЛИ:

Генер.-Маіоръ **В. А. ПОТТО** и Шт.-Ротмистръ **С. И. ОДИНЦОВЪ I**,
по матеріаламъ, собраннымъ Шт.-Ротм. **С. И. Одинцовымъ I**

въ Архивахъ: *1) Харьковскомъ Историческомъ;*
2) Московск. Отд. Архива Главнаго Штаба;
3) Военно-Ученомъ;
4) Капитула Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Фонтанка 95.
1902

Императрица Екатерина II Алексѣевна

1762 — 1796.

Изъ коллекціи П. Я. Дашкова.

А. И. Вильборгъ, С.ПБ. Мѣщ. 2.

I.

(1765 — 1766).

Прошлое Ахтырскаго казачьяго полка. — Указъ Императрицы Екатерины II о переформированіи его въ гусарскій полкъ.—Первый командиръ полка графъ Подгоричани.—Первоначальный составъ полка.—Корпусъ офицеровъ. – Форма одежды.—Внутренняя жизнь полка въ первый годъ его существованія.—Учрежденіе полкового праздника.

Прошло 114 лѣтъ [1]) съ тѣхъ поръ, какъ первые малороссійскіе переселенцы, пришедшіе съ праваго берега Днѣпра, появились въ Ахтыркѣ и основали здѣсь Ахтырскій слободской казачій полкъ, занявшій дикія, никому не принадлежавшія степи [2]). Это были безграничныя, какъ море, цвѣтущія украинскія степи, уходившія вдаль до самаго Крыма. И на ихъ то рубежѣ передовымъ сталъ Ахтырскій полкъ, заслонившій своею грудью южныя границы Московскаго царства. Ахтырка была тогда крѣпостью съ башнями и бастіонами и двумя воротами, выходившими на сѣверъ и западъ. Остатки валовъ ея на лѣвой сторонѣ р. Ахтырки видны еще и понынѣ. Ее окружали обширныя предмѣстья, а далѣе по степи разбросаны были казацкія слободы. Проходили годы, крѣпло и ширилось русское царство, отодвигая все дальше и дальше хищныхъ враговъ,—и слободская украйна перестала, наконецъ, быть украйной. На этой грани русскій народъ не нуждался уже болѣе въ услугахъ казачества. И слободское казачество, окончивъ свою историческую миссію, должно было сойти со сцены, чтобы служить своимъ Государямъ другую исконную службу, составивъ изъ себя летучіе полки регулярной конницы, въ которыхъ такъ нуждалось тогда русское войско.

И вотъ 3-го марта 1765 года послѣдовалъ ВЫСОЧАЙШІЙ указъ о переформированіи пяти Слободскихъ казачьихъ полковъ въ гусарскіе. Исполненіе этого указа возложено было Императрицей Екатериной на генералъ-маіора Щербинина, а въ помощь къ нему назначены были бригадиръ М. Ѳ. Зоричъ и нѣсколько офицеровъ.

Такъ сошли съ боевой арены полки слободскихъ казаковъ, и взамѣнъ ихъ должны были появиться въ русской кавалеріи пять новыхъ гусарскихъ полковъ: Ахтырскій, Харьковскій, Изюмскій, Сумскій и Острогожскій, сохранявшіе свои старинныя казачьи названія.

Для сформированія каждаго изъ нихъ въ шестиэскадронномъ составѣ требовалось болѣе пяти тысячъ нижнихъ чиновъ, а такъ какъ Слободскіе полки не могли выставить такого количества годныхъ

---

[1]) По оффиціальному счисленію. Въ дѣйствительности заселеніе Ахтырки произошло нѣсколько раньше, и полкъ образовался, вѣроятно, еще до 1651 г. (см. Т. I).

[2]) Московское государство считало однако ихъ какъ бы „въ сферѣ своего вліянія".

всадниковъ, то для пополненія комплекта въ распоряженіе Щербинина назначены были еще весь Слободскій гусарскій полкъ, часть Молдавскаго и по два эскадрона отъ поселенныхъ гусарскихъ полковъ: Сербскаго, Грузинскаго и Венгерскаго. Всѣ эти части должны были ввести въ новые полки людей, уже знакомыхъ съ гусарской службой, и тѣмъ содѣйствовать къ скорѣйшему обученію молодыхъ гусаръ порядку регулярнаго строя и эволюціямъ, которыя не были знакомы казачеству. На заведеніе же въ новыхъ полкахъ гусарскаго обмундированія, различныхъ вещей, оружія, сѣделъ и проч. Щербинину было отпущено сто тысячъ рублей, — сумма по тому времени весьма значительная.

Первымъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка является бригадиръ графъ Иванъ Михайловичъ Подгоричани, одинъ изъ тѣхъ сербскихъ выходцевъ, начавшихъ службу подъ знаменами Австріи, которые дали Россіи цѣлый рядъ замѣчательныхъ кавалерійскихъ генераловъ.

Онъ родился въ г. Подгорицѣ и скорѣе былъ черногорецъ, нежели сербъ, находясь даже въ свойствѣ съ черногорскимъ владыкою Петровичемъ. При посредствѣ послѣдняго и русскаго посланника въ Вѣнѣ, графа Кейзерлица, Подгоричани, служившій маіоромъ въ Словацкомъ гусарскомъ полку, получилъ дозволеніе перейти въ русскую службу и прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1759 года уже съ боевою репутаціей, заслуженной имъ въ походахъ противъ Фридриха Великаго. Императрица Елизавета Петровна приняла его чрезвычайно милостиво, допустила къ своей рукѣ и, поздравивъ полковникомъ, назначила командиромъ Молдавскаго гусарскаго полка. Съ этимъ полкомъ онъ принялъ участіе въ кровавой Семилѣтней войнѣ и сразу заставилъ говорить о себѣ, какъ о талантливомъ и смѣломъ партизанѣ. Впослѣдствіи, когда Молдавскій полкъ предназначенъ былъ къ расформированію для усиленія новыхъ гусарскихъ полковъ, Императрица назначила Подгоричани командиромъ одного изъ нихъ— Ахтырскаго.

Пишчевичъ [1]) въ своихъ запискахъ [2]) говоритъ, что Подгоричани поражаетъ своей огромной позитурой—„наукъ не зналъ никакихъ и по нуждѣ только грамотенъ, при всемъ томъ былъ офицеръ храбрый, служилъ хорошо и пріобрѣлъ службой и достоинства, и богатство. Добродѣтели его, съ одной стороны, были бы похвальны, если бы только интересъ оныя не повреждалъ: онъ шагу не дѣлалъ, гдѣ ему не было прибыли, деньги наживать умѣлъ, но не былъ скупъ, жилъ хорошо, — и кто повѣритъ? — деньги великія проигрывалъ въ карты“. Когда именно Подгоричани прибылъ въ Ахтырку, въ точности неизвѣстно, но первыя распоряженія его по пріему полка, какъ видно изъ официальной переписки его съ Зоричемъ, относятся только къ началу сентября 1765 года [3]). Такая медленность можетъ быть объяснена отчасти тѣми затрудненіями, которыя правительство встрѣчало на каждомъ шагу со стороны недовольнаго реформою казачества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни тяжело жилось казакамъ въ послѣдніе годы

---

[1]) Принялъ полкъ послѣ Подгоричани.

[2]) „Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей“, 1882, кн. II.

[3]) Первый рапортъ Подгоричани поданъ 3-го сентября 1765 г. № 224. Харьк. Ист. Арх. 1765 г. № 89, отдѣлъ V.

безпорядочнаго существованія полковъ, но эти полки были все-таки ихъ родною стихіей, и разставаться съ ними никому не хотѣлось. Имъ жаль было мѣнять свои родные чекмени, свои завѣтныя дѣдовскія сабли на чуждые, хотя и блестящіе, расшитые золотомъ, гусарскіе доломаны; не хотѣлось имъ разставаться съ своею старою казацкою волею, покидать широкія степи, гдѣ были могилы отцовъ ихъ, гдѣ каждый курганъ разсказывалъ имъ былины минувшей казацкой славы, которая, по словамъ поэта,

„Дыбомъ по свѣту стала"...

Понятно почему, разставаясь съ обломками своей самобытности, казаки, несмотря на всю пользу готовившейся реформы для края, въ большинствѣ смотрѣли на нее враждебно. Ненависть къ подобной реформѣ они обнаружили еще ранѣе, когда за восемь лѣтъ передъ этимъ изъ слободскихъ казаковъ формировали особый Слободскій гусарскій полкъ; и тогда уже слобожане выразили свой протестъ тѣмъ, что большинство новыхъ гусаръ разбѣжалось прежде, чѣмъ ихъ успѣли обмундировать, а тѣ, которые встрѣчались въ гусарскихъ мундирахъ, подвергались побоямъ отъ своихъ односельцевъ [1]). Тѣмъ не менѣе полкъ все-таки былъ сформированъ, и казаки, примирившись съ своею участью, сдѣлались лихими гусарами. То же самое можно было ожидать и теперь, тѣмъ болѣе что самому слободскому казачеству подписанъ былъ смертный приговоръ, и полки навсегда прекращали свое существованіе. Вся земля, принадлежавшая пяти казачьимъ полкамъ, образовала одну Слободско-Украинскую губернію, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ; полковыя территоріи превратились въ провинціи, сотни—въ комиссарства, а бывшія полковыя канцеляріи въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ и Острогожскѣ стали именоваться уже провинціальными. Послѣдній полковникъ ахтырскихъ казаковъ Михаилъ Ивановичъ Боярскій былъ боленъ, и Подгоричани, по пріѣздѣ въ Ахтырку, пришлось имѣть дѣло „съ правящимъ за него полкомъ", коллежскимъ асессоромъ Струковымъ.

Въ основу всѣхъ расчетовъ по пріему казаковъ, конскаго состава и различныхъ предметовъ обмундированія и снаряженія положены были новые штаты, которыми Подгоричани долженъ былъ руководствоваться.

По этимъ штатамъ въ шестиэскадронномъ гусарскомъ полку полагалось имѣть:

Штабъ-офицеровъ	5
Оберъ-офицеровъ	32
Унтеръ-офицеровъ	72
Трубачей	14
Рядовыхъ гусаръ	834
Классныхъ чиновниковъ	6
Нестроевыхъ	70
Строевыхъ лошадей	913
Подъемныхъ.	85

Не ожидая прибытія командъ, назначенныхъ Щербининымъ изъ Слободскаго и Молдавскаго гусарскихъ полковъ, Подгоричани въ

[1]) Исторія Харьковскаго п. Е. Альбовскій.

концѣ 1763 году приступилъ къ пріему Ахтырскаго казачьяго полка, который долженъ былъ принять со всѣми людьми, лошадьми и имуществомъ.

Въ моментъ полученія Высочайшаго указа въ Ахтырскомъ казачьемъ полку состояло налицо [1]): 9 полковыхъ и 25 сотенныхъ старшинъ, 59 подпрапорныхъ, 26 полковыхъ служителей [2]) и 1227 казаковъ. Лошадей состояло налицо: казачьихъ 1214, артельныхъ 246 и артиллерійскихъ 24. Изъ числа наличныхъ людей 200 казаковъ, подъ командою пяти подпрапорныхъ, находились на постахъ по украинской линіи, 23 казака числились больными, два находились въ бѣгахъ, и одинъ судился за смертоубійство. Наконецъ, 9 подпрапорныхъ по малолѣтству числились въ командировкѣ „для изученія словенскаго и латинскаго діалектовъ“.

Инструкція требовала, чтобы въ гусары поступали люди не менѣе 2-хъ аршинъ и 6-ти вершковъ роста; а такъ какъ ахтырскіе казаки въ большинствѣ были народъ хотя и съ сильно развитою мускулатурою, но малорослые и приземистые, то большинство изъ нихъ оказалось непригодными для гусарскаго строя. Выбраны были одни богатыри, которые при физической силѣ отличались еще и значительнымъ ростомъ. Такихъ людей набралось только 378 человѣкъ, изъ числа которыхъ 341 зачислены были во фронтъ, 7 обращены въ трубачи, 5, оказавшихся грамотными, въ писаря и 25 человѣкъ въ нестроевые. Кромѣ нихъ, принято было еще 22 „подпрапорныхъ“, т. е. старшинскихъ дѣтей, добровольно изъявившихъ желаніе поступить въ гусары и предназначенныхъ для замѣщенія въ эскадронахъ должностей вахмистровъ, унтеръ-офицеровъ и капраловъ. Всѣ остальные казаки, какъ непригодные къ регулярному строю, отпущены были домой и превратились съ этихъ поръ въ простыхъ, мирныхъ пахарей.

Затѣмъ начался пріемъ строевыхъ лошадей. Но эта часть оказалась въ полку до того запущенной за послѣднее время, что Подгоричани не нашелъ уже здѣсь тѣхъ добрыхъ казацкихъ коней, о которыхъ въ былыя времена ходили цѣлыя легенды. Довольно сказать, что изъ числа 1214 верховыхъ лошадей, представленныхъ на смотръ, 899 оказались совершенно порочными, негодными для службы, и принято было только 315. Подъемныя лошади были нѣсколько въ лучшемъ видѣ, но изъ нихъ удовлетворили условіямъ только сто три, а всѣ остальныя за пороками и худобою предназначены были къ продажѣ.

Что же касается казачьяго снаряженія, то Подгоричани оставилъ временно только 650 сѣделъ, а всѣ остальные предметы: 12 полковыхъ знаменъ, въ томъ числѣ одно артиллерійское, и шесть знаменъ старыхъ и ветхихъ, 2 полевыя [3]), 5 чугунныхъ пушекъ и 7 мѣдныхъ мортирокъ [4]), казачье снаряженіе, а также ружья, сабли и дротики, какъ непригодныя гусарскому полку, обратно сдалъ на храненіе въ Ахтырскую провинціальную канцелярію.

---

[1]) Отд. V № 97. Харьк. Истор. Арх. Мѣсячный рапортъ Ахтырскаго казачьяго полка за мартъ 1765 г. (см. приложеніе 1).

[2]) Въ число ихъ полагалось: 1 попъ, 1 городской лѣкарь, 3 канцеляриста, 3 канцелярскихъ писаря, 1 городничій, 1 цырюльникъ, 1 литаврщикъ, 3 трубача и 12 пушкарей.

[3]) И еще 4 старыхъ мѣдныхъ.

[4]) Тамъ же, отд. IV, № 8, стр. 202, 203.

Пока разбирались съ казачьимъ имуществомъ, на укомплектованіе полка уже прибыла команда изъ Слободскаго гусарскаго полка въ слѣдующемъ числѣ чиновъ:

Оберъ-офицеровъ	4
Унтеръ-офицеровъ	42
Трубачей	2
Гусаръ	228
Нестроевыхъ	11
Строевыхъ лошадей	249

Это были уже настоящіе гусары въ доломанахъ и ментикахъ, которые полку приходилось однако перекрашивать въ цвѣта, присвоенные ахтырцамъ—черный и зеленый. Люди прибыли бодрые и здоровые, но принесли съ собою только карабины и пистолеты, а сабель не было, такъ какъ всѣ они отобраны отъ нихъ для передачи въ Харьковскій полкъ. Изъ числа лошадей много оказалось старыхъ, прослужившихъ сроки, а потому 47 изъ нихъ тотчасъ проданы были съ аукціоннаго торга, и только 202 зачислены въ полкъ.

Команда изъ Молдавскаго полка, по отдаленности своей штабъ-квартиры, нѣсколько замедлила прибытіемъ въ Ахтырку и явилась только въ началѣ 1766 года въ слѣдующемъ составѣ.

Оберъ-офицеровъ	17
Унтеръ-офицеровъ	58
Трубачей	2
Гусаръ	305
Нестроевыхъ	8

Люди явились пѣшіе, безъ лошадей, оружія и амуниціи, но обмундированные исправно и даже съ полнымъ количествомъ положеннаго бѣлья. Но изъ числа этихъ гусаръ много было больныхъ и старыхъ, которые подлежали увольненію отъ службы. Доломаны и ментики, которые они принесли съ собою, Подгоричани велѣлъ отдать въ перекраску, а людямъ роздали пока запасные казацкіе кафтаны, которыхъ принято было въ полкъ 1200 штукъ для передѣлки ихъ впослѣдствіи на вальтрапы и ментики. Все остальное, необходимое для снаряженія гусаръ, нужно было принять отъ Самарскаго полка, куда Подгоричани немедленно командировалъ офицеровъ. Посланные возвратились, однако, съ отвѣтомъ, что за передачею изъ Самарскаго полка въ Бахмутскій всѣхъ лошадей, амуниціи и оружія, ахтырцамъ ничего отпущено быть не можетъ [1]). Тогда Подгоричани, чтобы не остаться совсѣмъ безъ лошадей и не перерывать строевыхъ занятій, рѣшилъ оставить въ полку временно 271 лошадь изъ числа бракованныхъ казацкихъ.

Что касается корпуса офицеровъ, то онъ сложился въ полку слѣдующимъ образомъ: всѣмъ казацкимъ полковникамъ, полковому старшинѣ и сотникамъ предоставлено было право или выйти въ отставку или поступить въ гусарскіе полки армейскими чинами.

Изъ казацкихъ старшинъ Ахтырскаго полка поступили въ гусары только трое: самъ ахтырскій полковникъ Михаилъ Боярскій,

[1]) Тамъ же, отд. V, № 97, стр. 289.

принятый въ полкъ подполковникомъ, полковой обозный [1]) Степанъ Лесевицкій, переименованный въ секундъ-маіоры, и полковой хорунжій [2]) Михаилъ Линецкій—въ поручики. Въ поручики же переименованы были и восемь казацкихъ сотниковъ, а именно: Ефимовъ, Кременецкій, Новосельскій, Павловъ, Нахимовъ, Ограновичъ и два брата Карповыхъ. Изъ числа полковыхъ служителей былъ принятъ одинъ канцеляристъ-аудиторъ Перекрестовъ. Вся остальная старшина: полковой судья, старшій и младшій полковые есаулы, полковой ротмистръ, два полковые писаря и 20 сотниковъ сказались больными и, по освидѣтельствованіи ихъ въ ахтырской провинціальной канцеляріи, уволены въ отставку на собственное пропитаніе [3]).

Къ этимъ 11-ти офицерамъ прибавилось еще переводомъ: изъ Молдавскаго гусарскаго полка: капитаны Лалошъ, Вукотичъ 1-й, Бальца, Гангебловъ и графъ Подгоричани 2-ой (Георгій); поручики: Богдановъ, Войновичъ, Княжевичъ, Родовановичъ, Савичъ, Торбановичъ, Чалиновичъ и Шутовичъ; прапорщики: Абаза, Петровичъ, Вукотичъ 2-й и Бантышъ; кромѣ того, лѣкарь и подлѣкарь; изъ Слободскаго гусарскаго полка: капитаны Губеръ и Витковичъ, поручикъ Зашаловскій и прапорщикъ Кудрашевскій.

Затѣмъ по распоряженію военной коллегіи переведены изъ другихъ частей: изъ Нарвскаго карабинернаго полка секундъ маіоръ Мисюревъ, изъ Сербскаго гусарскаго—премьеръ-маіоръ князь Хвабуловъ, изъ Желтаго гусарскаго—поручикъ Герсевановъ и, наконецъ, изъ пѣхоты: Петербургскаго полка—поручикъ Калмыковъ, Пермскаго—Лбовъ и Бутырскаго - подпоручикъ Голактіоновъ. Кромѣ того, принятъ изъ отставки прапорщикъ Павловскій [4]). Первымъ священникомъ назначенъ былъ отецъ Іоаннъ Ильинъ.

Такимъ образомъ новый Ахтырскій гусарскій полкъ составился изъ слѣдующихъ частей:

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Штабъ-оф.	Оберъ-оф.	Классныхъ чинов.	Унтеръ-оф.	Трубачей.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Лошадей.
Изъ Ахтырскаго казачьяго полка .	2	9	1	22	7	341	30	315
Изъ Молдавскаго гусарскаго	1[5])	17	2	58	2	305	8	—
Изъ Слободскаго гусарскаго	—	4	—	42	2	228	11	202
Изъ другихъ частей	2	7	1	—	—	—	—	—
Прикомандировано изъ числа казачьяго брака	—	—	—	—	—	—	—	271
Итого . .	5	37	4	122	11	874	49	788[6])

[1]) Полковой обозный былъ вторымъ лицомъ въ полку; въ отсутствіе полковника онъ правилъ полкомъ, былъ первымъ членомъ полковой канцеляріи, завѣдывалъ полковою артиллеріей, и ему же подчинялся обозъ полка.

[2]) Полковой хорунжій начальствовалъ надъ хорунжевыми казаками, составлявшими личный конвой полковника, родъ его гвардіи; въ походѣ онъ возилъ знамя и завѣдывалъ музыкантами.

[3]) Рапортъ Подгоричани 2 ноября 1765 г. Отд. IV, д. № 1. Харьк. Истор. Арх.

[4]) Кромѣ того, переведенъ былъ еще подполковникъ Франкенъ-Эскъ-фонъ-Елазіусъ, но онъ не прибывая къ полку, переведенъ въ Острогожскій гусарскій.

[5]) Командиръ полка бригадиръ Подгоричани.

[6]) Мѣсячные рапорты Ахтырскаго гусарскаго полка за 1765 г. Отд. V, д. № 90. Харьк. Истор. Арх.

Въ общемъ, въ полку образовался значительный сверхъ-комплектъ нижнихъ чиновъ, но зато недоставало 396 лошадей, такъ какъ Подгоричани не согласился оставить въ полку изъ числа казачьяго брака ни одной, „ибо въ ѣзду негодны, и безъ нужды будутъ фуражъ есть“. Для пополненія столь важнаго пробѣла, онъ разсчитывалъ, во-первыхъ, на годовой ремонтъ, который въ числѣ 113 лошадей долженъ былъ поступить къ нему весною 1766 года, а покупку остальныхъ 283 лошадей отнести на хозяйственныя суммы. По тогдашней ремонтной цѣнѣ (18 рублей на гусарскую лошадь) требовалось всего 4994 рубля; въ счетъ ихъ у Подгоричани уже имѣлось 3380 рублей, вырученныхъ отъ продажи казачьяго брака, а остальные предполагалось пополнить частью новою продажей прикомандированныхъ коней, а частью остатками отъ фуражной суммы, находившейся въ его безконтрольномъ распоряженіи [1]). Въ то далекое отъ насъ время, когда вся полковая экономія составляла законную собственность командира полка, одно это распоряженіе рисуетъ передъ нами Подгоричани, вопреки мнѣнію о немъ Пишчевича, какъ человѣка безкорыстнаго, заботившагося не исключительно о личныхъ своихъ интересахъ, а также о благосостояніи части, которая, какъ увидимъ дальше, въ короткое время и была доведена имъ до полнаго совершенства.

Когда полкъ, такимъ образомъ, былъ собранъ, Подгоричани, произведенный между тѣмъ уже въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ командиромъ полка, раздѣлилъ его на шесть эскадроновъ, изъ которыхъ каждый дѣлился на двѣ конныя роты. Номерація этихъ ротъ шла, однако, не по порядку, а была примѣнена довольно оригинальнымъ образомъ: такъ, въ 1-мъ эскадронѣ были 1-я и 7-я роты, во второмъ 3-я и 9-я, въ третьемъ 6-я и 12, въ четвертомъ 4-я и 10-я, въ пятомъ 5-я и 11-я и въ шестомъ 2-я и 8-я. Два эскадрона составляли дивизіонъ. Съ раздѣленіемъ на эскадроны, штабъ полка перешелъ въ м. Красный-Кутъ, въ 30 верстахъ отъ Ахтырки, гдѣ остался только одинъ второй эскадронъ. Первый эскадронъ расположился въ Котельвѣ, третій—въ Мурафѣ, четвертый—въ Колонтаевѣ, пятый—въ Коломакѣ и шестой—въ Богодуховѣ. На этихъ широкихъ квартирахъ полкъ размѣстился весьма удобно: гусары стояли по избамъ, а лошади помѣщались въ хорошихъ конюшняхъ, выстроенныхъ, по настоянію Подгоричани, на счетъ ахтырской провинціальной канцеляріи [2]). Самыя

---

[1]) На содержаніе гусарскаго полка ежегодно отпускалось 50,601 р. 81 коп.

Жалованье всѣмъ чинамъ	25,854 р. 64 к.
на фуражное довольствіе лошадей при стоимости каждаго раціона 1 р. 50 к., всего.	11.848 „ 50 „
„ ремонтъ гусарскихъ и подъемныхъ лошадей.	2,181 „ 75 „
„ ковку и лѣкарство лошадей	605 „ 80 „
„ оружейныя, амуничныя и мундирныя вещи, а равно на расходъ по вербовкѣ людей	10,111 „ 12 „
Итого . . .	50.601 р. 81 к.

Сухимъ фуражомъ полагалось довольствовать строевыхъ лошадей 8, а подъемныхъ 7 мѣсяцевъ. считая на каждую лошадь въ мѣсяцъ четверть овса и 15 пудовъ сѣна. Четыре лѣтніе мѣсяца полагалось пасти лошадей на отведенныхъ лугахъ съ тѣмъ, чтобы на 4 недѣли кампамента сухой фуражъ относился на счетъ экономіи, оставшейся отъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Ремонтная цѣна строевой лошади опредѣлялась въ 18. а подъемной въ 12 р. Годовой ремонтъ разсчитывался по штатному числу лошадей, полагая въ годъ на каждую строевую 2 р. 50 к., а на подъемную 1 р. 50 к.

[2]) Рапортъ Подгоричани 24 сентября 1765 г. № 156. Отд. V, № 89. Харьк. Истор. Арх.

села выбраны были многолюдныя, и притомъ преимущественно такія, гдѣ былъ дешевый фуражъ. Его, дѣйствительно, было въ изобиліи, такъ что гусары платили за четверть овса по 42, а за пудъ сѣна по три копейки ассигнаціями. Эта дешевизна дала возможность полку составить экономію, необходимую ему для покрытія расходовъ какъ по покупкѣ лошадей, такъ и по тѣмъ предметамъ, на которые не было казеннаго отпуска.

Теперь на первую очередь выступали сложные хозяйственные вопросы по обмундированію и снаряженію полка, не имѣвшаго у себя ни мундировъ, ни амуниціи. Строевыхъ занятій также нельзя было производить съ должною послѣдовательностью, ибо на 900 гусаръ имѣлось всего двѣсти выѣзженныхъ коней, а остальные были степняки, признававшіе только легкую казачью уздечку, непригодную для регулярнаго строя. Къ выѣздкѣ этихъ лошадей также приступить было нельзя, потому что не было ни мундштуковъ, ни форменныхъ кавалерійскихъ сѣделъ, а казачьи для ѣзды на длинныхъ стременахъ, со шпорами вмѣсто нагайки, были неудобны. Даже обученіе пріемамъ производилось старымъ казачьимъ оружіемъ, которое въ небольшомъ количествѣ Подгоричани оставилъ въ полку для несенія караульной службы. Нужно было много энергіи и опытности, а еще болѣе усердія и любви къ дѣлу, чтобы вывести полкъ изъ этого труднаго положенія и преодолѣть ту массу затрудненій, которыя приняла тогдашняя канцелярская волокита. Но Подгоричани, какъ видно, вложилъ въ это дѣло всю свою душу. Прежде всего посланные офицеры доставили изъ Тульскаго оружейнаго завода сабли, карабины, пистолеты, мундштуки, стремена, шпоры и другія металлическія вещи [1]); изъ Московской комиссаріатской комиссіи принято было сукно для полнаго гусарскаго обмундированія; въ то же время въ Харьковѣ закупались ремни и кожи для амуниціи, а капитанъ Губеръ и прапорщикъ Вукотичъ командированы были въ Петербургъ за пріобрѣтеніемъ всѣхъ принадлежностей офицерскаго обмундированія, которыхъ нельзя было достать въ Харьковѣ. Въ полку между тѣмъ строился обозъ и велась переписка о заказѣ сѣделъ,—предметъ, требовавшій особой заботливости со стороны полкового командира. Изъ подробной вѣдомости, представленной Подгоричани, можно видѣть, что вся сумма, необходимая для приведенія полка въ исправность, исчислена была имъ въ 16,340 р. 7½ к., изъ коихъ 5,148 руб. 68½ к. подлежали отпуску отъ казны, а остальныя 11,091 р. 39 к. отнесены были на счетъ стотысячной суммы, имѣвшейся въ распоряженіи Щербинина.

Къ началу лѣта 1766 года полкъ окончательно былъ сформированъ и, причисленный къ Украинской дивизіи, оставленъ на тѣхъ же квартирахъ въ Ахтырской провинціи. Здѣсь онъ отбылъ и свой первый полковой кампаментъ, во время котораго ожидался пріѣздъ инспектора генералъ-маіора Щербинина, успѣвшаго осмотрѣть уже новые полки Харьковскій и Сумскій. Любопытное описаніе одного изъ этихъ смотровъ мы находимъ въ запискахъ Пишчевича, знако-

[1]) Изъ рапорта Подгоричани 27 октября 1765 г. видно,что изъ Тульскаго завода принято полкомъ: сабель 920, пистолетъ 912 паръ, карабиновъ 876, тесаковъ 28. Отд. V, дѣло № 89. Харьк. Истор. Арх.

мящихъ насъ съ пріемами и характеромъ тогдашняго обученія. „При приближеніи инспектора къ строю“, говоритъ онъ, „Харьковскій полкъ отдалъ честь при звукахъ трубъ и литавровъ. По объѣздѣ каждой шеренги Щербининъ приказалъ дѣлать конныя эволюціи, и дѣйствіе полка привело его въ такое удивленіе, что прежде окончанія всей экзерциціи онъ подъѣхалъ къ полку, объявляя ему великое свое удивленіе и спросилъ: „не пора-ли окончить ученье? Я-де вижу“, говорилъ онъ, „совершенное ваше знаніе, и нѣтъ нужды трудить людей и лошадей“, такъ какъ въ тотъ день было нѣсколько жарко, и лошади отъ скачки покрылись пѣною. Онъ снялъ шляпу и съ непокрытою головою благодарилъ полкъ, упоминая, что наши труды принесли отечеству вѣчную славу и что онъ не оставитъ засвидѣтельствовать о томъ предъ лицомъ Государыни Императрицы. Ученье затѣмъ продолжалось. Послѣ общей атаки полкъ снова выстроилъ фронтъ и по приказанію полковника открылъ съ коней бѣглый огонь изъ пистолетовъ, а затѣмъ сдѣлалъ общій залпъ. Послѣ того данъ былъ на трубахъ сигналъ, по которому весь полкъ осадилъ черезъ человѣка, а по другому сигналу спѣшился и выступилъ впередъ подъ ружьемъ, начавъ сперва пріемы, а потомъ пѣшія эволюціи съ пальбою, что еще болѣе нашего инспектора въ удивленіе привело, яко онъ всегда въ пѣхотѣ служилъ и тверже пѣшій строй разумѣлъ, нежели конный; послѣ пѣшаго ученья полкъ опять сѣлъ на коней и былъ отпущенъ домой“. По всей вѣроятности такія же ученья производились и въ нашемъ Ахтырскомъ полку, но Щербининъ не успѣлъ пріѣхать, такъ какъ начавшаяся осень и непрерывные дожди заставили развести полкъ по квартирамъ. Изъ нѣкоторыхъ сохранившихся свѣдѣній можно заключить, однако, что ахтырцы дѣлали свой первый кампаментъ хотя еще на казачьихъ сѣдлахъ, но зато уже въ новомъ гусарскомъ обмундированіи.

Читателю не безынтересно будетъ представить картину тогдашняго гусарскаго полка въ его дорогой, но красиво-оригинальной одеждѣ, составленной изъ сочетанія двухъ цвѣтовъ—зеленаго (коренного ахтырскаго цвѣта) и чернаго.

Офицерскій мундиръ состоялъ изъ ярко-зеленаго доломана, расшитаго золотомъ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ и обшлагами чернаго бархата; какъ обшлага, такъ и воротникъ обкладывались по краямъ узкимъ золотымъ галунчикомъ. На груди доломана нашивалось въ три ряда 15 большихъ и 60 маленькихъ золоченыхъ пуговицъ, между которыми шитье располагалось такъ густо, что на каждый доломанъ требовалось 66 аршинъ золотого снура. Кромѣ того, доломаны обкладывались по бортамъ галуномъ, у оберъ офицеровъ узкимъ, у штабъ-офицеровъ широкимъ, а у полковниковъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Къ доломану полагался поясъ, свитый изъ тѣхъ же золотыхъ снуровъ и съ такими же поперечными перехватами.

Ментики были черные, расшитые золотомъ еще богаче, чѣмъ доломаны, такъ что на каждый требовалось 74 аршина снура. Ментики были подбиты и опушены кругомъ бѣлымъ лисьимъ мѣхомъ; въ холодное время они носились въ рукава, а при доломанахъ накидывались на-опашъ на лѣвое плечо, пристегиваясь особою застежкой изъ толстаго золотого жгута. При быстрой скачкѣ, особенно въ яркій

солнечный день, этотъ ментикъ, развѣвавшійся по воздуху, придавалъ гусару поистинѣ волшебный фантастическій видъ, точно за плечами всадника сверкали и колыхались огненныя крылья.

Чакчиры у гусаръ были узкія, зеленаго цвѣта и также расшитыя золотыми снурами, которыхъ требовалось 38 аршинъ. Костюмъ у офицеровъ дополняли красные сафьянные полусапожки, на манеръ нынѣшнихъ ботиковъ, только съ золотой оторочкой и высокими каблуками, подбитыми серебряными подковками. Шпоры носились прибивныя.

Непремѣнную принадлежность гусарской одежды составляла ташка, носившаяся на двухъ галунныхъ пассикахъ, пристегнутыхъ къ поясной портупеѣ. Ташка была изъ чернаго сукна обшивалась зубчатымъ галуномъ и украшалась вензелемъ Императрицы.

Головнымъ уборомъ служилъ высокій, суживающійся кверху киверъ, обтянутый чернымъ стамедомъ. Онъ обкладывался въ два ряда зубчатымъ галуномъ и имѣлъ два золотыхъ снура, оканчивавшіеся широкими плетеными кистями, ниспадавшими до груди. Кромѣ того, къ нему прикрѣплялся бѣлый султанчикъ съ бѣлымъ шелковымъ бантомъ, а въ парадныхъ случаяхъ пристегивалась еще зеленая лопасть съ золотымъ галуномъ и кисточкой.

Оружіе офицера составляли сабля на поясной галунной портупеѣ и пара пистолетовъ, которые возились въ сѣдельныхъ кобурахъ. Сабля имѣла клинокъ нѣсколько расширенный книзу и носилась въ кожаныхъ ножнахъ съ золоченой оковкой; эфесъ сабли былъ также вызолоченный. Темлякъ при парадной формѣ полагался золотой, а при походной кожаный съ золотой кисточкой.

Нижніе чины носили ту же форму, только вмѣсто золотыхъ снуровъ были гарусные — по зеленому сукну черные, а по черному зеленые, да бѣлый лисій мѣхъ на ментикахъ замѣнялся чернымъ барашкомъ. Ботики были также черные. Вахмистры, унтеръ-офицеры и капралы носили на воротникѣ доломана узкій галунъ, а на обшлагахъ тотъ же галунъ нашивался у капраловъ въ одинъ рядъ, у унтеръ-офицеровъ въ два и у вахмистровъ въ три ряда.

Амуниція у гусаръ была черная, кожаная, а вооруженіе состояло изъ сабли со стальнымъ эфесомъ и стальною оковкой на кожаныхъ ножнахъ, изъ карабина безъ штыка на панталерѣ и пары пистолетовъ въ кобурахъ; капралы вооружались такъ-же, какъ рядовые, но унтеръ-офицеры и вахмистры не имѣли карабиновъ.

Картину гусарскаго строя дополняли трубачи, у которыхъ доломаны и ментики расшивались пестрыми, разноцвѣтными снурами, а сигнальныя трубы и литавры украшались зелеными суконными завѣсами съ золотой бахромой и съ изображеніемъ на нихъ лика Спасителя или Богоматери. Штандартовъ гусарскіе полки не имѣли.

Что касается до конскаго снаряженія, то гусары имѣли кожаныя венгерскія сѣдла, которыя накладывались на войлочный потникъ съ кожаною крышкою, а сверху покрывались чернымъ суконнымъ вальтрапомъ. У офицеровъ вальтрапъ обкладывался широкимъ зубчатымъ галуномъ, а по угламъ имѣлъ кованные золотые вензеля Императрицы. Оголовье мундштука, пахвы и подперсье съ мѣдными бляхами украшались еще, по обычаю того времени, длинными шелковыми, пере-

ку, придавалъ
о за плечами

же расшитыя
остюмъ у офи-
анеръ нынѣш-
и каблуками,
прибивныя.
ы составляла
ристегнутыхъ
обшивалась
рицы.
щійся кверху
вался въ два
а, оканчивав-
груди. Кромѣ
ъ шелковымъ
еще зеленая

ной портупеѣ
къ кобурахъ.
и носилась
и былъ также
олотой, а при

золотыхъ сну-
черному зе-
чернымъ ба-
теръ-офицеры
, а на обшла-
ядъ, у унтеръ-

оруженіе со-
оковкой на
алерѣ и пары
е, какъ рядо-
новъ.
оторыхъ доло-
и снурами, а
уконными за-
а нихъ лика
ки не имѣли.
ѣли кожаныя
потникъ съ
конномъ валь-
мъ зубчатымъ
Императрицы.
бляхами укра-
овыми, пере-

Лит. Н. Кадушина С.П.Б.

1765 г. — 1776 г.

Офицеръ и гусаръ Ахтырскаго полка.

мѣшанными съ золотомъ, кистями, которыя вплетались также въ гривы и чолки лошадей.

У нижнихъ чиновъ сѣдла были тѣ же, но съ бушматами для карабиновъ, а черные вальтрапы обкладывались зеленымъ суконнымъ лампасомъ; вензеля были также суконные, желтые, а сѣдельныя украшенія, плетешки и кисти дѣлались изъ чернаго ремня или сарсана. Къ сѣдламъ приторачивались чемоданы, фуражныя саквы, торбы и водоносныя фляги.

Нестроевые нижніе чины, за исключеніемъ профосовъ и извозчиковъ, носили ту же гусарскую форму, но, вмѣсто киверовъ, имѣли треугольныя шляпы, съ обшивкой изъ зубчатаго шерстяного галуна. Профосы и извозчики одѣвались по образцу всей кавалеріи.

Какъ складывалась внутренняя жизнь молодого полка въ первое время его существованія, объ этомъ не дошло до насъ никакихъ извѣстій. Но мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что тѣ высокіе духовные устои, тѣ крѣпкія нравственныя силы, которыми обладало казачество, всецѣло легли въ основу юнаго полка, унаслѣдовавшаго вмѣстѣ съ почетнымъ именемъ Ахтырцевъ и ихъ вѣковыя, завѣтныя преданія. Силу этихъ преданій, созданныхъ въ народѣ его исторіей, отлично сознавали вожди екатерининской арміи, и потому постановлено было комплектовать Слободскіе гусарскіе полки рекрутами исключительно Украинской губерніи, и не иначе, какъ изъ казачьихъ семей. Служба въ гусарахъ считалась почетною, а потому жалованье въ этихъ полкахъ опредѣлялось значительно большее противъ остальной кавалеріи [1]), да и самый срокъ службы уменьшенъ до 15 лѣтъ; прослужившіе же 20 лѣтъ при отставкѣ награждались чинами, и дѣтей ихъ, прижитыхъ на службѣ, уже „не клали въ окладъ". Другимъ элементомъ, входившимъ въ составъ полка, являлись сербы, валахи и другіе выходцы изъ земель, принадлежавшихъ Турціи или Австріи. Все это были прирожденные наѣздники, славившіеся своею дикою, неукротимою храбростью, но люди нѣсколько своевольные, туго подчинявшіеся военной дисциплинѣ. Подгоричани, долго командовавшій ими въ Молдавскомъ полку, сумѣлъ, однако, постепенно подчинить и ихъ суровому режиму; онъ даже старался поддерживать въ полку этотъ элементъ посредствомъ вербовки, т. е. найма людей, добровольно поступавшихъ на службу за извѣстную плату и на извѣстныхъ условіяхъ [2]).

Составъ офицеровъ былъ также весьма разнообразный. И если многіе изъ нихъ выдавались своими боевыми качествами, то были и такіе, которымъ гусарская служба, съ ея пунктуальною требовательностью, пришлась не по нраву. Такъ, изъ числа казачьихъ офицеровъ, въ первые же мѣсяцы послѣ сформированія полка, выбыло пять человѣкъ: самъ Михаилъ Ивановичъ Боярскій, человѣкъ, впрочемъ, уже старый и больной, не могшій примириться съ второстепенною ролью гусарскаго штабъ-офицера послѣ тѣхъ полномочій и власти, которыми онъ пользовался въ полку, а за нимъ вышли въ отставку

---

[1]) Рядовые гусары получали въ годъ 12 рублей, капралы 14, унтеръ-офицеры 17 руб. 33 коп. и вахмистры 28 рублей.

[2]) На расходы по вербовкѣ людей отпускалась особая сумма.

поручики Нахимовъ, Кременецкій, Ограновичъ и Павловъ; другихъ же, какъ, напр., маіора Лесевицкаго и поручика Линицкаго, занимавшихъ въ казачьемъ полку старшинскія должности, Подгоричани попросилъ удалиться самъ, и чтобы показать надъ ними примѣръ строгости, отправилъ ихъ арестованными въ Харьковъ, въ главную квартиру генерала Щербинина. Изъ переписки, возникшей по этому поводу между Подгоричани и бригадиромъ Зоричемъ, Лесевицій оказался виновнымъ въ томъ, что когда, по выбору общества офицеровъ, полковой комиссаръ поручикъ Нахимовъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ для заказа офицерскаго обмундированія, Лесевицкій, назначенный временно исправлять эту должность, отказался принять ее, „и учинясь упрямымъ, даже по многимъ уговариваніямъ, на то не склонился и симъ способомъ подвергъ себя истязаніямъ, которыя въ воинскомъ артикулѣ написаны“. По всей вѣроятности, при этомъ были и другія столкновенія, потому что Нахимовъ, человѣкъ молодой и довольно зажиточный, вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ отставку, а изъ офицеровъ никто не пожелалъ принять эту должность. Подгоричани отправилъ Лесевицкаго въ Харьковъ и просилъ инструкціи, „какъ ему поступать съ ослушниками приказаній, ежели и впредь таковыя происхожденія случатся“. Что отвѣчалъ на это Щербининъ — неизвѣстно, но дѣло, повидимому, уладилось, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ командированы были капитанъ Губеръ и прапорщикъ Вукотичъ, а должность комиссара принялъ поручикъ Карповъ. Лесевицкій, по выдержаніи его подъ арестомъ, возвратился въ полкъ и командовалъ эскадрономъ.

Съ Линицкимъ, зачисленнымъ въ полкъ изъ полковыхъ хорунжихъ, случай былъ другого рода. Онъ за какое-то „упорство“ арестованъ былъ Подгоричани на двѣ недѣли, а затѣмъ получилъ приказаніе отправиться въ 6-й эскадронъ „на должность прапорщика“. Линицкій отсидѣлъ на гауптвахтѣ, но въ эскадронъ не отправился, а уѣхалъ въ свой собственный хуторъ и сказался больнымъ. Подгоричани послалъ освидѣтельствовать его полкового лѣкаря и поручика Богданова, которые нашли его здоровымъ. Подгоричани и его отправилъ подъ конвоемъ въ Харьковъ, прося Щербинина „взять его изъ полка и опредѣлить, куда будетъ угодно“. Что сталось съ Линицкимъ послѣ этого, свѣдѣній нѣтъ, но въ полкъ онъ болѣе не возвращался [1]).

Менѣе сурово отнесся Подгоричани къ одному капитану (изъ сербовъ), который, вмѣстѣ съ своимъ вахмистромъ, за буйство и драку съ мѣщанами въ Кіевѣ, былъ преданъ военному суду. Дѣло шло уголовнымъ порядкомъ, потому что вахмистръ въ пылу общей свалки отрубилъ одному мѣщанину руку,—и тѣмъ не менѣе Румянцевъ, по ходатайству Подгоричани, постановилъ слѣдующую конфирмацію: „вахмистра разжаловать въ рядовые, а капитана въ теченіе полугода употреблять на службу за поручика“.

Былъ въ полку еще одинъ офицеръ, поручикъ Калмыковъ [2]), переведенный изъ пѣхоты съ лаконическимъ кондуитомъ „не аттестовывается“. Онъ пилъ горькую, пилъ обыкновенно съ простыми гуса-

---

[1]) Рапортъ Подгоричани Щербинину 26 ноября 1765 г. Харьк. Истор. Архивъ при Имп. унив.

[2]) Прибылъ въ полкъ по откомандированіи отъ Сумскаго полка.

рами, и когда бывалъ во хмелю, то принимался стрѣлять по прохожимъ; на службу онъ никогда не ходилъ, изъ полка пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ и, наконецъ, женился „на непотребной дѣвкѣ“. Этого Подгоричани уже не вынесъ, и, „яко недостойнаго служить въ славныхъ гусарскихъ полкахъ“, перевелъ въ дальніе гарнизонные батальоны [1]).

Изъ этихъ примѣровъ мы можемъ заключить, что Подгоричани былъ командиръ, требовавшій неуклонно-серьезнаго отношенія къ службѣ и оберегавшій полкъ отъ всего, что могло оставить на немъ какую-либо тѣнь. Въ этомъ-то ревнивомъ отношеніи его къ славѣ полка и лежалъ залогъ будущей *полуторавѣковой* извѣстности ахтырскихъ гусаръ среди другихъ полковъ доблестной русской арміи.

Намъ остается сказать, что тамъ же въ 1766 году, во время лѣтняго кампамента, въ полку установленъ былъ ихъ полковой праздникъ въ честь чудотворной иконы Ахтырской Божьей Матери. Въ виду того, что копія съ этой иконы, въ теченіе уже 135-ти лѣтъ, служитъ неразлучною спутницею полка и въ мирной и въ боевой его жизни, что передъ нею молились многія и многія поколѣнія старыхъ ахтырцевъ, что, наконецъ, на ней, какъ на связующемъ звенѣ минувшаго и настоящаго, покоятся традиціи былого казачества,—намъ кажется нелишнимъ познакомить читателей съ исторіей явленія этой иконы, которою святая церковь точно благословила ахтырцевъ въ трудную минуту совершившагося перелома въ ихъ жизни.

Въ городѣ Ахтыркѣ, еще во времена казачества, съ давнихъ поръ стояла деревянная приходская церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Храмъ былъ бѣдный, но ему-то и суждено было прославить Ахтырку и привлечь, по благости Божіей, въ свои ветхія стѣны тысячи тысячъ народа, стекавшагося сюда изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ русскаго царства.

Вотъ что случилось въ Ахтыркѣ 2-го іюля 1739 года [2]). Священникъ покровской церкви Василій Даниловъ (по другимъ — Даніилъ Васильевъ) отправился въ свой огородъ и вдругъ былъ ослѣпленъ неизреченнымъ свѣтомъ, исходившимъ отъ небольшой иконы, которую онъ увидѣлъ лежащею въ травѣ. Икона была стараго великороссійскаго письма и изображала Божію Матерь съ царственной короной на головѣ, но безъ Предвѣчнаго Младенца, молящуюся передъ распятіемъ. Подобнаго изображенія Божіей Матери священникъ никогда не видѣлъ. Съ чуствомъ глубокаго благоговѣнія онъ внесъ икону въ свой домъ, но съ этой поры въ той комнатѣ, гдѣ она стояла, никто не могъ ночевать, вслѣдствіе нападавшаго на всѣхъ необъяснимаго ужаса. По временамъ отъ иконы изливался такой лучезарный свѣтъ, который приводилъ въ трепетъ домашнихъ священника. Тогда рѣшили перенести икону въ Покровскую церковь. Молва объ этомъ между тѣмъ распространилась въ народѣ: больные

---

[1]) Рапортъ Подгоричани Щербинину 7 марта 1767 г. Отд. IV, д. № 18. Тамъ-же. Харьк. Истор. Архивъ при Импер. унив.

[2]) „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“, „Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ“, Снессаревой.

исцѣлялись, сироты призрѣвались, просящіе получали благодатную помощь. Святѣйшій Сѵнодъ нарядилъ особую комиссію, которая прибыла въ Ахтырку въ 1743 году для производства по этому поводу слѣдствія. Опрошены были всѣ обыватели, при чемъ бригадиръ Лесевицкій, командовавшій тогда Ахтырскимъ полкомъ, и вся полковая старшина засвидѣтельствовали письменно, „что отъ оной иконы ахтырскимъ и приходящимъ разныхъ мѣстъ обывателямъ въ немощахъ многія исцѣленія преподаются“. [1]). Когда Императрица Елизавета Петровна узнала о Божей милости, совершившейся надъ ея Имперіей во время ея царствованія, то положила на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона, воздвигнуть достойный храмъ и поручила составить планъ его знаменитому графу Растрелли. И храмъ явился такой, какой могъ начертать только Растрелли, — чудный по величію стиля, по стройности и гармоніи линій. Императрица сама пожертвовала на строеніе храма 2.000 р., а остальная, довольно крупная сумма собрана была добровольными даяніями Слободскихъ полковъ. Храмъ былъ заложенъ при Елизаветѣ Петровнѣ, но Ахтырскому полку не суждено было дождаться его окончанія: онъ былъ освященъ въ 1768 году, въ то время, когда полкъ находился уже въ польскомъ походѣ.

Между тѣмъ, еще до выступленія полка, Святѣйшій Сѵнодъ, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло о чудесахъ, являемыхъ иконою, опубликовалъ въ 1766 году Высочайшій указъ, который установилъ, „чтобы празднованіе чудотворной иконы Ахтырской Божіей Матери совершать каждогодно 2-го іюля въ память ея обрѣтенія, по надлежащему церковному чиноположенію и безо всякаго упущенія“.

Указъ этотъ полученъ былъ въ Ахтыркѣ какъ разъ во время полкового кампамента, и тогда же Ахтырскій полкъ установилъ свой полковой праздникъ въ день 2-го іюля [2]). Выступая вслѣдъ затѣмъ въ свой первый боевой походъ, онъ взялъ съ собою копію чудотворной иконы, — и она, какъ святыня, полная божественной силы, понынѣ хранила его среди военныхъ тревогъ и опасностей.

---

[1]) Одно изъ чудесъ особенно замѣчательно по своей исторической достовѣрности. Вдова генерала Вейделя пріѣхала въ Ахтырку больная и усердно молилась передъ иконой Богоматери объ исцѣленіи отъ болѣзни. Ночью она увидѣла сонъ: явилась Божія Матерь и сказала ей: „Напрасно ты просишь объ исцѣленіи, это тебѣ не нужно, ты скоро оставишь жизнь. Раздай все свое имѣніе: это послужитъ въ пользу души твоей; о дѣтяхъ, которыя останутся въ нищетѣ, не безпокойся. Я буду ихъ покровительница“. Видѣніе скрылось. Больная исполнила все такъ, какъ ей было повелѣно, и черезъ пять дней скончалась. Обѣ дочери ея, дѣйствительно, остались въ нищетѣ; но обѣ онѣ въ томъ же году неожиданно потребованы были къ Высочайшему двору, гдѣ Императрица воспитала ихъ и впослѣдствіи выдала замужъ: одну за графа Чернышева, фельдмаршала и президента военной коллегіи, а другую за графа Никиту Панина, извѣстнаго покорителя Бендеръ и усмирителя Пугачевскаго бунта. Памятникомъ этого чуда донынѣ служатъ въ Ахтырскомъ соборѣ щедрые дары обѣихъ графинь: евангеліе, цѣною въ 5000 рублей, три божественныя картины, писанныя кистью Мурильо и пріобрѣтенныя въ Испаніи за баснословную цѣну, и, наконецъ, брильянтовое перо и брильянтовые знаки ордена Св. Екатерины, пожалованные графинѣ Чернышевой и по ея смерти возложенные на ризу чудотворной иконы.

[2]) До этого времени полковымъ покровителемъ почитался св. Николай Чудотворецъ. Во имя его въ Ахтыркѣ былъ построенъ соборный храмъ уже въ 1665 г. (см. Т. I).

II.

(1766—1767 г.).

Отраженіе польскихъ событій на судьбѣ Ахтырскаго полка.—Сборы полка къ походу.—Выступленіе въ Польшу.—Тревожное положеніе края.—Служба гусаръ въ Польшѣ.—Эскадронъ князя Хвабулова.—Сборъ полка подъ Варшавой.—Варшавскія событія.—Смотръ подъ Варшавой.—Отзывъ Кречетникова о Подгоричани и его гусарахъ.

Въ то время, какъ Ахтырскій гусарскій полкъ формировался на югѣ, на западѣ поднимались черныя тучи, грозившія Россіи новыми войнами. Это былъ вопросъ о диссидентахъ, служившій однимъ изъ главныхъ источниковъ вѣчной распри между Россіей и Польшей.

Когда въ 1763 году умеръ король Августъ III, въ Польшѣ немедленно образовались двѣ партіи: одна Броницкаго, дѣйствовавшая, при поддержкѣ Франціи и Австріи, въ пользу саксонской династіи, другая Чарторыйскихъ, не желавшая видѣть нѣмца на польскомъ престолѣ и требовавшая короля изъ потомства Пястовъ. Интересы Россіи, естественно, заключались въ томъ, чтобы отстранить отъ Польши иностранное вліяніе, и Екатерина предписала своему посланнику князю Репнину, молодому, умному и смѣлому дипломату, поддержать Чарторыйскихъ. Репнинъ началъ съ того, что ввелъ въ Варшаву цѣлый корпусъ,—и сеймъ, подъ давленіемъ нашихъ штыковъ, провозгласилъ королемъ Понятовскаго, племянника Чарторыйскихъ, подъ именемъ Станислава-Августа. Не сомнѣваясь, что новый король, обязанный престоломъ Россіи, будетъ дѣйствовать сообразно ея видамъ, Императрица поспѣшила поднять вопросъ объ уравненіи правъ диссидентовъ съ католиками. Вопросъ этотъ былъ самымъ труднымъ для мирнаго разрѣшенія, и, дѣйствительно, на сеймѣ поляки встрѣтили его съ такимъ ожесточеніемъ, что едва не изрубили въ куски депутата, начавшаго говорить въ пользу диссидентовъ. Горячая рѣчь краковскаго епископа Солтыка подлила масла въ огонь, и слабый король, испуганный общимъ движеніемъ, заявилъ, что вынужденъ стать на сторону народа для защиты господствующей религіи. Тогда Императрица рѣшила поддержать свои требованія силой и приказала приготовить войска, расположенныя по близости къ Польшѣ. Изъ пяти слободскихъ гусарскихъ полковъ назначенъ былъ къ походу только одинъ—Ахтырскій [1]), съ зачисленіемъ въ корпусъ генерала Кречетникова.

[1]) Какъ наиболѣе готовый.

Ночью 24 декабря 1766 года, въ рождественскій сочельникъ, почтовый колокольчикъ внезапно нарушилъ обычную тишину харьковскихъ улицъ, и курьерская тройка, встревоживъ своимъ появленіемъ мирный сонъ обывателей, остановилась передъ домомъ Щербинина. Курьеръ привезъ указъ Императрицы, который начинался лаконическими словами: „По причинѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ слободскому Ахтырскому гусарскому полку быть къ выступленію въ ежечасной готовности“... [1]). Далѣе уже слѣдовали распоряженія отъ имени военной коллегіи. Тогда дѣла дѣлались быстро, такъ какъ канцелярской волокиты въ обычаѣ еще не было, а потому черезъ нѣсколько часовъ тотъ же курьеръ скакалъ уже въ Ахтырку „съ наикрѣпчайшимъ приказаніемъ“ о томъ генералу Подгоричани. Передавая высочайшее повелѣніе, Щербининъ предписывалъ:

1) Приготовить полкъ къ военному походу и быть готовымъ по полученіи приказанія въ 24 часа.

2) Немедленно собрать всѣхъ людей, находящихся въ командировкахъ, а о перемѣнѣ ихъ людьми изъ четырехъ другихъ гусарскихъ полковъ, которые къ походу не назначены, распоряженія уже сдѣланы.

3) Полкъ выступаетъ въ походъ въ пятиэскадронномъ составѣ, съ полнымъ числомъ людей и лошадей, съ боевыми патронами и со всѣмъ обозомъ. 6-й эскадронъ остается на прежнихъ квартирахъ „для внутреннихъ дѣлъ“.

4) Для продовольствія полка за границей принять отъ Ахтырской провинціальной канцеляріи пять тысячъ рублей, но денегъ этихъ до выступленія изъ предѣловъ имперіи ни подъ какимъ предлогомъ не расходовать [2]).

Черезъ три дня, 28 декабря, Подгоричани донесъ, что „къ выступленію съ полкомъ въ пятиэскадронномъ составѣ находится въ полной готовности“. Онъ, однако, написалъ Щербинину, что въ полку имѣется 87 лошадей совершенно негодныхъ, и хотя всѣ онѣ переданы имъ въ запасный эскадронъ, но что и за всѣмъ тѣмъ мѣра эта остается для полка крайне стѣснительною“. „Въ мирное время“, писалъ онъ, „лошадей этихъ можно бы было замѣнить будущимъ годовымъ ремонтомъ, но въ военное этого сдѣлать будетъ нельзя, такъ какъ годового ремонта не хватитъ даже на замѣну въ дѣйствующихъ эскадронахъ тѣхъ 357 лошадей, которыя въ будущемъ году выслуживаютъ сроки и обязательно должны быть выранжированы“. „Конечно“, прибавлялъ онъ, „въ мирное время многія изъ нихъ могли бы еще продолжать службу, но въ военное, по старости лѣтъ, будутъ стѣснять полкъ въ быстрыхъ и продолжительныхъ движеніяхъ. Наконецъ, и то, что въ полку могутъ быть лошади убитыя, раненыя, павшія отъ форсированныхъ маршей, а замѣнять ихъ изъ запаснаго эскадрона, не имѣющаго молодыхъ и свѣжихъ лошадей, будетъ нечѣмъ“. Щербининъ нашелъ мнѣніе Подгоричани вполнѣ основательнымъ и приказалъ отпустить полку 1566 рублей съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) Опись 47, св. 216, дѣло за 1766 — 1768 г. Секретнаго повытья. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Указъ Императрицы военной коллегіи 13 декабря 1766 г.

[2]) Тамъ же.

Подгоричани купилъ 87 лошадей молодыхъ и крѣпкихъ, хотя бы даже и разномастныхъ.

„За симъ распоряженіемъ“, доносилъ Щербининъ военной коллегіи, „Ахтырскому полку къ выступленію, куда повелѣно будетъ, ни какой остановки быть уже не можетъ“ [1]).

Остановки, дѣйствительно, не было, но вопросовъ, возбуждаемыхъ Подгоричани, было очень много, и всѣ они клонились къ тому, чтобы вывести полкъ въ полѣ въ такомъ состояніи, которое дало бы ему возможность сразу занять почетное мѣсто среди старыхъ кавалерійскихъ полковъ, считавшихъ за собой и опытъ, и знаніе. Никакія мелочи въ этомъ отношеніи имъ не были упущены. Но главный вопросъ заключался для него въ сѣдлахъ, которыя могли оказать громадное вліяніе на боевую и походную службу гусаръ, а между тѣмъ въ цѣломъ полку ихъ имѣлось только около трехсотъ, а остальныя были казачьи. „Если бы полку не предстоялъ военный походъ“, доносилъ Подгоричани, „то я объ этомъ мало бы заботился, потому что манежную ѣзду и строевыя ученья на нихъ производить, конечно, можно, но для похода онѣ не годятся. Казачье сѣдло слишкомъ мало, чтобы пристроить къ нему епанчу, чемоданъ, фуражныя саквы съ овсомъ, фуражный арканъ, попону, торбу, а при случаѣ и сѣно въ киткахъ. Весь этотъ вьюкъ, котораго никогда не употребляютъ казаки, будетъ лежать уже не на сѣдлѣ, а на самой лошади, и, конечно, набьетъ и испортитъ ей спину. Это замѣчаю даже теперь на простыхъ ученьяхъ, когда сѣдловка производится безъ полнаго вьюка“. Щербининъ отнесся и къ этому вопросу съ полнымъ вниманіемъ; но такъ какъ обзавестись въ такое короткое время сѣдлами было невозможно, даже при экстренномъ отпускѣ денегъ, то онъ распорядился, чтобы всѣ слободскіе гусарскіе полки въ тотъ же день отправили въ Ахтырскій полкъ 675 новыхъ венгерскихъ сѣделъ, а взамѣнъ ихъ приняли бы отъ него казачьи и часть ремонтныхъ денегъ, слѣдуемыхъ по числу доставленныхъ сѣделъ [2]).

Такимъ образомъ, одинъ вопросъ былъ рѣшенъ, но оставался другой, поднятый Подгоричани относительно тѣхъ пяти тысячъ рублей, которые назначались къ отпуску для заграничнаго похода. Ахтырская канцелярія не соглашалась отпустить ихъ иначе, какъ въ мѣдной монетѣ, а Подгоричани требовалъ серебряной, имѣя въ виду, что полкъ долженъ выступить въ 24 часа, быть можетъ сегодня, быть можетъ завтра, а одинъ счетъ мѣдной монеты займетъ нѣсколько дней, вслѣдствіе чего ему придется или уйти безъ денегъ, или отложить выступленіе. „Мѣдной монеты“, писалъ онъ Щербинину, „у меня въ полку и безъ того достаточно, ибо возвратившійся изъ Москвы поручикъ Кременецкій представилъ, взамѣнъ годовыхъ вещей, 3191 рубль также въ мѣдной монетѣ, и за одну перевозку ея на нѣсколькихъ подводахъ полку пришлось заплатить 26 рублей. Перевозка же такой груды мѣди, какъ пять тысячъ, обойдется гораздо дороже, а за границей, гдѣ мѣдныя деньги вовсе не ходятъ, промѣнъ ихъ на

---

[1]) Тамъ же. Рапортъ Щербинина военной коллегіи 30 декабря 1766 г. № 2045.

[2]) Тамъ же. Рапортъ Подгоричани генералу Щербинину 2 января 1767 г. и резолюція при немъ генерала Щербинина.

серебро будетъ для нижнихъ чиновъ слишкомъ убыточенъ". Щербининъ помогъ полку и въ этомъ отношеніи, приказавъ канцеляріи отпустить всю сумму мелкою серебряною монетою [1]).

Теперь все было улажено. Полкъ стоялъ на-чеку, а приказанія о выступленіи не было, Императрица все еще разсчитывала покончить дѣло мирнымъ путемъ, но вопросъ уже обострился такъ, что его можно было разрѣшить только оружіемъ. Чарторыйскіе, достигшіе того, чего желали, теперь измѣнили тонъ и открыто заявляли, что скорѣе выгонятъ диссидентовъ изъ края, чѣмъ согласятся на уравненіе ихъ правъ. „Посмотримъ", отвѣчалъ на это Репнинъ: „тѣ государства, которыя теперь только просятъ о возстановленіи правъ диссидентовъ, тогда придутъ съ вооруженною силой и скорѣе перевернутъ всю Польшу, чѣмъ откажутся отъ своихъ требованій". Горячій, полный энергіи, Репнинъ самъ вызвалъ диссидентовъ на открытую борьбу съ католиками и предложилъ имъ составить конфедерацію, обнадеживая заступничествомъ Россіи. Диссидентское движеніе должно было начаться 9-го марта, и къ этому же времени русскія войска съ различныхъ сторонъ должны были вступить въ Польшу, чтобы поддержать диссидентовъ.

И вотъ, 11-го февраля 1767 года прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ „Ахтырскому полку выступить 15-го числа, располагая свой маршъ такимъ образомъ, чтобы 9-го марта быть въ Кіевѣ". Предписаніе было отъ корпуснаго командира генерала Кречетникова [2]). Подгоричани немедленно отправилъ въ Черниговъ, гдѣ была корпусная квартира, одного офицера съ сорока отборными гусарами, которые должны были составить личный конвой корпуснаго командира, а другого офицера съ такою же командою въ Кіевъ, для печенія хлѣба и пересушки его въ сухари, чтобы по прибытіи полка не было никакого замедленія къ дальнѣйшему слѣдованію.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія и оставивъ въ Ахтыркѣ 6-й эскадронъ, названный запаснымъ, подъ командой капитана Витковича, полкъ въ пятиэскадронномъ составѣ выступилъ въ назначенный день и двинулся форсированными маршами [3]). Походомъ торопили такъ потому, что стояла оттепель и опасались за Днѣпръ, который могъ задержать переправу, а между тѣмъ войска, вступающія въ Польшу, должны были къ назначенному сроку уже сгруппироваться въ три большіе отряда: корпусъ Салтыкова на Вислѣ около Торна, Нуммерса

---

[1]) Харьк. Истор. Арх. Отд. IV, д. № 14, стр. 15. Рапортъ Подгоричани Щербинину и резолюція генерала Щербинина.

[2]) Дѣла Секр. пов., оп. 47, св. 167. Предписаніе Кречетникова 11 февр. 1767 г., см. прил. 5.

[3]) Тамъ же. Въ полку состояло налицо:

штабъ и оберъ-офицеровъ	30
унтеръ-офицеровъ	20
капраловъ, музыкантовъ и рядовыхъ	730
Нестроевыхъ:	
офицеровъ и классныхъ чиновниковъ	8
унтеръ-офицеровъ и капраловъ	10
рядовыхъ	71
строевыхъ лошадей	761
подъемныхъ	77

Въ запасномъ эскадронѣ оставлено 6 офицеровъ, 150 конныхъ нижнихъ чиновъ, 4 нестроевыхъ, лошадей, строевыхъ 152 и подъемныхъ 8. Запасный эскадронъ перешелъ на квартиры въ с. Котельву. (Рапортъ Кречетникова воен. коллегіи 16 февраля 1767 г.).

въ Литвѣ и Кречетникова въ Волынскомъ воеводствѣ, между Львовымъ и Сандомиромъ [1]).

Днѣпръ гусары успѣли, однако, перейти еще по вешнему льду и, передневавъ въ Кіевѣ, двинулись дальше въ Житоміръ, гдѣ должны были присоединиться къ корпусу Кречетникова. За Кіевомъ начинались уже Польскія владѣнія. Подгоричани, слѣдовавшій съ полкомъ, былъ остановленъ на границѣ польскими комиссарами, потребовавшими отъ него объясненія, по какому случаю русскія войска вступаютъ въ Польшу. Вопросъ этотъ у насъ предвидѣли, а потому Подгоричани отвѣтилъ, что войска идутъ по требованію короля безъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній и что Императрица Екатерина единственно изъ чувства дружбы и расположенія къ Польшѣ желаетъ охранить конституцію и вольность республики. Полкъ послѣ того пропустили, а Подгоричани съ своей стороны отдалъ строгій приказъ, чтобы гусары нигдѣ не нарушали порядка и ничего не брали безденежно.

За Кіевомъ переходы начались большіе и очень трудные. Наступила весенняя распутица; грязь по дорогамъ стояла невылазная; рѣки вышли изъ береговъ и разлились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на двѣ и на три версты; паромовъ нигдѣ не было, и ихъ приходилось устраивать на байдакахъ или лодкахъ, которые забирали у жителей за огромную плату, но еще дороже приходилось платить мѣстнымъ лоцманамъ, безъ которыхъ по незнакомымъ мѣстамъ пускать паромы было невозможно. Только 24-го марта полкъ прибылъ, наконецъ, въ Житоміръ, куда вслѣдъ за нимъ постепенно стали подходить и другія части, двигавшіяся сюда изъ Чернигова. Въ ожиданіи ихъ гусары отдохнули и оправились. Здѣсь же прибылъ къ полку назначенный на мѣсто стараго Боярскаго новый штабъ-офицеръ, подполковникъ Семенъ Степановичъ Пишчевичъ, которому суждено было связать свое имя съ выдающимися подвигами полка въ начинавшейся войнѣ. Онъ былъ сербъ, принадлежалъ къ старинной фамиліи и принятъ былъ изъ венгерской службы капитаномъ въ 1752 году. Молодой 27-лѣтній офицеръ занялся тотчасъ вербовкою новаго Болгарскаго гусарскаго полка, а затѣмъ нѣкоторое время находился при дворѣ Императрицы Елизаветы, исполняя различныя порученія за границей, что доставило ему знакомство и связи въ петербургскомъ обществѣ. Несмотря на то, по службѣ онъ подвигался медленно, и 1767-й годъ застаетъ его еще подполковникомъ въ Харьковскомъ гусарскомъ полку [2]).

Въ Житомірѣ между тѣмъ сосредоточился весь корпусъ Кречетникова—полки: Ахтырскій гусарскій, Нижегородскій и Тверской [3]) карабинерные, Троицкій и Бѣлозерскій пѣхотные и 500 донскихъ казаковъ.

Отсюда 4-го апрѣля корпусъ двинулся дальше въ полномъ составѣ, но на дорогѣ, въ Бродахъ, получено было приказаніе раздѣлить корпусъ на мелкіе отряды, стараясь захватить, по возможности, бо́льшій районъ вдоль австрійской границы, чтобы не допускать составленія

---

[1]) Расписаніе войскъ при указѣ военной коллегіи 31 января 1767 г. Дѣла Секр. пов., оп. 47, св. 167.

[2]) Опись 214-я, кн. 157. Формулярные списки. Записки Пишчевича. Чт. въ Им. об. исторіи и древ. 1883 г., кн. II, см. прил. 6.

[3]) Нынѣ не существуетъ.

враждебныхъ намъ конфедерацій и поддерживать тѣ, которыя будутъ учреждаться въ пользу диссидентовъ. Ахтырскому полку пришлось, такимъ образомъ, разбиться на части. Два эскадрона его остались на Волыни: одинъ, подъ командой Пишчевича, занялъ Луцкъ, а другой, маіора Лесевицкаго, вмѣстѣ съ Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ,— Владимиръ-Волынскъ. Другіе два эскадрона остались при главной квартирѣ въ м. Жолквѣ, въ окрестностяхъ Львова, а самъ Подгоричани съ остальнымъ эскадрономъ гусаръ и Нижегородскимъ карабинернымъ полкомъ перешелъ за Вислу, чтобы наблюдать за воеводствами Краковскимъ и Сандомирскимъ.

Вся Польша находилась въ это время въ величайшемъ волненіи [1]). Диссиденты уже составили конфедерацію въ Слуцкѣ и Торнѣ, а къ нимъ стали приставать и католики, такъ что войска почти во всѣхъ мѣстечкахъ встрѣчали подготовительныя собранія. Въ общемъ хаосѣ трудно было различать истинныхъ сторонниковъ диссидентскаго движенія отъ его тайныхъ противниковъ, но всѣмъ было ясно, что поляки, приставшіе къ конфедераціи, будутъ добиваться на сеймѣ только низложенія ненавистнаго имъ короля, но и не подумаютъ пойти на какія-нибудь уступки въ дѣлѣ вѣротерпимости. Можно было опасаться возникновенія новой враждебной намъ конфедераціи, а это повело бы за собой величайшую неурядицу. По вѣковымъ обычаямъ Польши, когда въ ней возникала конфедерація, всѣ власти переставали дѣйствовать, и самъ король, сенатъ, суды—все подчинялось волѣ сконфедерованной шляхты, являясь отвѣтственнымъ только передъ нею; образованіе же двухъ конфедерацій, двухъ противоположныхъ верховныхъ волей, неизбѣжно вело за собою страшную междоусобицу. Ходили даже слухи, что подобная конфедерація уже составляется гдѣ-то за границей и что австрійскія войска, собираемыя въ Венгріи, готовятся ее поддерживать. Хотя Репнинъ писалъ Кречетникову, что эти войска собираются просто въ учебный лагерь и „что онъ не имѣетъ въ нихъ никакого сумнѣнія“, но тѣмъ не менѣе для лучшаго наблюденія за австрійскою границею и за самымъ Львовымъ, гдѣ находился трибуналъ и былъ большой съѣздъ польскихъ магнатовъ, Кречетниковъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: оба ахтырскіе эскадрона, находившіеся при главной квартирѣ въ Жолквѣ, выдвинуты были: одинъ въ м. Вишню, а другой, премьеръ-маіора князя Хвабулова, въ Галичъ. Затѣмъ маіору Лесевицкому приказано было, съ его эскадрономъ и двумя ротами пѣхоты, передвинуться изъ Владимира-Волынска въ г. Холмъ, ближе къ Люблину, а подполковнику Пишчевичу, усиленному сотней казаковъ, расположиться въ Винницѣ, въ центрѣ Брацлавскаго воеводства.

Въ такомъ расположеніи наши гусары оставались около мѣсяца, пока не состоялись всѣ частныя конфедераціи. Время было горячее, и буйная, своевольная шляхта ни одинъ разъ грозила ниспровергнуть всѣ существующіе порядки. Войскамъ отдано было приказаніе стоять въ полной боевой готовности, высылая разъѣзды, которые разгоняли всѣ подозрительныя сборища и даже не допускали съѣзда помѣщиковъ. Повсюду можно было ожидать появленія инсургентовъ, и Реп-

[1]) См. карту дѣйствій противъ польскихъ конфедератовъ 1767—69 гг.

нинъ распорядился, чтобы войска дѣйствовали противъ нихъ оружіемъ, „яко противъ злодѣевъ“.

Такъ наступило лѣто. Шляхта была сконфедерована, и для окончательнаго рѣшенія народнаго дѣла назначенъ былъ общій съѣздъ въ Радомѣ. Опасаясь безпорядковъ, Кречетниковъ направилъ туда заблаговременно три эскадрона нижегородскихъ карабинеръ изъ Сандомирскаго воеводства, и ахтырскій эскадронъ маіора Лесевицкаго изъ Холма. Въ Радомѣ съѣздъ былъ большой, такъ какъ на ряду съ диссидентами съѣхалось множество католиковъ, и чѣмъ ближе подходило время къ открытію конфедераціи, тѣмъ сильнѣе разгорались народныя страсти. Кавалерія наша вынуждена была день и ночь держать лошадей подъ сѣдлами, ожидая тревоги; по улицамъ, запруженнымъ народомъ, и вокругъ цѣлаго города ходили конные патрули, а на площадяхъ стояли пикеты. Небольшой городокъ Радомъ переживалъ въ буквальномъ смыслѣ слова осадное положеніе.

10-го іюня назначенъ былъ, наконецъ, выборъ маршала конфедераціи. Собраніе вышло бурное и не замедлило тутъ же выказать затаенную цѣль католиковъ добиться прежде всего низложенія короля, а вопросъ о диссидентахъ, какъ второстепенный, отодвинуть на задній планъ. Полковникъ Каръ, въ качествѣ представителя русскаго правительства, категорически заявилъ собранію, что не допуститъ никакихъ измѣненій въ актѣ, составленномъ конфедераціей, и потребовалъ, чтобы католики, оставивъ въ сторонѣ свои несбыточныя затѣи, занялись исключительно разсмотрѣніемъ правъ диссидентовъ. Поднялось величайшее смятеніе. Въ войскахъ ударили тревогу. Ахтырцы и нижегородцы быстро выскочили на площадь и стали передъ ратушей, гдѣ происходило засѣданіе. Тогда поляки, возмущенные насиліемъ, объявили, что закрываютъ собраніе; но Каръ уже оцѣпилъ весь городъ пикетами и объявилъ, что никого не выпуститъ, пока конфедерація не выберетъ маршала. Послѣ бурныхъ сценъ пришлось все-таки покориться силѣ, и конфедерація избрала князя Радзивила.

Теперь постановленію радомскаго съѣзда предстояло пройти еще черезъ чрезвычайный государственный сеймъ, которому должны были предшествовать малые сеймики въ каждомъ воеводствѣ. Поляки спѣшили воспользоваться ими, какъ новымъ источникомъ смутъ, и краковскій епископъ Солтыкъ, разъѣзжая по городамъ, призывалъ всѣхъ на защиту католической религіи. Его вліяніе было особенно сильно въ Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ, гдѣ именно стоялъ Подгоричани съ эскадрономъ ахтырскихъ гусаръ и двумя эскадронами нижегородцевъ. Такъ какъ сеймъ происходилъ въ Опатовѣ, то Подгоричани перешелъ туда же изъ Сандомира, и чтобы разомъ пресѣчь опасную пропаганду Солтыка, испросилъ разрѣшеніе наложить на его деревни большую контрибуцію. Солтыкъ отказался уплатить ее. Тогда Подгоричани выслалъ эскадронъ гусаръ, который, нагрянувъ ночью на имѣніе Солтыка, вывезъ изъ него не только всѣ запасы хлѣбы и фуража, но увелъ съ собою всѣхъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ. Репнинъ, по донесенію объ этомъ, предписалъ лошадей обратить въ подъемныя, а скотъ раздать на порціи войскамъ [1]).

[1]) Дѣла Секретнаго повытья, оп. 47, св. 167. Рапортъ Кречетникова воен. кол. 5 декабря 1767 г.

Извѣстіе объ этомъ поразило всю Польшу, но зато въ Опатовѣ повятовый сеймикъ прошелъ совершенно спокойно. „По справедливости могу донести“, писалъ Кречетниковъ въ военную коллегію, „и рекомендовать особливо генералъ-маіора Подгоричани, у котораго сеймикъ продолжался всего одинъ день и кончился безъ спора признаніемъ акта радомской конфедераціи, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ пришлось посылать войска на почтовыхъ, чтобы не дать разгорѣться возстанію“ [1]). Такимъ образомъ, сопротивленіе было сломлено, и хотя князь Репнинъ, повидимому, настоялъ на своемъ, но многіе поляки, удалившись въ Молдавію и Венгрію, продолжали оттуда волновать населеніе, а въ старой конгресувкѣ пущены были между тѣмъ въ ходъ всѣ тайныя пружины польскаго катехизиса: ложь, клевета, происки и интриги. Справедливость требуетъ сказать, однако, что и въ конгресувкѣ, среди населенія, враждебнаго намъ по политическимъ убѣжденіямъ, находилось немало честныхъ людей, которые не хотѣли поступаться своею совѣстью и потому открыто разоблачали передъ нами интриги своихъ соотечественниковъ. Подобная исторія случилась именно въ Галичѣ, гдѣ квартировалъ гусарскій эскадронъ князя Хвабулова.

Тамъ жилъ одинъ изъ вліятельныхъ польскихъ магнатовъ князь Любомирскій, который считался генералъ-маіоромъ русской службы, но постоянно находился въ Польшѣ и былъ крайнимъ сторонникомъ республики. Личный врагъ короля, болѣе всѣхъ хлопотавшій о его низложеніи, онъ съ негодованіемъ увидѣлъ, что, несмотря на всѣ его старанія и подкупы, сеймикъ окончился въ Галичѣ мирно и что единственною причиною этого былъ князь Хвабуловъ, сумѣвшій своею справедливостью, щедростью, гостепріимствомъ и лаской привлечь на свою сторону всю окрестную шляхту. Надо было, слѣдовательно, прежде всего устранить Хвабулова, какъ человѣка опаснаго, и Любомирскій, придержавшись іезуитскаго правила, что цѣль оправдываетъ средства, послалъ на него доносъ прямо въ Петербургъ, гдѣ у него имѣлась при дворѣ своя довольно значительная партія. Любомирскій писалъ, что Хвабуловъ со своимъ эскадрономъ производитъ въ окрестностяхъ Галича настоящіе разбои, что онъ безпрестанно мѣняетъ квартиры, переходя изъ одной деревни въ другую, чтобы заставить помѣщиковъ откупаться отъ постоя большими денежными взносами, вымогаетъ цѣнные подарки, продовольствуетъ вездѣ эскадронъ безденежно и, наконецъ, заставляетъ помѣщиковъ силою ночевать у него вмѣстѣ со своими женами. Доносъ дошелъ до Императрицы и надѣлалъ много непріятностей какъ Репнину, такъ и Кречетникову. Оба они знали Хвабулова, какъ отличнаго офицера, но тѣмъ не менѣе Репнинъ назначилъ строжайшее слѣдствіе, поручивъ его подполковнику Волкову и галичскому воеводѣ князю Яблоновскому. Но послѣдній самъ болѣе другихъ былъ возмущенъ клеветою на Хвабулова. „Ничего подобнаго“, писалъ онъ Кречетникову, „въ Галичѣ не было, и я не могу понять, откуда пошли подобные слухи“. Дальнѣйшее слѣдствіе вполнѣ подтвердило это заявленіе. Всѣ окрестные помѣщики показали согласно,

[1]) Дѣла Секр. пов., оп. 47, св. 167. Рапортъ Кречетникова воен. колл. 25 авг. 1767 г.

что эскадронъ, стоявшій въ дер. Подганцы, въ имѣніи ясневельможнаго пана Ранчинскаго, ни разу не мѣнялъ своихъ квартиръ, что контрибуцій на нихъ никто не налагалъ и подарковъ они никому не давали; что, напротивъ, Хвабуловъ пользовался общимъ уваженіемъ и что они нерѣдко пріѣзжали къ нему гостить съ женами и даже съ дѣтьми, но насильно ѣздить къ себѣ онъ не заставлялъ никого. Оставалось не разъясненнымъ только одно обстоятельство, что будто бы онъ силой держалъ у себя жену шляхтича Бодкевича и отпустилъ ее только тогда, когда получилъ отъ мужа значительный выкупъ и золотые часы. Бодкевичъ, какъ оказалось, незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ въ свое украинское помѣстье, а потому Волковъ распорядился немедленно командировать туда нарочнаго слѣдователя. Но и изъ этого обвиненія ничего не вышло: слѣдователь возвратился съ письмомъ Бодкевича, который увѣдомлялъ, что ничего подобнаго съ нимъ никогда не случалось. Ѣздили затѣмъ и на конскій заводъ князя Чарторыйскаго въ м. Брежаны, откуда, будто бы, гусары вывели всѣхъ кровныхъ лошадей. Въ Брежанахъ завода не было, а была княжеская конюшня, куда Хвабуловъ съ своими офицерами пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ качествѣ любителя, но княжескія лошади какъ были, такъ и остались всѣ въ цѣлости. Наконецъ, жители показали, что никакихъ притѣсненій они не видѣли, а за фуражъ и провіантъ деньги получали своевременно, что свидѣтельствуется ихъ собственными квитанціями.

Такимъ образомъ, неблаговидная тѣнь, наброшенная было на нашихъ гусаръ, не только разсѣялась, а, наоборотъ, выказала еще много симпатичныхъ чертъ какъ въ самомъ Хвабуловѣ, такъ и въ его эскадронѣ [1]).

Но съ каждымъ подобнымъ успѣхомъ русскаго дѣла возрастала къ намъ ненависть польскаго духовенства, и можно было предвидѣть, что государственный сеймъ, назначенный въ Варшавѣ на 5-е октября, будетъ очень бурный. Репнинъ увидѣлъ необходимость опереться на военную силу и, притянувъ къ Варшавѣ весь корпусъ графа Салтыкова, потребовалъ сюда же и большую часть войскъ изъ корпуса Кречетникова. Ахтырскій гусарскій полкъ, разбросанный по-эскадронно на огромномъ пространствѣ около Львова, въ Сандомирѣ, въ Подоліи и на Волыни, получилъ приказаніе также слѣдовать къ Варшавѣ и 12 сентября сосредоточился весь въ подгородномъ мѣстечкѣ Черекѣ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и Кречетниковъ съ своею пѣхотою. Варшава, такимъ образомъ, была окружена, но безпорядки въ ней не унимались. Они обнаружились съ особенною силой послѣ того, какъ папскій нунцій, прибывшій изъ Рима, сказалъ въ сенатѣ зажигательную рѣчь, заклиная его быть мужественнымъ и, не поддаваясь ни лести, ни угрозамъ, отстаивать святую католическую вѣру отъ посягательства на нее схизматиковъ. Репнинъ донесъ объ этомъ Императрицѣ, которая на его докладѣ положила извѣстную резолюцію: „Куда папа гораздъ сказки сказывать“. Положеніе дѣлъ не замедлило,

---

[1]) Дѣла Секр. повытья, оп. 47, св. 167. Дѣло о премьеръ-маіорѣ Хвабуловѣ. Дѣла за 1768 г. Рапортъ подполков. Волкова Кречетникову 22 февр. 1768 г. и донесеніе Кречетникова воен. колл. 17 іюля 1768 г.

однако, обостриться тѣмъ, что вслѣдъ за папскимъ воззваніемъ нѣкоторые сенаторы получили письма изъ Константинополя, извѣщавшія ихъ, что султанъ, будто бы, потребовалъ отъ Императрицы вывода русскихъ войскъ изъ Польши и что въ противномъ случаѣ Турція объявитъ Россіи войну. Этого было достаточно, чтобы возбудить въ народѣ самыя нелѣпыя надежды на иноземное вмѣшательство. Вѣрилъли этому, или нѣтъ знаменитый краковскій епископъ Солтыкъ, исправлявшій въ то время должность примаса королевства, но на предварительномъ засѣданіи передъ открытіемъ сейма онъ категорически потребовалъ прежде всего удаленія русскихъ войскъ, а затѣмъ относительно диссидентовъ заявилъ сенату, что онъ, какъ примасъ королевства, никогда не согласится на признаніе за ними гражданскихъ правъ и ограничится только терпимостью ихъ вѣры. Онъ даже предложилъ законъ о введеніи смертной казни для тѣхъ изъ диссидентовъ, которые осмѣлились бы обратиться за помощью къ какой-нибудь иностранной державѣ. Всѣ остальные епископы потребовали тотчасъ же принятія этого закона; ихъ поддержали многіе голоса, принадлежавшіе къ клерикальной партіи. Король былъ въ большомъ затрудненіи. „Я готовъ“, сказалъ онъ, „пожертвовать своею короною и жизнью, потому что воспитанъ въ любви къ своей родинѣ, но теперь не время утверждать подобные законы и даже поднимать о нихъ вопросы“. Начались горячія пренія, и Солтыкъ на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу: побѣда осталась за королевскою партіею. Тѣмъ не менѣе бурное засѣданіе окончилось ничѣмъ, и права диссидентовъ не были даже разсмотрѣны; но зато возбужденіе шляхты, подстрекаемой духовенствомъ, дошло до того, что въ Варшавѣ готовилось даже нѣчто въ родѣ сицилійской вечерни. „Здѣшняго фанатизма“, писалъ Репнинъ Государынѣ, „не могу достаточно изобразить: женщины молебствуютъ ежедневно о спасеніи будто бы погибающей вѣры; монахи и ксендзы проповѣдуютъ вооруженное возстаніе; въ костелахъ съ величайшею торжественностію отправляются литаніи, сопровождаемыя всенароднымъ пѣніемъ: „Свентый Боже“ передъ выставленными дарами. Однимъ словомъ, въ публикѣ господствуетъ такое раздраженіе, что если бы я не зналъ трусливаго характера поляковъ, то каждый часъ ждалъ бы съ ихъ стороны какого-нибудь отчаяннаго поступка... „Впрочемъ“, добавляетъ онъ, „всѣ мѣры предосторожности приняты, всѣ углы въ Польшѣ заняты, а вокругъ Варшавы учреждены кордоны такъ, что при сближеніи отрядовъ въ случаѣ надобности городъ будетъ взятъ въ самую суровую блокаду“.

Убѣдившись, однако, изъ перваго засѣданія сейма, что актъ диссидентской конфедераціи или будетъ отвергнутъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, сеймъ разойдется безъ всякаго результата, Репнинъ объявилъ сенату, что сеймъ распускается до 1-го февраля будущаго 1768 года, но что русскія войска останутся въ Польшѣ, такъ какъ онъ получилъ приказаніе Императрицы защищать диссидентовъ, а въ случаѣ надобности возстановить права ихъ оружіемъ. Затѣмъ, чтобы разомъ ослабить противъ насъ оппозицію, онъ распорядился въ ту же ночь арестовать главныхъ ея коноводовъ.

2-го октября ночью ахтырскій эскадронъ подполковника Пишчевича внезапно получилъ приказаніе прибыть въ Варшаву во всемъ

походномъ снаряженіи. На Прагѣ его встрѣтилъ генералъ князь Прозоровскій и приказалъ Пишчевичу одному отправиться въ Варшаву и явиться тамъ къ князю Репнину. Полномочный министръ нашъ уже ожидалъ его. Едва Пишчевичъ вошелъ, какъ онъ обратился къ нему съ вопросомъ:—готовъ ли вашъ эскадронъ къ походу? и на утвердительный отвѣтъ прибавилъ:—„Такъ примите сейчасъ же четверыхъ важныхъ политическихъ преступниковъ. Вы отвезете ихъ въ Вильно и сдадите подъ расписку генерала Нуммерса, который отправитъ ихъ дальше, въ Калугу, со своими войсками". Во дворѣ дома уже стояли три большія четырехмѣстныя дорожныя кареты, запряженныя подъемными лошадьми. Преступниковъ выводили по одиночкѣ и проворно разсаживали по каретамъ. Въ первой изъ нихъ оказался примасъ королевства, епископъ краковскій Солтыкъ; во второй—палатинъ краковскій, гетманъ графъ Венцеславъ Ржевусскій и сынъ его, Северинъ, староста долинскій, наконецъ, въ третьей—кіевскій епископъ Залусскій. Въ каждую карету на переднія мѣста сѣли по два полицейскихъ офицера, и поѣздъ, благодаря темной ночи, промчался черезъ городъ, никѣмъ не замѣченный. На Прагѣ присоединился къ нему гусарскій эскадронъ и сто человѣкъ казаковъ.

Въ инструкціи, данной Пишчевичу, сказано было, чтобы везти арестованныхъ со „всѣми для нихъ удовольствіями", оказывать имъ, какъ сенаторамъ, знаки наружнаго уваженія, имѣть для нихъ особеннаго повара и кухню, на что въ распоряженіе Пишчевича отпущено было 500 голландскихъ червонцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приказано было держать въ величайшемъ секретѣ, кого везутъ, слѣдить, чтобы арестованные ни съ кѣмъ не видѣлись и даже не сходились между собою. Въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ не останавливаться ни для ночлеговъ, ни для отдыховъ, а выбирать для этого глухія деревни, высылая впередъ квартирьеровъ, которые должны приготовлять помѣщенія, не дозволяя оставаться въ нихъ никому, даже хозяевамъ. У всѣхъ дверей и оконъ ставить часовыхъ, а дворы оцѣплять конными пикетами; полицейскимъ офицерамъ, приставленнымъ къ арестованнымъ, ни отлучаться отъ нихъ ни днемъ, ни ночью; а самому Пишчевичу вмѣнялось въ обязанность, чередуясь со старшими офицерами, каждую ночь три раза обходить часовыхъ, чтобы не допустить съ ихъ стороны какой-нибудь оплошности; въ случаѣ же попытки отбить арестантовъ предписывалось отражать нападеніе оружіемъ и въ крайности скорѣе перестрѣлять ихъ, чѣмъ отдать въ руки поляковъ. Ничего подобнаго, однако-же, не случилось, и эскадронъ благополучно доставилъ арестантовъ въ Вильно [1]).

Внезапный арестъ и высылка изъ края важнѣйшихъ сановниковъ королевства произвели потрясающее дѣйствіе. Варшава взволновалась. Сенаторы, явившись къ Репнину, потребовали, чтобъ арестованнымъ возвращена была свобода и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность. „Я не отдаю никому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей Государыни", отвѣчалъ Репнинъ: „арестованныхъ не выпущу, а безопасность остальныхъ будетъ зави-

---

[1]) Дѣла Секр. пов., оп. 47, св. 167 „Журналъ Кречетникова съ прибытія его въ Варшаву. Октябрь мѣсяцъ". „Чтенія въ Импер. общ. исторіи и древностей. Записки Пишчевича". 1883 г. кн., II.

сѣть отъ ихъ поведенія". Твердость, выказанная съ одной стороны, и страхъ — съ другой сдѣлали свое дѣло. Сенатъ уступилъ, и сеймъ отложенъ былъ до будущаго 1768 года.

Присутствіе войскъ подъ Варшавой становилось теперь излишнимъ, и Репнинъ рѣшилъ распустить ихъ на зимнія квартиры. Но предварительно онъ пожелалъ познакомить поляковъ съ той силой, которая имѣлась у него въ рукахъ, и съ этою цѣлью 11-го октября назначилъ большой парадъ и маневры. Наканунѣ онъ самъ, вмѣстѣ съ корпусными командирами Кречетниковымъ и Салтыковымъ, ѣздилъ на Повонсковское поле, чтобы осмотрѣть мѣстность и составить планъ двухсторонних маневровъ. Роль наступающаго предоставлена была корпусу Салтыкова, обороняющагося — Кречетникову. На маневры пріѣхалъ король, и собралась почти вся Варшава. Блестящія атаки кавалеріи, движеніе пѣхоты, подвижность нашихъ батарей — все приводило зрителей въ нескрываемое изумленіе. Кречетниковъ доносилъ военной коллегіи, что „на этихъ маневрахъ, направленныхъ для славы войскъ Ея Императорскаго Величества и представлявшихъ въ настоящемъ видѣ военное дѣло, всѣ полки заслужили высокую похвалу, и всѣ эволюціи произведены были ими безъ малѣйшей конфузіи". Но паче всѣхъ виденъ былъ Ахтырскій гусарскій полкъ генералъ-маіора Подгоричани". Исправность его во всѣхъ отношеніяхъ, сытость и легкость лошадей, сбереженіе мундировъ, особенно по сравненію его со старыми гусарскими полками, находившимися въ корпусѣ Салтыкова, обратили на него общее вниманіе, „и весь находящійся здѣсь генералитетъ ему по справедливости преимущество передъ всѣми полками отдалъ" [1]).

Черезъ пять дней послѣ этихъ маневровъ, 16-го октября, Ахтырскій полкъ, за исключеніемъ эскадрона Пишчевича, еще не успѣвшаго вернуться изъ Вильно, выступилъ изъ-подъ Варшавы и направился на зимнія квартиры въ Сандомирское воеводство.

[1]) Дѣла Секр. пов., оп. 47, св. 167. Рапортъ Кречетникова въ военную коллегію 21 октября 1767 г.

одной стороны,
упилъ, и сеймъ

теперь излиш-
квартиры. Но
съ той силой,
11-го октября
самъ, вмѣстѣ
ковымъ, ѣздилъ
оставить планъ
оставлена была
у. На маневры
лестящія атаки
арей — все при-
иковъ доносилъ
ныхъ для славы
ихъ въ настоя-
ую похвалу, и
конфузіи". Но
лкъ генералъ-
ошеніяхъ, сы-
бенно по срав-
имися въ кор-
весь находя-
мущество пе-

ктября, Ахтыр-
еще не успѣв-
лавы и напра-
.

о 21 октября 1767 г.

III.

(1768 г.).

Зимнія квартиры въ Вислицѣ.—Новый сеймъ въ Варшавѣ.—Барская конфедерація.—Военныя дѣйствія на югѣ Польши. — Штурмъ Староконстантинова. — Стычки въ окрестностяхъ Меджибожа и Хмѣльника. —Бой у Липятиной. — Осада Бердичева. — Разгромъ графомъ Подгоричани польскаго вспомогательнаго отряда. — Сдача Бердичева и занятіе Бара.—Окончаніе барской конфедераціи.

Событія въ Варшавѣ взволновали всю Польшу. Вездѣ, гдѣ проходили наши войска, они встрѣчали глухое броженіе, всегда предшествующее политическимъ катастрофамъ. Недаромъ по закрытіи сейма шляхта грозила намъ своимъ отомщеніемъ за свое пораженіе. Тогда на эти слова никто не обратилъ вниманія, но они дали себя почувствовать нашимъ гусарамъ на первыхъ же переходахъ. Былъ, напримѣръ, такой случай. Команда квартирьеровъ, слѣдовавшая впереди полка съ поручикомъ Герсевановымъ, проходя Венгродне, имѣніе графа Велѣпольскаго, оставила въ ней по просьбѣ деревенскаго старосты казака для предупрежденія какихъ-нибудь обидъ жителямъ со стороны проходящихъ войскъ. Это практиковалось и прежде. Но теперь команда не успѣла пройти нѣсколькихъ верстъ, какъ дали знать, что мужики напали на казака, убили его и тѣло бросили въ жидовской корчмѣ. Герсевановъ прискакалъ назадъ, и хотя по горячимъ слѣдамъ успѣлъ разыскать убійцъ, но тутъ же выяснилось, что этотъ случай въ окрестностяхъ былъ не единственный [1]). Вездѣ ходили слухи, что жители запасаются оружіемъ и готовятся сдѣлать на войска ночное нападеніе. Кречетниковъ не вполнѣ довѣрялъ этимъ слухамъ, однако, счелъ нужнымъ предупредить о нихъ Подгоричани. То же смутное положеніе дѣлъ и ту же неурядицу встрѣтили наши гусары и въ Сандомирскомъ воеводствѣ, гдѣ имъ квартиры назначены были въ м. Вислицѣ [2]). Въ Галичъ былъ посланъ особый казачій отрядъ. Жители просили, чтобы къ нимъ по-прежнему прислали эскадронъ гусаръ; но такъ какъ Ахтырскому полку приказано было стоять въ ежеминутной готовности къ движенію въ полномъ составѣ, то въ Галичъ былъ посланъ только одинъ маіоръ Хвабуловъ, которому и поручено начальство надъ казачьимъ отрядомъ [3]).

[1]) Оп. 47, св. 167. Рапортъ Кречетникова военной коллегіи 21 октября 1767 г.
[2]) Тамъ же. Рапортъ Кречетникова 5 декабря 1767 г.
[3]) Тамъ же.

Зимняя стоянка ахтырцевъ оказалась довольно удобною; мѣстечко было большое, и четыре эскадрона размѣстились въ немъ совершенно свободно: люди въ избахъ, а кони въ стойлахъ. Довольствіе производилось реквизиціоннымъ способомъ на счетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые наиболѣе замѣчены были Кречетниковымъ на сеймѣ въ поддержкѣ клерикальной партіи. Изъ донесеній Подгоричани видно, что такихъ запасовъ собрано было имъ въ окрестностяхъ Вислицы на 10.481 рубль и что довольствовалъ ими полкъ цѣлую зиму. Къ этому времени относится переписка Подгоричани съ княземъ Репнинымъ, который просилъ отправить секретно двухъ расторопныхъ гусаръ на южную границу, чтобы разузнать, не дѣлается ли въ Турціи какихъ-нибудь приготовленій къ войнѣ. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что Подгоричани выбралъ изъ полка двухъ унтеръ-офицеровъ грековъ, отлично владѣвшихъ турецкимъ языкомъ, и подъ видомъ купцовъ отправилъ одного изъ нихъ въ Молдавію, а другого черезъ Хотинъ въ Бендеры съ тѣмъ, чтобы они давали знать Репнину о всѣхъ передвиженіяхъ турецкихъ войскъ, о закупкѣ хлѣба, объ учрежденіи магазиновъ и т. п. Нельзя не пожалѣть, что о похожденіяхъ этихъ людей за границей у насъ не сохранилось никакихъ извѣстій [1]).

Между тѣмъ наступило время открытія вторичнаго сейма. Корпусъ Кречетникова былъ вызванъ въ Варшаву, и Подгоричани 7-го января 1768 года выступилъ туда изъ Вислицы вмѣстѣ со своимъ полкомъ и тремя эскадронами нижегородцевъ. Подъ Варшавой присоединился еще эскадронъ Пишчевича, только что прибывшій изъ Вильны, и весь кавалерійскій отрядъ, имѣя во главѣ самого Кречетникова, 26 января торжественно прошелъ черезъ Варшаву въ подгородное мѣстечко Утесочно. Король со всею свитой встрѣтилъ наши войска и въ знакъ особаго благоволенія тутъ же пожаловалъ Кречетникову орденъ Бѣлаго Орла, а Подгоричани— Станиславскую ленту.

На этотъ разъ сеймъ, лишенный предусмотрительностью Репнина своихъ главнѣйшихъ коноводовъ, прошелъ благополучно. Три мѣсяца, протекшіе со времени бурнаго октябрьскаго засѣданія, угомонили страсти и дали понять невозможность дальнѣйшаго сопротивленія требованіямъ русской Императрицы. Сеймъ призналъ всѣ права диссидентовъ, и договоръ въ этомъ смыслѣ подписанъ былъ представителями Россіи и Польши. Цѣль, которую преслѣдовало русское правительство, теперь была достигнута, и войска получили приказаніе возвратиться обратно въ Россію. 28 февраля Подгоричани съ своимъ кавалерійскимъ отрядомъ выступилъ въ Вислицу, откуда долженъ былъ отпустить нижегородскіе эскадроны къ своему полку, а самъ съ своими гусарами, послѣ десятидневнаго отдыха, слѣдовать далѣе черезъ Житоміръ и Кіевъ—въ Ахтырку.

Съ пѣснями и музыкой весело двигались полки по дорогамъ, окрыляемые надеждой скоро-скоро покинуть эту непривѣтливую, всѣмъ надоѣвшую, неурядливую польщизну. Но эта надежда такъ и осталась надеждой: никто не придвидѣлъ, что русскимъ полкамъ еще

---

[1]) Оп. 47, св. 223, дѣло № 6. Рапортъ Кречетникова военной коллегіи 1-го марта 1768 г.

долго-долго не придется увидѣть своей родины. Недаромъ графъ Потоцкій, разговаривая съ кн. Репнинымъ послѣ окончанія сейма, сказалъ ему: „Вы много сдѣлали, но черезъ двѣ недѣли вы увидите меня во главѣ конфедераціи, направленной противъ всего, что вами сдѣлано". Репнинъ приписалъ эти слова простому самохвальству; но роковыя событія, вычеркнувшія вслѣдъ затѣмъ Польшу изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, наступили даже скорѣе, чѣмъ ихъ предвѣщалъ Потоцкій.

Еще гусары не отошли отъ Варшавы на одинъ переходъ, какъ ихъ догналъ курьеръ отъ Репнина съ извѣщеніемъ, что въ Краковскомъ воеводствѣ въ м. Дембичѣ, лежащемъ близъ венгерской границы, поляки составили новую конфедерацію съ тѣмъ, чтобы отмѣнить рѣшеніе варшавскаго сейма и уничтожить права диссидентовъ. Полковникъ Панинъ, оставшійся съ двумя эскадронами Нижегородскаго полка въ Сандомирскомъ воеводствѣ, уже занялъ Дембичъ, куда Подгоричани приказано было немедленно отправить остальные три эскадрона нижегородцевъ, а самому съ Ахтырскимъ полкомъ составить резервъ, расположившись въ м. Пильно [1]). Отсюда онъ долженъ былъ наблюдать, не дѣлается ли за венгерской границей какихъ-нибудь приготовленій къ вторженію въ Польшу. Но конфедерація собиралась не въ одномъ только Дембичѣ. Вся Польша покрыта была сѣтью заговора, и главнымъ центромъ революціоннаго движенія сдѣлался Баръ, небольшой городокъ на югѣ Польши, гдѣ нѣкто Іосифъ Пулавскій и подкоморій Красинскій, братъ каменецкаго епископа, превозгласили конфедераціонный актъ, уничтожавшій всѣ постановленія варшавскаго сейма. Репнинъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за этимъ новымъ движеніемъ; но близость Бара къ турецкой границѣ, съ одной стороны, а съ другой — отдаленность его отъ нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ около Варшавы, не дали возможности своевременно помѣшать развитію барской конфедераціи, а затѣмъ управиться съ нею уже было трудно. Конфедераты сознавали свои преимущества и торопились воспользоваться ими, пока еще было время. Младшій сынъ Пулавскаго, Казимиръ, обладавшій твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, сталъ во главѣ возстанія, и съ небольшимъ отрядомъ, наскоро набраннымъ въ имѣніи своего отца, быстро переносился съ мѣста на мѣсто, захватывая кого только можно для пополненія рядовъ инсургентовъ. Небольшія польскія команды, составлявшія гарнизоны въ городахъ и мѣстечкахъ, надворныя войска магнатовъ, помѣщичьи псари и охотники — все принуждено было волей или неволей итти въ конфедераты. Пулавскій послалъ даже комиссаровъ въ Турцію для вербовки татаръ, и вскорѣ въ распоряженіи его образовалась небольшая армія, позаботившаяся о пріобрѣтеніи въ странѣ нѣкоторыхъ опорныхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, первенствующимъ театромъ борьбы предстояло сдѣлаться польскому югу, и Кречетниковъ получилъ приказаніе, оставивъ небольшую часть войскъ для наблюденія за Краковымъ, съ остальными слѣдовать къ Винницѣ.

Ранѣе другихъ выступилъ изъ Галича казачій отрядъ маіора

---

[1]) Оп. 47, св. 167 за 1768 г. Журналъ Кречетникова, мартъ мѣсяцъ.

князя Хвабулова, который быстрымъ движеніемъ долженъ былъ захватить на Волыни м. Полонное, гдѣ была земляная крѣпость, небольшая, но достаточно сильная для опорнаго пункта и учрежденія въ ней магазиновъ. Вслѣдъ за Хвабуловымъ 28 марта двинулся и Подгоричани съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и тремя эскадронами тверскихъ карабинеровъ. Онъ получилъ приказаніе итти на рысяхъ, „пренебрегая дорогами и самымъ отдыхомъ“, лишь бы скорѣе отрѣзать Баръ отъ мѣстностей, еще не захваченныхъ конфедератами. Попробовали было поляки придержать наше движеніе, прибѣгнувъ къ своему обычному пріему—къ жалобѣ, но на этотъ разъ они не достигли цѣли. Когда Кречетниковъ получилъ извѣтъ, что одинъ изъ эскадроновъ Ахтырскаго полка, слѣдуя походомъ, ограбилъ фуражъ въ имѣніи камергера Соболевскаго, онъ уже зналъ, что этотъ фуражъ подлежалъ реквизиціи, и потому не далъ жалобѣ никакого хода [1]). Ахтырскій полкъ двигался между тѣмъ безъ дневокъ, нерѣдко соединяя два перехода въ одинъ. Самого Подгоричани въ это время не было; онъ вызванъ былъ въ главную квартиру Кречетникова, и полкъ велъ старшій штабъ-офицеръ, подполковникъ Пишчевичъ. За Бугомъ присоединились къ нему еще 650 донскихъ казаковъ, да 900 ожидались изъ Овруча. Кречетниковъ считалъ этотъ отрядъ вполнѣ достаточнымъ для самостоятельныхъ дѣйствій [2]), но тѣмъ не менѣе просилъ Подгоричани не нападать самому на мятежниковъ, а, протянувъ кордонъ отъ Винницы до Гродека, наблюдать только за Баромъ, не пропуская въ него ни почтъ, ни курьеровъ, а тѣмъ паче обозовъ съ продовольствіемъ. „Предписываю Вамъ“, писалъ ему Кречетниковъ, „забирать тѣ вертопрашныя головы, которыя, не имѣя ничего своего, а желая обогатиться на чужой счетъ, будутъ пооди-ночкѣ или партіями пробираться къ возмутителямъ“... „Но ежели“, прибавлялъ онъ, „мятежники сами сдѣлаютъ на васъ нападеніе, то, отрѣзавъ ихъ отъ турецкихъ границъ, гнать внутрь Польши и истреблять какъ сущихъ непріятелей“. Съ плѣнными онъ требовалъ обхожденія умѣреннаго и писалъ, „чтобы лошадей и оружіе отъ нихъ отбирать, но платье оставлять на нихъ, дабы тѣмъ показать снисходительность войскъ и къ самимъ бунтовщикамъ“... [3]). „Болѣе же всего“, писалъ онъ, „нужно опасаться вступленія въ Польшу турецкихъ или крымскихъ войскъ, и если бы сіе случилось, вы должны всемѣрно уклоняться отъ боя и отступать на соединеніе со мною. Однако-же, имѣйте въ виду, что въ Молдавіи есть особый родъ татаръ, называемый „Липки“, которые нанимаются безъ воли султана и крымскаго хана ко всѣмъ, кто имъ платитъ деньги; они легко могутъ быть наняты и конфедератами. Ихъ вы должны истреблять, наблюдая притомъ крайнюю осмотрительность, чтобы не смѣшать ихъ съ турецкими или крымскими войсками“. Но Подгоричани не пришлось исполнять всѣ эти сложныя инструкціи. Едва онъ догналъ отрядъ, какъ со всѣхъ сторонъ стали получаться извѣстія о появленіи конфедератовъ. Кременецъ, лежавшій у него на пути, былъ также занятъ мятежниками.

---

1) Оп. 47, св. 167 за 1768 г. Журналъ Кречетникова, мартъ мѣсяцъ.
2) Ожидалось прибытіе Троицкаго пѣх. п. и полевой арт.
3) Тамъ-же.

Посланный туда эскадронъ не захватилъ уже непріятеля, успѣвшаго уйти на подводахъ, но выстрѣлы, направленные въ гусаръ изъ домовъ, свидѣтельствовали о мятежномъ настроеніи жителей. Нѣсколько человѣкъ изъ шляхты были арестованы. Въ ратушѣ также нашли кипы возмутительныхъ прокламацій. Подгоричани распорядился, чтобы ихъ вынесли на городскую площадь, и тамъ устроилъ торжественное ауто-да-фе, а затѣмъ, арестовавъ бургомистра и всѣхъ членовъ ратуши, отправилъ ихъ къ Кречетникову.

Едва гусары двинулись дальше, какъ прискакалъ курьеръ отъ князя Хвабулова съ извѣстіемъ, что онъ встрѣтилъ подъ Староконстантиновымъ значительный отрядъ инсургентовъ и разбилъ его на голову, такъ что изъ всего отряда едва ли спаслось 15 человѣкъ, а остальные побиты, потоплены въ рѣчкѣ или забраны въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ находился и сынъ извѣстнаго графа Красинскаго. Хвабуловъ просилъ Подгоричани поторопиться маршемъ, такъ какъ самъ онъ спѣшитъ въ Полонное, чтобы скорѣе захватить тамошнюю крѣпость. Подгоричани повелъ отрядъ на рысяхъ и 12 апрѣля подошелъ къ Староконстантинову. Хвабулова здѣсь уже не было; онъ ушелъ въ Полонное, и городъ снова былъ занятъ сильнымъ отрядомъ инсургентовъ, прибывшимъ съ нѣсколькими орудіями. Тѣмъ не менѣе Подгоричани тотчасъ спѣшилъ гусаръ и повелъ ихъ на приступъ; справа поддерживали ихъ эскадроны тверцовъ, слѣва—казаки. Встрѣченный сильнымъ пушечнымъ огнемъ, Ахтырскій полкъ сбилъ непріятельскія передовыя войска, захватилъ въ плѣнъ офицера съ девятью конфедератами, но ворваться въ городъ, обнесенный высокою каменною стѣною, не могъ,—и Подгоричани, видя, что потеря въ короткое время возросла уже до 22 человѣкъ и что съ одними карабинами противъ пушекъ ничего сдѣлать нельзя, приказалъ отступить.

Непріятель, впрочемъ, въ ту же ночь самъ покинулъ Староконстантиновъ и, наскоро похоронивъ своихъ убитыхъ (ихъ было до 30 человѣкъ), потянулся къ Меджибожу [1]). За нимъ на восьми фургонахъ повезли до 40 человѣкъ раненыхъ; такъ дорого обошлась инсургентамъ ихъ первая встрѣча съ ахтырцами [2]). Въ числѣ убитыхъ находился извѣстный патріотъ старостичъ Грузаръ, человѣкъ молодой и богатый, содержавшій на свой собственный счетъ цѣлую „хоронгвь“ изъ 150 всадниковъ. Съ этихъ поръ въ окрестностяхъ Меджибожа начинаются мелкія, но безпрерывныя стычки. 15-го апрѣля одинъ изъ гусарскихъ эскадроновъ имѣлъ перестрѣлку около Пилявы и привелъ съ собою трехъ человѣкъ плѣнныхъ; въ другой разъ капитанъ Вукотичъ съ своимъ эскадрономъ наткнулся на сильную партію, и самъ потерялъ офицера раненымъ и двухъ гусаръ, въ томъ числѣ старшаго вахмистра, пропавшими безъ вѣсти. Со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія о движеніи инсургентовъ. Любомирскій писалъ, что въ Меджибожѣ, Браиловѣ, Бердичевѣ и Барѣ собралось ихъ около 20 тысячъ съ 60 орудіями и что при нихъ находится болѣе двухъ тысячъ наемной татарской конницы. Силы эти, по мнѣнію его, готовились итти на Полонное, чтобы истребить Хвабулова и самимъ

---

[1]) Нынѣшняя штабъ-квартира Ахтырскаго полка.

[2]) Въ полку убитъ 1 гусаръ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П 196 РК

утвердиться въ замкѣ. Это было весьма вѣроятно; но съ другой стороны Понятовскій извѣщалъ, что пятитысячный отрядъ Пулавскаго занялъ уже Бѣлую-Церковь и что въ числѣ этихъ войскъ 11 хоругвей панцырныхъ, а остальные татары: артиллеріи при нихъ не было, но изъ Бердичева уже отправлено нѣсколько орудій подъ прикрытіемъ 80 человѣкъ пѣхоты.

Подгоричани настоятельно требовалъ отъ Кречетникова присылки пѣхоты и артиллеріи. „Съ симъ малымъ коннымъ моимъ деташаментомъ", доносилъ онъ, „ничего сдѣлать не можно, но можно потерять людей, тоже полковую казну, а сверхъ того, честь и славу. Непріятель вокругъ, и отовсюду опасность. Труда своего не щажу, но такихъ трудовъ и въ прусской войнѣ будучи, какъ нынѣ, не имѣлъ, что и одной спокойной минуты нѣтъ, и всѣ кони денно и ночно осѣдланы стоятъ". Репнинъ не вполнѣ довѣрялъ этимъ донесеніямъ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что частные начальники преувеличиваютъ опасность, вѣря польскимъ разглашеніямъ, тогда какъ поляки каждую вещь увеличиваютъ вдесятеро. Онъ, однако, сознавался, что все дворянство, попы и монахи исполнены фанатизма, „и слѣдственно внутренно съ возмутителями согласны, а изъ того само собою и то происходитъ, что вездѣ скрытнымъ образомъ имъ помогаютъ, снабжая ихъ также скрытно чѣмъ каждый можетъ". Получивъ это донесеніе, Императрица писала графу Панину [1]): „...думаю, что генералъ маіоръ Подгоричаниновъ насъ отъ хлопотъ скоро избавитъ, ибо и слава, и храбрость, и искусство въ немъ есть. Жаль же, жаль, что ему не удалось гусарами одними взять Константиновъ, ибо сей лавровый вѣнокъ украсилъ бы его сѣдую голову" [2]). Но и Репнину, однако же, скоро пришлось измѣнить свои убѣжденія. Вслѣдъ за первымъ своимъ донесеніемъ, онъ уже писалъ Императрицѣ, что дѣла становятся часъ отъ часу серьезнѣе и предлагалъ, не сочтется ли полезнымъ отправить его самого, Репнина, съ корпусомъ войскъ на мѣсто возстанія, потому что онъ знакомъ съ поляками лучше, чѣмъ другіе генералы. Императрица Екатерина отвѣчала, что она не хочетъ рисковать его персоною и думаетъ, что Подгоричани управится съ бунтовщиками самъ, особенно, когда увѣрится, что ни турки, ни татары имъ не помогаютъ. Дѣйствительно, отъ Подгоричани скоро пришли успокоительныя извѣстія.

Узнавъ, что мятежники готовятся напасть на Полонное, Подгоричани перешелъ изъ м. Лабуни въ Острополь и выслалъ изъ полка двѣ партіи: одну по тракту на Хмѣльникъ, другую къ Синявѣ. Первая изъ этихъ партій на другой же день напала на конфедератовъ, стоявшихъ въ дер. Терешполѣ. До 30-ти человѣкъ были изрублены при первой атакѣ гусаръ, но остальные укрылись въ стодолахъ, которые и сдѣлались ихъ могилою. Случайный выстрѣлъ, попавшій въ соломенную крышу, произвелъ пожаръ, мгновенно охватившій цѣлый рядъ строеній, заваленныхъ соломою. Инсургенты, забаррикадировавшіе двери, не успѣли ихъ выломать, и гибли въ этомъ морѣ огня, оглашая воздухъ неистовыми воплями. Гусары бросились рас-

---

[1]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 6-я, т. XXVI—XXIX, стр. 518—519.

таскивать клуни, и имъ удалось спасти одного офицера и 48 человѣкъ повстанцевъ, которые забраны были въ плѣнъ, но уже обожженные и даже полуобгорѣлые. Къ концу боя подоспѣла другая наша партія изъ Синявы. Обѣ онѣ, соединившись, двинулись дальше, и въ тотъ же день у дер. Кочановки настигли другую шайку конфедератовъ въ числѣ 400 человѣкъ. Видя передъ собою только одну кавалерію, поляки встрѣтили насъ ружейнымъ огнемъ, но въ одно мгновеніе были смяты и стоптаны наскочившими на нихъ гусарами. 150 тѣлъ осталось на мѣстѣ, одинъ офицеръ и 20 человѣкъ взяты были въ плѣнъ; остальные разсѣялись и бѣжали, бросая по дорогѣ оружіе и даже платье. Преслѣдуя бѣгущихъ, гусары доскакали до самаго Хмѣльника, откуда встрѣчены были пушечными выстрѣлами. Тѣмъ не менѣе они успѣли захватить еще восемь конфедератовъ и, главное, поймали курьера, который везъ отъ Пулавскаго письма въ Хмѣльникъ. Отъ курьера узнали, что самъ Пулавскій съ трехтысячнымъ отрядомъ занялъ Прилуки, а два сильные регимента, подъ начальствомъ Потоцкаго и каштеляна Гижицкаго, уже выступили навстрѣчу Кречетникову съ тѣмъ, чтобы преградить ему путь у Ямполя и не допустить до соединенія съ Подгоричани. Слабой кавалерійской партіи дѣйствовать противъ Хмѣльника, занятаго значительнымъ отрядомъ съ артиллеріей, конечно, было не подъ силу, и гусары отошли къ м. Любару, гдѣ находился Подгоричани, чтобы извѣстить его объ опасности, угрожавшей Кречетникову. Во время этого поиска въ партіи убито 2 казака, и ранено три гусара, изъ которыхъ одному ядро, пущенное изъ Хмѣльника, оторвало ногу. Лошадей выбыло изъ строя четыре.

Подгоричани, сосредоточившій весь свой отрядъ въ Любарѣ, уже готовился итти на Ямполь, когда пришло новое извѣстіе, что инсургенты, узнавъ о перехваченномъ курьерѣ, измѣнили планъ и рѣшили сперва напасть на Подгоричани, разбить его и тогда уже управиться съ Кречетниковымъ. Съ этою цѣлью въ м. Улановѣ собрался 4-хъ-тысячный отрядъ подъ предводительствомъ Потоцкаго, Гижицкаго, Щеновскаго и сына маршала Пулавскаго. Главныя силы расположились въ Улановѣ, а небольшіе передовые отряды заняли ближайшія къ мѣстечку деревни. Между тѣмъ къ Подгоричани подоспѣли два орудія и 200 человѣкъ пѣхоты, высланной къ нему Кречетниковымъ на подводахъ. Тогда Подгоричани самъ рѣшился атаковать мятежниковъ и на разсвѣтѣ 26-го апрѣля напалъ на деревню Липятину. Стоявшій здѣсь двухсотенный отрядъ конфедератовъ былъ застигнутъ врасплохъ, но, запершись въ домахъ, защищался отчаянно. Чтобы скорѣе покончить дѣло, Подгоричани приказалъ пѣхотѣ итти на штурмъ, а между тѣмъ пушечные выстрѣлы произвели въ деревнѣ пожаръ, увеличившій общее смятеніе. Поляки гибли и подъ штыками солдатъ и въ огнѣ пылавшихъ домовъ, а тѣ, которые вырывались въ поле, встрѣчали смерть подъ гусарскими саблями. Въ нѣсколько минутъ дѣло было покончено, и изъ двухсотенной партіи не спаслось ни одного человѣка.

Между тѣмъ пушечная пальба и шумъ ночного нападенія вызвали общую тревогу въ непріятельскомъ станѣ. Польскія войска со всѣхъ сторонъ двинулись къ Липятину, и Подгоричани самъ былъ

атакованъ превосходными силами. Бой начался упорный. Казаки, сбитые съ поля, разсыпались по окрестностямъ, и вся тяжесть его легла на Ахтырскихъ гусаръ, Троицкій п. полкъ и три эскадрона карабинеровъ. Послѣ отчаянныхъ усилій имъ удалось, наконецъ, прорвать непріятельскій центръ и тогда поляки, разрѣзанные на двѣ части, отброшены были одни къ Уланову, другіе къ Селихѣ. Въ эту минуту къ полякамъ подоспѣли, однако, свѣжія войска, стоявшія до того въ Хмѣльникѣ,— и бой возобновился, но уже не надолго. Стремительная атака нашей кавалеріи опять обратила непріятеля въ бѣгство, и гусары на протяженіи трехъ миль гнали его до самаго Хмѣльника. Поляковъ было убито болѣе тысячи человѣкъ, что можно объяснить только страшной паникой, охватившей непріятеля; у непріятеля отбито четыре орудія и взято 254 человѣка въ плѣнъ; много погибло въ этотъ роковой день и знатнаго шляхетства. „Всѣ войска", писалъ Подгоричани Кречетникову, „поступали съ отмѣнною храбростью, кромѣ донскихъ казаковъ, кои не только храбрости не оказали, но паче робкими были, такъ что, если бы гусары и карабинеры ихъ не поддерживали, то и совсѣмъ бы бѣжали съ поля сраженія". Кречетниковъ благодарилъ Подгоричани „за учиненный имъ поступокъ", но предписалъ собрать всѣхъ казацкихъ старшинъ „для учиненія имъ наижесточайшаго выговора". Подгоричани долженъ былъ объявить имъ, что если они въ первомъ бою себя не поправятъ и не докажутъ подлинной, принадлежащей войскамъ Ея Императорскаго Величества, храбрости и славы, то будутъ того жъ момента старшины лишены чиновъ, а казаки къ наижесточайшему ихъ посрамленію наказаны шпицрутенами. Въ полку убито 3 гусара и лошадей 11, ранены 3 гусара.

Сраженіе, начавшееся у Липятиной, окончилось подъ самымъ Хмѣльникомъ въ два часа пополудни. Подгоричани не рискнулъ, однако, съ одними гусарами штурмовать укрѣпленный городъ и отвелъ ихъ назадъ, оставивъ подъ Хмѣльникомъ для наблюденія за непріятелемъ только ахтырскій эскадронъ маіора Мисюрева. Ночью поляки сдѣлали на него нападеніе, но Мисюревъ, во-время поддержавъ свои передовые посты, обратилъ ихъ въ бѣгство и гналъ до самаго мѣстечка, изрубивъ по дорогѣ болѣе сорока человѣкъ. Гусары едва не ворвались въ самый Хмѣльникъ, но поляки успѣли поставить орудія на мосту, переброшенномъ черезъ Бугъ, и остановили ихъ картечью [1]). Мисюревъ отвелъ эскадронъ назадъ, а на слѣдующій день, возвращаясь въ Любаръ, увидѣлъ обозъ, двигавшійся въ сторонѣ отъ дороги, и захватилъ 10 подводъ, доверху нагруженныхъ провизіей и оружіемъ. Такъ какъ возчики заявили, что обозъ шелъ изъ помѣстья князя Любомирскаго въ Хмѣльникъ, то Мисюревъ забралъ ихъ съ собою, чтобы имѣть доказательство, насколько мы можемъ полагаться на преданность намъ польскихъ магнатовъ, даже такихъ, какъ Любомирскій, служившій при дворѣ русской Императрицы. Изъ опросовъ плѣнныхъ выяснилось, что главныя силы мятежниковъ находятся въ Хмѣльникѣ, Красинскій стоитъ въ Могилевѣ, Пулавскій—въ Браиловѣ, а кромѣ того, отдѣльные отряды занимаютъ Баръ, Бердичевъ и Бѣлую Церковь

[1]) Въ эскадронѣ Мисюрева убито было 9 лошадей.

Теперь задача Подгоричани заключалась въ томъ, чтобы, до прибытія Кречетникова, удержать свою позицію и не допустить къ Хмѣльнику какихъ-нибудь подкрѣпленій. По всѣмъ дорогамъ стояли наши пикеты, но вездѣ было спокойно. Только однажды казачій разъѣздъ, ходившій къ сторонѣ Бѣлой Церкви, далъ знать о появленіи инсургентовъ. На помощь къ нему были двинуты 20 гусаръ Ахтырскаго полка и 10 казаковъ съ поручикомъ Тербуховичемъ, но конфедераты, число которыхъ простиралось до 120 человѣкъ, уклонились отъ встрѣчи съ нашими гусарами, и Тербуховичъ напрасно гнался за ними 10 миль до самаго мѣстечка Базали. Здѣсь мятежники забрали провизію, шесть пушекъ, хранившихся въ костелѣ, и ушли на подводахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 4 мая въ Любаръ прибылъ, наконецъ, Кречетниковъ. Въ инструкціи, которою снабдили его изъ Варшавы, сказано было: „громить мятежниковъ вездѣ, несмотря даже на близость турецкой границы; если же бы, противъ чаянія турецкія войска вступили въ наши предѣлы, то и противъ турецкихъ войскъ дѣйствовать такъ же, какъ противъ инсургентовъ. Если же сраженія будутъ происходить у цесарскихъ границъ и отъ цесарцевъ, подана будетъ помощь полякамъ, то и съ цесарцами поступать точно такимъ же образомъ". Но громить мятежниковъ было не такъ легко, какъ это казалось издали. Пожаръ всецѣло охватилъ уже воеводства Подольское, Волынское и Брацлавское. Кіевъ и Полѣсье были наканунѣ возстанія. Мятежники во всѣхъ мѣстахъ забирали надворныя войска магнатовъ, вмѣстѣ съ ихъ артиллеріею, дѣлали денежные поборы и страхомъ казней держали на своей сторонѣ сельское населеніе. Для дѣйствія въ такомъ обширномъ районѣ, подъ угрозой еще встрѣчи съ турецкими и цесарскими войсками, Кречетниковъ имѣлъ у себя, не считая казаковъ, только одинъ пѣхотный полкъ, силою въ 900 штыковъ, пять эскадроновъ Ахтырскихъ гусаръ, да три эскадрона карабинеровъ. Естественно, что силъ этихъ было недостаточно. Онъ настоятельно требовалъ себѣ подкрѣпленій, но только послѣ долгой переписки князь Репнинъ рѣшился отправить къ нему еще батальонъ и двѣ гренадерскія роты Симбирскаго полка, да Каргопольскій карабинерный полкъ съ двумя орудіями.

Пока Кречетниковъ въ ожиданіи ихъ стоялъ въ Любарѣ, польскій отрядъ, занимавшій Хмѣльникъ, перешелъ въ Бердичевъ, куда потянулись за нимъ и всѣ остальные отряды. Въ окрестностяхъ Хмѣльника остались, однако, двѣ партіи Ждановскаго и Богдановича, которые быстрымъ движеніемъ должны были захватить Житомиръ и, собравъ въ немъ чрезвычайный сеймъ, объявить Полѣсье и Кіевское воеводство присоединенными къ конфедераціи. За отсутствіемъ Пулавскаго, веденіе пропаганды взялъ на себя митрополитъ Волошкевичъ, одинъ изъ тѣхъ жестокихъ террористовъ, которые наводили ужасъ на цѣлую страну, гдѣ они дѣйствовали. Въ Житомирѣ находилась у насъ только слабая казачья команда, а потому Кречетниковъ тотчасъ отправилъ туда двѣ сотни казаковъ, подъ командой Ахтырскаго полка поручика Вукотича, а вслѣдъ за ними гусарскій эскадронъ маіора Мисюрева, которому вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было принять начальство и надъ всѣми войсками, расположенными въ Полон-

номъ, такъ какъ князь Хвабуловъ долженъ былъ возвратиться къ полку.

Обѣ стороны шли форсированными маршами безъ отдыховъ, но наши гусары и казаки успѣли предупредить непріятеля и встрѣтили его почти подъ стѣнами города. Вукотичъ первый напалъ на Богдановича и разбилъ его на голову, а Мисюревъ нанесъ жестокое пораженіе шайкѣ Ждановскаго. Гусары изрубили болѣе 50 человѣкъ, 35 взяли въ плѣнъ и отбили пять чугунныхъ пушекъ. Остатки разбитыхъ партій укрылись въ замкѣ, разломавъ за собою мостъ, но Мисюревъ обложилъ замокъ и, дождавшись небольшой части пѣхоты, прибывшей изъ Полоннаго, заставилъ ихъ сдаться [1]).

Пока все это происходило на югѣ Полѣсья, къ Кречетникову 13 мая подошли ожидаемыя подкрѣпленія, а 15-го Подгоричани со всею кавалеріею былъ посланъ къ Бердичеву [2]). Городъ, однако, былъ укрѣпленъ и занятъ такими значительными силами, что вытѣснить ихъ одною конницей нечего было и думать. Подгоричани ограничился тѣмъ, что произвелъ рекогносцировку и занялъ всѣ переправы черезъ рѣку. Отсутствіе у насъ пѣхоты не ускользнуло отъ вниманія Казимира Пулавскаго, который, воспользовавшись этимъ, сдѣлалъ вылазку, и 17-го мая самъ атаковалъ нашъ кавалерійскій лагерь. Нападеніе было отбито. Гусары вмѣстѣ съ карабинерами, преслѣдуя бѣгущихъ, ворвались въ городской форштадтъ, но поляки успѣли зажечь его и подъ прикрытіемъ цѣлаго моря огня, засѣвъ по избамъ, встрѣтили кавалерію такимъ ружейнымъ огнемъ, что Подгоричани вынужденъ былъ остановиться. Часть форштадта, однако, была занята. Къ вечеру непріятель отощелъ за городскіе валы, а мы возвратились въ лагерь. День этотъ стоилъ полякамъ болѣе двухсотъ человѣкъ убитыми, и въ томъ числѣ находился маршалъ люблинской конфедераціи Раевскій. На другой день прибылъ Кречетниковъ съ двумя полками пѣхоты. Рекогносцировка убѣдила его, однако, что городъ обнесенъ высокимъ валомъ и что католическій костелъ, съ глубокимъ рвомъ и прочными стѣнами, представляетъ собой настоящую крѣпость, которая уже не разъ отражала яростные приступы татаръ и казацкихъ полчищъ. Стѣны унизаны были бойницами, отлично приспособленными къ ружейной оборонѣ, а на башняхъ стояло больше 30 орудій. Взять такую крѣпость открытымъ штурмомъ—значило бы рисковать огромной потерей, и Кречетниковъ, вопреки требованіямъ Репнина, обвинявшаго его въ недостаткѣ энергіи и распорядительности, рѣшилъ приступить къ осадѣ, чтобы сберечь людей, которыхъ и безъ того было мало. Ночью онъ заложилъ батареи и приступилъ къ бомбардированію города. Надъ монастырской башней скоро поднялось распятіе, и поляки прислали просить, чтобы не стрѣляли по монастырю, такъ какъ они противъ греческой вѣры ничего не имѣютъ, но противъ протестантовъ будутъ стоять до послѣдней капли крови. Кречетниковъ, конечно, не могъ принять подобныхъ условій и продолжалъ бомбардированіе. Тогда 20-го мая поляки сдѣлали вылазку и, занявъ форштадтъ, открыли огонь по нашимъ батареямъ. Кречет-

---

[1]) Въ этомъ дѣлѣ ранены 4 гусара и убитъ 1 казакъ.

[2]) Дѣла Секретнаго повытья, оп. 47, к. 167. Реляція Кречетникова объ осадѣ Бердичева.

никовъ тотчасъ выдвинулъ изъ лагеря Ахтырскій полкъ и часть карабинеровъ, которые, вмѣстѣ съ пѣхотой, взяли форштадтъ штурмомъ и въ пылу преслѣдованія ворвались въ самыя улицы города. Здѣсь они утвердились, и вытѣснить ихъ отсюда теперь было уже не возможно. Подгоричани распорядился тотчасъ поставить три орудія противъ крѣпостныхъ воротъ и принялся громить монастырскія стѣны. Этотъ успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія Кречетникова, тѣмъ болѣе, что потеря наша не превосходила 111 человѣкъ; изъ этого числа Ахтырскій полкъ потерялъ 3 гусара убитыми, 6 ранеными и 2 пропавшими безъ вѣсти. Наступила ночь. Пальба мало-помалу стихла, но въ крѣпости не прекращалось усиленное движеніе. Два гусарскіе сержанта, посланные на развѣдки, возвратились съ извѣстіемъ, что въ крѣпостномъ рву пасется цѣлый табунъ лошадей, которыхъ, очевидно, помѣстить за монастырскою оградой было негдѣ. Кречетниковъ тотчасъ рѣшился захватить его. Для этой цѣли онъ направилъ съ одной стороны 150 человѣкъ Сибирскаго полка подъ командой м. Вейса, съ другой 50 спѣшенныхъ гусаръ и 50 карабинеровъ, подъ командой Ахтырскаго полка капитана Лалоша [1]). Атака началась въ одиннадцать часовъ. Предпріятіе было очень рискованное, потому что въ случаѣ вылазки команды наши могли быть заперты во рву, а мы не имѣли бы средствъ ихъ выручить. По счастію осторожность, распорядительность и быстрота, съ которою дѣйствовалъ Лалошъ, устранили всѣ эти опасности. Онъ захватилъ табунъ почти моментально и, несмотря на сильный пушечный и ружейный огонь, успѣлъ пригнать его въ лагерь, потерявъ только трехъ гусаръ ранеными. Кречетниковъ ставилъ высоко это ночное дѣло и представилъ капитана Лалоша въ секундъ-маіоры. Кажется, это былъ первый офицеръ, получившій въ полку награду за боевыя отличія.

На слѣдующій день бомбардированіе возобновилось съ новой силой, и къ вечеру непріятельская батарея оказалась сбитой, а въ стѣнѣ сдѣлана брешь. Но на этомъ успѣхи наши остановились. Артиллерія израсходовала почти всѣ снаряды, а пополнить ихъ было нечѣмъ, такъ какъ склады находились далеко, въ Полонномъ. Между тѣмъ дороги оказались уже занятыми непріятелемъ. Одна изъ такихъ шаекъ, верстахъ въ 20-ти отъ Житомира, перехватила курьера, посланнаго Кречетниковымъ, и завладѣла его бумагами; конвой его былъ разсѣянъ, самъ онъ тяжело раненъ, а два казака взяты въ плѣнъ и, по приказанію митрополита Волошкевича, живыми закопаны въ землю. Все это представляло собою далеко не утѣшительные признаки. Пришлось сформировать особый кавалерійскій отрядъ изъ трехъ эскадроновъ ахтырскихъ гусаръ и эскадрона карабинеръ, который, подъ командой подполковника Пишчевича, и очистилъ отъ разбойничьихъ шаекъ всѣ дороги по пути къ Летичеву, Литину и Винницѣ. Партіи разсѣялись; но едва отрядъ возвратился назадъ, какъ 29 мая полковникъ Поповъ, ходившій съ казачьимъ полкомъ на развѣдки, далъ знать, что сильный секурсъ, сформированный старикомъ Пулавскимъ, идетъ изъ Каменецъ-Подольска къ Бердичеву. Извѣстіе объ этомъ заставило Кречетникова выслать для наблюденія за непріятелемъ еще

[1]) Обоимъ отрядамъ приданы были казачьи команды.

три эскадрона ахтырскихъ гусаръ, подъ командой маіора князя Хвабулова, который въ ту же ночь далъ знать, что верстахъ въ 20 отъ Бердичева ночуетъ четырехтысячный польскій отрядъ подъ начальствомъ младшаго сына Пулавскаго и что онъ, не имѣя возможности напасть на него съ одними гусарами, занялъ переправу и здѣсь будетъ держаться до послѣдней крайности. По полученіи этого извѣстія Кречетниковъ выслалъ Подгоричани со всею кавалеріею [1]); соединившись съ Хвабуловымъ, въ тотъ же день, 30-го мая, онъ напалъ на мятежниковъ. Къ сожалѣнію, подробности этого боя, происходившаго сперва у д. Верни, а потомъ у м. Бѣлиловки, не сохранились въ реляціяхъ. Довольно, однако, сказать, что польскій отрядъ разбитъ былъ на-голову, и Подгоричани преслѣдовалъ его до самого Меджибожа, гдѣ инсургенты пытались засѣсть въ тамошнемъ замкѣ, но, выбитые изъ него гусарами, понесли окончательное пораженіе. 800 польскихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ, мы взяли много плѣнныхъ, захватили весь обозъ, отбили 8 орудій и 2 пары литавръ. Въ числѣ плѣнныхъ находился Гординскій, человѣкъ вліятельный, одинъ изъ главнѣйшихъ коноводовъ движенія, находившійся въ качествѣ совѣтника и руководителя при молодомъ Пулавскомъ. Убѣдившись, что непріятель бросился по тремъ различнымъ дорогамъ, Подгоричани возложилъ дальнѣйшее преслѣдованіе на подполковника Пишчевича съ однимъ Ахтырскимъ полкомъ, а самъ съ карабинерами возвратился въ лагерь. Побѣда была, дѣйствительно, блестящая и не могла не оказать рѣшительнаго вліянія на судьбу осажденной крѣпости. Нашимъ гусарамъ не довелось, однако, быть свидѣтелями ея паденія: она сдалась въ то время, когда Ахтырцы далеко отъ Бердичева громили послѣдніе остатки непріятельскаго войска.

Подгоричани возвратился въ лагерь 1-го іюня, предшествуемый плѣнными, обозомъ и отбитыми пушками. Кречетниковъ, воспользовавшись этимъ, тотчасъ отправилъ письмо къ пріору Бердичевскаго монастыря, совѣтуя ему подумать о судьбѣ богатаго кляштора, если они доведутъ дѣло до приступа. Пріоръ выслалъ двухъ ксендзовъ, которымъ показали трофеи и позволили бесѣдовать съ плѣннымъ Гординскимъ [2]). Черезъ день послѣ этого, утромъ 3-го іюня, въ лагерь прибыли парламентеры Пулавскаго, который желалъ сдать крѣпость на извѣстныхъ условіяхъ. Кречетниковъ отстранилъ письмо его рукою: „Я не только не приму этой бумаги, но даже не позволю вамъ читать ее“, сказалъ онъ. „Вотъ мое послѣднее слово: одинъ изъ васъ долженъ сейчасъ же ѣхать въ крѣпость и сказать, что я требую безусловной сдачи; ручаюсь за сохраненіе жизни и частнаго имущества. Срокъ до вечера. Не получу отвѣта—буду штурмовать крѣпость. Вы понимаете сами, что тогда за сохраненіе города и вашего кляштора—я не отвѣтчикъ“.

Въ городѣ произошло смятеніе. Большинство требовало сдачи, но нѣсколько сотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ Пулавскимъ, хотѣли защищаться. Благоразуміе одержало, однако-же, верхъ. Въ 7 часовъ вечера Пулавскій прибылъ на наши батареи и подалъ Кречетникову

---

[1]) 2 пушки и 100 человѣкъ пѣхоты были назначены ему въ поддержку.
[2]) Онъ же Ортынскій.

саблю, объявивъ, что гарнизонъ кладетъ оружіе, ввѣряя себя милосердію русской Императрицы. 5 ротъ пѣхоты выстроились передъ крѣпостными воротами, и польскія войска, постепенно выходя изъ крѣпости, складывали передъ ними оружіе, а затѣмъ подъ конвоемъ отправлялись въ лагерь. Наконецъ, изъ воротъ вынесено было регментарское красное знамя. Оно склонилось передъ Кречетниковымъ, и знаменщикъ передалъ его въ руки генерала. Послѣ этого русскія войска вступили въ крѣпость и заняли караулы. Въ Бердичевѣ сдалось намъ 1361 ч., и взято было 22 пушки, 10 мортиръ и 1 гаубица.

Оканчивая свое донесеніе о взятіи Бердичевской крѣпости, Кречетниковъ говоритъ: „Ахтырскаго гусарскаго полка гусары при нынѣшнихъ бывшихъ сраженіяхъ такъ себя храбро и ревностно оказывали, какъ только отъ наилучшихъ гусаръ пожелать возможно было, къ сему ихъ весьма пріобучилъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Подгоричани, и инако ихъ назвать не можно, какъ бы старые и давно привыклые гусары“ [1]). Военная коллегія указомъ на имя Кречетникова дала знать, что „она не можетъ не отдать должной похвалы какъ ему, такъ и рекомендуемымъ отъ него офицерамъ и всему его корпусу, который при бывшихъ атакахъ во время блокады Бердичевской крѣпости по должности своей поступалъ“ [2]).

По взятіи Бердичева, 6-го іюня, Подгоричани съ Ахтырскимъ полкомъ и казаками направленъ былъ черезъ Хмѣльникъ въ м. Баръ, куда вслѣдъ за нимъ долженъ былъ выступить и Кречетниковъ съ остальными войсками. На дорогѣ узнали однако, что Баръ уже взятъ 9 іюня отрядомъ графа Апраксина, прибывшимъ изъ Галича, и что туда же направляются польскія коронныя войска графа Браницкаго. 15-го іюня въ Барѣ съѣхались всѣ три военачальника и условились между собою относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Такъ какъ главные члены возстанія—все, что носило званіе маршаловъ, довудцевъ, бѣжало въ Яссы, подъ покровительство Турціи, то для наблюденія за ними отправили въ Каменецъ-Подольскъ два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ, подъ командой подполковника Пишчевича, который, будучи по рожденію сербъ, могъ легче другихъ завести секретныя сношенія съ заграничными жителями [3]). Въ распоряженіе его назначено было и нѣсколько тайныхъ агентовъ. Послѣдніе, проживая въ Яссахъ, должны были сблизиться съ главарями возстанія, войти съ ними въ дружескую связь, и если нельзя будетъ склонить ихъ къ добровольному возврату на родину, то захватить ихъ какою-либо хитростью.

Другое порученіе, данное Пишчевичу, заключалась въ томъ, чтобы развѣдать, какого образа мыслей держатся въ Молдавіи и Хотинѣ относительно событій, разыгрывающихся въ Польшѣ. Пишчевичъ выбралъ для этого двухъ расторопныхъ вахмистровъ Ахтырскаго полка, которые отлично говорили по-турецки, и, переодѣвъ ихъ въ офицерскіе мундиры, отправилъ курьерами: одного къ молдавскому господарю въ Яссы, а другого къ турецкому пашѣ въ Хотинъ. Оба они приняты были самымъ лучшимъ образомъ и, притворяясь, что

---

1) Донесеніе Кречетникова военной коллегіи 9 іюня 1768 г., оп. 47, кн. 167.
2) Указъ военной коллегіи 9 іюля 1868 г. Тамъ же.
3) Журналъ Кречетникова за 1768 г., іюнь мѣсяцъ.

не понимаютъ турецкаго языка, свободно прислушивались ко всему что при нихъ говорилось. Изъ слышанныхъ разговоровъ они вынесли убѣжденіе, что въ воздухѣ пахнетъ войною, что турецкое правительство, подстрекаемое европейскими державами, будетъ искать предлога къ разрыву съ Россіей, но лично, какъ господарь, такъ и паша, съ конфедератами общаго ничего не имѣютъ и поддерживать ихъ не будутъ.

Съ Турціей, слѣдовательно, надо было держать себя настороже, тѣмъ болѣе что военныя дѣйствія происходили вблизи ея границъ, и случайное недоразумѣніе могло послужить сигналомъ къ войнѣ. Все это было принято къ свѣдѣнію, и когда войска выступили изъ Баръ, чтобы окончательно очистить всю южную часть Польши отъ конфедератскихъ шаекъ, то ближе всѣхъ къ турецкой границѣ пустили польскія войска Браницкаго, а русскіе отряды Кречетникова и графа Апраксина пошли—первый на Виницу, а второй черезъ Брацлавъ [1]). Кавалерія, двигавшаяся широкимъ фронтомъ, заняла все пространство отъ Днѣстра до Умани, а потому всѣ скрывавшіяся еще здѣсь шайки конфедератовъ или запорожцевъ—остатки буйной вольницы Желѣзняка и Гонты, попадались къ ней въ руки. При этомъ однажды произошла небольшая, но въ высшей степени оригинальная стычка.

Въ числѣ казачьихъ отрядовъ находился одинъ, который Подгоричани поручилъ въ командованіе Ахтырскаго полка капитана Лалоша. Слѣдуя къ Старому Константинову, онъ получилъ свѣдѣніе, что въ окрестностяхъ города появились двѣ казачьи партіи съ офицерами, которыя грабятъ, неистовствуютъ и предаютъ все огню и мечу. Встревоженный этимъ, Лалошъ пошелъ форсированнымъ маршемъ, чтобы прекратить безпорядокъ и, по указаніямъ жителей, настигъ обѣ партіи за Староконстантиновымъ, около дер. Ляховцы. Онъ увидѣлъ, дѣйствительно, донскихъ казаковъ, которые, отстрѣливаясь, пустились бѣжать. Тогда Лалошъ понесся за ними въ погоню и, пользуясь значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, окружилъ и забралъ ихъ въ плѣнъ. Къ удивленію оказалось, что это были не донцы, а переодѣтые поляки, и въ ихъ числѣ самъ митрополитъ Волошкевичъ, извѣстный изувѣръ, о которомъ мы уже говорили [2]).

Такимъ образомъ возстаніе на югѣ было подавлено, но оно съ новою силой вспыхнуло внутри самой Польши. Даже въ окрестностяхъ Варшавы появились шайки, которыя, подъ предводительствомъ Закревскаго, заняли острова, лежащіе на Вислѣ, и грабили проходившія мимо нихъ торговыя суда. Для водворенія спокойствія въ краѣ, Репнинъ вызвалъ въ Варшаву Ахтырскій гусарскій полкъ, который прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ и вмѣстѣ съ Нижегородскимъ полкомъ образовалъ отдѣльный, вполнѣ самостоятельный летучій кавалерійскій отрядъ, порученный въ командованіе Подгоричани.

Но въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ ему не удалось участвовать. Война съ Турціей была уже объявлена, и отрядъ Подгоричани, назначенный по новому расписанію въ первую армію князя Голицына, направленъ былъ въ Луцкъ, гдѣ собирались войска, подходившія изъ Литвы и Польши.

---

1) Журналъ Кречетникова за 1768 г., іюнь мѣсяцъ.
2) Тамъ же.

IV.

(1769 г.).

Ахтырскій полкъ въ дѣйствующей арміи.—Охрана гусарами южныхъ границъ.—Первая встрѣча съ турками подъ Новоселицами.—Участіе полка въ блокадѣ Хотина.—Блистательное дѣло 19 апрѣля.—Отступленіе за Днѣстръ и пограничная служба.—Бой на переправѣ 19 іюня.—Бой у д. Пашковцы.—Вторая блокада Хотина.—Сраженіе 22 іюля и отзывъ о гусарахъ главнокомандующаго.—Прибытіе на театръ войны арміи верховнаго визиря и отступленіе князя Голицына.—Попытки турокъ переправиться черезъ Днѣстръ на нашу сторону.—Передовое дѣло 14 августа.—Пораженіе турокъ 29 августа и взятіе Хотина.—Участіе Ахтырскаго полка въ занятіи Молдавіи.

Осенью 1768 года, когда война между Россіей и Турціей становилась неизбѣжной, военная коллегія потребовала, чтобы всѣ кавалерійскіе полки находились непремѣнно въ полномъ составѣ, полагая по 150 всадниковъ въ каждомъ эскадронѣ, или въ пяти эскадронныхъ полкахъ 750 строевыхъ конныхъ нижнихъ чиновъ. Полковымъ командирамъ приказано было немедленно купить недостающихъ лошадей, не стѣсняясь породой, ростомъ и мастью. Ахтырскому полку не трудно было пополнить свой недочетъ, такъ какъ изъ мѣсячныхъ рапортовъ видно, что въ рядахъ его къ этому времени недоставало только 27 лошадей [1]).

Война еще не была объявлена, а полки, назначенные къ походу [2]), со всѣхъ сторонъ направились уже къ нашимъ южнымъ границамъ. Ахтырскій полкъ также выступилъ изъ Варшавы въ октябрѣ мѣсяцѣ и 7 ноября 1768 года прибылъ въ Луцкъ, гдѣ собирался особый обсерваціонный корпусъ генералъ-аншефа Олица. При развитіи дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, корпусъ этотъ долженъ былъ войти въ общій составъ главной дѣйствующей арміи, формировавшейся подъ начальствомъ князя Александра Михайловича Голицына въ Кіевѣ, а до того времени на немъ лежала защита нашихъ южныхъ предѣловъ. Четыре гусарскіе полка: Ахтырскій, Харьковскій, Сербскій и Венгерскій, составили отдѣльный кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго и выдвинуты были къ Полонному, Бару и Староконстантинову. Такимъ образомъ, Ахтырцамъ снова пришлось стоять въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя еще такъ недавно были

---

[1]) Опись 47, св. 182. Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Указъ военной коллегіи и рапортъ генералъ поручика Салтыкова 30-го октября 1768 г.

[2]) См. карту театра военныхъ дѣйствій.

свидѣтелями ихъ подвиговъ. Турецкая война, конечно служила обычною темой для разговоровъ уже потому, что самые элементы, изъ которыхъ сложился Ахтырскій полкъ—потомковъ староднѣпровскихъ казаковъ, сербовъ и валаховъ, всѣ они являлись исконными врагами мусульманскаго міра. Манифестъ о войнѣ полученъ былъ, однакоже, поздно, передъ самыми рождественскими праздниками, а потому всѣ были увѣрены, что военныя дѣйствія начнутся не ранѣе весны,—какъ вдругъ 15-го января 1769 года 70 тысячъ крымскихъ татаръ, предводимыхъ самимъ Крымъ-Гирей-ханомъ, внезапно вторглись въ южную Россію и принялись опустошать Бахмутскую и Елисаветградскую провинціи. Охрана ихъ лежала на второй арміи Румянцева, но тѣмъ не менѣе тревога подняла на ноги и корпусъ Олица, стоявшій въ окрестностяхъ Луцка. Князю Прозоровскому тотчасъ приказано было подвинуться впередъ, чтобы не допустить вторженія непріятеля въ Польшу, или зайти ему въ тылъ и отрѣзать отъ Днѣстра, если бы онъ направился къ Кіеву. 18-го января Прозоровскій занялъ двумя гусарскими полками Староконстантиновъ, а два остальные полка, Ахтырскій и Харьковскій, оставилъ назади наблюдать все пространство по р. Горыни, между Ямполемъ и Заславлемъ. Три эскадрона Ахтырцевъ съ секундъ-маіоромъ Витковичемъ расположились въ м. Славутѣ, отдѣливъ отъ себя значительныя партіи въ разныя стороны для наблюденія за переправами, а два эскадрона съ капитаномъ Гангебловымъ заняли Острогъ, имѣя подъ своимъ наблюденіемъ такой огромный районъ, что, за раскомандированіемъ мелкихъ разъѣздныхъ партій, эскадроны находились менѣе, нежели въ половинномъ числѣ рядовъ. Когда Прозоровскій 6-го февраля потребовалъ ихъ къ себѣ въ Староконстантиновъ, то, они за невозможностію собрать всѣ раскомандированныя партіи, явились изъ Острога въ составѣ только пяти офицеровъ и 151 нижнихъ чиновъ, вслѣдствіе чего и были сведены въ одинъ эскадронъ [1]). Тогда на усиленіе Прозоровскаго Олицъ выслалъ сначала два полка карабинеровъ изъ Луцка, потомъ пѣхотный полкъ изъ Кіева и, наконецъ, остальные три эскадрона ахтырцевъ изъ м. Славуты. Въ военныхъ дѣйствіяхъ отряду Прозоровскаго не пришлось, однако, участвовать: татары не пошли дальше Уманщины и вернулись за Бугъ. Зато Бахмутская и Елисаветградская провинціи были ими буквально опустошены. Одного скота угнано болѣе 32-хъ тысячъ головъ, сожжено болѣе двухъ тысячъ домовъ и 1200 жителей уведены въ плѣнъ.

Это было *послѣднее* въ нашей исторіи татарское нашествіе.

Изъ опасенія, чтобы крымскій ханъ не повторилъ набѣга, Прозоровскій со всѣмъ отрядомъ оставленъ былъ для содержанія разъѣздовъ по Днѣстру и Бугу. Ахтырскому полку пришлось при этомъ расположиться въ Острогѣ и принять участіе въ цѣломъ рядѣ небольшихъ набѣговъ съ цѣлью уничтоженія пограничныхъ турецкихъ селеній, которыя могли служить татарамъ убѣжищемъ. Но главное, что изнуряло въ то время нашу кавалерію,—это общій недостатокъ фуража, происходившій какъ отъ скопленія войскъ, такъ и отъ истребленія его въ сосѣднихъ провинціяхъ татарами. На фуражировки

[1]) Изъ бумагъ Олица. Дѣло 1769 года № 386. Воен.-Уч. Арх.

приходилось ѣздить очень далеко, и счастливы были тѣ, кому удавалось тѣмъ или другимъ путемъ захватить фуражъ у жителей. Полки отнимали его другъ у друга, а на провіантскихъ чиновниковъ, спѣшившихъ заготовить его для цѣлой арміи, въ тѣхъ районахъ, гдѣ стояли кавалерійскіе полки, смотрѣли какъ на личныхъ враговъ и мало церемонились съ ними. Борьба шла, можно сказать, за существованіе. Подобная исторія случилась однажды и въ нашемъ Ахтырскомъ полку. Поручикъ Шутовичъ, посланный на фуражировку, заѣхалъ въ м. Коростышевъ, гдѣ ему удалось купить 50 возовъ сѣна и 25 четвертей овса. Довольный своею удачей, онъ расположился ночевать на постояломъ дворѣ, разсчитывая съ зарею отправиться въ путь, какъ вдругъ явился провіантскій чиновникъ Кушниковъ, въ сопровожденіи пѣхотнаго офицера прапорщика Мукашева, очевидно приставленнаго къ нему въ видахъ охраны его отъ обидъ или насилій.

— Поручикъ!—сказалъ Кушниковъ, обращаясь къ Шутовичу,—извольте сдать мнѣ фуражъ, потому что покупать его здѣсь нельзя: я заготовляю его для цѣлой арміи,—а вотъ и ордеръ его сіятельства главнокомандующаго.

Шутовичъ принялъ это какъ личную обиду.

— Фуража я вамъ не отдамъ,—отвѣчалъ онъ,—потому что имѣю такой же ордеръ отъ своего начальства. А я вамъ вотъ что скажу: если вы заготовляете его для цѣлой арміи, то и можете закупать его по цѣлому краю, а я для вашего спокойствія не намѣренъ ѣздить за 60 верстъ и мучить лошадей, которыя нужны для боя.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Кушниковъ,—я долженъ буду арестовать его или взять силой!

— А! силой!...—закричалъ взбѣшенный Шутовичъ, — Гусары! фухтелей!...

Но фухтеля оказались ненужными, такъ какъ и чиновникъ, и его спутникъ моментально исчезли. Черезъ полчаса они явились, однако, съ командою солдатъ, вошли во дворъ, заперли на замокъ ворота и приставили къ возамъ часовыхъ. Этого Шутовичъ уже не вынесъ. Въ одну минуту замки были отбиты, ворота сорваны съ петель и команда разогнана. Пока возы выѣзжали со двора на дорогу, сопровождаемые конными гусарами, Шутовичъ остался, чтобы расправиться съ тѣми, кого считалъ оскорбителями своей гусарской чести. Кушниковъ благоразумно исчезъ, но Мукашевъ попался подъ горячую руку, и вотъ что писалъ онъ потомъ въ жалобѣ, поданной имъ князю Голицыну: „Поручикъ Шутовичъ силкомъ вывезъ фуражъ, а меня самого, какъ бывшаго тутъ же при возахъ, самолично, своими руками, принялся бить, а когда утомился, то приказалъ продолжать избіеніе меня своимъ гусарамъ, которые также зѣло меня били. Когда же я, вырвавшись изъ сихъ злодѣйскихъ рукъ, побѣжалъ на свою квартиру и заперся, то поручикъ Шутовичъ вышибъ двери и вторительно учинилъ избіеніе меня, а въ окончаніи всѣхъ своихъ злодѣяній отнялъ у меня шпагу, что могутъ подтвердить всѣ находившіеся въ моей квартирѣ люди“ [1]).

Главнокомандующій препроводилъ жалобы Мукашева и Кушни-

---

[1]) Изъ бумагъ Олица. Дѣло 1769 года, № 386. Воен.-Уч. Арх.

кова къ генералу Олицу—и загорѣлось дѣло. Чѣмъ оно окончилось, свѣдѣній нѣтъ, но Шутовичъ остался въ полку, и его фамилія не одинъ разъ встрѣчается въ реляціяхъ въ числѣ отличившихся. Подгоричани умѣлъ отстаивать своихъ офицеровъ, но, къ сожалѣнію, эта была послѣдняя услуга, оказанная имъ полку. Объѣзжая безпрерывно посты въ суровую зиму, несмотря ни на какіе морозы и вьюги, онъ сильно простудился, отморозилъ себѣ ноги и долженъ былъ уѣхать въ годовой отпускъ, сдавъ временное командованіе полкомъ подполковнику Пишчевичу. Съ этимъ новымъ командиромъ полкъ и началъ первую турецкую кампанію 1769 года.

Наступила, наконецъ, весна. Армія князя Голицына сосредоточилась въ окрестностяхъ Староконстантинова, и передовой отрядъ князя Прозоровскаго составилъ ея авангардъ. Онъ первый перешелъ черезъ Днѣстръ и въ ночь съ 14-го на 15-е апрѣля сталъ на турецкой землѣ въ дер. Новоселицахъ. Турки объ этомъ ничего не знали, а потому тысячная толпа ихъ, слишкомъ поздно высланная изъ Хотина, чтобы слѣдить за нашей переправой, совершенно неожиданно наткнулась на гусаръ и, быстро повернувъ назадъ, поскакала въ крѣпость. Ахтырцы, выскочившіе изъ лагеря, однако, настигли и порубили бывшихъ въ хвостѣ. Это была первая стычка съ турками, въ которой гусары приняли участіе и привели съ собою нѣсколько плѣнныхъ. Узнавъ, что Новоселицы заняты только небольшимъ отрядомъ, турки рѣшили его уничтожить и 17-го апрѣля выслали изъ Хотина десятитысячную конницу, подъ начальствомъ Гассанъ-паши, котораго называли „Кереманъ“ (Мститель).

Въ это самое время отрядъ князя Прозоровскаго шелъ изъ Новоселицъ къ Хотину, и противники неожиданно встрѣтились близъ дер. Вертитовцы, когда гусары переходили глубокую лощину. Передовые патрули дали знать поздно, и гусары едва успѣли перестроиться изъ походныхъ колоннъ, какъ были атакованы турецкой конницей. Ударъ направленъ былъ на нашъ правый флангъ, гдѣ стояли казаки Поздѣева. Донцы не выдержали и повернули назадъ. Тогда Прозоровскій схватилъ первые попавшіеся ему подъ руку пять эскадроновъ гусаръ (въ этомъ числѣ были два эскадрона Ахтырцевъ) и бросился съ ними въ сѣчу. Въ эту минуту другая толпа, обскакавшая насъ слѣва, ударила на казаковъ Жандра. Къ счастію, орудія, выдвинутыя на самый край лощины, остановили напоръ непріятеля, а три остальные эскадрона Ахтырцевъ и три эскадрона харьковцевъ, подъ общею командой полковника Чорбы, во-время поддержали казаковъ. И здѣсь, и тамъ нападенія были отбиты, турки обратились въ бѣгство. Всѣ одиннадцать эскадроновъ гусаръ, управляемые лично княземъ Прозоровскимъ, пустились въ погоню, поддерживаемые сзади двумя остальными полками, которые шли за ними галопомъ. Первая линія не нуждалась, однако, въ поддержкѣ: она сидѣла на плечахъ у турокъ, гнала ихъ, рубила и топтала конями. Гусары положили на мѣстѣ до трехсотъ человѣкъ, отбили четыре знамени и захватили двѣ пары литавръ, составлявшихъ одинъ изъ атрибутовъ пашинскаго званія. Въ Ахтырскомъ полку убитыхъ не было, но ранено 7 гусаръ и выбыло 12 лошадей [1]).

[1]) В.-Уч. Арх. № 378.

окончилось,
фамилія не
нихся. Под-
сожалѣнію,
кая безпре-
морозы и
и долженъ
омандованіе
омандиромъ

осредоточи-
вой отрядъ
й перешелъ
ь на турец-
го не знали,
изъ Хотина,
иданно на-
ла въ крѣ-
и порубили
въ которой
плѣнныхъ.
домъ, турки
ина десяти-
ораго назы-

ь изъ Ново-
лись близъ
кину. Пере-
рестроиться
конницей.
яли казаки
Прозоров-
скадроновъ
бросился съ
нась слѣва,
инутыя на
остальные
щею коман-
И здѣсь, и
. Всѣ один-
Прозоров-
остальными
нуждалась,
гнала ихъ,
о трехсотъ
итавръ, со-
хтырскомъ
лошадей [1]).

На другой день вся наша 39-тыс. армія подошла къ Хотину, и 19-го апрѣля, въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, князь Голицынъ произвелъ рекогносцировку. Гусары стояли на правомъ флангѣ. Поражаемый сильнымъ огнемъ нашихъ батарей, поставленныхъ на высотахъ, непріятель долженъ былъ покинуть передовой ретраншаментъ; но едва онъ сталъ очищать укрѣпленіе, какъ сильный кавалерійскій отрядъ, высланный изъ крѣпости, бросился на нашихъ гусаръ, чтобы не допустить ихъ до преслѣдованія своей отступавшей пѣхоты. Это ему удалось вполнѣ. Пока на правомъ флангѣ шелъ кавалерійскій бой, турки, покинувшіе ретраншаментъ, успѣли втянуться въ крѣпость, зажгли форштадтъ и остановили дальнѣйшіе наши успѣхи.

Рекогносцировка показала, что крѣпость занята 30-тысячнымъ гарнизономъ и что овладѣть ею безъ помощи осадной артиллеріи нельзя. При русской арміи между тѣмъ не было ни осадныхъ орудій, ни запасовъ продовольствія, которыхъ нельзя было найти также и во всей опустошенной Молдавіи. Поэтому князь Голицынъ рѣшилъ возвратиться за Днѣстръ и, занявъ крѣпкую позицію въ окрестностяхъ Меджибожа, заняться устройствомъ подвижныхъ магазиновъ. 21-го апрѣля войска двинулись обратно; но едва они отошли на нѣсколько верстъ, какъ прискакалъ разъѣздъ съ извѣстіемъ, что къ Хотину подходитъ значительный корпусъ, а вслѣдъ затѣмъ передъ нами появилась и вся турецкая конница. Эта пятитысячная конница, только-что прибывшая изъ Анатоліи, подъ командой Абазы-паши, кинулась прямо на наши обозы. У насъ не ожидали нападенія, а потому при вагенбургѣ находилась только одна рота пѣхоты. Тревога поднялась въ цѣлой арміи. Первыми прискакали къ обозу два эскадрона Ахтырцевъ и два эскадрона сербскихъ гусаръ, подъ командой бригадира Текелли. Видя, что непріятель увозитъ уже добычу, горсть нашихъ смѣлыхъ всадниковъ бросилась прямо на турокъ и сналета врѣзалась въ ихъ пятитысячную массу. Разгромъ турецкой конницы произошелъ ужасный. Гусары, затонувшіе въ этой громадной толпѣ, мелькали то здѣсь, то тамъ, вездѣ прокладывая себѣ широкую дорогу, и „гнали татаръ, какъ бы какую безъоборонную скотину“ [1]). Дѣйствительно, въ своихъ развивающихся ментикахъ, они могли показаться татарамъ какими-то крылатыми демонами, которыхъ не брали ни сабли, ни стрѣлы. Между тѣмъ самъ Прозоровскій съ остальными тремя эскадронами Ахтырцевъ во весь опоръ обскакалъ непріятеля справа и, отрѣзавъ его отъ Хотина, отбросилъ къ Пруту. Только на берегу этой рѣки остановились, наконецъ, наши эскадроны и отошли назадъ къ Новоселицамъ. На возвратномъ пути насчитали болѣе трехсотъ непріятельскихъ тѣлъ, разбросанныхъ по всей дорогѣ, гдѣ скакали гусары. Прозоровскій отбилъ назадъ всю добычу, всѣхъ плѣнныхъ, захватилъ три знамени, литавры и серебряную пашинскую булаву. Кромѣ того, въ нашихъ рукахъ осталось 50 навьюченныхъ верблюдовъ и до ста муловъ съ багажомъ, среди котораго нашлись и мѣшки съ отрубленными головами,—кровавые трофеи, добытые турками въ нашемъ обозѣ. Остальной добычи: палатокъ, лошадей, оружія, доро-

---

[1]) Журн. воен. дѣств. арміи 1769 г. и В.-Уч. Арх. № 387.

гихъ конскихъ уборовъ и даже денегъ, было такъ много, что ея хватило на весь отрядъ Прозоровскаго. Нельзя не отмѣтить одного весьма замѣчательнаго факта: гусары въ этомъ бою не потеряли ни одного человѣка ни убитымъ, ни раненымъ [1]): точно они и въ самомъ дѣлѣ были заколдованы и гнали не людей, а „безъоборонную скотину". „При семъ случаѣ", доносилъ князь Голицынъ, „наши гусары отмѣнную храбрость и неустрашимость показали" [2]).

Читая подобныя донесенія, нельзя себѣ дать достаточно яснаго отчета, почему военные писатели и изслѣдователи войнъ XVIII вѣка говорятъ обыкновенно, что наша конница далеко уступала турецкой и не могла состязаться съ нею въ открытомъ бою. Быть можетъ, отзывы эти относятся къ нашей тяжелой кавалеріи; но что касается гусаръ, то не только изъ двухъ приведенныхъ выше примѣровъ, но и изъ дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что они гдѣ бы ни встрѣчались съ турками, почти всегда выходили побѣдителями, несмотря на подавляющее превосходство противника въ силахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и донесенія главнокомандующихъ и отзывы самой Императрицы.

По возвращеніи за Днѣстръ отрядъ Прозоровскаго занялъ м. Баръ для содержанія разъѣздовъ по нашей границѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ извѣстилъ князя Голицына, что къ Хотину приближается стотысячная армія верховнаго визиря и что передовые разъѣзды ея показываются уже на томъ берегу Днѣстра. Скоро одинъ изъ турецкихъ отрядовъ переправился на нашу сторону и 5-го іюня занялъ д. Браги. Два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ съ маіоромъ Мисюревымъ попытались было помѣшать переправѣ, но увидѣвъ, что къ берегу приближается нѣсколько тысячъ пѣхоты, вынуждены были отойти назадъ. Тогда Прозоровскій со всѣмъ Ахтырскимъ полкомъ самъ произвелъ рекогносцировку, но, убѣдившись, что непріятель переправился весьма въ значительныхъ силахъ, возвратился въ лагерь, оставивъ для наблюденія за турками только казачью цѣпь, да въ резервѣ за нею два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ, подъ командою маіора Генинга. Этому небольшому отряду и пришлось принять на себя первый ударъ непріятеля. Передъ самымъ вечеромъ двухтысячная турецкая конница, высланная изъ дер. Браги, скрытно пробралась лощиной и вдругъ бросилась на казаковъ, которые, опасаясь быть охваченными съ тыла, повернули назадъ и ускакали въ лагерь. Гусары остались одни. Они задержали первый напоръ непріятеля, въ десять разъ превосходившаго ихъ силами, но затѣмъ медленно шагъ за шагомъ, стали отходить назадъ на соединеніе съ княземъ Прозоровскимъ. Турецкая конница горячо ихъ преслѣдовала, и бой окончился только ночью. Прозоровскій жаловался, „что донскіе казаки ни чуть не держатся и совсѣмъ не подкрѣпляютъ гусаръ", хотя съ похвалой отзывается объ атаманѣ Поздѣевѣ, „который весьма ихъ останавливалъ" [3]).

Войска, замѣченныя нами у д. Браги, составляли только аван-

---

[1]) Журналъ воен. дѣйствій арміи 1769 г. и мѣсячные рапорты полка за 1769 годъ.
[2]) Журн. воен. дѣйствій арміи 1769 г. Донес. отъ 21 апр.
[3]) В.-Уч. Арх., № 425.

гардъ 25-тысячнаго корпуса, который подъ начальствомъ Абазы-паши, долженъ былъ переправиться черезъ Днѣстръ на слѣдующій день. Дѣйствительно, въ четыре часа по полудни 19 іюня съ передовыхъ постовъ дали знать, что турки наступаютъ. Прозоровскій извѣстилъ объ этомъ главную квартиру, а между тѣмъ, убѣдившись, что передъ нимъ находится цѣлый турецкій корпусъ, котораго онъ остановить не въ силахъ, приказалъ начать отступленіе. Пока полки одинъ за другимъ вытягивались изъ лагеря на большую дорогу, самъ Прозоровскій отправился въ казачью цѣпь, чтобы ближе наблюдать за непріятелемъ. Но не отъѣхалъ онъ отъ бывшаго лагеря и двухъ-трехъ верстъ, какъ увидѣлъ, что всѣ казаки скачутъ назадъ въ совершенномъ безпорядкѣ, „безъоборонно“, а на ихъ плечахъ несется вся турецкая конница. Сообразивъ, что остановить бѣгущихъ будетъ невозможно, Прозоровскій самъ поскакалъ назадъ и, догнавъ Ахтырскій гусарскій полкъ, отступавшій въ хвостѣ колоны, повернулъ его на непріятеля. „Три эскадрона, предводимые подполковникомъ Пишчевичемъ“, доносилъ Прозоровскій князю Голицыну, „съ мѣста пошли галопомъ и, пропустивъ мимо себя бѣгущихъ казаковъ, бросились на турокъ такъ храбро, что я истинно вашему сіятельству скажу, что храбрѣе уже невозможно“ [1]) Эскадроны эти, почти моментально охваченные турецкою конницей, были отрѣзаны отъ своихъ и поставлены въ такое положеніе, что въ первую минуту ихъ даже считали погибшими. Но ахтырцы въ этотъ день превзошли самихъ себя. Окруженные у самыхъ плотинъ, проложенныхъ черезъ топкія болота, они стремительной атакой прорвали охватившее ихъ кольцо и, отбросивъ турокъ въ болота, погнали ихъ отъ плотины къ плотинѣ, устилая путь изрубленными тѣлами. Выбившись, наконецъ, изъ топкихъ мѣстъ, Ахтырцы наткнулись на свѣжія силы, но въ эту минуту подоспѣли остальныя войска. Егеря и гусары такъ дружно атаковали непріятеля, „что турки“, какъ доносилъ князь Голицынъ, „не стерпя сего жестокаго удара, бросились тотчасъ въ бѣгство назадъ за Днѣстръ съ такою робостью, что ни однажды не остановились и не поворотились, чтобы хотя нѣкоторый гонящимся за ними дать отпоръ, отъ чего и произошло, что наши легкія войска на погонѣ множество турокъ перекололи и много жъ ихъ въ рѣкѣ потопили, а сами понесли незначущую потерю“ [2]). Въ Ахтырскомъ полку убитъ одинъ гусаръ, семь ранено, и выбыло изъ строя 17 лошадей. Видя полное пораженіе своей конницы, турецкій корпусъ повернулъ назадъ и возвратился въ Хотинъ. Гусары въ погонѣ за нимъ сами перебрались черезъ Днѣстръ и гнали турокъ до самыхъ воротъ крѣпости. Ахтырцы отбили во время преслѣдованія два знамя.

Вотъ что писалъ объ этомъ Прозоровскій въ своемъ донесеніи [3]): „Храбрости нашихъ гусаръ въ семъ случаѣ я довольно описать и похвалить не могу, особенно подполковника Пишчевича, храбрѣе котораго уже быть невозможно... Видя всѣхъ казаковъ бѣгущими безъ обороны, можно было ждать, что всякаго робость возьметъ [4]), а гу-

---

[1]) В.-Уч. Арх. № 425.
[2]) Жур. воен. дѣйст. арміи въ 1769 г. Донесеніе отъ 19 іюня.
[3]) В.-Уч. Арх. № 425. Рапортъ кн. Прозоровскаго.
[4]) Казаки при поспѣшномъ отступленіи потеряли до 60 чел. убитыми и ранеными.

сарская храбрость перемѣнила все и не дала непріятелю похвалиться, что онъ насъ прогналъ".

Когда гусары возвратились изъ дѣла, на помощь къ нимъ подошелъ значительный отрядъ, высланный княземъ Голицынымъ изъ главной квартиры. Прозоровскій занялъ свой прежній лагерь, а прибывшія войска—8 батальоновъ пѣхоты и шесть карабинерныхъ полковъ—подъ командой генерала Штофельна, расположились позади, чтобы служить ему ближайшимъ резервомъ.

Вскорѣ получены были извѣстія, что верховный визирь, двигавшійся къ Хотину, вдругъ измѣнилъ направленіе и пошелъ на Бендеры, намѣреваясь вторгнуться опять въ Елисаветградскую провинцію. Князь Голицынъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было двинуться за Днѣстръ, чтобы усиленными дѣйствіями противъ Хотина остановить вооруженіе, или, по крайней мѣрѣ, заставить визиря отдѣлить значительную часть войскъ для защиты крѣпости. Въ ночь на 24-е іюня отрядъ князя Прозоровскаго первый перешелъ черезъ Днѣстръ, а за нимъ на слѣдующій день переправилась и вся главная армія. Оставивъ въ сторонѣ густой и трудно проходимый Буковинскій лѣсъ, Голицынъ сдѣлалъ кружный обходъ, и только 30 іюня наши гусары имѣли первое горячее дѣло съ непріятелемъ между деревнями Ракитиной и Черлени. Бой шелъ цѣлый день. Ахтырскій полкъ въ столкновеніяхъ потерялъ 6 человѣкъ убитыми, 12 ранеными и пять лошадей [1]). Несмотря на то, непріятелю не удалось задержать наше движеніе, и князь Прозоровскій 1-го іюня занялъ позицію у д. Пашковцы, въ шести верстахъ отъ Хотина. Опять передъ нашими войсками вставали тѣ же лѣсистыя высоты и тѣ же ретраншаменты, которые уже были взяты ими въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; но теперь ихъ защищала новая 70-тысячная армія румелійскаго сераскира Магомета-паши. И вотъ на слѣдующій день, 2-го іюля, едва авангардъ генерала Штофельна, имѣя гусарскіе полки Прозоровскаго на лѣвомъ флангѣ, сталъ подниматься на высоты, какъ вся турецкая конница обрушилась на нашу кавалерію. Гусары, охваченные со всѣхъ сторонъ, были опрокинуты; карабинерные полки также смяты, и только гренадеры Штофельна штыками и рогатками остановили, наконецъ, бѣшеный натискъ турокъ. Между тѣмъ подошли главныя силы князя Голицына, и отрядъ Прозоровскаго передвинутъ былъ для прикрытія нашего праваго фланга. Бой начался упорный. Убѣдившись, наконецъ, что всѣ усилія остановить нашу пѣхоту будутъ безплодны, янычары снова охватили нашихъ гусаръ съ фланговъ и тыла. Видя опасное положеніе конницы, уже сбитой съ позиціи, Голицынъ двинулъ на помощь къ ней Апшеронскій пѣхотный полкъ и два батальона гренадеръ, которые возстановили бой и дали возможность гусарамъ удержаться на мѣстѣ. Турки наконецъ, отступили въ ретраншаменты, но гусары не дали имъ отойти спокойно и захватили обозъ, состоявшій изъ 250 повозокъ [1]). Въ этотъ день Ахтырцы потеряли 6 человѣкъ ранеными, одного пропавшимъ безъ вѣсти и пять лошадей убитыми [2]).

Началась осада Хотина. Гусарскіе полки, выдвинутые къ сторонѣ

---

[1]) В. Уч. Арх. № 405.
[2]) В. Уч. Арх. № 378.

Бендеръ, наблюдали всѣ дороги, по которымъ могли появиться войска верховнаго визиря.

15-го іюля одинъ изъ ахтырскихъ эскадроновъ, ходившій въ разѣздъ съ маіоромъ Мисюревымъ, встрѣтилъ недалеко отъ м. Липчанъ трехтысячную конницу и отступилъ уже съ боемъ. Турки пытались отрѣзать ему отступленіе, но храбрый Мисюревъ успѣлъ проложить себѣ дорогу оружіемъ. Другой эскадронъ открылъ такую же партію по дорогѣ къ Яссамъ. Все это показывало приближеніе къ Хотину большихъ непріятельскихъ силъ, а потому князь Прозоровскій самъ произвелъ рекогносцировку и невдалекѣ отъ Яссъ встрѣтилъ крымскаго хана, двигавшагося къ Хотину съ 30-тысячною арміею; за нимъ въ нѣсколькихъ переходахъ шелъ новый сераскиръ Малдаванчи-паша, а еще далѣе—главныя силы верховнаго визиря. Прозоровскій отступилъ въ свой лагерь. Такъ прошло еще два дня въ безпрерывныхъ аванпостныхъ стычкахъ, а въ полдень 22-го іюля передъ нами появилась вся сила крымскаго хана. Чтобы войти въ связь съ гарнизономъ крѣпости, татарамъ прежде всего нужно было разбить слабый отрядъ Прозоровскаго, и главный ударъ направленъ былъ именно на него. Атака была такъ стремительна, что татары, опрокинувъ гусарскіе полки, проскакали до самыхъ редутовъ, гдѣ были остановлены пѣхотой и тяжелой конницей. Тогда они повернули назадъ, но встрѣченные опять нашими гусарами, понесли большія потери. Нѣсколько разъ непріятель возобновлялъ свои нападенія, нѣсколько разъ опрокидывалъ онъ наши слабѣйшіе числомъ гусарскіе полки, но не могъ сбить ихъ съ поля. Гусары устраивались быстро и въ свою очередь нападали на татаръ съ такою энергіей, что, въ концѣ концовъ, не только отстояли свою позицію, не только не позволили непріятелю прорваться въ крѣпость, но и заставили его отойти отъ Хотина. Въ этомъ бою, продолжавшемся до поздней ночи, отрядъ Прозоровскаго потерялъ двухъ офицеровъ, 73 гусара и 55 лошадей. Изъ этого числа въ Ахтырскомъ полку убито 4 и ранено 6 нижнихъ чиновъ, а лошадей выбыло 9 [1]). „Уронъ сей“, писалъ Голицынъ въ своемъ донесеніи, „за ни что почитать надлежитъ въ разсужденіи великаго числа непріятельскаго войска, великаго у него урона и той храбрости, съ каковою наши гусары всегда, а при семъ случаѣ особливо поступали“ [2]).

„Что же касается до нашихъ гусаръ, которые главнѣйшее дѣло съ непріятелемъ имѣли“, говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій, „то показали они при томъ такую храбрость и неустрашимость, что главнокомандующій не можетъ преминуть, чтобы не отдать въ томъ сему войску со всѣми его полковыми и ротными командирами очевидную справедливость и достойную похвалу“ [3]).

Положеніе наше подъ крѣпостью тѣмъ не менѣе день ото дня становилось опаснѣе. На помощь къ крымскому хану подошелъ сераскиръ, и передъ нами стояла теперь 120-тысячная армія. Гусарскіе полки князя Прозоровскаго отозваны были назадъ и присоединились

---

[1]) В.-Уч. Арх. № 378.
[2]) Жур. воен. дѣйст. арміи 1769 г. 22 іюля.
[3]) В.-Уч. Арх. № 405.

къ главной квартирѣ. Непріятель тотчасъ занялъ покинутую ими позицію и, такимъ образомъ, открылъ свободное сообщеніе съ крѣпостью. 26-го іюля въ татарскомъ станѣ замѣчено было необыкновенное движеніе, а въ полдень татары и турки повели стремительную атаку на наши передовые редуты. Нападеніе, однако, было отбито, и наши гусары, высланные княземъ Голицынымъ, такъ горячо преслѣдовали и рубили бѣгущихъ, что „привели ихъ въ совершенный безпорядокъ". Только одною этою попыткой и ограничился сераскиръ Молдаванчи-паша; онъ расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ и сталъ ожидать верховнаго визиря, находившагося только въ нѣсколькихъ переходахъ. Въ свою очередь и князь Голицынъ не рѣшался атаковать сераскира, понимая, что даже побѣда не принесетъ ему никакихъ результатовъ: сераскиръ, конечно, отступитъ на соединеніе съ верховнымъ визиремъ, а крѣпость все-таки взять будетъ нельзя, такъ какъ гарнизонъ ея былъ усиленъ и снабженъ продовольствіемъ. Съ другой стороны, князь Голицынъ считалъ себя не въ силахъ противостоять двумъ соединеннымъ арміямъ, а потому въ ночь съ 1-го на 2-е августа осада была снята, и русскія войска отошли обратно за Днѣстръ.

Это вторичное отступленіе произвело сильное раздраженіе въ Петербургѣ [1]), тѣмъ болѣе что въ продолженіе іюля отъ Голицына получались постоянныя донесенія объ успѣхахъ. Еще недавно Императрица писала ему: „Изъ реляціи вашей я усмотрѣла, что пришедшій къ Хотину секурсъ нашими несравненными войсками разбитъ. Храбрымъ нашимъ гусарамъ, которыхъ вы столько хвалите, скажите мое удовольствіе и спасибо. Казакамъ напоминайте прежніе храбрые поступки сихъ легкихъ войскъ въ прошедшихъ войнахъ, должность и присягу ихъ и великія милости, кои они получали за то отъ предковъ нашихъ, и тѣ, кои отъ насъ ожидать имѣютъ. Я не скучаю вашимъ передъ Хотиномъ пребываніемъ и разсуждаю, что иного предпріятія вамъ сдѣлать не должно, какъ взять городъ съ меньшей и возможною потерей, а если визирь пожалуетъ къ вамъ въ гости, то, призвавъ Бога въ помощь, бить и его". И тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное на Императрицу извѣстіемъ, что наши войска отступили, не бившись не только съ визиремъ, но и съ передовою его ратью". Смѣна князя Голицына была рѣшена, и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Румянцевъ. „Армія наша, отступивъ за Днѣстръ", писала Императрица новому главнокомандующему, „несомнѣнно подала поводъ непріятелю хотя безъ причины возгордиться. Но я надѣюсь, что вы не долго дозволите непріятелю пользоваться такимъ пустымъ тщеславіемъ"...

Но пока Румянцевъ ѣхалъ къ арміи, обстоятельства опять перемѣнились. Отойдя за Днѣстръ, Голицынъ расположился у Каменецъ-Подольска, оставивъ гусарскіе полки князя Прозоровскаго на самой границѣ въ д. Бабишиной. Разъѣздная служба нашей кавалеріи въ этотъ періодъ кампаніи была чрезвычайно трудная, такъ какъ турки то и дѣло переправлялись черезъ Днѣстръ въ болѣе или менѣе значительныхъ силахъ. Тревоги происходили почти ежедневныя. Ходили упорные слухи, что верховный визирь намѣренъ переправиться на

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVIII.

на нашу сторону, чтобы овладѣть Каменецъ-Подольскомъ и соединиться съ польскими конфедератами. Разъѣздамъ приказано было удвоить осторожность. Гусарскіе полки, не слѣзавшіе съ сѣделъ въ теченіе почти полугода, хотя и не представляли собой уже того наряднаго красиваго войска, какимъ они явились на берега Днѣстра, но сохранили все тотъ же бодрый, молодецкій духъ и сторожевую службу отправляли бдительно. Они первые и донесли о приготовленіяхъ къ переправѣ верховнаго визиря. На зарѣ 14-го августа весь противоположный берегъ рѣки покрылся непріятельскими войсками. Казачья цѣпь отступила, и непріятель по мѣрѣ перехода на нашу сторону, сталъ располагаться на высотахъ у д. Браги. Впереди этой деревни тянулся огромный лѣсъ, занятый частью нашей пѣхоты, стоявшей въ редутахъ и засѣкахъ. Влѣво отъ него развернулись гусарскіе полки Прозоровскаго. Непріятель не сталъ ожидать, пока переправятся всѣ его силы, и тотчасъ повелъ атаку на нашу пѣхоту, стараясь вытѣснить ее съ крѣпкой позиціи. Гусары двинулись къ ней на помощь. Но, чтобы зайти въ тылъ непріятелю и отрѣзать его отъ Днѣстра, имъ предстояло или пробираться цѣликомъ черезъ глухой бездорожный лѣсъ, или же проскакать напрямикъ по узкой прогалинѣ, очерченной слѣва крутымъ обрывомъ Днѣстра, а справа опушкой бабишинскаго лѣса. Первый путь былъ немыслимъ для кавалеріи, и гусары избрали послѣдній, хотя онъ и находился подъ выстрѣлами крѣпости. Рѣшили, однако, итти наудачу; но едва наши полки появились на роковой полянкѣ, какъ встрѣчены были изъ Хотина такимъ градомъ снарядовъ, что вынуждены были повернуть назадъ. Попытка ихъ тѣмъ не менѣе заставила непріятеля обратить вниманіе на нашу кавалерію, которая такъ или иначе могла занять опасное для нихъ положеніе. Тогда татарская конница получила приказаніе прогнать нашихъ гусаръ и занять Бабишино, чтобы самой угрожать нашему тылу. Конница эта понеслась черезъ ту же полянку между Днѣстромъ и лѣсомъ, по которой не могли пройти гусары,— но полянка оказалась роковой и для турокъ. Внезапно встрѣченные изъ лѣса, почти въ упоръ, фланговымъ огнемъ русскихъ егерей, выскочившихъ на опушку, они смѣшались и, сбившись въ густую толпу, не съ разу могли повернуть назадъ. Гусары воспользовались именно этой минутой и кинулись на турокъ, не опасаясь уже крѣпостного огня, который одинаково поражалъ бы и своихъ и чужихъ. Сброшенная въ Днѣстръ, турецкая конница потерпѣла полное пораженіе, а вслѣдъ затѣмъ и пѣхота, отбитая отъ редутовъ съ огромнымъ урономъ, отступила за Днѣстръ подъ ударами нашей конницы. Переправа, такимъ образомъ, не состоялась [1]).

Дѣло 14-го августа послужило, однако, только прологомъ къ новой, еще болѣе кровопролитной битвѣ, которая разыгралась 29-го августа. Въ этотъ день переправилась вся армія верховнаго визиря, съ явнымъ намѣреніемъ дать генеральное сраженіе. Передовой отрядъ нашъ къ этому времени былъ усиленъ нѣсколькими полками пѣхоты и тяжелой конницы, а главныя силы подвинулись отъ Каменца впе-

---

[1]) Въ этотъ день въ полку были ранены прапорщикъ Герничъ, 2 гусара и 2 лошади. В.-Уч. Арх. № 378.

редъ и стали въ трехъ верстахъ отъ Днѣстра у дер. Гавриловцы. Бой начался тѣмъ, что непріятель повелъ атаку на тотъ же лѣсъ, гдѣ происходилъ бой 14-го августа, и, постепенно вытѣсняя русскую пѣхоту изъ одной засѣки въ другую, овладѣлъ уже нѣсколькими орудіями. Между тѣмъ вся турецкая конница, свыше 20 тысячъ всадниковъ, расположась на обширной полянѣ, спокойно ждала минуты, чтобы ринуться на нашу пѣхоту, когда она окончательно будетъ выбита изъ лѣса. Случись это такъ, какъ разсчитывали турки, пораженіе нашего отряда было бы неминуемо. Но въ эту минуту на ту же самую лѣсную поляну прискакала отъ Бабишина вся наша кавалерія—впереди гусары Прозоровскаго, а за ними тяжелая конница Глѣбова. Непріятель съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти малочисленные, развертывавшіеся передъ нимъ полки,—и вдругъ бросился на нихъ съ ужасающимъ крикомъ. Турки, однако, были отброшены. Тогда новыя огромныя массы устремились отъ Днѣстра и черезъ Бабишино заскакали въ тылъ нашей кавалеріи. Гусары перемѣнили фронтъ и съ честью выдержали этотъ страшный натискъ. Ахтырскій полкъ, предводимый храбрымъ Пишчевичемъ, первый понесся въ атаку и, дружно поддержанный остальными полками, обратилъ непріятеля въ бѣгство и отбилъ большое турецкое знамя. Но въ поддержку опрокинутой конницѣ неслись уже новыя толпы татаръ и спаговъ. Приходилось биться на два фронта, и Прозоровскій, чувствуя что наша малочисленная и утомленная кавалерія не въ состояніи болѣе выдерживать бой, далъ сигналъ къ отступленію. Гусары, а за ними и конница Глѣбова, повернули назадъ и галопомъ стали отходить за лѣвый флангъ нашей главной позиціи у Гавриловецъ. Никто не предвидѣлъ тогда, что этотъ-то несложный маневръ и рѣшитъ судьбу цѣлой кампаніи. Дѣло въ томъ, что турки, принимая отступленіе нашей конницы за полное ея пораженіе, казалось забыли, зачѣмъ они стояли на полянѣ, и не помышляя уже больше о нашей пѣхотѣ, всею массой устремились за конницей. Даже видъ грозной русской позиціи не образумилъ зарвавшихся турокъ, и они съ трехъ сторонъ охватили нашъ лагерь, а часть ихъ устремилась къ нашимъ обозамъ, стоявшимъ у самаго Каменца. Но на этомъ и окончились успѣхи непріятеля. Страшный огонь, открытый со всѣхъ батарей, не допустилъ ихъ до болѣе рѣшительныхъ дѣйствій и заставилъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Казалось, справедливо говоритъ Петровъ [1]), что они для того только и предприняли свою охватывающую со всѣхъ сторонъ атаку, чтобы окончательно разстроиться, понести огромную потерю и потомъ спасаться врознь, кто куда могъ. Видъ разбитой на голову конницы, гонимой гусарами и безъ оглядки скакавшей мимо лѣса къ Днѣстру, произвелъ панику и въ рядахъ турецкой пѣхоты. Успѣхи ея остановились. Между тѣмъ къ намъ подошли небольшія подкрѣпленія, засѣки были взяты обратно, и турецкая армія въ безпорядкѣ отступила за Днѣстръ. Гусары насѣли на нее у самой переправы, отбили часть турокъ отъ моста и заставили ихъ спасаться вплавь подъ огнемъ подоспѣвшей сюда артиллеріи.

---

[1]) Война Россіи съ Турціей 1769—1774 гг., т. I.

День этотъ стоилъ Ахтырцамъ только трехъ человѣкъ убитыми [1]). Знамя, отбитое ими, представлено было князю Голицыну, и на другой же день, вмѣстѣ съ донесеніемъ о побѣдѣ, отправлено имъ къ Императрицѣ.

Сраженіе 29-го августа отразилось на турецкой арміи совершеннымъ упадкомъ нравственнаго духа. Матеріальная часть находилась также въ полномъ разстройствѣ. Кормить лошадей многочисленной конницы было нечѣмъ, и непріятелю пришлось высылать своихъ фуражировъ на нашу сторону. Но такъ какъ небольшія партіи ихъ легко прогонялись нашими разъѣздами, то 5-го сентября фуражиры явились подъ прикрытіемъ пятитысячной конницы. Выскочившіе на тревогу Ахтырскій и Венгерскій гусарскіе полки попали въ засаду и были окружены. Ихъ выручилъ Харьковскій полкъ, подоспѣвшій сюда съ полковникомъ Чорбой. Къ счастью, уронъ Ахтырцевъ былъ незначительный: два гусара убиты, одинъ раненъ, и пропала одна лошадь, да двѣ были ранены [2]).

Такимъ образомъ и эта попытка турокъ не увѣнчалась успѣхомъ. Тогда визирь на слѣдующій день переправилъ черезъ Днѣстръ 12-тысячный корпусъ пѣхоты, который, расположившись въ предмостномъ укрѣпленіи, долженъ былъ служить ближайшею поддержкой своимъ фуражирамъ. „Надо полагать“, доносилъ по этому поводу Голицынъ, „что непріятель терпитъ великій недостатокъ въ фуражѣ, когда съ такою настойчивостью стремится подбирать на нашей сторонѣ такой, который оставляемъ мы сами затѣмъ, что оный въ кормъ лошадямъ совсѣмъ не годится“. Но и этотъ отрядъ, переправленный визиремъ, неожиданно постигла самая бѣдственная участь. Едва турецкія войска засѣли въ ретраншаментѣ, какъ хлынулъ проливной дождь и поднялась страшная буря; мостъ былъ сорванъ, броды исчезли, и турки очутились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Воспользовавшись этимъ, пѣхота наша въ ту же ночь атаковала предмостное укрѣпленіе, и весь 12-тысячный корпусъ былъ уничтоженъ. Остатки его, успѣвшіе бѣжать, разсѣялись по берегу Днѣстра, скрываясь въ лѣсахъ и оврагахъ, откуда поодиночкѣ перебирались въ Молдавію. Гусары и казаки ловили и забирали ихъ въ плѣнъ цѣлыми партіями. Въ нашихъ рукахъ осталось 170 знаменъ, три булавы и два большія орудія, которыми вооружено было предмостное укрѣпленіе.

Истребленіе этого отряда произвело на турокъ такое удручающее впечатлѣніе, что въ арміи верховнаго визиря произошелъ открытый мятежъ. Войска его бѣжали за Прутъ, а вслѣдъ за ними бѣжалъ и хотинскій гарнизонъ, покинувъ городъ на произволъ судьбы. 9 сентября небольшой русскій отрядъ, переправившійся черезъ Днѣстръ, подошелъ къ опустѣвшей крѣпости и водрузилъ на ея бастіонѣ русское знамя. Потомъ со всѣхъ крѣпостныхъ батарей началась изъ непріятельскихъ орудій пальба, на которую русская армія, построенная на томъ берегу Днѣстра, отвѣчала пушечными выстрѣлами и троекратнымъ ружейнымъ залпомъ при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ Екатерина!“ Въ тотъ же день курьеръ повезъ императрицѣ

---

[1]) В.-Уч. Арх. № 378.

[2]) Тамъ же.

извѣстіе о занятіи Хотина. Въ покинутой крѣпости мы нашли 180 орудій, шесть брошенныхъ знаменъ и множество всякаго рода запасовъ.

По занятіи Хотина, Голицынъ немедленно сформировалъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Эльмпта, которому приказалъ какъ можно скорѣе захватить столицу Молдавіи, Яссы, чтобы лишить непріятеля столь важнаго опорнаго пункта между Дунаемъ и Прутомъ. Въ составъ этого отряда вошли и гусарскіе полки князя Прозоровскаго. На дорогѣ Эльмптъ получилъ извѣстіе, что верховный визирь прошелъ черезъ Яссы только съ пятитысячной конницей, охранявшей Магометово знамя, а остальныя войска разсѣялись; что самъ господарь Молдавіи Маврокордато, державшій сторону Турціи, бѣжалъ вмѣстѣ съ визиремъ, и въ городѣ царствуетъ полное безначаліе. Поэтому генералъ Эльмптъ оставивъ отрядъ въ м. Батушанахъ, поспѣшилъ впередъ съ одними гусарами и 26 сентября занялъ Яссы. Митрополитъ Молдавіи со всѣмъ духовенствомъ и боярами встрѣтилъ наши войска у городскихъ воротъ и привѣтствовалъ ихъ, какъ избавителей „отъ агарянскаго плѣна“. Гуçары и казаки, при восторженныхъ крикахъ народа, прошли прямо къ собору, гдѣ жители приведены были къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ. „Властію, дарованной мнѣ отъ Спасителя“, сказалъ митрополитъ, „повелѣваю вамъ, православные христіане, быть вѣрными подданными Всероссійской Государыни Императрицы, и произнесть за мною не только торжественно, но и отъ чистаго сердца присягу. Кто же помыслитъ что-либо въ противность сему, того, какъ изверга христіанства, предаю вѣчному проклятію и анафемѣ“.

На другой день въ Яссы пришло извѣстіе о пріѣздѣ къ арміи новаго главнокомандующаго графа Румянцева, а вслѣдъ затѣмъ, на мѣсто генерала Эльмпта, командующимъ войсками въ Молдавіи назначенъ былъ генералъ-поручикъ Штофельнъ.

По занятіи Яссъ военныя дѣйствія еще продолжались. Отрядъ генерала Анрепа занялъ Бухарестъ и захватилъ въ плѣнъ самого господаря Валахіи князя Григорія Гику, не успѣвшаго бѣжать вмѣстѣ съ турками. Вся Валахія безпрекословно присягнула на подданство Россіи. Въ это самое время появились и стали ходить по рукамъ манифесты Маврокордато, призывавшаго жителей снова обратиться къ подданству султана. И въ Яссахъ, и въ Бухарестѣ нашлись злонамѣренные люди, которые стали возмущать народъ и сѣять внутреннюю смуту. Надо было принять противъ этого рѣшительныя мѣры. Дознано было, что Маврокордато скрывается вмѣстѣ съ остатками разбитой турецкой арміи въ г. Галацѣ, стоящемъ на самомъ Дунаѣ, невдалекѣ отъ Браилова, и для наблюденія за нимъ былъ посланъ небольшой отрядъ подполковника Фабриціана. Въ составъ этого отряда назначенъ былъ и нашъ Ахтырскій полкъ, подъ командой маіора Вуича. Подходя къ Галацу 11 ноября, Фабриціанъ внезапно былъ окруженъ значительнымъ турецкимъ корпусомъ подъ командой Абазы-паши, съ которымъ намъ не разъ приходилось уже встрѣчаться на Днѣстрѣ. Были минуты, когда положеніе нашего маленькаго отряда казалось отчаяннымъ, но смѣлый Фабри-

ціанъ пошелъ напроломъ, овладѣлъ турецкой батарей и изъ турецкихъ же орудій принялся громить непріятеля.

Вуичъ съ своими Ахтырцами довершилъ побѣду, при чемъ поручикъ Требинскій собственноручно взялъ турецкій бунчукъ Разбитый непріятель бѣжалъ за Дунай, очистивъ Галацъ и оставивъ въ нашихъ рукахъ пять орудій, бунчукъ, отбитый Требинскимъ, трехвостный туй и главное сераскирское знамя, – санджакъ, богато вышитый серебромъ и золотомъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказались и сераскирскій кягья (начальникъ штаба), и самъ господарь Маврокордато, захваченъ былъ въ Галацѣ больной и разслабленный. Всѣ плѣнные и взятые трофеи на слѣдующій же день отправлены были въ Яссы, подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ ахтырскихъ гусаръ, 40 гренадеръ и двухъ сотенъ казаковъ. Для произведенія на жителей сильнѣйшаго впечатлѣнія, генералъ Штофельнъ распорядился, чтобы трофеи ввезены были торжественно и съ особымъ парадомъ [1]).

Впереди ѣхали городскіе трубачи, сопровождаемые арнаутами и казаками; за ними вели плѣнныхъ турокъ и конфедератовъ, подъ прикрытіемъ сорока человѣкъ гренадеръ; позади плѣнныхъ слѣдовалъ взводъ Ахтырскихъ гусаръ, а за нимъ шествовалъ сераскирскій кягья, окруженный четырьмя казаками. Потомъ опять взводъ гусаръ, за которымъ везли отбитыя знамена, сопровождаемыя уже цѣлымъ эскадрономъ; за эскадрономъ — свита господаря, потомъ раненые турки на подводахъ, шествіе замыкала сотня казаковъ.

Процессія прошла по улицамъ города до самой квартиры генерала Штофельна, гдѣ оставила знамена, выставленныя передъ народомъ на парадномъ крыльцѣ, а плѣнныхъ тѣмъ же порядкомъ препроводили въ тюремный замокъ. Самого Маврокордато, по случаю болѣзни, Штофельнъ избавилъ отъ участія въ этой церемоніи, и его дальними улицами отвезли прямо въ господарскій дворецъ, гдѣ содержался и плѣнный князь Гика. Черезъ нѣсколько дней Маврокордато умеръ, и Штофельнъ разрѣшилъ похоронить его по народнымъ обычаямъ, со всѣми почестями, принадлежавшими его высокому сану. Такимъ образомъ, нашимъ Ахтырцамъ пришлось быть свидѣтелями оригинальной церемоніи погребенія молдавскаго господаря. Вотъ какъ эта церемонія описывается въ журналѣ военныхъ дѣйствій [2]):

Процессію открывали два городскіе трубача, играющіе на трубахъ; за ними служилые люди съ факелами; потомъ важнѣйшіе купцы несли пустой гробъ, обитый богатою парчею. За онымъ на трехъ серебряныхъ блюдахъ были несомы: вареное сарачинское пшено съ изюмомъ, сахарныя конфекты и большой вызолоченый пшеничный каравай. Потомъ слѣдовали представители различныхъ цеховъ, держа въ рукахъ золоченыя восковыя свѣчи, въ четверть аршина толщины и въ полтора аршина длины. За цехами — молдавскіе бояре, а потомъ по два въ рядъ священники, игумены, архимандриты и, наконецъ, митрополитъ Гавріилъ. За духовенствомъ придворные и именитѣйшіе бояре несли тѣло самого господаря, посаженное въ дорогія кресла; тѣло одѣто было въ соболью шубу и шапку, подаренныя умершему

[1]) Журн. воен. дѣйствій 28 ноября 1769 г.

[2]) Тамъ же, декабря 3-го.

султаномъ, при утвержденіи его господаремъ. Сзади всей процессіи шла военная музыка господаря: „яко то сиповки, трубы, тулумбасы, тазы и барабаны, играя печальные стихи“. По народнымъ обычаямъ отпѣваніе происходило внѣ церкви, и только по окончаніи богослуженія тѣло внесено было въ ясскій соборъ; тамъ съ него сняли шубу и шапку, одѣли въ саванъ, положили въ гробъ и похоронили въ склепѣ.

Пока происходили эти церемоніи, остальнымъ тремъ эскадронамъ ахтырцевъ, оставшимся въ отрядѣ Фабриціана, пришлось выдержать горячій бой за обладаніе Галацомъ. 29 ноября эскадронъ гусаръ и сотня казаковъ, занимавшіе форпостъ на рѣкѣ Серетѣ, внезапно были атакованы шеститысячнымъ турецкимъ корпусомъ, вышедшимъ изъ Браилова. Кавалерійскій форпостъ быстро поддержали двѣ роты гренадеръ съ двумя орудіями, а вслѣдъ за ними прибылъ и самъ Фабриціанъ съ батальономъ пѣхоты и остальными эскадронами Ахтырцевъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти, форпостъ былъ уже окруженъ, и хотя пробился сквозь непріятеля, но оба орудія были захвачены турками. Слухъ объ этомъ столкновеніи дошелъ до остальной части отряда въ самомъ преувеличенномъ видѣ, и послѣднія шесть ротъ поспѣшно выступили на помощь къ Фабриціану. Турки же, взявъ Галацъ, предали его пламени. Вернувшійся Фабриціанъ взялъ городъ штурмомъ, но оставаться въ сожженномъ дотла Галацѣ было уже невозможно, и отрядъ занялъ позицію на Прутѣ, откуда могъ наблюдать и Браиловъ, и Журжу.

Фабриціанъ за дѣйствія подъ Галацомъ получилъ только-что еще установленный тогда за военные подвиги орденъ св. Георгія,— и въ ряду георгіевскихъ кавалеровъ 3-й степени имя его стоитъ первымъ.

Такъ окончилась кампанія 1769 года, поставившая молодой Ахтырскій полкъ, все время находившійся въ передовыхъ войскахъ, на ряду съ лучшими кавалерійскими полками русской арміи.

IV.

(1770 г.).

Кампанія 1770 года.—Ахтырцы при занятіи Молдавіи и Валахіи.—Бои подъ Фокшанами 3 и 4 января. Дѣйствія противъ Браилова.—Чума въ Молдавіи.—Наступленіе турецкой арміи.—Пораженіе Крымскаго хана подъ Рябою Могилою.—Исторія Зорича.—Историческія битвы подъ Ларгой и Кагуломъ.—Памятникъ кагульской битвы.

Съ занятіемъ Молдавіи и Валахіи новая кампанія должна была начаться уже на Дунаѣ такъ же, какъ и прошедшая на Днѣстрѣ. Но несмотря на то, что княжества находились въ нашихъ рукахъ, у турокъ на лѣвомъ берегу Дуная оставались еще три сильныя крѣпости: Браиловъ, Журжа и Турно, которыя могли служить опорными пунктами для цѣлыхъ армій; и пока онѣ не были взяты, до тѣхъ поръ не могло быть обезпеченнымъ и пребываніе наше въ Молдавіи и Валахіи. Екатерина указывала на это обстоятельство графу Румянцеву. Но Румянцевъ рѣшилъ прежде, чѣмъ перейти въ наступленіе, дать арміи время отдохнуть и оправиться послѣ трехлѣтнихъ безпрерывныхъ походовъ по Польшѣ и Турціи. Онъ ограничился тѣмъ, что въ декабрѣ 1769 года выдвинулъ впередъ небольшой отрядъ князя Прозоровскаго и поручилъ ему наблюдать за всѣмъ пространствомъ отъ Яссъ до Дуная.

Гусарскіе полки Ахтырскій, Сербскій и Харьковскій [1]), подъ общею командой графа Подгоричани, только-что возвратившагося изъ отпуска, расположились въ Фокшанахъ, несмотря на то, что въ окрестностяхъ мѣстечка свирѣпствовала въ то время моровая язва. Болѣзнь эта скоро захватила и наши передовые полки; смертность въ нихъ не была значительна, но больныхъ было такъ много, что Ахтырскій полкъ въ пятиэскадронномъ составѣ не могъ выводить въ строй болѣе двухсотъ человѣкъ, да и остальные полки находились въ такомъ же положеніи. Донося о состояніи арміи, Румянцевъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ, „что легкія наши войска (гусары), находясь болѣе года въ безпрерывныхъ движеніяхъ, не имѣвшія отдыха, ни по малому числу своему, ни по состоянію, крайне изнуренному и безнадежному къ скорому поправленію въ нынѣшнее время, недостаточны вовсе къ несенію тѣхъ подвиговъ, кои имъ въ

[1]) Въ 3 полкахъ было на лицо здоровыхъ около 600 чел.

настоящую кампанію представиться могутъ въ разсужденіи вѣтреныхъ и многочисленныхъ непріятельскихъ всадниковъ, коихъ слѣдуетъ ожидать". Несмотря на такой отзывъ главнокомандующаго, гусары дѣятельно производили разъѣзды и поиски, особенно къ сторонѣ Браилова, откуда намъ угрожала наибольшая опасность.

Во время одного изъ такихъ поисковъ партія Ахтырскихъ гусаръ съ поручикомъ Герсевановымъ встрѣтила непріятельскій отрядъ, выѣхавшій изъ крѣпости въ числѣ двухсотъ человѣкъ, и, опрокинувъ его, гнала до самыхъ воротъ Браилова. Стычка эта послужила какъ бы прелюдіей къ тѣмъ боямъ, которые ознаменовали собою начало новой кампаніи.

Давно уже ходили слухи, что турки готовятся къ зимнимъ военнымъ дѣйствіямъ съ цѣлью вытѣснить насъ изъ княжествъ; и, дѣйствительно, въ самомъ концѣ декабря 1769 года они двинулись разомъ отъ Журжи и Браилова. Ударъ направленъ былъ на Фокшаны. Браиловскій гарнизонъ, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, при 11 орудіяхъ, подъ начальствомъ Абди-паши, первый перешелъ Рымникъ и, не ожидая другого отряда, шедшаго отъ Журжи, поспѣшилъ впередъ, разсчитывая одинъ управиться съ русскими. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о малочисленности отряда Подгоричани, потому что счелъ даже излишнимъ вести всѣ свои войска и половину ихъ оставилъ на Рымникѣ. Старый Подгоричани весьма искусно воспользовался этою ошибкою противника. Оставивъ передъ Фокшанами однихъ арнаутъ (туземная милиція изъ христіанъ), онъ 3-го января 1770 года съ тремя гусарскими полками скрытно обошелъ непріятеля и вдругъ бросился на Рымникъ, гдѣ его никто не ожидалъ. Турецкій отрядъ, оставленный на этой рѣчкѣ, былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ на голову. Подгоричани между тѣмъ уже повернулъ назадъ и съ тыла ударилъ на Абди-пашу, слѣдовавшаго къ Фокшанамъ. Пораженіе было полное. Растерявшіеся турки бросились бѣжать, и гусары гнали ихъ до самаго Рымника. Перебравшись черезъ рѣку, непріятель, однако, опомнился и, убѣдясь, что передъ нимъ только горсть всадниковъ, не превышавшая шестисотъ человѣкъ и дѣйствовавшая даже безъ поддержки пѣхоты, опять перешелъ въ наступленіе. Гусары стали отходить назадъ. Но Подгоричани, внимательно слѣдившій за непріятелемъ, замѣтилъ, что наступленіе турки ведутъ въ безпорядкѣ, и вдругъ, повернувъ назадъ свои эскадроны, бросился въ атаку. Это была безумно-смѣлая атака, увѣнчавшаяся однако полнымъ успѣхомъ. Пораженные неожиданностью, турки во второй разъ отброшены были за Рымникъ, и гусары во время преслѣдованія отбили пашинское знамя.

Въ числѣ особенно отличившихся въ этотъ день Подгоричани называетъ генералъ-маіора Трубецкаго, командовавшаго въ бою Ахтырскимъ полкомъ, Ахтырскаго полка поручика Вукотича за храбрость и вахмистровъ: Петковича и Коленчича, изъ которыхъ послѣдній одинъ изрубилъ шесть турецкихъ всадниковъ [1]).

Ночью гусары вернулись въ Фокшаны, а передъ свѣтомъ разъ-

---

[1]) В.-Уч. Арх. № 424. Почему Петковичъ выдѣлился, изъ полка, реляція не говоритъ. Можно предположить: не онъ ли взялъ турецкое знамя?

ѣзды дали знать, что къ разбитому турецкому отряду подошла Рущукская колонна, съ которою прибыли также двѣ тысячи конныхъ янычаръ, изстари считавшихся лучшею кавалеріею въ Азіи. Теперь силы непріятеля возросли до 10—12 тысячъ, и соединенные отряды, подъ начальствомъ Сулейманъ-Аги, вновь двинулись къ Фокшанамъ. Но и къ гусарамъ подошло подкрѣпленіе. Это былъ генералъ Потемкинъ [1]), прибывшій съ гренадерскими батальонами, въ составѣ полутора тысячи штыковъ. На совѣщаніи между собою Потемкинъ и Подгоричани рѣшили принять оборонительный бой и не препятствовать наступленію непріятеля, что бы не вдаваться въ кавалерійское дѣло, опасное по относительной слабости нашихъ гусаръ, измученныхъ уже предшествовавшимъ днемъ и безсонною ночью.

Въ 10 часовъ утра, 4 января 1770 года [2]), турецкій отрядъ появился на высотахъ передъ Фокшанами. Наши войска [3]) построились также въ боевой порядокъ: пѣхота, свернулась въ 3 каре, вправо и влѣво отъ средняго каре развернулись гусарскіе полки, уступами назадъ по 6 эскадроновъ еъ каждой стороны прикрывъ свои наружныя фланги тоже батальонными карeями, артиллерія встала по угламъ каре, а 3 эскадрона гусаръ и арнаутъ двигались впереди боеваго порядка. Это былъ первый случай, когда наша пѣхота вступала въ бой безъ обычныхъ рогатокъ, служившихъ какъ выражается Румянцевъ, „трусу заградой, а храброму помѣхой". Рогатки, сковывавшія движенія пѣхоты, были имъ отброшены, „ибо штыкъ, да собственное мужество должны служить непріятелю непреодолимою преградою" — писалъ онъ въ своихъ наставленіяхъ. Въ такомъ порядкѣ Потемкинъ наступалъ до разстоянія пушечнаго выстрѣла. Здѣсь весь боевой порядокъ, сохраняя прежнее построеніе выровнялся, а эскадроны гусаръ бывшіе впереди составили резервъ. Первый опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Только успѣли наши войска построиться и двинуться въ атаку, какъ турки открыли огонь, а вся непріятельская конница кинулась на нашихъ гусаръ и смяла ихъ. Пользуясь этимъ и не встрѣчая рогатокъ, янычары, несмотря на картечный огонь, вырывавшій изъ густой массы ихъ цѣлые ряды, послѣ нѣсколькихъ атакъ врубились съ тыла въ среднее каре, овладѣли пушкой и патронными ящиками [4]). Минута была рѣшительная. Къ счастію третья шеренга, повернутая назадъ и одушевленная Потемкинымъ, отбросила янычаръ штыками и обратила ихъ въ бѣгство. Этою минутой воспользовался Подгоричани. Успѣвъ собрать свои разстроенные полки, онъ устремился съ ними въ погоню, чтобы не дать непріятелю времени опомниться и остановиться. Пѣхота наша также перешла въ наступленіе. Непріятель заколебался и, видя пораженіе янычаръ, сталъ отступать. Тогда гусары, предводимые отважнымъ Подгоричани, врубились въ пѣхоту и произвели въ рядахъ ея такую панику, что турки бросились за Рымникъ, при чемъ Подгоричани, преслѣдуя ихъ, отбилъ два знамени и пять орудій. Весь обозъ также попалъ въ наши руки и достался въ добычу гусарамъ. Усталость нашей конницы не позволила продолжать преслѣдованія

---

[1]) Будущій фельдмаршалъ.
[2]) См. планъ сраженія подъ Фокшанами.
[3]) Отрядъ Потемкина состоялъ изъ 1 1/2 т. гренадеръ, 600 гусаръ и 300 казаковъ и арнаутовъ.
[4]) В.-Уч. Арх. № 424. Рапортъ Потемкина.

дальше, и только сто человѣкъ Ахтырцевъ съ капитаномъ Гангебловымъ перебрались за Рымникъ, гдѣ и взяли еще одну пушку. Потерю непріятеля опредѣлить было трудно, но въ числѣ тяжело раненыхъ находился самъ Сулейманъ-ага рущукскій, одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ Турціи. Намъ этотъ день также стоилъ не дешево: изъ фронта выбыло до 170 человѣкъ. Въ 3 гусарскихъ полкахъ убито 6 гусаръ и лошадей 19, ранено гусаръ 50, лошадей 43. Изъ этого числа Ахтырцы потеряли убитыми 2 гусаръ и 10 лошадей, ранеными:— гусаръ 18 (16 тяжело) и лошадей 12 [1]). „Впрочемъ, нельзя не сказать", писалъ Потемкинъ, „что я никогда еще такой жестокой и продолжительной атаки отъ непріятеля не видѣлъ".

Изъ его же донесенія видно, что въ дѣлѣ 4-го января особенно отличились Ахтырскаго полка маіоръ Мисюревъ, „много содѣйствовавшій къ ободренію пѣхоты, когда янычары ворвались въ каре, а затѣмъ капитанъ Гангебловъ, поручики Шутовичъ и Вукотичъ и три вахмистра: Гавриловъ, Коленчичъ и Войно, кои участвовали какъ въ отнятіи нашей пушки и пороховой казны, захваченныхъ непріятелемъ, такъ, напослѣдокъ, при двукратномъ отбитіи четырехъ непріятельскихъ другихъ орудій уже по дорогѣ къ Рымнику" [2]). За это дѣло Гангебловъ былъ произведенъ въ секундъ маіоры, Шутовичъ въ капитаны, а вахмистры въ прапорщики. Въ Сербскомъ полку отличились: капитанъ Требинскій и вахмистръ Торгопарема, участвовавшіе въ отнятіи какъ нашей пушки, такъ и въ отбитіи непріятельскихъ. Въ бою подъ Фокшанами -го января, несмотря на необычайную настойчивость турецкой пѣхоты и на численное превосходство (въ 4—5 разъ), русскіе одержали верхъ надъ турками, благодаря: 1) умѣлому сочетанію огня съ дѣйствіемъ холоднымъ оружіемъ, 2) примѣненію прерывчатаго построенія, давшаго возможность проявлять возможную поддержку, и 3) рѣшительному переходу въ наступленіе [3]).

Пораженіе, нанесенное туркамъ подъ Фокшанами, дало Румянцеву мысль овладѣть Браиловымъ. Для этой цѣли назначенъ былъ отрядъ генерала Штоффельна, въ составъ котораго назначены и три гусарскіе полка Подгоричани. 17-го января 1770 года отрядъ подошелъ къ Браилову и, переночевавъ верстахъ въ 12-ти отъ города, на слѣдующій день утромъ двинулся къ крѣпости. Пѣхота шла въ центрѣ; гусарскіе полки Ахтырскій и Харьковскій, подъ общею командой полковника Чорбы, развернулись на правомъ, а Сербскій на лѣвомъ флангѣ нашей линіи [4]). Непріятель выступилъ къ намъ навстрѣчу, и длинная линія его войскъ развернулась передъ самымъ ретраншаментомъ, выстроеннымъ для защиты города. Конница была впереди, за нею густыя массы пѣхоты. Бой начался кавалерійскою атакою турокъ. Несмотря на жестокій огонь артиллеріи, она прорвалась сквозь интервалы нашей пѣхоты и ударила въ тылъ каре. Тогда Ахтырскій и Харьковскій полки быстро перемѣнили фронтъ назадъ и въ свою очередь атаковали турокъ съ такою стремитель-

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., № 424.
[2]) Тамъ же. Жур. 1-й арміи 20-го января 1770 г.
[3]) Лекціи по Воен. Искусству проф. полковника Алексѣева.
[4]) Построеніе, тождественное съ принятымъ подъ Фокшанами.

ностью, что конница ихъ была отброшена къ Серету, а пѣхота, не дожидаясь атаки, поспѣшно отступила въ крѣпость. Въ этомъ бою гусары отбили два знамени, шесть бунчуковъ и три пушки, изъ которыхъ двѣ оказались съ австрійскими гербами. Желая воспользоваться этимъ успѣхомъ, Штоффельнъ по слѣдамъ непріятеля ворвался въ городъ, но крѣпость взять не могъ и отступилъ съ довольно большою потерей. Городъ, однако, остался въ нашихъ рукахъ. Три дня производились затѣмъ рекогносцировки, въ которыхъ участвовали и наши ахтырцы, но всѣ онѣ убѣдили только, что овладѣть браиловской крѣпостью безъ помощи осадной артиллеріи невозможно. Тогда Штоффельнъ приказалъ выжечь городъ, и черезъ два часа его не существовало: сгорѣло болѣе тысячи домовъ, 13 каменныхъ мечетей, всѣ лавки съ товарами и, наконецъ, магазины, гдѣ было собрано до 60 тысячъ четвертей хлѣба. Не довольствуясь этимъ, Штоффельнъ на обратномъ пути сжегъ на Дунаѣ еще 260 деревень, чтобы лишить непріятеля опорныхъ пунктовъ на нашей сторонѣ Дуная, и только тогда возвратился въ Фокшаны.

Донесеніе Румянцева о дѣйствіяхъ Штоффельна сильно возмутило Императрицу Екатерину. „Упражненія господина Штоффельна“, писала она Румянцеву, „въ выжиганіи города за городомъ и деревень сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма непріятны. Мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не должно; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изстари бывали на Волгѣ и на Сурѣ. Я вѣдаю, что вы, какъ и я, не находите удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ. Пожалуй, уймите Штоффельна“... „Статься можетъ“, прибавляетъ она, „что по моей природной склонности болѣе къ созиданію, нежели къ истребленію, сіи непріятныя происшествія я слишкомъ горячо принимаю, однако, я почла за нужное, чтобы вы совершенно знали образъ моихъ мыслей“ [1]).

Румянцевъ отвѣчалъ, что „не находитъ удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ“, но старался оправдать Штоффельна, которымъ очень дорожилъ. „По истинѣ“, писалъ онъ императрицѣ, „настоящая война и имѣетъ видъ того же варварства, которое обычно было и нашимъ предкамъ и всѣмъ дикимъ народамъ, почему и трудно соблюдать мѣры благости противъ такого непріятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловѣчье... Генералъ Штоффельнъ, сколько мнѣ самому свойства его извѣстны, конечно, не предалъ бы огню непріятельскія обиталища, если бы былъ въ состояніи обратить оныя въ свою пользу. Но теперь отняты способы у турокъ перебираться на сею сторону Дуная, поелику въ опустошенныхъ мѣстахъ на семъ берегу ничего они не отыщутъ потребнаго для движенія, что самое и приноситъ доселѣ спокойствіе границамъ покоренныхъ княжествъ, и нашимъ, въ оныхъ пребывающимъ, войскамъ“... [2]).

Наступила весна, а вмѣстѣ съ нею открылась опять моровая язва, особенно въ пространствѣ между Рымникомъ и Фокшанами, гдѣ стояли наши гусары. Болѣзнь обыкновенно начиналась карбункуломъ, а затѣмъ все тѣло покрывалось синебагровыми пятнами, болѣзнь длилась

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. т. XXVIII.

[2]) Тамъ же.

иногда лишь нѣсколько часовъ, и почти всегда кончалась смертью. Деревни кругомъ стояли пустыми: жители ихъ или стали жертвой эпидеміи или укрывались въ лѣсахъ. Войска также выведены были въ лагерь и совершенно отдѣлены отъ жителей; но и эти стоянки приказано было мѣнять еженедѣльно, выбирая для нихъ преимущественно мѣста сухія и возвышенныя. Въ видахъ предупредительныхъ мѣръ, палатки тщательно окуривались порохомъ; людямъ запрещено было выходить изъ нихъ натощакъ, а потому требовалось, чтобы пища приготовлялась къ раннему утру; такимъ образомъ, установились завтраки, кромѣ обѣдовъ и ужиновъ. Въ пищу преимущественно употреблялись кислыя овощи: щавель, бураки, капуста; воду пили не иначе, какъ съ уксусомъ. Вообще полезными признавались фрукты, молоко и хлѣбъ, а вредными — мясо, рыба, все соленое и жирное; передъ обѣдомъ ежедневно отпускалось по чаркѣ водки, а затѣмъ требовалось, чтобы люди чаще купались въ рѣкѣ, дѣлали болѣе упражненій и какъ можно менѣе спали. О развитіи и ходѣ эпидеміи въ войскахъ свѣдѣній до насъ не дошло, но извѣстно, что, благодаря санитарнымъ мѣрамъ и особой заботливости доктора Ореуса и самого Штоффельна, трудившихся съ полнымъ самоотверженіемъ, моровое повѣтріе къ началу мая замѣтно ослабѣло, и только въ Яссахъ продолжало держаться упорно. Румянцевъ неоднократно писалъ Штоффельну, чтобы онъ выѣхалъ изъ города, но Штоффельнъ, весь отдавшійся борьбѣ съ эпидеміей, принебрегъ совѣтомъ, и 30-го мая самъ сдѣлался жертвой морового повѣтрія. Кончина Штоффельна глубоко опечалила Румянцева, и онъ писалъ императрицѣ: „Сіе приключеніе смущаетъ меня несказанно, какъ потеря благоразумнаго полководца, который изъ усердія наивеличайшаго къ службѣ пожертвовалъ собою, держась тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ я ему многократно для собственной его безопасности приказывалъ удалиться". На мѣсто его командующимъ передовымъ отрядомъ назначенъ былъ генералъ-поручикъ князь Репнинъ. По прибытіи къ своему корпусу Репнинъ далъ слѣдующія новыя общія положенія для построенія войскъ въ бою (встрѣчающіяся въ полномъ развитіи у Румянцева): часть легкой конницы и нѣсколько гренадерскихъ батальоновъ составляютъ авангардъ, завязывающій бой. Подъ его прикрытіемъ отрядъ изъ 6 батальоновъ выстраивается въ 2 равносильныя каре (съ артиллеріей) на флангахъ, имѣя легкую конницу и тяжелую между каре.

Арьегардъ составляютъ егеря, сведенные въ батальонъ; они должны были прикрывать тылъ гусаръ. Казаки и волонтеры строились внѣ боевого порядка [1]).

Несмотря на чуму, которая все еще не прекращалась, обѣ стороны дѣятельно готовились къ открытію новой кампаніи. Но цѣли ихъ были различны. Румянцевъ принужденъ былъ начать сосредоточеніе арміи приказаніемъ отойти назадъ передовому корпусу.

Отступленіе это должно было быть совершенно неизбѣжно, по мнѣнію Румянцева, въ виду того, что были совершены ошибки въ операціяхъ передовыхъ войскъ: 1) нерѣшительныя дѣйствія генерала Эльмпта осенью 1769 г., 2) бездѣятельность кн. Прозоровскаго въ то же

---

[1]) Записки по исторіи Воен. Иск. въ Россіи. Вып. II, ч. I. Профессора г.-м. Масловскаго.

время противъ хана подъ Каушаномъ, 3) ошибка генерала Штоффельна увлекшагося захватомъ Бухареста, 4) по невозможности заготовить въ Молдавіи запасы. [1]) Начинать кампанію съ обороны было до крайности неудобно, что отлично сознавали какъ Императрица, такъ и Румянцевъ. Но интересы политики должны были быть принесены въ жертву въ виду важнѣйшихъ требованій: дѣйствовать сосредоточенными силами и имѣть возможно болѣе силъ ко дню рѣшительнаго боя. Визирь—стремился, отнять занятыя нами княжества и, перешагнувъ черезъ Днѣстръ, внести оружіе въ русскую землю. Силы, которыми располагали турки, были громадны. Въ концѣ апрѣля 1770 года султанъ объявилъ народную войну, и въ Константинополѣ поднято было зеленое знамя пророка. Его перевезли въ Бабадагъ, гдѣ собиралась армія верховнаго визиря, и видъ этого священнаго знамени до того фанатизировалъ всѣхъ мусульманъ, что, равнодушные доселѣ къ войнѣ, они толпами стали стекаться въ Бабадагъ, и въ маѣ мѣсяцѣ визирь располагалъ уже двухъ-сотъ тысячною арміею. 1-го мая онъ съ необычайнымъ торжествомъ выѣхалъ изъ Бабадага и приказалъ разбить свою ставку возлѣ Магометова знамени. Въ то же время до полутораста тысячъ татаръ, предводимыхъ крымскимъ ханомъ подошли къ Кишеневу, гдѣ и остановились, чтобы дѣйствовать одновременно съ турками. Первое нападеніе предположено было произвести на три отдѣльные пункта: Крымскій ханъ имѣлъ предметомъ дѣйствія Яссы, рущукскій сераскиръ Абаза паша—Бухарестъ, и Адуи паша измаильскій—Фокшаны. Самъ визирь намѣревался перейти Дунай у Исакчи, и затѣмъ, занявъ позицію между двумя крѣпостями Браиловымъ и Измаиломъ, дѣйствовать по обстоятельствамъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, Румянцевъ приказалъ очистить Бухарестъ и большую часть Валахіи. Весь корпусъ Репнина, а вмѣстѣ съ нимъ и гусарскіе полки Подгоричани, въ маѣ мѣсяцѣ перешли на Прутъ и расположились между Рябою Могилой и устьемъ рѣчки Жижки, чтобы наблюдать за ханомъ. На соединеніе съ этимъ корпусомъ двигались отъ Хотина и главныя силы Румянцева.

Такимъ образомъ, 13,500 русскихъ передоваго корпуса предстояло сразиться болѣе чѣмъ съ трехъ сотъ тысячною арміею, еще такъ недавно приводившею въ трепетъ всю западную Европу. Императрица старалась ободрить Румянцева. „Сожалительно, писала она къ нему, что все прежде времени оставляете Бухарестъ, но я надѣюсь, что съ помощію Божескою и вашимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ не оставите произвести такія дѣла, которыя пріобрѣтутъ вамъ славу и докажутъ сколь велико усердіе ваше къ отечеству и ко мнѣ. Не спрашивали римляне, когда ихъ было два или три легіона въ коликомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ... Мы русскіе: милости Божескія за правоту нашу въ войнѣ съ ними, Я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ; храбрость войска извѣстна. Итакъ, моля Всевышняго о благополучнѣйшихъ успѣхахъ, надѣюсь на Его покровительство [2]).

— „Я осмѣливаюсь, отвѣчалъ Румянцевъ, и теперь и впредь

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XXVIII.

[2]) Тамъ же.

отвѣчать не словами, а дѣломъ... Труды настоящіе и дѣйствія, что производятъ войска Вашего Величества, мнѣ ввѣренныя, дали бы собою примѣры мужества самимъ римлянамъ, если бы тѣхъ вѣки позже нашего наступили. „Отвѣтъ, дѣйствительно, данъ былъ дѣломъ“ [1]).

14-го мая татары перешли въ рѣшительное наступленіе и прежде всего выказали намѣреніе прорвать тонкій кордонъ у Лункабунулуй Ахтырскаго полка секундъ-майора Зорича, командовавшаго главною частью легкой (волонтерской) конницы и наблюдавшаго линію р. Прута отъ Фальчи до Рябой Могилы назначенной общимъ сборнымъ пунктомъ всей русской арміи.

Узнавъ объ опасности грозившей его сообщеніемъ съ главною арміей, Репнинъ рѣшилъ немедленно занять Рябую Могилу, стянуть туда все что возможно и держаться до прибытія Румянцева.

20-го мая Потемкинъ съ 3 батальонами гренадеръ и съ казаками бывшими подъ начальствомъ Ахтырскаго полка подполковника Мисюрева, былъ направленъ форсированнымъ маршемъ на поддержку Зорича отразившаго нападеніе татаръ своими силами, и получившаго небольшую поддержку отъ Ясскаго отряда.

Татары, послѣ неудачной попытки переправиться у Лункабунулуя, бросились вправо на окрестности сборнаго пункта арміи Румянцева, къ устью р. Жижки, но и здѣсь 27-го мая были отбиты форпостными частями Зорича.

Между тѣмъ Репнинъ безостановочно прослѣдовалъ къ Рябой Могилѣ, гдѣ и занялъ сильную пассивную позицію на правомъ берегу р. Прута, напротивъ такой же позиціи татаръ на лѣвомъ берегу.

Съ 3 іюня положеніе войскъ передоваго отряда сдѣлалось крайне невыгоднымъ и даже опаснымъ. Въ то время, когда одна часть турокъ Абазы-паши успѣла соединиться съ татарами напротивъ Рябой Могилы, другая ихъ часть Абды-паши перешла въ наступленіе западнѣе Прута со стороны крѣпости Браилова.

Репнинъ сдерживавшій попытки Абазъ-паши, имѣвшаго 32,000 ч., переправиться черезъ Прутъ у Рябой Могилы на правый берегъ, почувствовалъ уже давленіе 5.000 отряда Абды-паши и татаръ въ двухъ направленіяхъ своего праваго фланга: на Волочени и на Васлуй.

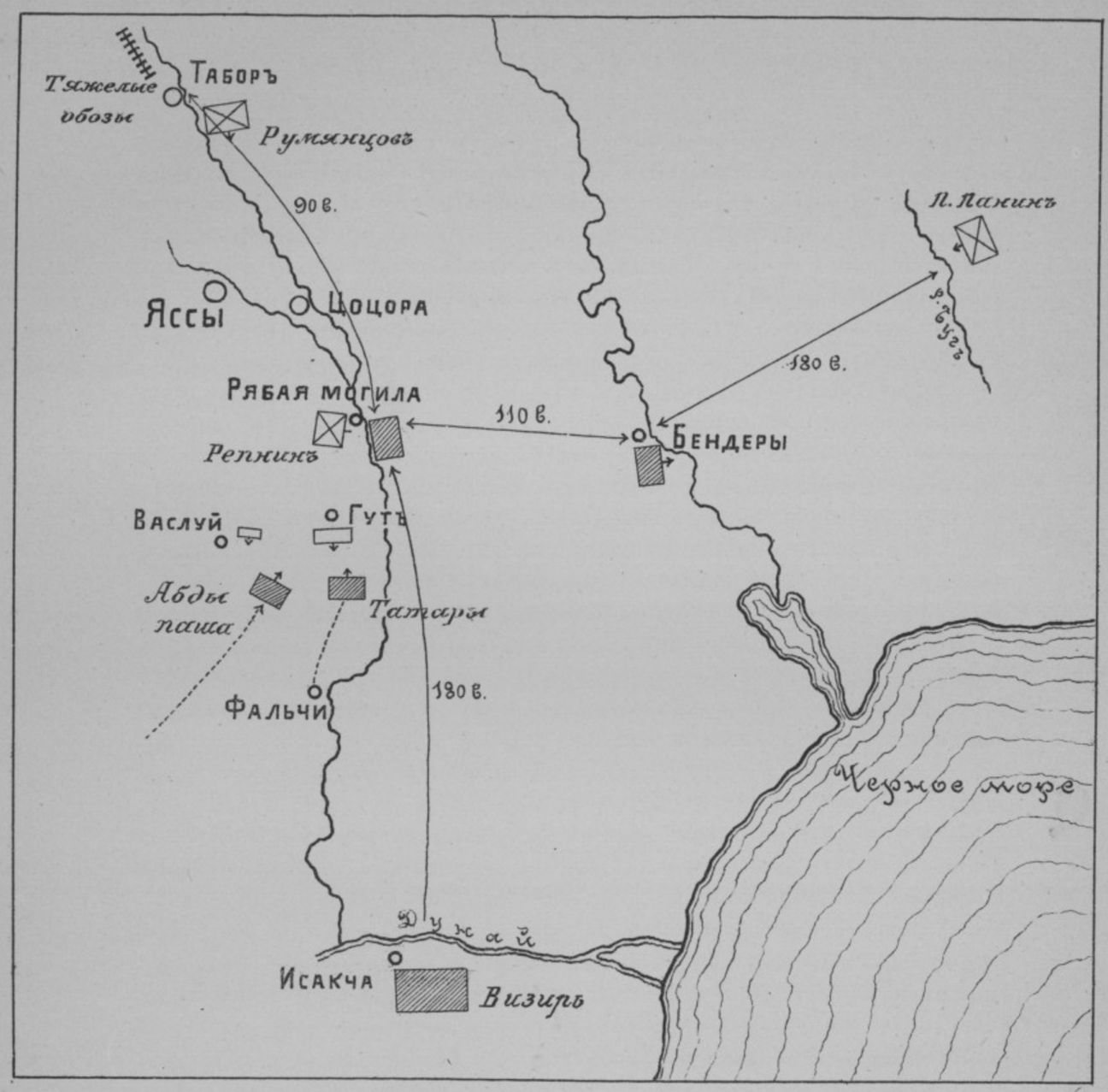
Къ 7 іюня Репнинъ присоединилъ къ Потемкину (3 бат.) еще 3 батальона князя Трубецкаго, и объединилъ командованіе надъ войсками между р.р. Прутомъ и Серетомъ, въ рукахъ Потемкина. 9-го критическое положеніе миновало. Абды-паша, не зная очевидно положенія дѣлъ отступилъ. Несмотря на крайнія мѣстныя неудобства, Румянцевъ съ 3-го іюня, безъ дневокъ слѣдовалъ на Цоцоры, такъ какъ тревожныя донесенія Репнина, заставили опасаться возможности потери назначеннаго пункта соединенія арміи.

10-го авангардъ генерала Баура, несмотря на огромное превосходство силъ татаръ, смѣло перешелъ въ рѣшительное наступленіе и заставилъ ихъ отступить на очень сильную и давно ими укрѣпленную позицію напротивъ Рябой Могилы.

11-го былъ наведенъ понтонный мостъ и Репнинъ перешелъ на лѣвый берегъ Прута, гдѣ соединился съ Бауромъ.

[1]) Тамъ же.

Положеніе дѣлъ 2–7 іюня 1770 г.



Петербургская Типо-Литографія.

щищаемомъ сорока четырьмя орудіями. Послѣднее обстоятельство ясно указывало на то, что непріятель не намѣренъ переходить въ наступленіе, пока съ другой стороны не вступятъ въ Валахію войска изъ Рущука и Бабадага, а потому Румянцевъ рѣшилъ немедленно атаковать его самъ. 17-го іюня въ 7 часовъ утра, авангардъ главной арміи, подъ

[1]) Масловскій вып. II, часть I, стр. 161—169.
[2]) См. планъ сраженія.
[3]) Для прикрытія тыла назначалось кромѣ того 7.000 чел.

Такимъ образомъ сосредоточеніе арміи было окончено. У Румянцева теперь было 65 батальоновъ, 50 эскадроновъ, 5 гусарскихъ полковъ и 115 орудій—всего до 38,000 человѣкъ „здоровыхъ“. Онъ рѣшается разбить бывшія передъ нимъ соединенныя силы турко-татаръ [1]). Рѣшеніе это привело къ бою подъ Рябой Могилою [2]).

Двигаясь отъ Хотина по лѣвому берегу Прута, главная армія въ числѣ 26,000 ч. [3]) вначалѣ дѣлала небольшіе переходы стараясь обходить лежавшія по пути деревни, изъ боязни захватить чуму, и распространить ее въ нашихъ войскахъ. Самъ Румянцевъ, опередивъ войска, прибылъ 14 іюня въ лагерь князя Репнина, также перешедшаго на лѣвый берегъ, чтобы сблизиться съ главными силами, и сдѣлалъ смотръ его корпусу, котораго онъ еще не видалъ. Въ парадѣ участвовалъ и нашъ Ахтырскій полкъ. Главнокомандующій замѣтилъ съ удовольствіемъ, что, несмотря на моровое повѣтріе, несмотря на труды и зимніе походы, войска сбережены были отлично, люди смотрѣли бодро, и на вопросы Румянцева весело отвѣчали, что они здоровы и всѣмъ довольны. Онъ только съ прискорбіемъ видѣлъ, что эти храбрыя войска, несшіе большіе труды, были въ такой ветхой одеждѣ, которая буквально представляла собою лохмотья. Но этого исправить уже было нельзя, такъ какъ по отдаленности нашихъ границъ никакихъ отпусковъ натурою въ полки болѣе трехъ лѣтъ не дѣлалось.

Между тѣмъ, пока подходили наши главныя силы, на Прутѣ происходили безпрерывныя стычки съ мелкими партіями татаръ, подъѣзжавшихъ къ нашему лагерю. Въ одной изъ такихъ стычекъ, за нѣсколько дней до пріѣзда Румянцева, особено отличились арнауты, подъ начальствомъ майора Ахтырскаго гусарскаго полка Лалоша. Онъ встрѣтилъ на р. Бырлатѣ значительную партію, разбилъ ее на голову и привелъ нѣсколько плѣнныхъ. Дѣло это само по себѣ было не важно, но его нельзя не отмѣтить, потому что это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ, когда милиція, разбѣгавшаяся при одномъ имени татаръ, не только вступила съ ними въ рукопашный бой, но и одержала побѣду надъ врагомъ, гораздо сильнѣйшимъ. Побѣдой этой арнауты несомнѣнно были обязаны храбрости своего предводителя, и случай этотъ повелъ за собою то, что еще нѣсколько достойныхъ офицеровъ, почти исключительно Ахтырскаго, а также и изъ другихъ полковъ были взяты для командованія милиціями. Мѣра эта принесла благія результаты, и создала изъ арнаутовъ храброе и достаточно стойкое войско.

Рекогносцировка, 15-го іюня, выяснила, что крымскій ханъ, съ 70,000 ч. стоитъ на лѣвомъ берегу Прута, нѣсколько ниже Рябой Могилы, и армія эта расположена въ обширномъ ретраншаментѣ, защищаемомъ сорока четырьмя орудіями. Послѣднее обстоятельство ясно указывало на то, что непріятель не намѣренъ переходить въ наступленіе, пока съ другой стороны не вступятъ въ Валахію войска изъ Рущука и Бабадага, а потому Румянцевъ рѣшилъ немедленно атаковать его самъ. 17-го іюня въ 7 часовъ утра, авангардъ главной арміи, подъ

---

[1]) Масловскій вып. II, часть I, стр. 161—169.

[2]) См. планъ сраженія.

[3]) Для прикрытія тыла назначалось кромѣ того 7.000 чел.

начальствомъ Баура въ 4,000 ч. двинулся для атаки непріятельскаго ретраншамента съ фронта, а за нимъ пѣхота главныхъ силъ (19,000) въ то же время князь Репнинъ, съ 14,000 ч. сталъ обходить справа, стараясь отрѣзать татарамъ отступленіе; въ тылъ направленъ Потемкинъ съ 4,000. Непріятель, однако, уклонился отъ боя; онъ сталъ отходить назадъ, а чтобы прикрыть отступленіе обозовъ и артилеріи, выдвинулъ всю конницу для атаки Репнина. Въ свою очередь, Подгоричани и Текелмы съ гусарскими полками Ахтырскимъ, Харьковскимъ и Сербскимъ по приказанію Репнина кинулись на эту конницу съ такой отвагой, что моментально обратили ее въ бѣгство „и пошли за нимъ въ догонку". Чтобы поддержать гусаръ увлекшихся погоней, Румянцевъ выслалъ за ними всю тяжелую конницу. Но помощь ея оказалась ненужною: Подгоричани одинъ гналъ непріятеля до самаго вечера, и татары дважды оказали серьезное сопротивленіе [1]). Сто человѣкъ отборныхъ всадниковъ, соскочивъ съ коней, засѣли въ глубокой ямѣ, рѣшившись пожертвовать собой, но во чтобы то ни стало задержать преслѣдованіе. Ахтырскій и Харьковскій полки окружили ихъ и потребовами сдачи. Татары открыли огонь. Тогда гусары спѣшились,— и черезъ нѣсколько минутъ въ оврагѣ лежало сто изрубленныхъ татарскихъ тѣлъ; въ числѣ убитыхъ оказался и сынъ крымскаго хана Дели-Султанъ-Керимъ, предводительствовавшій партіей. Главное сопротивленіе гусарамъ было оказано, когда преслѣдуемая непріятельская конница дошла до своихъ главныхъ силъ. Ахтырскій и Харьковскій полки были окружены, но отбросили превосходящія силы враговъ и продолжали преслѣдованіе [2]). Тяжелая конница не могла настигнуть непріятеля; „скача во весь опоръ, ибо непріятельскія лошади привычныя къ бѣгу и положенію сихъ мѣстъ гористыхъ" легко уходили отъ нашей регулярной конницы и только гусары не отставали отъ непріятеля. Гусары остановились только въ 30-ти верстахъ отъ мѣста сраженія, по усталости лошадей, и кромѣ того разбитая татарская конница укрылась подъ защиту своихъ батарей, поставленныхъ на новой позиціи. Къ вечеру Подгоричани возвратился назадъ и расположился въ лагерѣ Баура. Въ этотъ день полкъ потерялъ убитыми: 5 гусаръ, 2 лошадей; безъ вѣсти пропавшими 1 капрала и 1 гусара; ранеными поручика Вукотича, прапорщика Гаврилова, вскорѣ (умеръ отъ ранъ) гусаръ 5 и лошадей, 5 [3]). Особенно отличились за этотъ день въ полку: гр. Подгоричани 1, Пишчевичъ, графъ Подгоричани 2, Мисюревъ, Зоричъ, Вуичъ, Гангебловъ, Челиновичъ, Шутовичъ, Вукотичъ, Касавчичъ и Коленчичъ; т. е. 12 человѣкъ изъ 20 поименованныхъ отличившимися въ 3-хъ гусарскихъ полкахъ [4]). Дѣло рѣшилось такъ скоро, что Бауръ едва успѣлъ принять участіе только передовыми батальонами [5]). Русскіе потеряли менѣе 50 человѣкъ. Подгоричани, возвращаясь, насчиталъ до 400 непріятельскихъ труповъ.

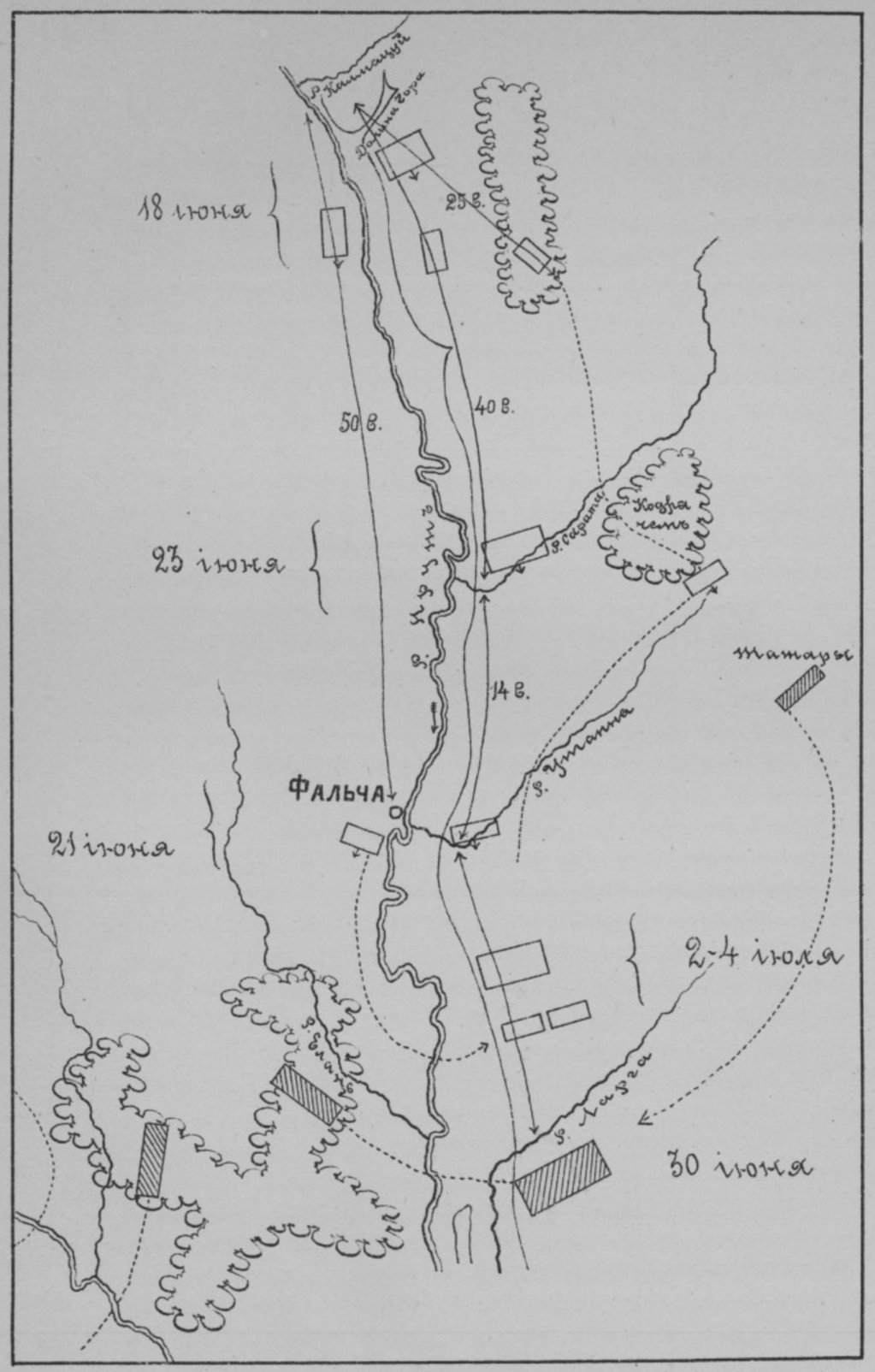
Большую услугу оказалъ отрядъ Фабриціана, поддержавшаго

---

[1]) В. Уч. Арх. № 424.
[2]) Тамъ же.
[3]) По другимъ свѣдѣніямъ потеря эта отнесена на 17 янв., (атака Браилова.) Тамъ же № 379.
[4]) Тамъ же № 424
[5]) Масловскій вып. II. ч. I стр. 169.

ность
выша
кою.
обозр
неуда

Маршъ-маневръ отъ Рябой могилы къ Ларгѣ
17 іюня – 2 іюля.



Петербургская Типо-Литографія.

ность генеральнаго сраженія, и 4-го іюля вся русская армія, не пре-
вышавшая 14 тысячъ человѣкъ, заняла позицію за рѣчкою Цыган-
кою. Наканунѣ этого дня, 3-го іюля, князь Репнинъ для лучшаго
обозрѣнія мѣстности произвелъ рекогносцировку, но она окончилась
неудачно: наши легкія партіи были опрокинуты, и татары преслѣ-

[1]) Тамъ-же.

огнемъ своихъ орудій атаку гусаръ, „которые тѣмъ паче напустились на непріятеля.

Сраженіе при Рябой Могилѣ есть первое [1]) преднамѣренное, данное Румянцевымъ. Самая атака, веденная пятью группами, представляетъ крупный фактъ въ исторіи военнаго искусства въ Россіи, такъ какъ до сихъ поръ дробленія боеваго порядка почти не существовало, а сознаніе неспособности маневрировать заставляло отказываться отъ наступательныхъ движеній.

Побѣда при Рябой Могилѣ открыла русскимъ долину р. Прута и обезпечила связь со 2-й арміей графа Панина.

Съ этихъ поръ слѣды непріятеля, можно сказать, были потеряны. Онъ въ ту же ночь покинулъ позицію, на которой видѣли его гусары, но куда отступилъ было неизвѣстно. Подвигаясь впередъ небольшими переходами, Румянцевъ долго не получалъ никакихъ извѣстій о непріятелѣ ни съ лѣваго, ни съ праваго берега Прута. Такъ къ 23 іюня армія подошла къ р. Серету. Во время этого перехода огромное густое облако вдругъ пронеслось надъ арміей и покрыло ее совершеннымъ мракомъ. Дневной свѣтъ померкъ, наступила внезапно самая темная ночь, и люди, болѣе суевѣрные, приняли это явленіе за предзнаменованіе грозныхъ событій, предстоящихъ нашей арміи на лѣвой сторонѣ Прута. Не этотъ-ли предательскій мракъ и сгубилъ одного изъ храбрѣйшихъ ахтырцевъ прапорщика Савву Коленчича, который, какъ значится въ отчетѣ полка за 1770 годъ, захваченъ непріятелемъ въ плѣнъ 23-го іюня на р. Серетѣ. При какихъ условіяхъ случилась съ нимъ эта бѣда, изъ отчета не видно, а между тѣмъ люди, подобные Коленчичу, который еще недавно подъ Фокшанами одинъ изрубилъ шесть человѣкъ, не легко попадаются въ руки непріятеля, ни въ донесеніяхъ Румянцева, ни въ журналѣ военныхъ дѣйствій, ни даже въ подробныхъ рапортахъ Подгоричани—нигдѣ не говорится, чтобы въ этотъ день на Серетѣ происходила какая-нибудь встрѣча съ противникомъ.

На рѣкѣ Серетѣ армія Румянцева простояла три дня, занимаясь печеніемъ хлѣба, такъ какъ дальше, внизъ по Пруту, мѣстность начиналась совершенно степная и безлѣсная. Корпусъ Репнина со всею легкой кавалеріею между тѣмъ былъ выдвинутъ впередъ, но только 30 іюня, дойдя до рѣчки Цыганки, ему, наконецъ, удалось открыть непріятеля, стоявшаго, повидимому, въ значительныхъ силахъ на горахъ, по ту сторону Ларги. Репнинъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Румянцева, который самъ прибылъ къ передовымъ войскамъ и скоро убѣдился, что передъ нимъ стоитъ крымскій ханъ со всѣми своими силами; выяснилось также, что рущукскій сераскиръ Абазъ-паша уже соединился съ ханомъ, и что сюда же подходятъ войска изъ Браилова, въ числѣ 15-ти тысячъ. Румянцевъ увидѣлъ неизбѣжность генеральнаго сраженія, и 4-го іюля вся русская армія, не превышавшая 14 тысячъ человѣкъ, заняла позицію за рѣчкою Цыганкою. Наканунѣ этого дня, 3-го іюля, князь Репнинъ для лучшаго обозрѣнія мѣстности произвелъ рекогносцировку, но она окончилась неудачно: наши легкія партіи были опрокинуты, и татары преслѣ-

[1]) Тамъ-же.

довали ихъ до самаго лагеря, откуда выскочившіе гусары остановили натискъ непріятеля.

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

Здѣсь мы перервемъ нашъ разсказъ, чтобы остановить вниманіе читателей на этомъ эпизодѣ, который хотя не имѣетъ большого значенія въ описываемыхъ нами дѣйствіямъ Ахтырскаго полка, но тѣсно связывается съ судьбою одного, изъ самыхъ выдающихся штабъ-офицеровъ его секундъ-майора Зорича. Семенъ Гавриловичъ Зоричъ—лицо вполнѣ историческое, а потому нѣкоторыя подробности о немъ не будутъ лишены интереса.

Зоричъ былъ сербъ, и еще въ раннемъ дѣтствѣ перешелъ въ Россію, когда, въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, началась усиленная эмиграція сербовъ изъ Венгріи. Это были тѣ сербы, которые въ XVII вѣкѣ, въ числѣ 60-ти тысячъ вышли изъ Турціи въ австрійскія владѣнія, и не только помогли австрійцамъ освободить отъ турецкаго ига многіе венгерскіе и сербскіе города, но потомъ содѣйствовали имъ и въ дѣлѣ усмиренія буйныхъ мадьяровъ. Отсюда начинается вѣковая, непримиримая вражда венгровъ къ славянамъ. Притѣсняемые мадьярами, сербы вынуждены были искать новаго отечества и обратились къ Россіи Полковникъ Хорватъ первый явился съ цѣлымъ гусарскимъ полкомъ, а вслѣдъ за нимъ стали переходить въ русскую службу и другіе отличные сербскіе офицеры, принимаемые тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что помимо своей извѣстной храбрости, они могли быть въ высшей степени полезны въ турецкихъ войнахъ, какъ знаніемъ мѣстности, такъ и связями съ своими единовѣрцами. Въ числѣ ихъ въ 1754 году вышелъ Михаилъ Федоровичъ Зоричъ, командиръ одного изъ венгерскихъ полковъ и принятъ былъ въ русскую службу подполковникомъ. У Михаила Федоровича не было наслѣдника мужского пола, а потому онъ усыновилъ своего малолѣтняго племянника Семена Гавриловича Неранчича [1]). Одиннадцати лѣтъ молодой Зоричъ уже поступилъ въ гусары, и подъ руководствомъ своего дяди, практически изучалъ все то, что нужно знать хорошему офицеру: онъ отличался громадною силою, высокимъ ростомъ, былъ отличный ѣздокъ, рубака и стрѣлялъ безъ промаха. Къ тому же прирожденные ему военные таланты, дикая храбрость, и любовь къ приключеніямъ, доходившая до сумасбродства, выработали изъ него выдающагося партизана. При самомъ началѣ турецкой кампаніи 1770 года онъ перешелъ изъ Острогожскаго въ Ахтырскій полкъ, съ которымъ сблизился еще въ то время, когда вмѣстѣ съ дядей (тогда уже бригадиромъ), состоялъ при Щербининѣ, формировавшимъ полкъ изъ слободскихъ казаковъ. Румянцевъ, знавшій Зорича еще прежде, во время семилѣтней войны, высоко цѣнилъ его таланты и, не желая стѣснять его дѣятельность службой въ строю, поручилъ

[1]) О происхожденіи Зорича существуетъ много легендъ. Наши свѣдѣнія основаны на неоспоримыхъ офиціальныхъ документахъ. Рус. Арх. 1879 года, кн. II, стр. 38 и 39.

въ его командованіе одинъ изъ передовыхъ отрядовъ, охранявшихъ Молдавію. Это было поприще, на которомъ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность,—и ахтырцы справедливо гордились Зоричемъ.

Изъ поисковъ его особенно замѣчателенъ отважный набѣгъ къ Каушанамъ, гдѣ онъ, въ апрѣлѣ, разбилъ огромное скопище татаръ и возвратился назадъ съ большою добычей. Въ другой разъ, въ маѣ мѣсяцѣ, онъ вмѣстѣ съ капитаномъ Ахтырскаго полка Тербуховичемъ, имѣя подъ своей командой тысячу арнаутъ и 400 человѣкъ пѣхоты, остановилъ переправу цѣлаго 12-ти-тысячнаго турецкаго корпуса Алипаши и заставилъ его возвратиться назадъ. Донося объ этомъ дѣлѣ Императрицѣ, Румянцевъ писалъ, „что дальнѣйшія предпріятія на Молдавскій берегъ Прута сего непріятеля уже не наводитъ опасеній, потому что ему противостоитъ секундъ-майоръ Зоричъ, отрядъ коего усиленъ еще тремя стами человѣкъ пѣхоты". Съ этимъ сравнительно небольшимъ отрядомъ, Зоричъ вторично отразилъ крымскаго хана, пытавшагося переправиться черезъ Прутъ 27-го мая у Подолянъ. На этотъ разъ ему пришлось имѣть дѣло съ 30-ти-тысячною арміею, и, несмотря на то, Зоричъ заставилъ хана отойти отъ берега.

Затѣмъ послѣдовало сраженіе при Рябой Могилѣ, и наши войска, преслѣдуя татаръ, остановились у Ларги. Сюда же прибылъ и Зоричъ съ своимъ летучимъ отрядомъ. Наступило, наконецъ, роковое для него 3-е іюля. Въ этотъ день, какъ мы уже сказали назначена была рекогносцировка непріятельской позиціи и, пока офицеры генеральнаго штаба снимали мѣстность, Зоричъ, прикрывавшій ихъ съ своими легкими партіями, зарвался далеко впередъ, былъ встрѣченъ сильною турецкою конницей,—и опрокинутъ. Зоричъ, какъ всегда, бывшій впереди команды, при отступленіи остался сзади, и былъ отрѣзанъ. Окруженный почти сотнею всадниковъ онъ защищался отчаянно, рубился, какъ простой гусаръ, но, получивъ три тяжкія раны, былъ сброшенъ ударомъ пики съ лошади, которую также убили. Видя, что турки схватили раненаго Зорича въ плѣнъ, на выручку къ нему бросились нѣкоторые офицеры, бывшіе подъ его начальствомъ, но въ схваткѣ они были изранены, а Зорича отбить не могли [1]). Турки отправили его въ Константинополь и заключили въ семибашенный замокъ, гдѣ онъ томился въ продолженіе четырехъ лѣтъ, пока не кончилась война и не наступилъ размѣнъ военноплѣнныхъ.

Есть свѣдѣнія, что красивая наружность Зорича, его важная осанка, умъ, разсказы самихъ турокъ о его храбрости – все понуждало султана отличать его отъ прочихъ плѣнныхъ, и даже предложить перейти въ турецкую службу съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ магометанскую вѣру. Зоричъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе. Тогда султанъ прибѣгъ къ угрозамъ, даже къ насиліямъ, но и они не поколебали Зорича. Все это дошло до Императрицы Екатерины, которая, по освобожденіи Зорича, пожелала его видѣть, пожаловала ему чинъ премьеръ-майора и орденъ Св. Георгія 4-й степени. Такимъ образомъ, Зоричъ, по служенію въ Ахтырскомъ полку, является первымъ георгіевскимъ кавалеромъ, не по времени полученія самаго креста, но по времени совершенныхъ имъ подвиговъ, за которые получилъ награду.

---

[1]) Ранены въ полку 1 вахмистръ и 2 лошади и 1 лошадь убита. В. Уч. Арх. № 379.

Дальнѣйшая судьба Зорича извѣстна. Онъ находился при дворѣ Екатерины Великой, въ числѣ „случайныхъ“, какъ говорили тогда, людей, былъ осыпанъ щедротами и жилъ съ такою роскошью, которая удивляла не только его современниковъ, но даже иностранцевъ. Въ 1777 г., будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, Зоричъ просилъ Императрицу зачислить его въ Ахтырскій полкъ. Желаніе это было исполнено, но уже въ 1778 г., онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и снялъ навсегда ахтырскій мундиръ. Интриги царедворцевъ, опасавшихся возрастающаго вліянія Зорича, заставили его, наконецъ, удалиться изъ Петербурга; онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-поручика и поселился въ своемъ богатомъ помѣстьѣ Шкловѣ, гдѣ основалъ на собственныя средства благородное училище, въ которомъ воспитывалъ на свой счетъ до 500 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Какъ храбрый офицеръ, оказавшій большія услуги въ первой турецкой войнѣ, Зоричъ и школѣ своей придаетъ военный типъ, что обратило на него особое вниманіе Императора Павла. Государь снова принялъ Зорича на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и назначилъ его шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка, а основанное имъ училище впослѣдствіи переведено было въ Москву и названо 1-мъ Московскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Зоричъ скончался 6-го ноября 1799 года, оставивъ по себѣ память и въ лѣтописяхъ нашихъ войнъ, и въ исторіи русской просвѣтительной дѣятельности [1]).

4-го іюля, какъ только русская армія перешла Цыганку и расположилась въ виду непріятеля, турецкая конница тотчасъ спустилась съ высотъ и принудила къ отступленію наши передовые пикеты. Отважные наѣздники ихъ гарцовали передъ самымъ лагеремъ, „и брали,— какъ выражается Румянцевъ, — поверхность надъ арнаутами и казаками“. Пули ихъ залетали даже въ первую линію нашихъ палатокъ, а до нихъ разстоянія было не менѣе трехъ-сотъ саженей. Такая дальность ружейныхъ выстрѣловъ, наблюдаемая здѣсь впервые, изумляла наши войска [2]). „Сему почти трудно повѣрить,—говоритъ по этому поводу журналъ военныхъ дѣйствій 4-го іюля:— однако же, сіе случилось въ присутствіи самого Его Сіятельства“. „Чтобы отогнать назойливыхъ всадниковъ, приказано было сдѣлать по нимъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но гибель сотоварищей не очень ихъ устрашила, и напослѣдокъ такъ какъ сему безпокойству и передъ вечеромъ не было еще конца и передъ самыми рогатками происходили перестрѣлки, то приказалъ я выдвинуть впередъ гусарскіе полки графа Подгоричани... Но едва ахтырцы и харьковцы вынеслись изъ лагеря, какъ всѣ татарскіе наѣздники повернули назадъ и убрались на свои высоты. За это число потеря была у Ахтырцевъ ничтожная, ранены 1 гусаръ и 1 лошадь [3]). Два дня происходили затѣмъ безпрерывныя

---

[1]) О Зоричѣ: Рус. Ар. 1879 г. кн. 2-я. Энциклопедія военныхъ наукъ Леера, т. III. Журн. воен. дѣйст. 1-й ар. 1770 г. іюля 4. Отд. брошюра: „120-ти лѣтній старецъ въ Петербургѣ“.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 года 5 іюля.

[3]) Воен. Учен. Арх. № 379.

столкновенія на нашихъ передовыхъ постахъ, и гусарскіе полки почти не сходили съ коней, чтобы при необходимости поддержать казачьи пикеты. Румянцевъ, между тѣмъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ высказалъ мысль, что атакою медлить нельзя, такъ какъ непріятель ежедневно усиливается подходящими партіями, и что надо предварительно разбить Крымскаго хана, а затѣмъ обратить оружіе противъ визиря. „Слава и достоинство воинства россійскаго, сказалъ онъ въ заключеніе, не терпятъ, дабы сносить непріятеля, стоящаго въ виду, не наступая на него“... Этими достопамятными словами совѣтъ закончился, и атаку рѣшено было произвести на зарѣ 7-го іюля. 5-го произошелъ авангардный бой, имѣвшій важное послѣдствіе: непріятель на другой день не безпокоилъ нашу армію и далъ возможность окончить всѣ распоряженія для предстоящаго боя. Одно обстоятельство, едва не разстроило это намѣреніе. Въ Ахтырскомъ полку, въ числѣ офицеровъ, былъ прапорщикъ Петръ Квитковскій, поступившій незадолго передъ тѣмъ изъ Прусской службы, родомъ полякъ. Въ ночь на 6-е іюля онъ стоялъ на форпостахъ и, какъ предполагали, воспользовавшись случаемъ, бѣжалъ къ непріятелю. Румянцевъ сильно встревожился этимъ мнимымъ побѣгомъ, опасаясь, чтобы Квитковскій не предупредилъ непріятеля о предполагавшемся внезапномъ нападеніи (побѣгъ объясняли его польскими симпатіями), но дѣлать было нечего, и войска выступили изъ лагеря своевременно [1]). Впослѣдствіи оказалось, что Квитковскій былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, при аванпостной стычкѣ, но никто не видѣлъ, какъ его турки захватили, что и вызвало предположеніе о побѣгѣ. По окончаніи войны, онъ вернулся изъ плѣна въ Россію [2]).

Въ бою, разыгравшемся у р. Ларги [3]) 7 іюля, гусарамъ, къ сожалѣнію, пришлось принять участіе только въ преслѣдованіи [4]).

Согласно диспозиціи авангардъ Баура 4.000 ч. и 14 орудій, а за нимъ и Репнинъ съ 11,000 ч. и 30 орудіями, послѣ пробитія вечерней зори, должны были переправиться по наведеннымъ мостамъ на лѣвый берегъ Ларги, занять хребетъ, идущій къ правому флангу турецкаго лагеря, и обезпечить переправу главныхъ силъ [5]).

Переправа и развертываніе войскъ на хребтѣ – удалось, но непріятель обнаружилъ переправлявшіяся войска, а отъ пункта переправы до праваго фланга турецкаго лагеря войскамъ приходилось сдѣлать еще до 9 верстъ. Репнинъ на маршѣ принялъ вправо вдоль долины Ларги и построился въ 2 каре, Бауръ принялъ влѣво, наступая въ одномъ каре, лѣвѣе его двигались гусары и легкая конница. Румянцевъ съ главными силами 11.000 пѣхоты 50 орудій и 42 эскадронами регулярной конницы слѣдовалъ за ними въ резервѣ (всего 17.000 ч.). Племянниковъ построилъ 2 каре, а легкую конницу между ними, и началъ наступать съ фронта, привлекая на себя первое вниманіе турокъ. Къ 4 часамъ утра, татарскіе

---

[1]) Жур. воен. дѣйст. 1-й арміи 1770 г. 6-го іюля.

[2]) В. Уч. Арх. № 484.

[3]) См. планъ сраженія при Ларгѣ.

[4]) В. Уч. Арх. № 379. Въ полку убиты 1 гус. и 6 лош.,—раненъ 1 гус. и 2 лош.; полкомъ выпущено 2093 пули.

[5]) Масловскій, вып. II, ч. I, стр. 177.

посты были оттѣснены, и каре Баура, Потемкина и Репнина подошли къ первому крутому оврагу, прикрывавшему доступъ къ сильному правофланговому укрѣпленію, изъ котораго уже былъ открытъ артиллерійскій огонь. Румянцевъ выслалъ 17 орудій къ передовымъ войскамъ и приказалъ, по подготовкѣ удара огнемъ, атаковать правый флангъ турокъ, на себя же принималъ обезпеченіе лѣваго фланга и тыла боевой части. 60 орудій подготовляли атаку, а Племянниковъ продолжалъ наступленіе съ фронта. Непріятель, замѣтя наступленіе между р.р. Ларгой и Бабикуломъ, выслалъ долиною послѣдней во флангъ и тылъ всю татарскую конницу. Тогда Румянцевъ отдѣлилъ 1 бригаду съ батареею для обстрѣливанія долины Бабикула, что обезпечило тылъ войскъ наступленіемъ впередъ. Вслѣдъ за этой бригадой была послана конница Салтыкова. Самъ Румянцевъ, отдавъ эти распоряженія, отправился въ боевую линію. Репнинъ и Потемкинъ вели атаку на фронтъ крайняго укрѣпленія, при чемъ часть войскъ Потемкина, подъ начальствомъ бригадира Ржевскаго, была направлена въ тылъ и на флангъ того же окопа. Войска Баура подошли на 200 шаговъ къ противнику и артеллерійскимъ огнемъ обстрѣливали тылъ позиціи непріятеля. Мѣткій огонь артиллеріи, обходъ Ржевскаго и образцовое дѣйствіе Баура способствовали тому, что войска Репнина безъ особыхъ потерь ворвались въ укрѣпленіе. Турки отступили на второй участокъ своей позиціи. Въ это же время установилась связь между атаками Репнина и Племянникова. Послѣдній подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня развилъ успѣхъ Репнина, направивъ на третій участокъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ на позиціи, фронтально каре изъ 6 батальоновъ; уступомъ назадъ двигалось его второе каре изъ 4 батальоновъ, направляясь на второй участокъ позиціи турокъ. Турки съ четвертаго участка, не атакованнаго, перешли въ рѣшительное наступленіе противъ Племянникова, кучами, но были отбиты; въ это время и татарская конница была отброшена изъ долины р. Бабикула и преслѣдуема легкою и регулярною конницей Салтыкова. Отступленіе турокъ подъ натискомъ Репнина и бѣгство татарской конницы рѣшили участь сраженія. Къ 12 ч. дня—бой окончился.

Кавалерія наша выдвинута была нѣсколько поздно, когда настигнуть главныя силы бѣжавшаго непріятеля уже не было возможности. Гусарамъ пришлось во время преслѣдованія изрубить нѣсколько всадниковъ, а регулярная конница и вовсе не попала въ дѣло. Несмотря на отсутствіе сильнаго преслѣдованія, разгромъ 80,000 арміи турецкой былъ полный; въ нашихъ рукахъ остался весь лагерь и 33 пушки, но знаменъ почти не было взято. „Великое оныхъ число, доносилъ Румянцевъ, въ лоскутки изорвала грабившая лагерь всякая сволочь и панскіе холопы, которымъ было время тѣмъ воспользоваться, когда войска устремились гнать непріятеля внѣ его лагеря“... Вся потеря русскихъ 100 ч., а у турокъ было 1,000 ч. однихъ убитыхъ. Какъ на особенно отличившихся въ этомъ бою, Румянцевъ указываетъ въ своей реляціи на капитана Ахтырскаго полка Тербуховича, который, несмотря на рану, полученную имъ наканунѣ, самъ предводительствовалъ партіей своихъ арнаутъ, и вмѣстѣ съ пѣхотой водилъ ее на штурмъ ретраншамента. Тербуховича главнокомандующій тутъ же произвелъ въ секундъ-майоры, поручика Те-

вяшова въ капитаны, кадета Гелнерта въ прапорщики [1]) и капитана Губера въ секундъ-майоры.

Благодарность Императрицы къ войскамъ выразилась въ лестной наградѣ самому главнокомандующему. „Вы займете въ моемъ вѣкѣ, писала ему Екатерина, несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя разумнаго, искуснаго и усерднаго. За долгъ почитаю отдать вамъ сію справедливость. А дабы всѣмъ сдѣлался извѣстенъ мой образъ мыслей объ васъ, и мое удовольствіе, посылаю къ вамъ орденъ св. Георгія 1-го класса. При семъ прилагаю реестръ тѣхъ деревень, кои Сенату указомъ повелѣно вамъ отдать вѣчно и потомственно“ [2]).

Послѣ разгрома татаръ Румянцевъ подвинулся впередъ и сталъ на рѣкѣ Сальчѣ, гдѣ были богатыя татарскія деревни, а мѣстами и посѣвы, уже поспѣвавшіе къ жатвѣ. Здѣсь Румянцевъ рѣшилъ дожидаться транспортовъ съ мѣсячнымъ продовольствіемъ, который шелъ къ нему изъ-за Прута, а корпусъ Репнина выдвинулъ впередъ, поручивъ ему наблюдать за непріятелемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пошли наши ахтырскіе гусары. Репнинъ скоро открылъ значительный турецкій лагерь, стоявшій на берегу Кагула и далъ знать объ этомъ Румянцеву. Румянцевъ подвинулся ближе и слыша сильную канонаду со стороны Кагула послалъ узнать о причинѣ. Репнинъ отвѣчалъ, что это турецкое войско привѣтствуетъ верховнаго визиря, прибывшаго отъ Исакчи со всѣми своими силами. Опасаясь теперь за транспорты, которые, переправившись у Фальчи, двигались по лѣвому берегу Прута и легко могли быть захвачены непріятелемъ, Румянцевъ въ тотъ же день отправилъ навстрѣчу къ нимъ отрядъ Глѣбова въ составъ котораго вошли пять полковъ конницы, 3.500 человѣкъ, 4.000 пѣхоты Гудовича и Потемкина и три гусарскіе полка Ахтырскій, Венгерскій и Острогожскій, подъ начальствомъ графа Подгоричани 1.250 ч. Высылка этого отряда значительно ослабила армію, едва состоявшую теперь изъ 27.750 ч. (считая и нестроевыхъ), но сохраненіе транспортовъ становилось для Румянцева вопросомъ жизни и смерти, потому что солдаты доѣдали уже послѣднія крохи [3]). Возвращеніе посланнаго отряда нельзя было ожидать ранѣе нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ передъ нашей арміей лицомъ къ лицу стояла 70.000 турецко-татарская армія; въ то же время Крымскій ханъ съ другимъ стотысячнымъ войскомъ подходилъ къ тылу. Русская армія оказывалась запертою въ тѣсномъ пространствѣ между рѣками Ялтухомъ и Кагуломъ. Обозы наши были отрѣзаны, коммуникація прервана. Положеніе было въ высшей степени критическое.

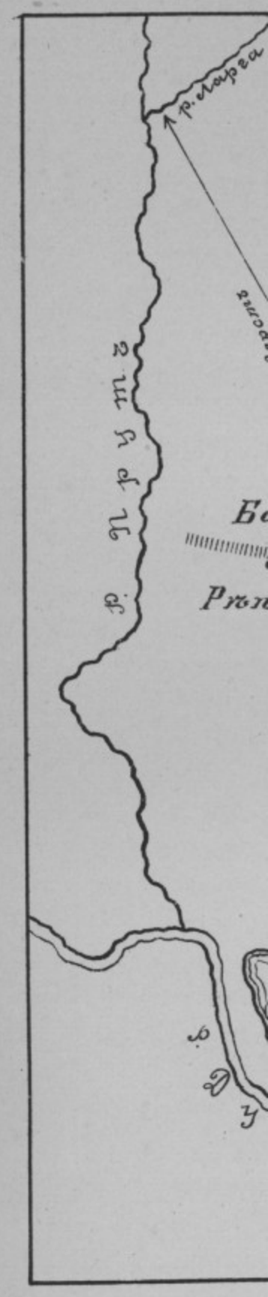
„Великій духъ надо было имѣть,—говоритъ журналъ военныхъ дѣйствій [3])—чтобы выйти только изъ сихъ трудностей, но оный мы нашли въ своемъ предводителѣ, который умѣлъ самую опасность обратить въ величайшую славу. Дознавши въ сіе лѣто не разъ мужество предводимыхъ имъ войскъ, его сіятельство рѣшилъ расторгнуть приготовленныя намъ сѣти упредительно съ своей стороны атакою непріятельской великочисленной арміи“.

---

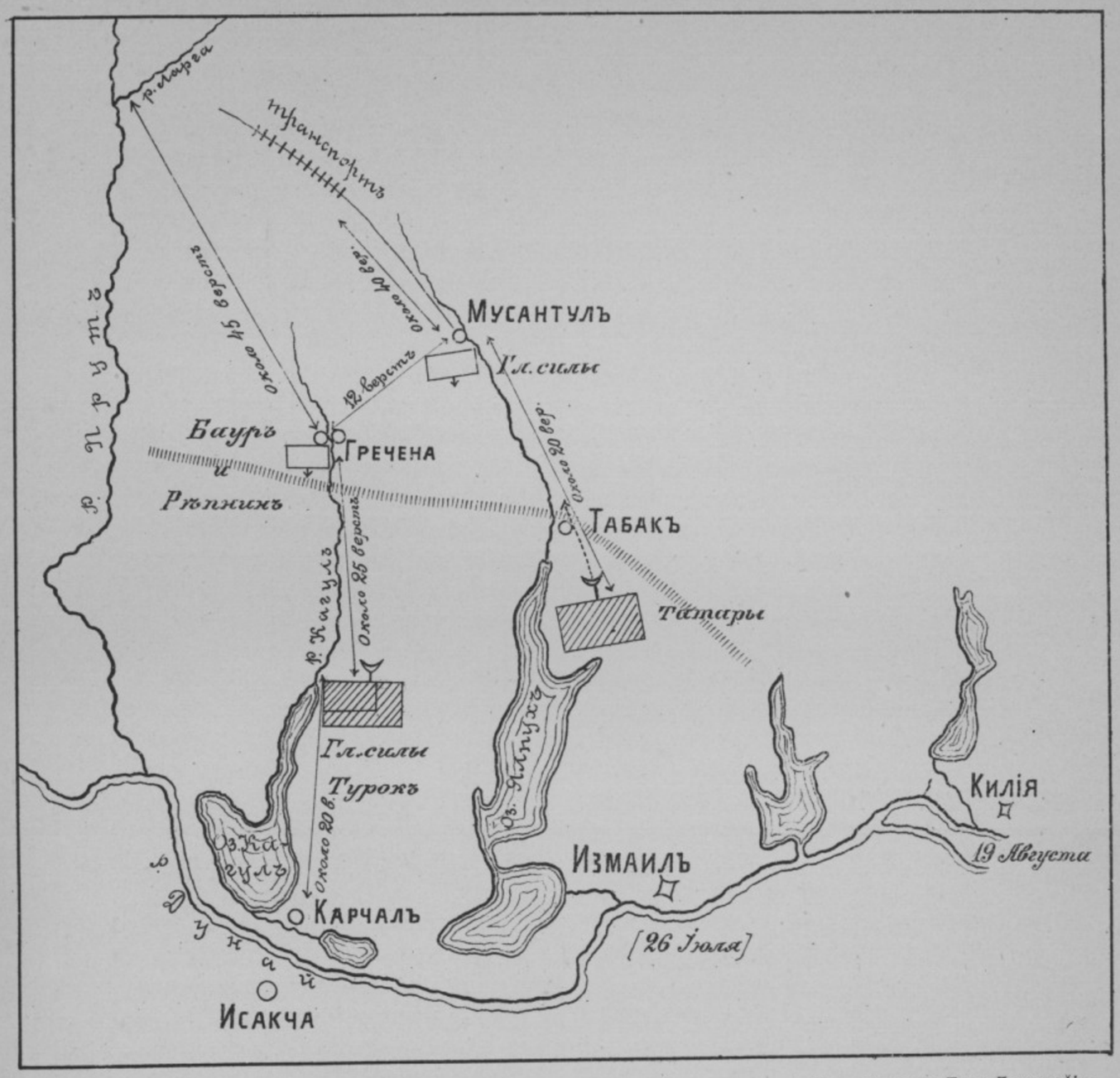
[1]) Воен. Учен. Арх. № 418 и № 545 (а).
[2]) Сборн. Рус. Истор. общ. т. X.
[3]) Жур. воен. дѣйст. 1 арм. 1770 г. 18 и 19 іюля.

Ахтырскому полку, посланному навстрѣчу къ обозамъ, не пришлось непосредственно участвовать въ знаменитой битвѣ на самыхъ берегахъ Кагула, но зато ему довелось имѣть дѣло со всѣми силами крымскаго хана, ограждая тылъ главной арміи,—роль, по своимъ условіямъ еще болѣе трудная, нежели та, которая выпала на долю конницы, сражавшейся съ Румянцевымъ. Надо сказать, что вся тяжелая кавалерія, входившая сначала въ составъ этого отряда, была возвращена съ дороги назадъ, и гусарамъ Подгоричани однимъ приходилось итти по открытымъ мѣстамъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтиться съ стотысячною конницею крымцевъ. Первые два дня прошли, однако, спокойно; татары показывались въ разныхъ мѣстахъ, гикали, пускали въ насъ стрѣлы, но близко приближаться къ намъ не осмѣливались. Подгоричани 18 іюля доносилъ Румянцеву: „Радъ бы душею вступить въ сраженіе съ непріятелемъ, но онъ каждый разъ при нашемъ приближеніи бѣжитъ за Салчу; плѣнные показываютъ, что вчера ихъ было до двухъ тысячъ, а сегодня самъ видѣлъ свыше тысячи [1]). Впослѣдствіи оказалось, что это были только передовые отряды, высматривавшіе транспортъ и силу его прикрытія. Самъ же крымскій ханъ появился съ своими 80—100.000 лишь 21 іюля, когда началась Кагульская битва. Его назначеніе было ударить въ тылъ нашей арміи, не заботясь о транспортѣ, который, по разбитіи нашихъ войскъ, самъ бы попалъ въ руки. Но атаковать Румянцева, оставивъ позади себя русскій отрядъ, который, въ свою очередь, могъ бы поставить его между двумя огнями, ханъ не рѣшился,—и повелъ самыя яростныя атаки на наши обозы. Бой былъ упорный и продолжался цѣлый день. Между тѣмъ сталъ приближаться вечеръ. У насъ полагали, что татары обложатъ транспортъ и будутъ его блокировать. Но вышло иначе. Еще не совсѣмъ стемнѣло, какъ все татарское войско вдругъ прекратило нападенія и, повернувъ назадъ, скрылось такъ быстро, что наши разъѣзды потеряли его даже изъ виду. Никто не могъ объяснить себѣ загадочнаго поведенія хана, но вслѣдъ затѣмъ изъ главнаго лагеря прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о кагульской побѣдѣ. Очень любопытно, что въ подлинномъ донесеніи Румянцева упоминается объ участіи Ахтырскаго полка въ Кагульскомъ сраженіи и даже указывается мѣсто нахожденія его въ боевомъ порядкѣ, между первой и второй линіями. Поименованныя награды 6 офицерамъ полка заставляютъ предположить, что хотя одинъ эскадронъ полка, но дѣйствительно принималъ участіе въ этомъ историческомъ сраженіи. За отличіе въ Кагульскомъ бою въ Ахтырскомъ полку были произведены въ капитаны поручики Вукотичъ, Петровичъ, Касавчичъ и адъютантъ Іонинъ, а прапорщики Киржа и Черноглазовъ въ поручики, „за то, что поражали непріятеля съ неустрашимою храбростью и собою ободряли къ тому подчиненныхъ“ [1]). Румянцевъ извѣщалъ, что вся турецкая армія бѣжитъ къ Дунаю, преслѣдуемая Бауромъ, что татары отъ нея отдѣлились и стоятъ на лѣвомъ берегу Ялтухскаго озера, куда также направленъ Репнинъ съ тѣмъ, чтобы нанести имъ послѣдній ударъ. Подгоричани приказано было оставить обозъ подъ прикрытіемъ одной пѣхоты, а съ своими гусарами итти на соединеніе съ

[1]) Воен. Учен. Арх. № 418.



Положеніе сторонъ 15го іюля 1770 г.



Петербургская Типо-Литографія.

15 0 15 30 верстъ

имъ войскъ.„ Къ ихъ славѣ,—говоритъ самъ Румянцевъ.—я присоединяю ту только истину, что я прошелъ все пространство степи до береговъ Дунайскихъ, не дѣлая передъ непріятелемъ нигдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поставлялъ ихъ мужество и добрую волю во всякомъ мѣстѣ за непреоборимую преграду“... „Да позволено мнѣ будетъ все-

[1]) Воен. Уч. Ар., № 424.
[2]) Жур. воен. дѣйст. 1-й арміи 26-го іюля 1770 г.
[3]) Воен. Учен. Арх. №. 418.
[4]) Чтеніе въ Импер. обществѣ исторіи и древностей. Реляціи графа Румянцева 1865 г. кн. II.

Репнинымъ. Оба отряда соединились на пути, и такимъ образомъ нашему Ахтырскому полку пришлось принять живое участіе еще и въ заключительномъ актѣ Кагульскаго сраженія на берегахъ Дуная у Измаила и Киліи.

Репнинъ, выдвинутый для преслѣдованія, не засталъ татаръ у Ялтуха, онъ быстро направился къ Измаилу, и 26-го іюля, подходя къ городу, увидѣлъ огромный лагерь, раскинутый подъ самыми его стѣнами. Это былъ сильный отрядъ, оставленный верховнымъ визиремъ, подъ начальствомъ Абди и Абазы-пашей, для защиты города. Но пораженіе при Ларгѣ и Кагулѣ оставило такое впечатлѣніе въ умахъ турецкихъ военноначальниковъ, что оба они, при нашемъ приближеніи, бросились бѣжать съ своими войсками: одинъ на Килію, другой на Исакчу. Ахтырскій и Венгерскій гусарскіе полки, высланные по первой дорогѣ, скоро настигли непріятеля, „срубили великое число турокъ“, отбили шесть знаменъ и 37 пушекъ, взяли въ плѣнъ 972 человѣка, и въ томъ числѣ до 20-ти важнѣйшихъ сановниковъ [2]). Во время преслѣдованія въ полку убито 4 лошади и ранена 1. «Отмѣнно отличившійся» Ахтырскаго полка поручикъ Кошкатъ—былъ 28-го произведенъ Румянцевымъ въ капитаны [3]). Съ наступленіемъ вечера гусары, вмѣстѣ съ своими трофеями, отошли къ пѣхотѣ, которая между тѣмъ приблизилась къ Измаилу. Грозная впослѣдствіи крѣпость не имѣла въ то время сильныхъ укрѣпленій, и сдалась безъ боя, а вслѣдъ за нею послѣ пятидневной осады пала и Килія, охранявшая устье Дуная. Осада Киліи не дала гусарамъ случая къ новымъ отличіямъ, такъ какъ вся дѣятельность кавалеріи ограничилась лишь содержаніемъ разъѣздовъ вокругъ нашего лагеря. Послѣ восьмидневной осады крѣпость была взята. Полки Ахтырскій и Венгерскій отправлены были въ Фокшаны, въ отрядъ генерала Глѣбова, высланный для прочнаго занятія Молдавіи. Этимъ эпизодомъ, можно сказать, закончились послѣдствія Кагульскаго сраженія. Только теперь и явилась, наконецъ, возможность привести въ извѣстность всѣ отбитые русскими трофеи ихъ составляли: два бунчука. 56 знаменъ. болѣе трехъ сотъ орудій, нѣсколько турецкихъ лагерей со всѣмъ имуществомъ, обозы и многія тысячи различнаго скота. Казна верховнаго визиря, возившаяся въ золотѣ, также не миновала нашихъ рукъ; по крайней мѣрѣ, турецкій казначей въ числѣ отбитыхъ катеровъ узналъ именно тѣ, на которыхъ она возилась, но куда дѣвалось самое золото дознаться было нельзя; по всей вѣроятности, оно разошлось по карманамъ нашихъ гусаръ и казаковъ [4]).

Побѣда подъ Кагуломъ останется на всегда памятникомъ знаменитому русскому полководцу и несравненнымъ качествамъ предводимыхъ имъ войскъ.„ Къ ихъ славѣ,—говоритъ самъ Румянцевъ.—я присоединяю ту только истину, что я прошелъ все пространство степи до береговъ Дунайскихъ, не дѣлая передъ непріятелемъ нигдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поставлялъ ихъ мужество и добрую волю во всякомъ мѣстѣ за непреоборимую преграду“... „Да позволено мнѣ будетъ все-

[1]) Воен. Уч. Ар., № 424.
[2]) Жур: воен. дѣйст. 1-й арміи 26-го іюля 1770 г.
[3]) Воен. Учен. Арх. №- 418.
[4]) Чтеніе въ Импер. обществѣ исторіи и древностей. Реляціи графа Румянцева 1865 г. кн. II.

милостивѣйшая Государыня,—писалъ онъ въ своемъ донесеніи, настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ вы велѣли мнѣ подражать. Не такъ ли армія Вашего Величества поступаетъ теперь, когда не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, а только: гдѣ онъ"?

Государыня отвѣчала на это кагульскому побѣдителю: „За первый долгъ сочла я принесть Всемогущему Богу колѣнопреклоненное благодареніе, что сего утра (2 августа) со всѣмъ народомъ, при пушечной пальбѣ, въ церкви Казанской исполнено было; весь городъ зѣло обрадованъ. Потомъ, возвратясь во дворецъ, сѣвъ за столъ, и вспомня подающаго намъ причины радости и веселія своимъ искусствомъ, усердіемъ и разумомъ, при пушечной пальбѣ, пила я за здоровье *фельдмаршала* графа Румянцева, съ которымъ новопожалованнымъ вамъ и весьма вами заслуженнымъ чиномъ васъ и поздравляю. Благодарю васъ и за то, что вы самымъ дѣломъ исполняете то, что про римлянъ говорятъ... Несравненной арміи моей успѣхи и побѣды кто съ такимъ удовольствіемъ видѣть можетъ, какъ я?"...

Войскамъ, участвовавшимъ въ Кагульской битвѣ, а въ томъ числѣ и части Ахтырскаго полка, пожалована была особая медаль на голубой лентѣ, на одной сторонѣ которой изображенъ былъ портретъ Императрицы, а на другой надпись: „Кагулъ іюля 21 дня 1700 года".

Кромѣ того, памятникомъ этихъ событій въ исторіи полка остается еще приказъ по арміи, въ которомъ Румянцевъ благодаритъ Подгоричани „что 21 іюля онъ подъ своей стражей сохранилъ пропитаніе арміи и отразилъ усиленное стремленіе крымскаго хана, который во время Кагульской битвы употребилъ всѣ силы, чтобы охватить нашъ тылъ и разбить обозы".

Теперь на мѣстѣ достопамятной битвы вы увидите высокій холмъ, и на немъ колонну дорическаго ордена, увѣнчанную крестомъ надъ опрокинутою луною. Этотъ памятникъ воздвигнутъ, спустя 75 лѣтъ послѣ самаго сраженія, по мысли Новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова.

Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,—

Тамъ, среди пустынной и безмолвной степи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла ставка верховнаго визиря, одиноко возвышается эта колонна, поражающая взоръ простотой и величіемъ. Надпись на ней гласитъ: „Памятникъ сей незабвенной битвѣ, въ которой пали навсегда свирѣпые янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ повелѣніемъ Императора Николая I, въ лѣто 1845-е.

VI.

(1770—1771 г.).

Ахтырцы при осадѣ Браилова. — Дѣло Мисюрева при м. Орашѣ. — Занятіе Бухареста. — Покореніе Малой Валахіи. — Кампанія 1771 года. — Блистательный подвигъ Ахтырскаго полка подъ Журжей. — Дѣйствія полка въ окрестностяхъ Турно. — Турки снова занимаютъ Журжу. — Бой подъ Бухарестомъ и слабые результаты побѣды.

На лѣвомъ берегу Дуная, въ 16-ти верстахъ выше устья Серета, стояла сильная крѣпость Браиловъ, охранявшая дорогу изъ Яссъ къ Бухаресту. Двойные валы, окруженные двумя глубокими рвами, скрывали за собою цитадель или замокъ, а впереди лежало предмѣстье, окруженное ретраншаментомъ. Этотъ ретраншаментъ, съ его бастіонами, и составлялъ передовое укрѣпленіе турокъ; крѣпость, примыкавшая однимъ изъ своихъ фасовъ къ самому Дунаю, имѣла свободное сообщеніе съ зарѣчной стороною, откуда, посредствомъ небольшой флотиліи ей доставлялись все, что было необходимо. При такихъ условіяхъ блокада не обѣщала успѣха, и крѣпость могла быть взята только штурмомъ. Лучше другихъ сознавалъ это самъ трехъ-бунчужный паша Сулейманъ, засѣвшій въ Браиловѣ съ пяти-тысячнымъ гарнизономъ. Среди общихъ погромовъ и бѣдствій, онъ, кажется, одинъ не потерялъ головы, и, когда крѣпости Аккерманъ, Измаилъ и Килія сдавались одна за другою,—Сулейманъ готовился къ отчаянной защитѣ, объявивъ, что умретъ на стѣнахъ своей крѣпости. Съ такою энергичною личностью Румянцеву приходилось считаться. Фельдмаршалъ понималъ, что штурмъ дѣло рискованное,—но тѣмъ не менѣе оставить Браиловъ въ рукахъ непріятеля было нельзя, такъ какъ невозможно было итти къ Бухаресту, оставляя позади себя сильную крѣпость. Такимъ образомъ, вопросъ о взятіи Браилова естественнымъ путемъ становился на первую очередь, и Румянцевъ назначилъ для осады крѣпости особый отрядъ, поручивъ его генералу Глѣбову, „какъ способнѣйшему, изъ резону, что онъ служилъ въ артиллеріи“. Глѣбову предписано было, впрочемъ, не вдаваться ни въ какія рискованныя предпріятія и ожидать пока прибудетъ осадная артиллерія. Вотъ къ этому-то отряду и присоединились два гусарскіе полка Подгоричани, отосланныя, какъ мы уже сказали, Репнинымъ изъ Киліи.

26-го сентября весь отрядъ приблизился къ крѣпости. Два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ и батальонъ пѣхоты, подъ общею командою полковника Ельчанинова, первые поднялись на сосѣднія высоты, и, прогнавъ турецкую конницу, увидѣли, что передовыя укрѣпленія брошены турками. Тогда полковникъ Ельчаниновъ быстро пошелъ впередъ и захватилъ городское предмѣстье безъ выстрѣла. Гусары прошли до самаго палисада крѣпости, взяли нѣсколькихъ плѣнныхъ и отъ нихъ узнали, что на валахъ Браилова находится до ста орудій, стѣны минированы, и шести-тысячный отрядъ Абды-паши стоитъ на той сторонѣ Дуная, у Мачина, готовый поддержать гарнизонъ въ случаѣ надобности. Трудно объяснить, что побудило турокъ покинуть передовой ретраншаментъ и тѣмъ дать намъ возможность поставить свои батареи въ самомъ близкомъ разстояніи отъ крѣпости. По всей вѣроятности, это было сдѣлано въ минуту сильнѣйшей паники. На разсвѣтѣ 27-го—турки опомнились, сдѣлали вылазку, но были отбиты. Въ полдень сдѣлали новое нападеніе и столь сильное, что заставили нашъ батальонъ очистить предмѣстье. Но скоро изъ лагеря подошла пѣхота и прискакала кавалерія. Ахтырскій полкъ, съ полковникомъ Пишчевичемъ, и Рижскій карабинерный, съ Леонтьевымъ, — съ двухъ сторонъ ударили на непріятеля, отбросили его назадъ, и поражая гнали до самаго предмѣстья. Благодаря этой атакѣ наша пѣхота снова заняла его. Ахтырцы, отбили при этомъ знамя. Между тѣмъ наши батареи, поставленныя по сторонамъ турецкаго ретраншамента, были готовы; самый ретраншаментъ приспособленъ къ оборонѣ и занятъ пѣхотой, а позади его, на нѣкоторомъ разстояніи, стали располагаться дежурные эскадроны. Однажды, 1-го октября, когда дежурнымъ былъ Ахтырскій эскадронъ, турки сдѣлали сильную вылазку, но были отбиты, и наша пѣхота бросилась ихъ преслѣдовать, разсчитывая, быть можетъ, на ихъ плечахъ ворваться въ самую крѣпость. Она уже достигала цѣли, какъ вдругъ на флангѣ у нея показалась турецкая конница. Еще минута - и наши гренадеры, не ожидавшіе противника съ фланга, были-бы стоптаны налетѣвшими на нихъ турками. Къ счастью, Ахтырскій эскадронъ, во-время замѣтившій движеніе турокъ, выскочилъ на-перерѣзъ и заслонилъ собою пѣхоту. Турки остановились. Воспользовавшись этимъ пѣхота поспѣшно отошла къ своимъ батареямъ, а вслѣдъ за нею, шагомъ, въ порядкѣ, стали отходить и Ахтырцы. Боя при этомъ не было; но дѣйствіе нашихъ гусаръ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ по тому вниманію, съ которымъ кавалерія слѣдила за ходомъ боя, такъ и по той нравственной силѣ, которая выразилась въ готовности пожертвовать собой ради общаго дѣла. Къ сожалѣнію, реляція не называетъ имени того, кто командовалъ этимъ эскадрономъ.

Въ другой разъ, 4-го октября, турки одновременно атаковали всю линію нашихъ траншей, и даже попытались обскакать ихъ съ тыла. Дежурными въ этотъ день были два эскадрона Ахтырцевъ, подъ командою подполковника Мисюрева. Видя несущуюся на нихъ громадную конницу, они вспомнили старинный казачій обычай, спѣшились и превратились въ утесъ, о который разбились яростныя волны налетѣвшей конницы. Пока Мисюревъ отбивался ружейнымъ огнемъ, изъ лагеря прискакалъ полковникъ Пишчевичъ съ остальными тремя

эскадронами, а за нимъ явились и ратные товарищи гусаръ – рижскіе карабинеры. На правомъ флангѣ траншей разыгралось горячее кавалерійское дѣло. Соревнуя между собою, оба полка подъ начальствомъ графа Подгоричани съ такою отвагой ринулись на многочисленныя толпы противника, что сразу обратили его въ бѣгство. Пишчевичъ со своими гусарами, полковники Леонтьевъ и Ельчаниновъ, всѣ они „съ малымъ числомъ людей“ на плечахъ врага ворвались въ улицы города. Въ бѣшеной погонѣ они не дали непріятелю времени даже разсѣяться, чтобы засѣсть въ домахъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, очутились подъ самымъ палисадомъ. Гусары едва не вскочили въ крѣпостныя ворота, и только сильный картечный огонь заставилъ ихъ остановиться и отойти назадъ. Путь, по которому они пронеслись, былъ буквально заваленъ турецкими тѣлами. Впереди возвращавшихся гусаръ везли отбитое спагское знамя. Его взялъ Ахтырецъ, капитанъ Касавчичъ, собственноручно изрубившій байрактара и защищавшихъ его ассистентовъ [1]).

16-го непріятель въ значительномъ числѣ покушался напасть на прикрытіе осадныхъ батарей, но высланная конница заставила его отступить.

Такова была служба и дѣятельность нашихъ гусаръ во время осады Браилова.

Въ половинѣ октября прибыла, наконецъ, давно ожидаемая осадная артиллерія, и 17-го числа заложены были брешъ батареи. Адскій огонь, подъ которымъ рушились дома и обсыпались стѣны, не оказывалъ, однако, никакого вліянія на духъ гарнизона, рѣшившагося вести борьбу до конца.

19-го турки въ значительныхъ силахъ сдѣлали вылазку на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ былъ только что оконченъ постройкою ложементъ. Бывшій тамъ въ это время генералъ Глѣбовъ, немедленно потребовалъ на подкрѣпленіе 2 батальона, а г.-м. рафа Подгоричани послалъ въ обходъ, опасаясь, чтобы непріятель не зашелъ въ тылъ.

Бой длился болѣе 2 часовъ. Наконецъ, турки были обращены въ бѣгство и преслѣдованіе ихъ продолжалось до палисада. Между тѣмъ положеніе нашего корпуса день ото дня становилось затруднительнѣе. Наступила глубокая осень, съ дождями и невылазною грязью; какъ провіантъ, такъ и снаряды были на исходѣ, а на скорую доставку ихъ нельзя было разсчитывать; лошади отъ безкормицы до того исхудали, что едва передвигали ноги, и эскадроны выѣзжали на тревоги только уже въ половинномъ числѣ рядовъ. Лагерь былъ переполненъ больными и ранеными. Ничего подобнаго не испытывали турки, сидѣвшіе за крѣпкими стѣнами Браилова. У нихъ всего было вдоволь. Имѣя свободное сообщеніе съ тѣмъ берегомъ Дуная, они отправляли своихъ больныхъ и раненыхъ въ Мачинъ, а взамѣнъ ихъ получали оттуда новыя силы. Борьба, при которой всѣ шансы были на сторонѣ нашихъ противниковъ, становилась неравною. Румянцевъ въ третій разъ послалъ подкрѣпленіе блокадному корпусу, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Глѣбову: „Разбить съ малымъ числомъ многочисленнаго непріятеля есть дѣло искусства и великой славы; быть же побѣ-

[1]) Журн. военн. дѣйств. 1-й арміи, 8 октября 1770 г.

женнымъ многочисленностью весьма естественно, но и при этомъ храбрость и слава на сторонѣ того, кто рѣшится презирать многолюдство". Намъ приходилось, дѣйствительно, или отступить, или покончить съ крѣпостью рѣшительнымъ ударомъ. Глѣбовъ предпочелъ послѣднее. „Какъ уже мы нынѣ, — говорилось въ отданной имъ диспозиціи [1]), — подошли земляными работами къ крѣпости такъ близко, что, сдѣлавъ большую батарею, заставили молчать цѣлый непріятельскій полигонъ, на которомъ и большую часть пушекъ сбили, то и не остается уже болѣе къ достиженію нашего предмета, какъ сдѣлать, прежде нежели непріятель очувствоваться можетъ и починить свои батареи, — съ Божьею помощью атаку, со шпагою въ рукахъ, которая и назначается мною сею же ночью съ 23 на 24 октября"... „Я надѣюсь, — заканчивалъ онъ свою диспозицію, — что не только по сему моему предписанію всякій вѣрный сынъ отечества къ общей пользѣ употребитъ всѣ силы исполнить благое намѣреніе, но паче еще изъ командующихъ атакою господъ полковниковъ на непредвидимый случай всякій отъ себя сдѣлаетъ полезнѣйшее учрежденіе. Долгъ мой будетъ быть нелицемѣрнымъ свидѣтелемъ каждаго трудовъ и достоинствъ, которые столь щедро награждаются отъ великой нашей монархини".

Войска раздѣлены были для штурма на три колонны, которыя должны были атаковать три главные бастіона, находившіеся на южной сторонѣ крѣпостной ограды. Четвертая колонна, составленная изъ однихъ арнаутъ, подъ командою с.-м. Любимова, предназначалась для фальшивой атаки со стороны журжинскихъ воротъ; а пятая составляла общій резервъ. Фланги атакующей линіи были прикрыты справа Ахтырскимъ полкомъ Пишчевича [2]), слѣва — карабинерами Леонтьева. Было ясно, что нашей кавалеріи придется имѣть дѣло только въ томъ случаѣ, ежели турки сдѣлаютъ вылазку, или, выбитые изъ крѣпости, бросятся бѣжать по журжинской дорогѣ.

Штурмъ начался за полчаса до разсвѣта. Средняя колонна полковника Бороздина, выбивъ непріятеля изъ-за палисада и перейдя два рва, поднялась на стѣны и, овладѣвъ батареями, сбросила въ ровъ турецкія орудія. Побѣда была бы несомнѣнна, если бы только остальныя войска дѣйствовали съ одинаковою твердостью. Но этого-то и не было. Лѣвая колонна, полковника Кожина, овладѣла двумя батареями, заклепала турецкія пушки, но неожиданно наткнувшись за палисадомъ на непріятельскій лагерь, — смѣшалась и пришла въ безпорядокъ. Въ короткое время она потеряла изъ пятисотъ нижнихъ чиновъ — 320 человѣкъ убитыми и ранеными, лишилась почти всѣхъ своихъ офицеровъ и, никѣмъ не поддержанная, вынуждена была отойти обратно въ траншеи. Еще неудачнѣе шли дѣла въ правой колоннѣ полковника Талызина, гренадерскій полкъ, подойдя къ палисаду, и встрѣченный картечью, вдругъ остановился на мѣстѣ, и никакія увѣщанія офицеровъ не могли заставить его двинуться впередъ. Это была уже не паника, а какой-то нервный столбнякъ, заставлявшій солдатъ гибнуть безъ всякой пользы для

---

[1]) Журн. воен. дѣйств. 1-й арміи, 26 октября 1770 г.

[2]) 22-го октября г.-м. графъ Подгоричани заболѣлъ и былъ отпущенъ для леченія болѣзни.

себя и для другихъ. Талызинъ, желая показать примѣръ, первый вскочилъ на палисадъ, и палъ, простр҃ленный пулею. Люди бросились въ ровъ, но оттуда не шли ни взадъ, ни впередъ, буквально, почти въ упоръ разстр҃ливаемые турками. Гренадерскій полкъ и понесъ наибольшую потерю изъ всѣхъ частей, участвовавшихъ въ штурмѣ. Подоспѣвшая сюда отъ журжинскихъ воротъ колонна Любимова, а затѣмъ и резервы не могли поправить дѣла, такъ какъ гренадеры въ сумятицѣ побросали въ ровъ и поломали всѣ лѣстницы. Любимову и полковнику графу де Натали, присланному Глѣбовымъ, съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, поднять людей и вывести ихъ изъ-подъ выстр҃ловъ. Очевидно, что при такой неудачѣ обѣихъ фланговыхъ колоннъ, средняя не могла держаться одна и вынуждена была, наконецъ, отступить. Турки насъ не преслѣдовали; но, тѣмъ не менѣе, Ахтырскій полкъ оставленъ былъ въ полѣ, и возвратился въ лагерь только поздней ночью. Штурмъ стоилъ русскимъ пятидесяти восьми офицеровъ и до 1800 нижнихъ чиновъ, слѣдовательно, половины отряда. Продолжать осаду Браилова, очевидно, было нельзя, и Глѣбовъ въ ту же ночь отступилъ къ Максименамъ.

Неудача глубоко поразила Румянцева.—„Неоспоримо—писалъ онъ императрицѣ: что усердіе и ревность кои ему (Глѣбову) по справедливости отдать должно, были побужденіемъ на сіе отважное предпріятіе. И какъ всѣ, хотя, впрочемъ, несогласные вѣстники, въ томъ однако же единогласно утверждаютъ, что все дѣло имѣло бы наилучшій успѣхъ, ежели бы, недостойные званія послѣдняго солдата, гренадеры 4-го полка, въ непослушаніи и малодушіи неоднократно примѣченные, сами пошли и другихъ не задержали". Въ то же время онъ писалъ Глѣбову, чтобы тотъ отнюдь не снималъ блокады, „дабы тѣмъ не нанести ущерба славѣ русскаго оружія". Но предписаніе это прибыло поздно, когда Глѣбовъ стоялъ уже въ Максименахъ.

Съ прибытіемъ новыхъ полковъ, высланныхъ Румянцевымъ, осада Браилова должна была возобновиться; но на этотъ разъ обширныя приготовленія, дѣлаемыя въ русскомъ лагерѣ, до того смутили браиловскій гарнизонъ, что онъ, не надѣясь выдержать вторичной атаки, бросилъ крѣпость и удалился на правый берегъ Дуная.

9-го, Леонтьевъ со всей кавалеріей, и 3 батальонами пѣхоты двинулся къ Браилову. А на разсвѣтѣ 10-го ноября Ахтырскій и Рижскій полки вступили въ покинутую крѣпость и нашли въ ней 68 орудій, 8 мортиръ и много боевыхъ припасовъ.

Съ Браиловымъ, такимъ образомъ, было покончено. Вторая армія, по взятіи Бендеръ, давно уже расположилась на зимовыя квартиры, но Румянцевъ рѣшилъ продолжать кампанію и закончить ее прочнымъ занятіемъ Валахіи. Для этого назначенъ былъ отрядъ генерала Гудовича, въ составъ котораго вошли восемь батальоновъ пѣхоты, 1 эскадронъ карабинеръ, сто человѣкъ ахтырскихъ гусаръ, выбранныхъ изъ цѣлаго полка, на самыхъ крѣпкихъ лошадяхъ, и нѣсколько сотенъ казаковъ. Начальникомъ кавалеріи къ Гудовичу назначенъ былъ полковникъ Пишчевичъ. Въ то же время остальные эскадроны Ахтырскаго полка, подъ командой подполковника Мисюрева, вошли въ составъ другого отряда генерала Кречетникова, которому поручено было разбить турецкія войска, стоявшія на Яломицѣ, въ м. Орашѣ.

12-го генералъ Кречетниковъ выступилъ со всею конницею и бригадою пѣхоты вслѣдъ за ушедшими турками. Онъ прибылъ въ Орашъ 13-го, но турокъ уже не засталъ тамъ, хотя и очень спѣшилъ. Высланные впередъ, гусары прискакали къ Орашу въ то время, когда турки зажгли мѣстечко и переправившись за Яломицу уничтожили за собою мосты. На Яломицѣ былъ сильный ледоходъ, бродовъ не было, и гусары долго не могли отыскать въ опустѣвшемъ мѣстечкѣ какихъ-нибудь перевозочныхъ средствъ. Наконецъ, найдены были четыре маленькія лодки; но пока на этихъ утлыхъ ладьяхъ они совершали свою, въ высшей степени опасную, переправу, а лошадей перегоняли вплавь,—турки ушли уже за Дунай, и нашимъ гусарамъ пришлось захватить только отсталые табуны верблюдовъ, стадо рогатаго скота и отары овецъ. Во время захвата—раненъ 1 гусаръ. Какимъ хитрымъ способомъ они умудрились переправить всю эту добычу на нашу сторону – неизвѣстно, но изъ донесенія Кречетникова видно, что вся эта добыча была доставлена и раздѣлена между войсками.

Дождавшись въ Орашѣ возвращенія своей кавалеріи, Кречетниковъ хотѣлъ итти на Бухарестъ, но Бухарестъ уже былъ взятъ, и онъ остановился на Яломицѣ, въ мѣстечкѣ Слободзеѣ. Почти одновременно съ этимъ Гудовичъ разбилъ на Дембовицѣ шести-тысячный турецкій корпусъ, и, преслѣдуя его, занялъ столицу Валахіи. Гудовичъ въ особенности рекомендовалъ, въ своемъ донесеніи, Пишчевича, «который по удобѣ лошадей своего полку, усердствуя къ службѣ предводительствовалъ легкими войсками и подавалъ имъ примѣръ будучи всегда впереди своею храбростью» [1]). Къ сожалѣнію, чрезвычайное изнуреніе лошадей не позволило намъ преслѣдовать непріятеля: Гудовичъ пишетъ, что полковникъ Пишчевичъ выбралъ изъ эскадрона 30 гусаръ, но кони ихъ были такъ худы, что не могли настигнуть бѣгущихъ турокъ [2]). Румянцевъ былъ недоволенъ и Гудовичемъ, и Кречетниковымъ, и Глѣбовымъ. Онъ находилъ, что по взятіи Браилова и Бухареста, надо было немедленно двинуться къ Журжѣ, которая, при полномъ упадкѣ духа непріятеля, не стала бы защищаться; теперь же, когда турки опомнились, съ нею приходилось уже считаться. Но вопросъ о Журжѣ отложенъ былъ до будущей кампаніи; войска, утомленныя продолжительнымъ походомъ, нуждались въ отдыхѣ, и графъ Румянцевъ расположилъ ихъ на зимовыя квартиры. Ахтырскому гусарскому полку довелось зимовать въ Бухарестѣ.

Конница постоянно наряжалась для поисковъ до Дуная и Ольты. Такъ 6-го декабря генералъ Олицъ приказалъ учредить 2 новыхъ поста. Одинъ на Ольтѣ въ м. Слатинѣ, а другой по дорогѣ отъ Журжи къ горамъ [3]). Отправленный къ Ольтѣ съ разъѣздомъ Ахтырскаго полка капитанъ Касавчичъ, увидя непріятельскую партію около 25 человѣкъ на той сторонѣ рѣки, перешелъ въ бродъ черезъ Ольту, напалъ на турокъ; убилъ 15 человѣкъ и 1 захватилъ въ плѣнъ; изъ разъѣзда его были ранены 1 прапорщикъ и 3 арнаута.

---

[1]) В. Уч. Арх. № 430.
[2]) Тамъ-же № 424.
[3]) Ген. Олицъ командовалъ 2-мъ корпусомъ, въ составъ котораго входилъ Ахтырскій полкъ.

Главною заботою этого времени являлось установленіе въ странѣ, хотя какого-нибудь порядка, а для этого надо было вселить въ умахъ народа увѣренность, что мы уже не покинемъ его на жертву туркамъ; въ этомъ смыслѣ и изданъ былъ манифестъ Румянцева, въ которомъ объявлялось, что оставленіе Бухареста въ началѣ кампаніи было предпринято нами съ единственною цѣлью сосредоточить арміи для пораженія верховнаго визиря на Прутѣ, что результатомъ побѣды явилось оставленіе турками придунайскихъ княжествъ и взятіе нами крѣпостей на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Ольты.—„Вашъ слухъ,—говорилось въ этомъ манифестѣ,—внималъ всѣмъ содѣяніямъ, ими же Всевышній Господь благословилъ оружіе россійское въ сіе лѣто въ побѣдахъ многократныхъ и столь знаменитыхъ надъ невѣрными магометанами. Се, гоня побіенныхъ, верховнаго визиря и крымскаго хана, кои ощутили уже крѣпость воюющихъ о имени Христовомъ, и покрывшись стыдомъ и бѣдами удалились отъ лица оружія, наказующаго ихъ гордыню,—войска всеавгустѣйшей монархини моей водворились по берегу дунайскомъ. Се грады непріятельскіе: Аккерманъ, Килія, Измаилъ, Браиловъ и позади ихъ въ пепелъ обращенные Бендеры,—показываютъ колико сильно покровительство русской Монархини, и сколько Вышняго рука споспѣшествуетъ вездѣ высокимъ ея намѣреніямъ“ ..—„Теперь,—заканчиваетъ свой манифестъ Румянцевъ—земледѣлецъ да прилагаетъ руки къ полевымъ работамъ, художникъ къ своему мастерству, а торгующій на обращеніе своего промысла“.

Народъ повсюду встрѣчалъ манифестъ съ радостнымъ чувствомъ, и въ краѣ, гдѣ были расположены русскія войска, царило полнѣйшее спокойствіе. Но нельзя было сказать того же о Малой Валахіи, гдѣ турки занимали своими гарнизонами Крайовъ и сильную крѣпость Турно, стоявшую у самаго устья р. Ольты. Ольта отдѣляла насъ отъ Малой Валахіи. По одну сторону этой рѣки стояли русскіе, по другую—турецкіе пикеты. За спиною послѣднихъ, турки время отъ времени и грабили мирныя деревни валаховъ.

Разоренія дѣлаемыя непріятелемъ за Ольтой, заставляли думать, что турки не будутъ упорно держаться въ Крайовѣ, а потому генералъ Олицъ, назначенный командовать всѣми войсками валахскаго корпуса, рѣшилъ закончить кампанію покореніемъ Малой Валахіи. Небольшой отрядъ генерала Кречетникова переправился черезъ Ольту, и 28 декабря 1770 года почти безъ сопротивленія занялъ Крайовъ. Вся милиція, подъ командой майора Ахтырскаго полка Тербуховича, прошла впередъ и поставила свои посты по Дунаю вплоть до границъ Трансильваніи. Вся Малая Валахія была покорена, и только крѣпость Турно оставалась еще въ рукахъ непріятеля. Журжа и Турно надолго приковали къ себѣ всѣ силы и вниманіе валахскаго корпуса.

Ахтырскій полкъ не участвовалъ въ послѣдней экспедиціи; онъ стоялъ въ Бухарестѣ и здѣсь же, зимою 1770 года, простился со старымъ своимъ командиромъ графомъ Подгоричани. Болѣзнь и преклонныя лѣта сломили, наконецъ, желѣзную натуру этого человѣка и заставили его просить объ увольненіи отъ службы. „Сколь давно продолжаю я Вашего Величества службу,—писалъ онъ въ своемъ про-

шеніи на Высочайшее имя:—и гдѣ въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля былъ, я не объясняю, потому что Вашему Императорскому Величеству объ этомъ извѣстно. Службу свою я всеусерднѣйше продолжать желалъ бы, но наступающая старость, а черезъ долговременную мою конную службу, трогающіяся во всемъ корпусѣ разныя болѣзни, особенно въ глазѣ, и перемороженныя въ нынѣшней турецкой войнѣ въ прошлую зиму ноги — мнѣ больше въ оной быть не позволяютъ. А потому прошу, дабы Высочайшимъ указомъ повелѣно было сіе мое челобитье принять, а меня, нижайшаго раба Вашего Императорскаго Величества, по сущей невозможности къ службѣ, отъ оной уволить на жительство въ Ахтырскую провинцію Украинско-слободской губерніи. За безпорочное же мое поведеніе и отличныя заслуги, чинимыя въ походахъ противъ непріятеля, которыя Вашему Императорскому Величеству извѣстны, хотя я и имѣю отъ матернихъ щедротъ Вашихъ небольшія деревушки, въ кои изъ экономіи своей вложилъ послѣдній свой капиталъ, устроивъ винокуренный заводъ, но нынѣ я получилъ извѣстіе, что оный заводъ, и съ нимъ нѣсколько тысячъ ведеръ приготовленнаго вина сгорѣли, черезъ что причинилось мнѣ убытка болѣе чѣмъ на 10,000 рублей, что къ крайнему служитъ моему разоренію. А потому къ награжденію меня для пропитанія съ моею фамиліею по жизнь, чѣмъ Ваше Императорское Величество матерне удостоить изволите, отдаю въ высокомонаршее Ваше милосердіе и великодушіе". Военная коллегія, разсмотрѣвъ всѣ вышеприписанныя причины, нашла справедливымъ уволить графа Подгоричани отъ службы, съ производствомъ его въ генералъ-поручики. Императрица утвердила этотъ докладъ и 22 декабря 1770 года положила резолюцію: „Быть по сему" [1]).

Такъ сошелъ со служебнаго поприща одинъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ генераловъ, которому Ахтырскій полкъ обязанъ боевой подготовкой и своею первоначальною громкою боевою славою. Преемникомъ его по командованію полкомъ является полковникъ Семенъ Степановичъ Пишчевичъ, извѣстный цѣлой арміи своею блестящею храбростью.

Со взятіемъ Крайова и очищеніемъ отъ турокъ Малой Валахіи, весь интересъ событій въ кампанію 1771 года сосредоточивается на Журжѣ, положеніе которой на лѣвомъ берегу Дуная, давало непріятелю возможность обратить ее въ Тетъ-де-понъ для наступательныхъ дѣйствій изъ Рущука и Силистріи. Понятно, что правое крыло нашей арміи и должно было направить свои дѣйствія прежде всего на Журжу, чтобы отнять у турокъ возможность вторгаться подъ ея прикрытіемъ въ Валахію. Румянцевъ давно уже писалъ объ этомъ генералу Олицу; но Олицъ былъ боленъ, медлилъ началомъ операціи, а турки между тѣмъ превратили журжинскія укрѣпленія въ настоящую крѣпость. Они возвели впереди предмѣстья большой ретраншаментъ, съ бастіонами и башнями, обратили старинный замокъ, стоявшій на островѣ, образуе-

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 30 св. 227.

момъ здѣсь двумя рукавами Дуная, въ почти неприступную цитадель; устроили черезъ рукавъ, отдѣляющій замокъ отъ крѣпости, подъемный мостъ, а на другомъ рукавѣ—паромы, на которыхъ безпрепятственно производили сообщеніе съ зарѣчною стороною. Новый сераскиръ ввелъ въ Журжу свѣжія войска и довелъ гарнизонъ ея до 10,000 пѣхоты и конницы.

15-го февраля Олицъ закончилъ приготовленія для движенія на Журжу и выступилъ.

16-го высланный впередъ Ахтырскаго полка майоръ Тербуховичъ, съ 2 казачьими полками и арнаутами провѣдалъ, что значительная непріятельская партія вышла изъ Журжи и направилась къ монастырю Комашу. Тербуховичъ немедля отряжаетъ команду, она ночью настигаетъ противника и разбиваетъ его. Самъ Тербуховичъ, перехватываетъ путь отступленія и довершаетъ пораженіе турокъ.

18-го февраля 1771 года Олицъ подошелъ къ Журжѣ съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ. Въ шести верстахъ отъ крѣпости войска построились въ боевой порядокъ [1]). Милиція и донскіе казаки, подъ общей командой Тербуховича, пошли впереди и завязали перестрѣлку съ турецкими форпостами. Для поддержанія своихъ постовъ изъ крѣпости выѣхала сильная конница, число которой ежеминутно увеличивалось. Скоро въ цѣпи начались рукопашныя схватки, и казаки Тербуховича стали подаваться назадъ. Въ эту минуту Олицъ выдвинулъ впередъ Ахтырскій полкъ, съ полковникомъ Пишчевичемъ. Пройдя въ интервалы пѣхоты, гусары стройно развернули фронтъ, и вдругъ понеслись въ атаку. Всѣ историки, писавшіе объ этой войнѣ, упоминаютъ объ этой атакѣ и называютъ ее „блистательною“ [2]). Гусары, врубившись въ массы непріятельской конницы, сразу обратили ее въ бѣгство, и черезъ турецкія укрѣпленія и улицы форштадта гнали до самыхъ стѣнъ крѣпости. Тербуховичъ съ своими легкими войсками во время преслѣдованія захватилъ 23 ч. въ плѣнъ. Видя русскихъ гусаръ уже въ ретраншаментѣ, турки, занимавшіе передовые бастіоны и башни, покинули ихъ и въ страхѣ бросились бѣжать вслѣдъ за своею конницею. Пѣхота Олица, двигавшаяся вслѣдъ за гусарами, заняла безъ боя и ретраншаментъ, и предмѣстье.—„Полковникъ Пишчевичъ,—писалъ Императрицѣ Румянцевъ,—заслужилъ въ семъ случаѣ имя мужественнаго и храбраго офицера, и подполковникъ того же полка Мисюревъ былъ также въ томъ участникомъ“ [3]). Императрица произвела впослѣдствіи Мисюрева въ полковники, а Пишчевичъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Генералъ Олицъ представлялъ особенно отличившихся, Ахтырскаго полка поручика фонъ-Франкенбуша и прапорщика Пажена, „которые во время атаки на ретраншаментъ и во время самого штурма посылались съ нужнѣйшими къ гг. начальникамъ колоннъ приказаніями, которые и относили къ нимъ съ поспѣшностью подъ огнемъ черезъ самыя опасныя мѣста“. Кн. Трубецкой представлялъ прапорщиковъ Ахтырскаго полка Василія Павловскаго и Але-

---

[1]) См. планъ сраженія при Журжѣ.
[2]) Лееръ. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ т. III, „Журжа“.
[3]) Журн. воен. дѣйствій I-й арміи 2 марта 1771 года.

ксандра Козачковскаго, причемъ перваго просить наградить орденомъ св. Георгія 4 ст. [1]).

Два дня войска оставались въ занятомъ форштадтѣ, приготовляясь къ штурму, который назначенъ былъ въ ночь съ 20-го на 21-е февраля. Наконецъ, наступила эта, всѣми ожидаемая, темная, дождливая, ненастная ночь, подъ покровомъ которой Ахтырскій полкъ, вмѣстѣ съ 1 эск. Рижскихъ карабинеръ, придвинутъ былъ подъ самыя стѣны крѣпости, чтобы въ случаѣ неудачи прикрыть отступленіе и удержать натискъ „стремительныхъ янычаръ". Какъ ни благоразумно было это распоряженіе, но оно оказалось излишнимъ, такъ какъ крѣпость была взята послѣ трехъ-часового кроваваго приступа, стоившаго намъ, однако, болѣе тысячи человѣкъ, выбывшими изъ строя. Кавалерія преслѣдовала отступавшихъ турокъ и многихъ порубила, значительное число утонуло въ Дунаѣ, куда турки бросались, спасаясь отъ гусаръ и карабинеръ.

Выбитые изъ крѣпости, турки успѣли, однако, перебраться въ замокъ и подняли за собою мостъ. Тогда генералъ Олицъ поставилъ на берегу Дуная три сильныя батареи, и старыя стѣны замка рухнули подъ непрерывнымъ огнемъ осадной артиллеріи. Гарнизонъ сдался на капитуляцію и былъ отпущенъ за Дунай, оставивъ въ нашихъ рукахъ 20 знаменъ и 84 орудія. Румянцевъ приказалъ участвовавшимъ въ экспедиціи на Журжу выдать, унтеръ-офицерамъ по 2 р., а нижнимъ чинамъ по 1 р.

Теперь въ рукахъ у турокъ, на лѣвомъ берегу Дуная оставалась одна только крѣпость Турно. Но овладѣть этой крѣпостью было потруднѣе, нежели взять Браиловъ, или Журжу. По виду своихъ укрѣпленій, она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, уже взятыхъ нами турецкихъ крѣпостей: тотъ же каменный замокъ внутри крѣпостной ограды, служившій ей кавальеромъ и цитаделью; тотъ же валъ съ четырьмя бастіонами, и тѣ же рвы и гласисъ, усиливавшія ея оборону. Но сила Турно заключалась не въ этихъ наружныхъ оплотахъ, а въ томъ положеніи, которое занимала она на открытой равнинѣ, обстрѣливаемой со всѣхъ батарей другой, гораздо болѣе сильной крѣпости—Никополя. Эта послѣдняя была расположена на правомъ возвышенномъ берегу Дуная, и если бы намъ удалось взять Турно, то удержаться въ ней все-таки было нельзя, такъ какъ огонь изъ Никополя перебилъ бы весь гарнизонъ и разрушилъ самую крѣпость. Непріятель не замедлилъ воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ Турно, и подъ его прикрытіемъ сталъ собирать значительныя силы, очевидно, разсчитывая вторгнуться въ Малую Валахію изъ Никополя или Виддина. На лѣвомъ берегу Дуная стали появляться сильныя партіи, и одна изъ нихъ 24 февраля, силою въ 1000 ч. при 2-хъ орудіяхъ, напала на селеніе Чернецъ, гдѣ стоялъ пикетъ изъ милиціи, подъ командой прапорщика Ахтырскаго полка Требинскаго. Требинскій успѣшно отбилъ нападеніе и принудилъ турокъ вернуться на свой берегъ. Однако, турки успѣли поджечь деревню. Во время схватки были убиты 12 арнаутовъ, а Требинскій и 15 арнаутовъ ранены. Потемкинъ въ своемъ донесеніи говоритъ: „потери не-

[1]) Не получилъ.

велики потому, что турки стрѣляли изъ пушекъ, находившихся на судахъ. Далѣе онъ рекомендуетъ Требинскаго какъ храбраго и искуснаго офицера и проситъ не оставить его безъ награжденія [1]). 1-го марта Требинскій, произведенный за дѣло 24-го февраля въ поручики, былъ отправленъ къ д. Чернецъ съ разъѣздомъ, въ стычкѣ раненъ въ лѣвую ногу и „по причинѣ убитой подъ нимъ лошади, взятъ въ плѣнъ“ [2]).

Нападеніе, произведенное турками 24 февраля, встревожило самого Гудовича, который, за смертью Олица, вступилъ во временное командованіе валахскимъ корпусомъ. Опасаясь теперь, что турки пойдутъ на Бухарестъ съ двухъ сторонъ, онъ расположилъ весь корпусъ на рѣкѣ Аржисѣ, при самомъ впаденіи въ нее Дембовицы, откуда съ одинаковымъ удобствомъ можно было встрѣтить непріятеля, идущаго какъ изъ Рущука, такъ и изъ Малой Валахіи. Въ тоже время для связи съ заольтинскимъ отрядомъ, отдѣленнымъ отъ насъ широкою рѣкою, онъ отрядилъ 1-й Московскій пѣхотный полкъ [3]), два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ [4]) и нѣсколько сотенъ казаковъ, подъ общею командою подполковника Мисюрева, которому приказано было тревожить Турно и тѣмъ отвлекать непріятеля отъ нападенія на отрядъ Потемкина [5]). Но зная черезчуръ отважный характеръ Мисюрева, Гудовичъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ ему всячески уклоняться отъ столкновеній съ противникомъ, а въ случаѣ наступленія турокъ—отходить на главныя силы.

17 го февраля Мисюревъ прибылъ къ р. Веде. Оставивъ пѣхоту въ окопахъ при устьѣ Веде, Мисюревъ съ кавалеріей лично произвелъ подробную развѣдку и донесъ Гудовичу, что мѣсто избрано неудачно [6]), и оставшись при впаденіи въ Веде р. Теліормана, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, началъ партизанскія дѣйствія въ окрестностяхъ самаго Турно, ежедневно захватывая одиночныхъ людей нападая на турецкихъ фуражировъ и истребляя небольшія команды.

Такъ 19-го апрѣля, турки въ числѣ болѣе 200 человѣкъ переправились изъ Систова. Они преслѣдовали развѣдочную партію капитана Рода. Майоръ Тербуховичъ послалъ ему подкрѣпленіе, а эскадрону Ахтырскаго полка подъ командою капитана Тевяшова приказано было слѣдовать за Тербуховичемъ. „Непріятель увидѣвъ секурсъ, а тѣмъ болѣе строющійся эскадронъ гусарскій, въ бѣгъ себя обратилъ“. Догнать его не удалось, такъ какъ лошади были сильно утомлены: 10 лошадей пристало, а 14 сильно ослабѣли во время преслѣдованія.

21-го Мисюревъ получилъ приказаніе начать скрытно отступленіе, это было необходимо въ виду чрезмѣрнаго удаленія его отряда. Но наканунѣ слышалась сильная стрѣльба невдалекѣ.

Для развѣдки, Мисюревъ выслалъ ночью майора Тербуховича съ партіею легкихъ войскъ и подкрѣпилъ его еще 2 эскадронами Ахтырскаго полка подъ командою майора Гангеблова. Эскадроны вернулись, сообщивъ слухъ, что русскіе подошли къ Турно и принудили турокъ запереться въ крѣпости.

---

[1]) В. Уч. Арх. № 447.
[2]) Тамъ же № 484.
[3]) Въ составѣ 269 рядовыхъ.
[4]) Въ обоихъ эскадронахъ въ строю было 148 рядовыхъ гусаръ.
[5]) Потемкинъ командовалъ заольтинскимъ отрядомъ послѣ генерала Кречетникова.
[6]) № 419. В Уч. Арх.

24-го Мисюревъ получилъ свѣдѣнія, что непріятель переправился изъ Рущука и напалъ на деревню Малу. Тотчасъ же онъ отправилъ туда Тербуховича съ партіею легкихъ войскъ, а въ поддержку ему назначилъ 1 эскадронъ Ахтырцевъ, подъ начальствомъ капитана Тевяшова. Тербуховичъ вернулся ночью, не встрѣтивъ непріятеля.

Турки были озадачены всѣми этими движеніями, но, наконецъ, рѣшили уничтожить дерзкій отрядъ, державшій цѣлый гарнизонъ въ постоянномъ безпокойствѣ. 28-го апрѣля 1771 года двѣ турецкія колонны направились къ устью р. Веде, чтобы атаковать нашъ отрядъ съ двухъ сторонъ и отрѣзать ему отступленіе. Мисюревъ счелъ неудобнымъ уклониться отъ боя и отступить при первомъ слухѣ о движеніи противъ него непріятеля, не выяснивъ себѣ даже его намѣреній,—а потому ограничился тѣмъ, что отошелъ отъ Турно, и, сблизившись со своею пѣхотою, рѣшилъ дать отпоръ. Но пока кавалерія задерживала наступленіе одной колонны, шедшей со стороны Дуная отъ Систова, Мисюревъ получилъ извѣстіе, что другой, еще болѣе сильный отрядъ непріятеля обходитъ нашу позицію съ тыла.

Вотъ что пишетъ Мисюревъ о завязкѣ этого боя: „Черезъ часъ послѣ сего извѣстія увидѣлъ я авангардъ сей передъ фронтомъ на горахъ и немедленно послалъ на встрѣчу майора Тербуховича съ казаками и волонтерами, подкрѣпивъ его 1 эскадрономъ гусаръ. Непріятель сталъ противъ ихъ весьма усиливаться, то взялъ я на подкрѣпленіе къ симъ легкимъ войскамъ пушку и 50 человѣкъ 1 Московскаго полка, препоруча команду майору Селиверстову, и сіе подкрѣпленіе на командующей горѣ поставилъ, при помощи которой непріятель былъ прогнанъ. Въ сіе самое время показался онъ въ великомъ числѣ лощиною въ тылъ, увидѣвъ его намѣреніе, возвратилъ пушку, Тербуховича съ легкими войсками и оба гусарскіе эскадрона въ окопъ“ [1]).

Непріятель повелъ атаку съ двухъ сторонъ, но несмотря на чрезвычайную энергію, съ которой дѣйствовали турки—два приступа были отбиты. Спѣшенные гусарскіе эскадроны, составляли вмѣстѣ съ казаками общій резервъ, поспѣвали всюду, гдѣ только ослабѣвала пѣхота, или непріятель врывался внутрь укрѣпленія. Ночь, наконецъ, прекратила бой. Турки расположились на высотахъ, въ полуверстѣ отъ нашего лагеря, занявъ всю журжинскую дорогу,—и отступать намъ теперь было некуда. Положеніе Мисюрева становилось критическимъ. Но, къ счастью, турки не рѣшились довести до конца начатое дѣло, и, убѣдившись, что русскіе будутъ защищаться до послѣдней крайности,—на другой день сами отступили къ Турно, оставивъ 200 труповъ. У Мисюрева убито было 2 ч. и 28 ранено, изъ этого числа Ахтырцы потеряли 2 капраловъ и 2 гусаръ—ранеными. Бой продолжался съ 9 утра до 3 дня.

Мисюревъ доносилъ что секундъ-майоры Ахтырскаго полка, Гангебловъ и Тербуховичъ, капитанъ Тевяшовъ, поручикъ Черноглазовъ, прапорщикъ Паженъ и аудиторъ Парафіевскій, „подавая неустрашимостью своею примѣръ подчиненнымъ и равную въ ихъ душу вселяли. Сіи дѣла и храбрый ихъ подвигъ меня, какъ очевидца оныхъ, обязываетъ препоручить въ особливое Вашего Превосходительства благоволеніе“. По показаніямъ плѣнныхъ турокъ было 4000.

---

[1]) Тамъ же.

Нападеніе на Мисюрева показало Гудовичу, что съ Турно надо покончить такъ или иначе. Онъ даже рѣшилъ на время пожертвовать Малою Валахіею и приказалъ Потемкину очистить Крайовскій банатъ и перейти на лѣвую сторону Ольты. Въ то же время, чтобы облегчить ему переправу, онъ самъ перешелъ на р. Веде, и сталъ при впаденіи въ нее р. Теліормана. Здѣсь присоединился къ нему Потемкинъ, сюда же прибылъ отрядъ Мисюрева. Ахтырскій полкъ находился теперь въ полномъ составѣ, и Гудовичъ приказалъ ему захватить на Дунаѣ мѣстечко Мигурены, откуда, какъ онъ предполагалъ, можно было обстрѣливать переправу изъ Никополя и, такимъ образомъ, перервать сообщеніе между нимъ и Турно. Гусары, опрокинувъ турецкую конницу, (во время атаки были ранены поручикъ Герничъ, гусаръ 1, лошадей 2, убита 1 лошадь) [1]), заняли мѣстечко, даже построили въ немъ батареи, но въ ту же ночь ихъ извѣстили, что въ лагерь прибылъ генералъ Репнинъ, назначенный на мѣсто умершаго Олица, и что исполненіе распоряженій Гудовича пріостановлено. Репнинъ началъ съ того, что самъ произвелъ рекогносцировку, которая убѣдила его, что всякія покушенія противъ Турно будутъ безполезны. Онъ даже замѣтилъ Гудовичу, что движеніе его къ Турно было ошибкою, такъ какъ оно открывало свободный входъ въ Валахію со стороны Рущука, и угрожало безопасности самого Бухареста. Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ тотъ же день пришло извѣстіе, что сильный турецкій корпусъ переправился черезъ Дунай, и что Журжа въ осадѣ. Крѣпость имѣла 700 человѣкъ гарнизона и 40 орудій, но осада могла поставить ее въ трудное положеніе, — и Репнинъ, извѣстивъ коменданта короткой запиской: „Держитесь: я иду на помощь и скоро буду“,—выступилъ къ Журжѣ форсированными маршами. Но какъ ни торопились войска — онѣ опоздали: — за нѣсколько часовъ до нашего прихода крѣпость была занята непріятелемъ. Малодушный комендантъ, — не выдержалъ даже трехъ-дневной осады и сдался на капитуляцію, по которой турки обязались отпустить гарнизонъ въ Бухарестъ, сохранивъ ему оружіе и частное имущество. 29-го мая, въ 9 ч. вечера, турки вступили въ крѣпость. Черезъ три часа послѣ этого событія, Ахтырскій полкъ находившійся въ передовомъ отрядѣ Гудовича, подошелъ къ Журжѣ и завязалъ съ турками перестрѣлку, при чемъ потерялъ 1 гусара и 2 лошадей убитыми и 4 лошади ранеными [2]). Вскорѣ выѣхалъ навстрѣчу турецкій парламентеръ и объявилъ, что Журжа взята, но что гарнизонъ ея, сдавшійся на капитуляцію, находится еще въ крѣпости. При этомъ онъ прибавилъ: „Я считаю долгомъ предупредить, что если ваши войска начнутъ нападеніе, то русскіе, вопреки капитуляціи, будутъ перерѣзаны“. — „Поѣзжайте назадъ,— отвѣчалъ Гудовичъ парламентеру,— и скажите, что если эти несчастные забыли завѣтъ нашихъ предковъ—лечь костьми,— то они не братья наши и мы ихъ презираемъ. Турки могутъ дѣлать съ ними все, что угодно“. Репнинъ не рѣшился штурмовать крѣпость, занятую теперь сильнымъ гарнизономъ, и отступилъ на прежнюю позицію при сліяніи Аржиса и Дембовицы.

[1]) В. Уч. Арх. № 379.

[2]) Тамъ же. При столкновеніи полкомъ выпущено 1215 пуль.

Фельдмаршалъ, раздраженный малодушіемъ коменданта, сдавшаго крѣпость, можно сказать, уже въ виду подходившей помощи, предалъ всѣхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ капитуляціи, военному суду и подписалъ приговоръ о смертной казни. Императрица отмѣнила этотъ приговоръ и писала Румянцеву: „Казнить ихъ не надо, ибо въ смерти ихъ обществу нужды нѣтъ, да и постыдная жизнь, при которой они должны будутъ носить свой стыдъ и поносные знаки подлаго преступленія будутъ для нихъ гораздо чувствительнѣе смерти“. Она повелѣла исключить ихъ изъ службы, отобрать у нихъ патенты на чины, „коихъ они малодушіемъ и робостью стали недостойны“. „Такая казнь,—сказано было въ высочайшемъ указѣ,—отягчая по справедливости преступниковъ при жизни, останется и послѣ ихъ смерти на долгое время въ памяти всего войска и среди самого отечества, служа примѣромъ не только для дѣйствительно-служащихъ, но и для юношества; пріуготовляющаго себя къ военному дѣлу“.

Паденіе Журжи сильно измѣнило положеніе дѣлъ на театрѣ войны, предоставивъ непріятелю возможность развить свои операціи на лѣвомъ берегу Дуная. И, дѣйствительно, подъ вліяніемъ перваго успѣха, турки не замедлили перейти въ наступленіе. Репнинъ, стоявшій на Аржисѣ, отступилъ умышленно къ Бухаресту, заманивая противника въ дефиле. Турки послѣдовали за нимъ, и бой произошелъ 10-го іюня у монастыря Вокарешти. Турецкая армія была разбита на-голову и въ безпорядкѣ бѣжала за Дунай. „Въ семъ дѣлѣ, конница работала очень хорошо“ говорится въ реляціи [1]). Ахтырцы, вмѣстѣ съ другими полками, преслѣдовали ее до р. Аржиса (въ 21 вер.), а пѣхота на протяженіи 11 верстъ до р. Сабара. Фельдмаршалъ не замедлилъ поставить слабое преслѣдованіе на видъ командиру валахскаго корпуса.—„Во всякое другое время,—писалъ онъ Репнину,— сія побѣда могла быть знаменитою, но теперь всякъ скажетъ, что она подвержена критикѣ. Случай такой рѣдокъ въ войнахъ, чтобы непріятеля заманить въ непроходимыя пропасти, что вамъ совершенно удалось учинить по своему желанію, (чѣмъ однимъ можно изъяснить ваше отступленіе), и не только заманить, но опрокинуть его и гнать. Но, если вы не воспользовались тѣмъ, чтобы гнать непріятеля прямо, если всѣ трудные проходы пробѣжалъ онъ безъ преслѣдованія, не потерявъ ни людей, ни пушекъ, ни тягостей своихъ, то вы сами сообразить можете, какъ должно судить такое дѣло со стороны распоряженій и слѣдствій... Если бы вы въ своей одержанной поверхности обратили войска далѣе вслѣдъ за непріятелемъ, онъ не только претерпѣлъ бы поголовную погибель, да еще въ своемъ первомъ страхѣ оставилъ бы вамъ и Журжу“.

Румянцевъ былъ правъ: минута для овладѣнія Журжей, на плечахъ бѣгущаго непріятеля, была пропущена, и Журжа стоила русскимъ еще много крови.

---

[1]) Ахтырскій п. потерялъ 1 гус. убитымъ, 1 гус. и 1 лошадь ранеными. В. Уч. Арх. № 379.

VII.

(1771—1774).

Неудачный штурмъ Журжи.—Бой при м. Рымникѣ на Ольтѣ.—Участіе полка въ бою подъ Бухарестомъ и при взятіи Журжи, павшей подъ ударомъ одной кавалеріи.—Защита ахтырцами крайовскаго баната въ кампанію 1773 года. — Дѣйствія полка за Дунаемъ въ 1774 году. — Заключеніе мира. — Резервный эскадронъ Ахтырскаго полка и блистательный подвигъ его въ кубанскихъ степяхъ.—Итоги турецкой войны.

Почти все лѣто 1771 года прошло въ совершенномъ бездѣйствіи. Погода стояла ненастная; шли проливные дожди, какихъ не помнили въ краѣ самые старые люди; рѣки вышли изъ береговъ и произвели общее наводненіе; Серетъ разлился на шесть верстъ и мостъ въ Максименахъ былъ сорванъ и унесенъ въ Дунай [1]). Аржисъ и Сабаръ слились и образовали одинъ громадный водный бассейнъ. Даже Дембовица затопила подъ Бухарестомъ всѣ низменныя мѣста, снесла мосты, уничтожила переправы. При такихъ условіяхъ Эссенъ могъ начать военныя дѣйствія только въ августѣ мѣсяцѣ, когда воды спали и дороги просохли. Турки между тѣмъ опомнились отъ своего пораженія подъ Бухарестомъ, усилились въ Журжѣ, но рѣшили до времени держаться въ строго-оборонительномъ положеніи. Послѣднее обстоятельство намъ не было извѣстно, и Эссенъ, приближаясь къ Журжѣ, какъ къ главному предмету своихъ дѣйствій, выслалъ впередъ всю легкую конницу, разсчитывая выманить непріятеля изъ крѣпости и разбить его въ полѣ. Конница, дѣйствительно, имѣла удачную стычку. Утромъ 3-го августа Фабриціанъ, пройдя д. Бонясы, скрытно поставилъ 2 эскадрона Ахтырскаго полка въ засаду, а казакамъ приказалъ броситься къ передовымъ укрѣпленіямъ, поднять общую тревогу и затѣмъ скакать назадъ въ разсыпную. Въ это время къ Фабриціану подошли еще 3 эскадрона нашего полка. Человѣкъ пятьсотъ турецкихъ наѣздниковъ увязались въ погоню за казаками и попали въ засаду: Ахтырцы охватили ихъ съ тыла и изрубили до 50 ч. [2]). Турецкая пѣхота, однако, не вышла изъ крѣпости, и даже не попыталась помочь своей разбитой конницѣ; напротивъ, турецкій лагерь, стоявшій впереди ретраншамента, былъ тотчасъ снятъ и войска введены въ

---

[1]) Ахтырскаго п. поручикъ Пятковичъ, бывшій съ разъѣздомъ на Дунаѣ, 8-го Іюля поймалъ этотъ мостъ и спасъ тѣмъ, какъ самый мостъ, такъ и унесенныхъ на немъ 1 у.-оф. и 25 рядовыхъ.

[2]) В. Уч. Арх. № 448.

укрѣпленія. Только конница выдвинута была къ пригородной деревнѣ Слободзеѣ, и отсюда пошла по дорогѣ на Турно. 4-го послѣ полудня посты, выставленные Ахтырскимъ полкомъ, донесли, что за лѣсомъ близъ Журжи, замѣтно движеніе непріятеля по дорогѣ изъ Турно. Пишчевичъ немедля посадилъ полкъ на коней и двинулся навстрѣчу. Турки лишь только замѣтили движеніе полка, не ожидая атаки, бросились бѣжать [1]).

Для преслѣдованія бѣгущихъ Пишчевичъ выслалъ эскадронъ подъ начальствомъ премьеръ-майора графа Подгоричани. Эскадронъ успѣлъ нагнать заднихъ, порубилъ 30 человѣкъ и освободилъ 60 плѣнниковъ. Для дальнѣйшаго преслѣдованія Подгоричани отрядилъ 60 гусаръ, которые въ сумерки догнали небольшую партію турокъ, убили изъ нихъ 20 человѣкъ и 4 взяли въ плѣнъ. Остальные разбѣжались. Штурмъ, предпринятый Эссеномъ въ ночь на 7-е августа, былъ весьма неудаченъ: войска были отбиты съ огромною потерей, лишившись одного генерала, 98 офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ,— слѣдовательно, почти половины отряда. Главною причиною неудачи, по мнѣнію Эссена, была чрезвычайная потеря въ офицерахъ, которые, находясь впереди, подавали собою примѣръ, но зато и первые стали жертвами своей храбрости. „Несчастіе сіе, — говоритъ Эссенъ въ своемъ донесеніи Румянцеву отъ 11-го августа, — предохранивъ меня отъ великихъ опасностей, обременяетъ меня жизнію". Ахтырскій полкъ во время атаки охранялъ тылъ и флангъ атакующихъ отъ возможнаго покушенія со стороны турокъ [2]).

Какъ ни прискорбно было Императрицѣ получить подобное извѣстіе, однако, она сочла нужнымъ прежде всего успокоить Румянцева и Эссена. — „Въ удачныхъ предпріятіяхъ, — писала она фельдмаршалу: я васъ поздравляла. Нынѣ, въ неудачномъ случаѣ, когда генералъ Эссенъ не успѣлъ взять Журжу, но самъ съ большою потерею остался,—я вамъ также скажу свое мнѣніе: я, хотя о томъ весьма сожалѣю, но что же дѣлать, гдѣ вода была, опять вода быть можетъ. Богъ много милуетъ насъ, но иногда и наказуетъ, дабы мы не возгордились. Но какъ мы въ счастьи не были горды, то, надѣюсь, что и неудачу снесемъ съ добрымъ духомъ. Болѣе всего мнѣ прискорбна великая потеря храбрыхъ людей: еще ни одна баталія во всю войну намъ такъ много людей не стоила. Я надежна, что вы сіе несчастіе не оставите поправить, гдѣ случай будетъ".

Неудача Эссена на первыхъ порахъ настолько окрылила турокъ надеждами, что они сами рѣшились перейти въ наступленіе съ двухъ сторонъ—отъ Журжи и Виддина. За Ольтой, въ давно уже покинутомъ нами Крайовскомъ банатѣ, дѣйствительно, стали собираться значительныя силы; говорили, даже, что при нихъ находится нѣкто Монолаки, (Мануилъ Водовъ), котораго султанъ назначилъ господаремъ Валахіи и приказалъ водворить его въ Бухарестѣ. Такимъ образомъ, валахскому отряду снова готовилась такая же опасность, какая разъ уже угрожала ему при Репнинѣ. Поставивъ войска при устьѣ Дембовицы, Эссенъ въ то же время для наблюденія за Ольтой отправилъ

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) См. 2-й планъ атаки Журжи.

небольшой отрядъ подполковника Фабриціана, въ составъ котораго вошелъ и Ахтырскій гусарскій полкъ. Слѣдуя по рѣкѣ Аржису, два эскадрона ахтырцевъ, подъ командою майора Вукотича, первые открыли непріятеля, засѣвшаго въ аржисскомъ монастырѣ. Гусары, не дожидаясь пѣхоты, взяли монастырь штурмомъ, и заставили непріятеля бѣжать за Ольту, къ мѣстечку Рымнику, гдѣ, какъ говорили, находился самъ господарь съ турецкимъ отрядомъ. Вукотичъ, занявъ монастырь, остановился, а преслѣдовать турокъ, послалъ капитана Ахтырскаго полка Новаковскаго съ небольшимъ отрядомъ. Между тѣмъ къ Ольтѣ подошли остальныя войска отряда Фабриціана. Это было перваго сентября, въ ненастный осенній день, когда рѣка была въ разливѣ, переправъ не было, а на томъ берегу стояла и ожидала насъ турецкая пѣхота въ числѣ до $2^1/_2$ тысячъ. Приходилось подумать: что дѣлать дальше?—И вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, секундъ-майоръ Губеръ, во главѣ ахтырскаго эскадрона бросается прямо въ рѣку [1]), и, выбравшись на противоположный берегъ,—сажаетъ эскадронъ на коней и несется въ атаку, за нимъ слѣдуетъ переправившійся вплавь другой эскадронъ съ майоромъ Вукотичемъ, и казаки съ атаманомъ Яновымъ.—Турецкая пѣхота была опрокинута съ одного удара; но изъ Рымника на помощь къ ней выступили новыя значительныя силы, что и Вукотичъ вынужденъ былъ остановиться. Положеніе его, отдѣленнаго отъ отряда широкою рѣкою, становилось критическимъ. Въ эту минуту къ нему подоспѣли остальные три эскадрона Ахтырскаго полка, также переправившіеся вплавь, подъ командою майора графа Подгоричани. „Оные эскадроны,—доносилъ Румянцевъ—соединившись съ майоромъ Вукотичемъ, столь храбро на непріятеля ударили, что болѣе шестисотъ мертвыми на мѣстѣ положили и, по совершенномъ его разбитіи, гнали однихъ по разнымъ ущелинамъ въ горы, а иныхъ—къ Крайову и Чернецу, и много изъ нихъ покололи и порубили“ [2]). Въ плѣнъ взято было сорокъ человѣкъ. Самъ господарь, преслѣдуемый лично донскимъ атаманомъ Яновымъ, едва-едва успѣлъ ускакать, но оставилъ въ рукахъ у него два свои бунчука. Ахтырцы взяли два знамени, господарскую шапку [3]) и все имущество какъ самого господаря, такъ и находившейся при немъ свиты изъ знатнѣйшихъ турокъ и валахскихъ бояръ. Найденный въ Рымникѣ большой магазинъ былъ истребленъ. Ахтырцы потеряли десять человѣкъ убитыми и 24 ранеными [4]). Лошадей убито 20, ранено 23. Донося объ этомъ дѣлѣ, Фабриціанъ съ особенной похвалою отзывался о храбрости майоровъ: графа Подгоричани, Вукотича и особенно Губера, подавшаго своею отвагою примѣръ къ переправѣ, а также с. м. Челиновича, капитановъ Новаковскаго, Вукотича и Касавчича.

Плѣнные, взятые подъ Рымникомъ, показывали согласно, что видинскій сераскиръ уже приближается къ Ольтѣ, имѣя стотысячное войско и болѣе сотни орудій, и что онъ намѣренъ итти на Бухарестъ, вмѣстѣ съ корпусомъ, стоящимъ у Журжи. „Турки,—говорили они,—

---

[1]) В. Уч. Арх. № 557. См. приложеніе 7.

[2]) Журн. Военн. дѣйствій, I ар. 6-го сентября 1771 г.

[3]) Эта шапка была пожалована господарю турецкимъ султаномъ, какъ знакъ его достоинства, и составляла въ нѣкоторомъ родѣ государственную регалію.

[4]) Отчетъ полка за октябрь 1771 года и В. Уч. Арх. № 379.

положили, что это будетъ послѣдняя битва и, что, въ случаѣ неудачи, они будутъ искать мира".

Не вполнѣ довѣряя этимъ слухамъ, графъ Румянцевъ предписалъ однако, Эссену усугубить осторожность, и даже выслалъ къ нему изъ главной арміи еще два карабинерные полка: Сибирскій и Нижегородскій. Намѣреніе непріятеля итти на Бухарестъ подтверждалось съ каждымъ днемъ, и Эссенъ, озабоченный сосредоточеніемъ своего корпуса, притянулъ къ себѣ отрядъ Фабриціана. 13-го сентября получено было извѣстіе, что виддинскій сераскиръ прошелъ уже къ Журжѣ. Для провѣрки этого свѣдѣнія былъ посланъ эскадронъ Ахтырскаго полка, который дошелъ до самаго журжинскаго ретраншамента, завязалъ перестрѣлку съ турецкими пикетами и возвратился назадъ съ извѣстіемъ, что сераскиръ, дѣйствительно, прибылъ и стоитъ лагеремъ на берегу Дуная, между крѣпостью и подгородною деревней Слободзеей. Съ этихъ поръ на передовыхъ постахъ по Аржису, гдѣ стояли Ахтырскіе гусары, аванпостныя стычки происходили почти ежедневно. Однажды, начальникъ одного изъ постовыхъ районовъ, майоръ Вельяминовъ, узнавъ, что на той сторонѣ рѣки показался непріятель, поѣхалъ самъ съ пятью пикинерами на развѣдки, но въ лѣсу былъ окруженъ турками и захваченъ въ плѣнъ. По первымъ выстрѣламъ съ сосѣдняго поста прискакалъ подполковникъ Мисюревъ съ Ахтырскими гусарами, но, не заставъ уже непріятеля, выслалъ за нимъ разъѣздъ изъ трехъ гусаръ, которые, однако, назадъ не возвратились и, какъ говоритъ журналъ военныхъ дѣйствій, „уповательно отхвачены тою же непріятельскою партіею" [1]).

13-го октября на правомъ берегу Аржиса, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Журжи, стали показываться значительныя турецкія силы. Шла пѣхота и конница. Было очевидно, что это наступала 50-ти тысячная армія виддинскаго сераскира. Два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ, и 200 казаковъ, содержавшіе передовые посты, подъ командою подполковника Мисюрева, были отброшены назадъ. Эссенъ отправилъ на помощь къ нимъ еще два эскадрона карабинеръ—но удержать непріятеля было нельзя, наша конница хотя и произвела нѣсколько атакъ, но принуждена была къ отступленію. Дѣло, повидимому, было жаркое, потому что изъ двухъ ахтырскихъ эскадроновъ четыре гусара были убиты и семь ранены [2]), лошадей убито 5. Карабинеры [3]) потеряли 32 ч. убитыми и ранеными 26 ч. 17 октября, во время стычки съ турками нашихъ легкихъ войскъ были ранены прикомандированные къ нимъ Ахтырскаго полка поручикъ Герничъ и прапорщикъ Лани. Эссенъ между тѣмъ сосредоточилъ весь свой корпусъ около Бухареста, гдѣ и должна была рѣшиться участь настоящей кампаніи. Непріятель, однако, подвигался медленно и только 20 октября, рано утромъ, турецкая армія показалась въ четырехъ верстахъ отъ города, въ долинѣ рѣчки Дембовицы, гдѣ тотчасъ принялась за возведеніе сильнаго ретраншамента. Эссенъ рѣшилъ немедленно атаковать непріятеля,—и здѣсь-то, въ заключительномъ актѣ кам-

---

[1]) Вахмистръ Яворскій, гусары Хмѣль и Мѣдникъ взяты были въ плѣнъ № 484 В. Уч. Арх.
[2]) Тамъ же.
[3]) Вятскаго и Сибирскаго полковъ.

паніи, на долю Ахтырскаго полка выпала одна изъ самыхъ выдающихся ролей.

Видя упорное наступленіе нашей пѣхоты, турки вдругъ перебросили значительную часть своей конницы на лѣвый берегъ Дембовицы, чтобы захватить Бухарестъ [1]), оставленный нами почти безъ прикрытія. Къ счастью, движеніе это замѣчено было своевременно Кавалерійскій отрядъ полковника князя Кантемира, въ составъ котораго вошелъ и Ахтырскій полкъ, быстрымъ движеніемъ не только успѣлъ предупредить непріятеля, не только отстоять Бухарестъ [2]) и отбросить турокъ обратно за Дембовицу—но успѣлъ еще и возвратиться назадъ, чтобы принять участіе въ общей атакѣ. Какъ только, послѣ различныхъ перепитій боя, наша пѣхота подошла къ турецкому ретраншаменту на пушечный выстрѣлъ,—вся русская конница вдругъ выдвинулась впередъ и, развернувшись въ линію, помчалась прямо на окопы. Кавалерійская атака поведена была блистательно, и „сей ударъ,—какъ выражается Эссенъ въ своемъ донесеніи,—былъ рѣшительный въ нашей побѣдѣ“ [3]). Непріятель, разбитый на-голову, былъ обращенъ въ полное бѣгство, и только темная октябрьская ночь, быстро окутавшая окрестность, спасла его отъ окончательнаго истребленія. Эту атаку Пишчевичъ описываетъ въ рапортѣ Панину [4]). „Сего октября 20-го дня подъ городомъ Бухарестомъ во время сраженія съ непріятелемъ состоялъ я съ ввѣреннымъ мнѣ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ въ командѣ Вашей и составлялъ отъ кавалеріи, при каре г. м. кн. Долгорукова, первую линію, въ которой Вы изволили командовать и были на правомъ флангѣ, а я съ полкомъ моимъ съ лѣваго и, когда приказано было повесть нашей конницѣ атаку на пѣхоту турецкую, тогда какъ Вы съ праваго фланга, а я съ лѣваго всею нашею линіею ударили на непріятеля на палашахъ, тогда я съ полкомъ моимъ, врубясь въ большую кучу пѣшихъ янычаръ, опровергъ оную и обратилъ въ бѣгъ, гонясь за нимъ и поражая онаго верстъ 8. Непріятеля убито и срублено болѣе 300 человѣкъ. Хотя бы и большій поискъ надъ онымъ непріятелемъ учинить можно-бъ было, но ужъ наступившая темная ночь, да густой кустарникъ помогъ имъ скрыться. Я жъ съ полкомъ отбилъ у непріятеля одну пушку съ лафетомъ да знамя одно“.

Дальше Пишчевичъ представляетъ наиболѣе отличившихся премьеръ-майоровъ графа Подгоричани и Вукотича, секундъ-майоровъ Челиновича и Губера, „которые отъ начала баталіи, даже до окончанія при своихъ мѣстахъ были и показывали свое усердіе, съ отличностью предводительствуя своихъ подчиненныхъ и поступали какъ храбрымъ офицерамъ надлежало“.

„Поручикъ Герничъ и комиссаръ Лесевицкій, который самъ охотился быть въ сраженіи и нынѣ былъ опредѣленъ за недостаткомъ

---

[1]) См. планъ сраженія при Бухарестѣ.

[2]) Подъ Бухарестомъ полкъ потерялъ убитыми . . . . . 2 гусаръ, лошадей 9.
„ „ „ „ раненными поручика Гернича . 4 „ „ 15.

[3]) Журналъ военн. дѣйств. 1-ой арміи, 2 ноября 1771 года „О дѣйствіи близъ Бухареста и о возвращеніи Журжи“.

[4]) В. Уч. Арх. № 476.

офицеровъ, дѣлали сіи два офицера свой долгъ со всякимъ усердіемъ и себя отличили храбростью, чему я былъ свидѣтелемъ".

Одинъ эскадронъ Ахтырцевъ былъ, очевидно, подчиненъ полковнику Леонтьеву, командиру Рижскаго карабинернаго полка, такъ какъ онъ представляетъ отличившихся: подполковника Мисюрева, секундъ-майора Гангеблова, капитана Колбека и прапорщика Пажена, которые „на продолженіи атаки болѣе 4 верстъ помощью отличнаго порядка въ эскадронѣ, неоднократно старающагося остановиться, непріятеля опрокидывали" [1]).

Панинъ въ рапортѣ своемъ говоритъ: „Съ самаго начала сраженія и до окончанія онаго поручикъ Герничъ нападалъ на непріятеля съ отвагою храбро и неустрашимо, врываясь между непріятеля, гдѣ и самъ рану получилъ. О прочихъ его противъ непріятеля храбрыхъ и мужественныхъ поступкахъ командующему Генералитету извѣстно".

Эссенъ представляетъ Ахтырскаго п. с.-майора Богданова и поручика Гернича „которые посыланы въ разныя партіи и, несмотря ни на какую опасность, вездѣ доѣзжали и вѣрно извѣстіе о непріятелѣ мнѣ привозили, съ неустрашимостью и храбростью поступали".

Кантемиръ, начальствовавшій легкими войсками указываетъ отличившихся Ахтырскаго полка с. м. Богданова, капитановъ Ефимьева, Касавчича, поручиковъ Гернича и Илышенко.

Игельстромъ пишетъ: „Въ день сраженія майоръ Богдановъ съ храбростью пробивался черезъ непріятельскихъ наѣздниковъ и тѣмъ открывалъ мнѣ въ дефилеяхъ дорогу".

Эссенъ не хотѣлъ, однако, повторить ошибки, сдѣланной Репнинымъ, почти при такихъ же условіяхъ,—а потому, переночевавъ на самомъ полѣ сраженія, онъ, на разсвѣтѣ 21-го числа, двинулся прямо на Журжу. Впереди пошли казаки, Ахтырскій гусарскій и Астраханскій карабинерный полки, подъ начальствомъ князя Кантемира, которому непосредственно поддержкою служила еще кавалерійская бригада Панина. Всѣ остальныя войска, задержанныя на пути переправами, остались далеко позади.

Приближаясь къ Журжѣ, Кантемиръ быстро составилъ планъ нападенія, основавъ его, главнымъ образомъ, на быстротѣ, внезапности и нравственномъ упадкѣ духа непріятеля. 24-го октября на самой зарѣ горсть нашихъ всадниковъ кинулась на штурмъ передняго ретраншамента. Ахтырскаго п. поручикъ Герничъ былъ изъ первыхъ вскочившихъ въ ретраншаментъ; потомъ на плечахъ бѣгущихъ турокъ гусары и казаки ворвались въ самую крѣпость, и, наконецъ, перескочивъ подъемный мостъ, овладѣли и замкомъ, и лагеремъ, раскинутымъ на Островѣ. Пока растерявшійся непріятель опомнился и разобрался, что передъ нимъ только одна конница, Кантемиръ успѣлъ уже приспособить къ оборонѣ турецкія пушки, замѣнивъ артиллеристовъ гусарами и казаками, привычными къ пушкарскому дѣлу „Майоръ Яновъ, Ахтырскаго полка поручикъ Герничъ, которые сами пушки заряжали и дѣйствіемъ оныхъ отразили непріятеля" [2]) были сильно обожжены взрывомъ заряднаго ящика. Контръ-атака непріятеля встрѣ-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же № 478.

чена было такимъ картечнымъ огнемъ, что турки отступили,—а тутъ подоспѣла бригада Панина — и непріятель окончательно бѣжалъ за Дунай, оставивъ въ нашихъ рукахъ крѣпость съ 50-ю мѣдными пушками и весь лагерь съ обозами и имуществомъ. Такъ пала грозная Журжа передъ незначительнымъ коннымъ отрядомъ.

Непріятель пробовалъ удержать вторженіе въ крѣпость черезъ мостъ и сдѣлалъ попытку къ контръ-атакѣ, но „черезъ отличное мужество капитановъ Ахтырскаго полка Касавчича и Ефимьева [1]) и другихъ офицеровъ", первый непріятельскій ударъ былъ отбитъ и турки принуждены къ бѣгству.

Остатки бѣгущаго непріятеля, было приказано атаковать Ахтырскаго полка м. Богданову и 2 офицерамъ Днѣпровскаго пикинернаго полка.

Порученіе было исполнено съ успѣхомъ; много турокъ было изрублено и потоплено въ Дунаѣ [2]).

Нельзя не замѣтить, что въ числѣ особенно отличившихся „особливою храбростью и мужествомъ" реляція называетъ и нашего полковника Пишчевича.

По взятіи Журжи, Эссенъ немедленно назначилъ 2 эскадрона Ахтырскаго полка въ летучій отрядъ, который, подъ начальствомъ подполковника Фабриціана, отправленъ былъ за Ольту, чтобы наблюдать за всѣмъ пространствомъ отъ Турно до самаго Виддина. Но непріятель бѣжалъ повсюду. Фабриціанъ 8-го ноября занялъ Крайовъ безъ боя. Совершенное разореніе края за Ольтой не дозволило занять Крайовскій банатъ болѣе значительнымъ отрядомъ; да въ этомъ и не было надобности, потому что послѣ понесенныхъ турками пораженій, нельзя было ожидать какихъ-либо дѣйствій съ ихъ стороны на нашемъ берегу Дуная.

Такъ закончилась кампанія 1771 года, и армія графа Румянцева была расположена на зимнія квартиры. Ахтырскому полку пришлось зимовать за Ольтой.

Блистательныя побѣды Румянцева понудили, наконецъ, султана искать примиренія съ Россіею, и весь 1772 годъ прошелъ въ переговорахъ, которые происходили въ Бухарестѣ. Рѣка Дунай назначена была демаркаціонною чертою, и русскія войска остались въ томъ самомъ расположеніи, въ какомъ засталъ ихъ конецъ кампаніи 1771 г. Только одно небольшое дѣло внесло оживленіе въ полковую жизнь.

9-го февраля изъ Турно вышла партія турокъ свыше 500 человѣкъ, которая сбила наши 2 пикета и намѣревалась произвести грабежъ. Полковникъ Фабриціанъ взялъ эскадронъ Ахтырскихъ гусаръ подъ начальствомъ подполковника графа Подгоричани, партію легкихъ войскъ и двинулся навстрѣчу [3]).

Подгоричани съ эскадрономъ ударилъ съ фронта на турокъ, которые, увидя приближеніе гусаръ, сами перешли въ наступленіе. Легкія войска охватили турецкіе фланги. Турки не выдержали атаки и бросились назадъ, потерявъ 48 ч. убитыми и 16 плѣнными. Преслѣдованіе разбитой партіи продолжалось на протяженіи 15 верстъ.

---

[1]) В. Уч. Арх. № 478.-
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же № 484.

Дипломатическіе переговоры, однако, не привели ни къ чему. Турція не хотѣла уступить Россіи городовъ Керчи и Еникале, не хотѣла признать независимости крымскихъ татаръ,—и переговоры были прерваны въ самомъ началѣ 1773 года. Екатерина указывала Румянцеву на необходимость тотчасъ же открыть кампанію 1773 года, пользуясь неготовностью турокъ, „и вынудить у непріятеля силою оружія то, чего доселѣ не могли достигнуть переговорами". Государыня хотѣла перенести военныя дѣйствія за Дунай, но чрезвычайно суровая зима была причиною, что даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ трава не показывалась на поляхъ, и кормить лошадей было бы нечѣмъ, рекруты также еще не прибыли; нѣсколько полковъ, отправленныхъ въ Польшу, еще не возвратились,—а потому Румянцевъ медлилъ начать наступленіе. Всѣ дѣйствія ограничивались мелкими стычками. Отрядъ, расположенный за Ольтой, въ составъ котораго входилъ и нашъ Ахтырскій полкъ, былъ къ этому времени значительно усиленъ и поступилъ подъ команду генерала Текелли. Ему поручено было тревожить крѣпость Турно и отвлекать туда непріятельскія силы. Какъ ни скромна была роль, отводимая заольтинскому отряду въ то время, когда побѣдоносная армія готовилась итти за Дунай, но съ ней надо было мириться, потому что безъ удержанія за нами крайовскаго баната самый переходъ за Дунай являлся бы крайне опаснымъ, давая непріятелю возможность изъ Виддина итти на Бухарестъ и дѣйствовать въ тылъ нашей главной арміи.

Въ Крайовскомъ банатѣ и начались дѣйствія ранѣе, чѣмъ на нижнемъ Дунаѣ. Текелли прежде всего рѣшилъ ознакомиться съ положеніемъ крѣпости Турно, которая, какъ волшебный кладъ, не давалась намъ въ руки, и 12 мая 1773 года предпринялъ рекогносцировку. Въ ней участвовали два батальона пѣхоты, 3 эскадрона Ахтырскаго полка, два эскадрона пикинеръ, казачій полкъ и 2 орудія. Казаки первые завязали перестрѣлку, но непріятель ограничился пальбою изъ крѣпости, и въ поле не вышелъ. Тогда Текелли поставилъ свой отрядъ въ скрытое мѣсто, разсчитывая, что турки не выдержатъ и сами произведутъ рекогносцировку, чтобы убѣдиться нѣтъ ли за казаками какой-либо поддержки. Дѣйствительно, послѣ полудня, турки выслали двухъ-тысячную конницу, которая легко прогнала нашихъ казаковъ; но когда сама она отошла отъ крѣпости на значительное разстояніе, гусары и пикинеры, подъ командою полковника Пишчевича, вдругъ вынеслись изъ своей засады и охватили ее со всѣхъ сторонъ. Разбитые турки начали отступать къ крѣпости, трижды пытались они остановить нашу конницу, но Пишчевичъ опрокидывалъ и гналъ ихъ до самыхъ воротъ Турно. Во время преслѣдованія отбито было знамя и взято 15 человѣкъ плѣнныхъ [1]). Текелли съ особенною похвалою отзывался о полковникѣ Пишчевичѣ, подполковникахъ гр. Подгоричани, Мисюревѣ и майорѣ Челиновичѣ, а поручикъ Пишчевичъ былъ за отличіе произведенъ въ капитаны [2]).

Затѣмъ Текелли произвелъ еще два поиска 3-го и 12-го іюня. Въ первомъ случаѣ все дѣло ограничилось только перестрѣлкою флан-

---

[1]) В. Уч. Арх. № 515 и 506.
[2]) Тамъ же № 545 (а).

керовъ, но во второмъ нашимъ Ахтырцамъ довелось поработать и саблями. Дѣло было въ томъ, что Ахтырцы подъ начальствомъ с. м. Касавчича, рыская вокругъ крѣпости, попали въ засаду, но быстро были выручены двумя эскадронами нашихъ гусаръ и эск. пикинеръ, прискакавшими съ подполковникомъ графомъ Подгоричани. Они опрокинули турокъ, ворвались за ними въ виноградники, опоясывавшіе крѣпость,—но тутъ охотники извѣстили Подгоричани, что скрывшаяся тамъ въ кустахъ пѣхота числомъ до 3000. Разсчетъ непріятеля заманить ахтырцевъ въ засаду—ему не удался. Эскадроны возвратились безъ потерь въ лагерь [1]).

Пока въ Крайовскомъ банатѣ происходили подобныя мелкія стычки, главная армія перешла за Дунай и обложила Силистрію. Несмотря на нѣсколько удачныхъ дѣлъ, овладѣть крѣпостью, защищаемой 30-ти тысячнымъ гарнизономъ и снабженной огромными запасами, — оказалось, однако, невозможнымъ. На предложеніе сдаться, комендантъ отвѣчалъ, „что русскіе не получатъ ни одного камня и ни одного гвоздя изъ Силистріи“. Между тѣмъ турецкая армія, стоявшая у Шумлы, заходила намъ въ тылъ. Генералъ Вейсманъ, посланный ей навстрѣчу, разбилъ ее на голову у Кучукъ-Кайнарджи, но русскіе заплатили за эту побѣду слишкомъ дорогою цѣною: знаменитый Вейсманъ, соперничавшій въ славѣ съ Суворовымъ, былъ убитъ. Хотя теперь турки и не могли придти на помощь къ Силистріи, Румянцевъ не рѣшался брать крѣпость штурмомъ и переправился обратно за Дунай. Императрица была крайне огорчена такимъ неожиданнымъ исходомъ кампаніи. Впечатлѣніе было сильное. Говорили, что возвращеніе фельдмаршала дастъ поводъ къ непріятнымъ толкамъ, заставитъ возгордиться турокъ и отдалитъ желаемое заключеніе мира. Турки дѣйствительно возгордились. Въ Крайовскомъ банатѣ они пытались даже перейти въ наступленіе, и наши пограничные посты почти одновременно были атакованы по всему протяженію лѣваго берега отъ Турно до Виддина. Подобныя мелкія нападенія всегда служили предвѣстникомъ готовившихся серьезныхъ дѣйствій, — и за Дунаемъ, замѣчалось передвиженіе частей, а въ разныхъ мѣстахъ по берегу рѣки появились новые лагери. Турецкіе плѣнные показывали, что непріятель готовится къ вторженію, намѣреваясь выжечь въ банатѣ всѣ села, а жителей увести съ собою на правый берегъ рѣки. Въ ночь съ 1-го на 2-е іюля, какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ, пять тысячъ турокъ перешли Дунай и двинулись къ Крайову. Два эскадрона ахтырцевъ, стоявшіе здѣсь подъ командою майора Вукотича, должны были отступить, не имѣя возможности защищать обширнаго города. Турки вступили въ Крайовъ и предались всевозможнымъ неистовствамъ. Когда подоспѣлъ сюда батальонъ егерей, высланный Текелли на помощь гусарамъ,—спасать было уже нечего: городъ былъ сожженъ до тла и разграбленъ до-чиста. Румянцевъ не придавалъ, однако, большого значенія демонстраціямъ со стороны баната. Онъ справедливо полагалъ, что за ними скрываются какія-нибудь другія, болѣе серьезныя, намѣренія, направленныя на средній Дунай, а потому приказалъ Текелли, несмотря на малочисленность его отряда, держаться въ заольтскомъ

---

[1]) Тамъ же № 506.

районѣ и не покидать баната. Турки дѣйствительно готовили ударъ со стороны Рущука. И фельдмаршалъ это предвидѣлъ. Но, самъ готовясь вторично перейти Дунай и имѣя въ виду осаду Рущука, онъ предписалъ Салтыкову, смѣнившему въ командованіи валахскимъ корпусомъ генерала Эссена, предварительно взять и уничтожить Турно, полагая въ этомъ единственное средство для полнаго обезпеченія нашего тыла. Но взять и уничтожить Турно, какъ мы уже знаемъ, было не легко, и графъ Салтыковъ имѣлъ основаніе написать фельдмаршалу, „что по всему теченію Дуная нѣтъ пункта сильнѣе Турно, и что если главная армія не могла овладѣть Силистріей, то дѣйствія одного его малочисленнаго корпуса противъ Турно не могутъ обѣщать никакого успѣха“. Румянцевъ отвѣтилъ сухо, что требуетъ отъ него не разсужденій, а рѣшительныхъ дѣйствій, и указалъ на то, что всѣ бывшіе до Салтыкова начальники уже не одинъ разъ дѣйствовали противъ Турно. Салтыковъ возразилъ, „что это ему извѣстно; но по результатамъ дѣйствій этихъ начальниковъ онъ можетъ судить что было-бы лучше, если-бы они совсѣмъ не дѣйствовали“. Все, что онъ принималъ на себя,—это выманить непріятеля изъ укрѣпленнаго лагеря и разбить его въ полѣ. И то, за что онъ брался, ему удалось выполнить блистательно. Составленъ былъ слѣдующій планъ: весь корпусъ Салтыкова долженъ скрытно приблизиться къ Турно и расположиться у устья рѣки Калмацуя, а заольтинскій отрядъ, въ такой-же скрытой позиціи,—у Баранешты. Затѣмъ, въ назначенный день, всѣ легкія войска и три эскадрона ахтырскихъ гусаръ должны были ворваться въ турецкій лагерь, произвести въ немъ общую тревогу и затѣмъ скакать на Баранешты. Разсчитывали, что непріятель, увлеченный погоней, далеко отойдетъ отъ Турно, и тогда Салтыковъ отрѣжетъ ему отступленіе. Въ главныхъ чертахъ все это такъ и случилось.

Въ темную ночь на 16-го сентября, по приказанію гр. Салтыкова, казаки вдругъ бросились на передовые турецкіе посты, сбили ихъ съ мѣстъ, ворвались въ самый лагерь, и съ оглушительнымъ крикомъ, разсыпались по немъ, рубя все, что попадало подъ руку. Турки пришли въ неописанное смятеніе. Но едва показался разсвѣтъ, наши отважные всадники исчезли точно призраки ночи; они во весь духъ скакали назадъ къ Баранештамъ, а за ними неслась вся пяти-тысячная конница турокъ. Теперь очередь дѣйствовать была за Салтыковымъ. Но въ эту минуту самъ Салтыковъ атакованъ былъ трехъ-тысячною турецкою пѣхотою. Салтыковъ съ замѣчательною находчивостью вышелъ, однако, изъ этого затруднительнаго положенія: онъ оставилъ противъ пѣхоты часть своей конницы съ княземъ Кантемиромъ, а самъ бросился на Баранештскую дорогу и вышелъ какъ разъ на перерѣзъ турецкой кавалеріи. Окруженная турецкая конница потеряла, одними убитыми болѣе 1500 человѣкъ, и только часть ея успѣла прорваться обратно въ Турно. Турецкая пѣхота также была разбита Кантемиромъ и поспѣшно ушла за Дунай. Гарнизонъ Турно былъ обезсиленъ и приведенъ надолго въ невозможность грозить своими набѣгами Валахіи. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Ахтырскаго полка прапорщикъ Райковичъ [1]).

[1]) В. Уч. Арх. № 515. Въ атакѣ принимали участіе полки карабинерные: Нижегородскій, Астраханскій и Тобольскій; гусарскій Сербскій и Ахтырскій, Днѣпровскій пикинерный и 3 донскихъ казачьихъ.

Экспедиція, такимъ образомъ, вполнѣ достигла своей цѣли, и Салтыковъ отошелъ назадъ къ Бухаресту, а Ахтырскимъ гусарамъ пришлось еще побиться съ турками.

12-го октября, было получено извѣстіе, что непріятель изъ Кладова въ числѣ 700 человѣкъ, на 2 большихъ галерахъ и 8 паромахъ, съ пушками переправился на нашъ берегъ и вышелъ въ Кампо-Северино, сбилъ наши пикеты и, принудивъ ихъ отступить, пошелъ къ д. Чернецы.

Князь Кантемиръ, со всѣмъ своимъ отрядомъ двинулся отъ Чернеца навстрѣчу непріятелю. Оставивъ пѣхоту въ резервѣ, по сближеніи съ противникомъ, онъ приказалъ всей конницѣ слѣдовать впередъ. Приблизившись на дистанцію атаки сек.-м. Скарятинъ съ 3 эскадронами Ахтырскихъ гусаръ и 2 эскадронами Днѣпровскихъ пикинеръ храбро атаковалъ непріятеля и, несмотря на сильное его сопротивленіе и превосходное число, опрокинулъ и „принудилъ къ бѣгству до самаго берега, поражая“, несмотря на то, что подвергался обстрѣливанію изъ орудій съ галеръ и пушекъ Кладовскаго замка. Не обращая вниманія на сильный огонь, гусары и пикинеры никому пощады не давали, порубили 150 человѣкъ и отбили 1 знамя. У насъ было убито 2 ч. и ранено 14. Сколько пришлось изъ потери на долю Ахтырцевъ, свѣдѣній не сохранилось. Кантемиръ представилъ отличившихся Ахтырскаго полка поручика Губера и прапорщика Ермакова [1]).

Ноября 3-го полкъ переправился за Дунай, потерявъ во время переправы 5 лошадей убитыми, тяжело ранеными 2 унт.-оф., 2 гусаръ и 10 лошадей [2]).

Послѣ перехода за Дунай полкъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, но большею частью небольшими командами. Такъ 9 ноября въ отрядѣ, гвардіи капитана Лунина, [3]) отправленнаго къ Туртукаю, прапорщикъ Кубашъ и 54 ч. Ахтырцевъ имѣли дѣло у д. Оревы. Турки были разбиты, оставивъ въ рукахъ побѣдителей 1 знамя. Въ ротѣ Ахтырцевъ убиты были гусаръ 1, и лошадь 1; тяжело раненъ гусаръ 1 и лошадей 4 [4]).

12-го Салтыковъ отправилъ отрядъ для того, чтобы выгнать турокъ изъ д. Ескисмиль. Но едва легкія войска этого отряда подъ начальствомъ Ахтырскаго полка с. м. Новаковскаго приблизились къ д. Оперкіой, какъ появился непріятель въ числѣ до 5.000 человѣкъ конницы и пѣхоты. Гусары и казаки очутились въ затруднительномъ положеніи и съ большимъ трудомъ присоединились къ своей пѣхотѣ, которой всего было 1 батальонъ съ 2 орудіями. Турки бросились на пѣхоту и окружили ее. Прикрывавшій фуражировъ по близости подполковникъ Вукотичъ съ 2 эскадронами Ахтырскихъ гусаръ прискакалъ на выстрѣлы и появился на высотахъ въ тылу турокъ [5]). Съ мѣста бросился онъ въ атаку и имѣлъ рѣшительный успѣхъ, турки начали отступать въ д. Оревѣ, преслѣдуемые гусарами на протяже-

---

[1]) В. Уч. Арх. № 505.

[2]) Тамъ же № 379.

[3]) Отрядъ состоялъ изъ: Ахтырскаго п.—55 ч. Донскихъ казаковъ—38 ч. Арнаутовъ съ м. Новаковскимъ—120 ч.

[4]) Тамъ же № 528.

[5]) Тамъ же № 505. Вся потеря стряда: убито 8 ч. 64 ранено. Лошадей убито 11, ранено 30.

ніи 3 верстъ. У Вукотича былъ убитъ гусаръ 1 и 17 лошадей [1]), тяжело ранены капралъ 1 и 8 гусаръ, лошадей 4 [2]). Турки потеряли свыше 300 человѣкъ. Лунинъ начальствовавшій войсками въ этомъ дѣлѣ указываетъ на прапорщика Кубаша, какъ на особенно отличившагося.

18-го полковникъ Уваровъ, замѣнившій кн. Кантемира, сообщилъ что непріятель, собравшись всѣми силами, идетъ на него. Онъ присоединилъ къ себѣ отрядъ подполковника Мауринова и устроился на горѣ, отдѣленной лощинами отъ отряда подполковника Пеутлинга. Непріятель, приблизившись къ нашимъ отрядамъ, раздѣлился; вся пѣхота и часть кавалеріи пошли по Кадыкіойской дорогѣ лѣвѣе мѣстечка Черноводъ, заходя въ тылъ Пеутлингу, остальная конница двинулась на него съ фронта. Измаилъ-паша со своимъ отрядомъ, имѣя въ резервѣ пѣхоту и 2 орудія — направился на Уварова. Турки начали атаку одновременно, но были остановлены нашимъ огнемъ. Уваровъ, замѣтивъ, что Пеутлингъ несетъ большія потери, приказалъ ему отходить къ себѣ на соединеніе; турки обнаружили движеніе Пеутлинга и бросились впередъ, но особенно сильнаго вреда его отряду не причинили.

Когда же Пеутлингъ приблизился, Уваровъ поставилъ 1 батальонъ на правомъ флангѣ, 1 на лѣвомъ, а свой полкъ и батальонъ Пеутлинга построилъ въ каре, конницу выстроилъ въ 2 линіи между кареями. Въ это время турки окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ, но опять огнемъ были отброшены. Послѣ этого Уваровъ приказалъ начать отступленіе всему отряду. Турки, замѣтивъ отступленіе, начали преслѣдованіе, но опять слишкомъ близко подошли къ отряду. Пушечный и ружейный огонь разстроили непріятеля, тогда пользуясь сильнымъ замѣшательствомъ противника, Уваровъ перешелъ въ полное наступленіе, а наша конница вынеслась впередъ и бросилась преслѣдовать врага. Погоня продолжалась 6 верстъ. Турки потеряли 400 ч. и 1 пушку отбитую Ахтырскимъ полкомъ.

Послѣ боя Уваровъ представилъ отличившихся храбростью подполковниковъ: Мисюрева и Вукотича и майора Челиновича [3]).

Въ Ахтырскомъ полку убито при Черноводахъ лошадей 4. Тяжело ранены: сек.-майоры Касавчичъ и Челиновичъ (вскорѣ умеръ отъ ранъ) 8 гусаръ и 15 лошадей, легко 4 гусара [4]).

Вотъ что писалъ въ рапортѣ по поводу этого дѣла Подполковникъ Мисюревъ [5]).

„Въ происшедшей сего числа баталіи и будучи окруженъ, честь я имѣлъ командовать Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и всею кавалеріею“, честь имѣю рекомендовать отличившимися подполковника Вукотича, сек.-майора Челиновича, капитановъ: Вукотича, Колбека, Ильяшенко и полковаго квартирмистра Галкина. Поручиковъ Киржу, Толмачева, прапорщиковъ: Баевскаго, Пирлика и Кубаша, „которые будучи въ дѣйствіи съ непріятелемъ и при нападеніи на пѣхоту онаго и въ поискѣ поступали храбро и неустрашимо, а особливо

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ 25 В. Уч. Арх. № 528 и № 379.
[2]) По другимъ свѣдѣніямъ 10 гусаръ и лошадей. Тамъ же.
[3]) Тамъ же № 505.
[4]) Тамъ же № 528.
[5]) Тамъ же.

отличили себя противъ прочей своей братьи, подполковникъ Вукотичъ и с.-м. Челиновичъ, кои, командуя своими эскадронами, неоднократно врывались въ самыя толпы непріятеля и храбрымъ своимъ примѣромъ ободряли подчиненныхъ и сильнѣйшему пораженію непріятеля и тѣмъ опровергли всѣ его сильныя стремленія. Капитаны Вукотичъ, Галкинъ, Киржа и Кубашъ, кои, имѣя въ командѣ своей роты, столь храбро, мужественно и отлично поступали, что не упустили нигдѣ въ сильныя непріятельскія кучи врываться и расторопнымъ своимъ командованіемъ разбивать и обращать оныя въ бѣгство.

А Галкинъ сверхъ командованія ротою, гдѣ непріятель нападалъ на нашихъ охотниковъ, то и туда неоднократно къ ободренію и распоряженію посыланъ былъ и такъ своими распоряженіями ободрялъ и о побѣдѣ непріятеля собою подавалъ примѣръ, какъ принадлежитъ отлично храброму и неустрашимому офицеру. И сіи офицеры заслуживаютъ Монаршее благоволеніе.

Отбитую же пушку и взятыхъ въ плѣнъ, Ахтырскимъ полкомъ уже представилъ. А какъ я поступалъ, то Вамъ извѣстно“ [1]).

Послѣ этихъ дѣйствій полкъ получилъ приказаніе расположиться на зимнія квартиры, отойдя за р. Дунай.

Въ такомъ расположеніи наши гусары провели всю зиму, съ завистью прислушиваясь къ грому побѣдъ, доносившихся до нихъ изъ-за Дуная.

Кампанія 1773 года опять выдвинула многихъ Ахтырцевъ, отличившихся въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Не говоря уже о тѣхъ, подвиги которыхъ были описаны, мы встрѣчаемъ въ донесеніяхъ Энгельгарда имена отличившихся премьеръ-майора Касавчича и с.-м. Новаковскаго; г.-п. Текелли и кн. Голицынъ представляютъ отличившихся во всѣхъ сраженіяхъ бывшихъ за Дунаемъ с.-м. Челиновича и Дмитріева; въ другихъ реляціяхъ встрѣчаются знакомыя имена Богданова и Губера [2]).

Только въ слѣдующемъ 1774 году имъ выпадаетъ роль, имѣвшая нѣсколько болѣе существеннаго значенія въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, чѣмъ охрана одного баната. Весною полкъ былъ назначенъ снова въ корпусъ гр. Салтыкова, который получилъ приказаніе перейти Дунай и обложить Рущукъ, чтобы отвлечь вниманіе и силы непріятеля отъ главныхъ пунктовъ, куда направлялись наши удары.

6-го іюня весь корпусъ перешелъ Дунай у Туртукая, разбилъ 15.000 турокъ, выступившихъ ему навстрѣчу, и 16-го обложилъ Рущукъ [3]). Ахтырскій полкъ, въ отрядѣ полковника Талызина, занялъ блокадный постъ на большой константинопольской дорогѣ,—самый опасный, потому что туркамъ необходимо было сохранить свои сообщенія съ Шумлой. И вотъ начинается цѣлый рядъ вылазокъ. Одна изъ нихъ, 26 іюня, была особенно замѣчательна. Турки направили ударъ на егерей, стоявшихъ отдѣльнымъ лагеремъ, и охватили ихъ со всѣхъ сторонъ. Выскочившій на тревогу Ахтырскій полкъ быстро разсѣялъ толпу турокъ, но пока онъ преслѣдовалъ бѣгущихъ, восемь тысячъ безъ пальбы и обычнаго крика, съ одними ятаганами въ рукахъ, стремительно ударили на блокадный отрядъ и даже ворвались въ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ-же № 529.
[3]) В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 4572.

лагерь. Къ счастью въ эту минуту вернулась конница и помогла пѣхотѣ отразить нападеніе. Ахтырцы потеряли въ этотъ день 2 гусаръ и трехъ лошадей убитыми, ранены были 2 гусара и 9 лошадей; 2 гусара пропали безъ вѣсти съ лошадьми.

13-го іюня гр. Салтыковъ намѣревался атаковать непріятеля вышедшаго изъ Рущука въ числѣ до 4000 ч. Но турки не дождались атаки и бѣжали, будучи атакованы 2 эскадронами Ахтырскаго полка, подъ начальствомъ п. м. Богданова, который преслѣдовалъ бѣгущихъ до ретраншамента. Послѣ этого, стоявшій лагерь былъ немедленно снятъ. 20-го Богдановъ съ эскадрономъ атаковалъ численно превосходящую конницу непріятеля и гналъ ее до д. Турлакъ. 21-го, при атакѣ и взятіи этой деревни, Богдановъ завязалъ дѣло, произведя первымъ атаку. 23-го онъ же беретъ м. Разградъ, захватываетъ въ немъ турецкій лагерь, 2 пушки и освобождаетъ 2000 болгарскихъ семействъ. 24-го взявъ сто человѣкъ гусаръ и пикинеръ и 25 казаковъ онъ отправился къ Шумлѣ на развѣдку, но былъ окруженъ турками. Казалось, что весь разъѣздъ погибнетъ, но Богдановъ 26-го вернулся, пробившись, и даже привелъ „языка“ [1]).

20 іюня непріятель, въ числѣ 5.000 человѣкъ подъ начальствомъ Хасанъ-паши — опять выступилъ изъ Рущука къ Разграду. Отрядъ этотъ былъ встрѣченъ атакою Ахтырскаго полка и 2 эск. Днѣпровскихъ пикинеръ. Непріятель попробовалъ отразить атаку конницы, но, увидавъ за нею пѣхоту, сталъ колебаться. „Тутъ конница произвела атаку съ такою стремительностью, что опрокинула „по маломъ времени“ непріятеля и преслѣдовала его болѣе 9 верстъ. Во время преслѣдованія былъ захваченъ въ плѣнъ двухбунчужный паша, литавристъ Хасанъ-паши, часть обоза и много плѣнныхъ. Убито 300 турокъ. Въ Ахтырскомъ полку убитъ былъ прапорщикъ Корачъ, ранены тяжело 4 гусара. Лошадей убито 15 и ранено 7, изъ общаго числа убитыхъ въ отрядѣ 25 человѣкъ и 60 лошадей [2]).

Другая вылазка произведена была 29 іюня. Свѣдѣній подробныхъ о дѣйствіяхъ Ахтырскаго полка въ этотъ день не сохранилось, но полкъ потерялъ ранеными, 3 унт.-оф., гусаръ 17; убитыми пятнадцать лошадей и ранеными 17.

Такъ какъ уже начались переговоры о мирѣ, то Румянцевъ приказалъ Салтыкову, воздерживаясь отъ дѣйствій, продолжать осаду Рущука. Но турки и татары продолжали нападать на наши посты. Такъ 8-го іюля захваченъ былъ въ полку въ плѣнъ 1 гусаръ. Это была послѣдняя боевая потеря въ полку, за время 1767—1774 г.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ эскадронѣ, оставленномъ полкомъ при выступленіи въ походъ въ 1767 г. въ своей штабъ-квартирѣ. Дѣйствія его въ Турецкой войнѣ составляютъ небольшой, совершенно отдѣльный эпизодъ,—но эпизодъ, внесшій одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ полковую лѣтопись.

Еще въ 1771 году, когда начиналось покореніе Крыма, эскадронъ этотъ, причисленный къ составу 2-й арміи князя Долгорукова, назначенъ былъ для охраны нашихъ южныхъ границъ со стороны Ку-

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Книга опредѣленій Воен. Колл. стр. 459. См. приложеніе 9.
[2]) В. Уч. Арх. № 457.

бани и Азовскаго моря. Вызванный изъ Ахтырки на р. Чалбазъ въ Прикубанскую степь, онъ прибылъ туда 13-го августа 1771 года, подъ командою капитана Петровича, въ составѣ двухъ офицеровъ (поручика Черноглазова 2 и Лесевицкаго), 11-ти унтеръ-офицеровъ и 138 рядовыхъ гусаръ. Въ первое время дѣятельность эскадрона не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Крымъ былъ покоренъ, съ турками шли переговоры о мирѣ, и на нашихъ границахъ царило полнѣйшее, ничѣмъ не нарушаемое, спокойствіе. Переговоры, однако, какъ извѣстно, не привели ни къ чему, и военныя дѣйствія открылись весною 1773 года.

На этотъ разъ главнымъ яблокомъ раздора между двумя державами становится Крымъ: русскіе стремятся къ прочному утвержденію въ немъ своего владычества, турки не желаютъ уступить намъ свои верховныя права на ханство, издавна считавшееся въ ихъ вассальномъ владѣніи. Въ Крыму, такимъ образомъ, появляются два хана: одинъ, Сагибъ-Гирей, избранный въ Бахчисараѣ при содѣйствіи русскихъ; другой—Девлетъ-Гирей, назначенный султаномъ и расположившійся съ турецкими войсками въ Тамани. Подготовляя вторженіе въ Крымъ, Девлетъ отлично понималъ, что прежде надо было отвлечь куда-нибудь часть русскихъ силъ, охранявшихъ Перекопъ, и въ этомъ случаѣ Донъ, какъ искупительная жертва его честолюбивыхъ замысловъ, обреченъ былъ на гибель. Въ половинѣ марта 1774 года 25 тысячный корпусъ Девлета покинулъ наконецъ Тамань и двинулся къ Дону. На пути у него стоялъ только небольшой отрядъ подполковника Бухвостова, высланный сюда для охраны интересовъ преданной намъ ногайской орды. Въ составъ этого отряда входили: эскадронъ Ахтырскихъ гусаръ, полевая команда драгунъ и три слабыхъ казачьихъ полка. Съ этимъ отрядомъ, не превышавшимъ тысячи всадниковъ, Бухвостовъ встрѣтилъ авангардъ турецкаго корпуса, и прежде чѣмъ Девлетъ успѣлъ подойти на помощь, разбилъ его на голову. Тѣмъ не менѣе, встревоженная орда поднялась и стала уходить на рѣку Ею, ближе къ русскимъ укрѣпленіямъ. Туда-же перешелъ Бухвостовъ, а для прикрытія черкесскаго тракта оставилъ на рѣчкѣ Калалахѣ два казачьихъ полка, подъ командою полковника Платова. Но едва казаки успѣли за ночь возвести окопъ, какъ 3 апрѣля были атакованы всею 25-ти тысячною арміею Девлета. Геройская защита Платова составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ донского казачества,—но нѣтъ сомнѣнія, что горсть храбрецовъ была бы уничтожена, если бы, спустя короткое время, на помощь къ ней не подоспѣлъ Бухвостовъ.

Одинъ изъ казаковъ, посланныхъ Платовымъ, былъ убитъ, но другой доскакалъ и передалъ Бухвостову извѣстіе, которое мгновенно подняло на ноги цѣлый отрядъ. Гусары, драгуны и казаки бросились сѣдлать коней. Ногайцы, узнавъ о близости Девлета, пришли въ отчаяніе и ни за что не хотѣли слѣдовать за нашимъ отрядомъ. Уговаривать ихъ было некогда. Бухвостовъ понималъ, однако, что нравственный духъ можетъ замѣнить численность, а потому, не теряя минуты, бросился на выручку Платова, „въ надеждѣ, какъ онъ доносилъ, на испытанную храбрость здѣшняго войска“.

Отвага Бухвостова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ приска-

калъ въ то время, когда семь приступовъ было уже отбито казаками и начинался восьмой... Минута—и эскадронъ ахтырцевъ, команда драгунъ и полкъ казаковъ врѣзались въ тылъ непріятеля. Это была атака отчаянная, безумная, необъяснимая ничѣмъ, какъ желаніемъ выручить своихъ, она была внезапна и потому имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу Калалахскаго боя. 25,000 людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ неудержимое бѣгство. Началась паника,—та страшная паника, которая безотчетно охватываетъ массы и подчиняетъ ихъ одному только животному инстинкту самоспасенія. Это была побѣда, едва-ли когда встрѣчавшаяся въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ: тысяча всадниковъ гнала передъ собою 25-ти тысячную армію, отбила 34 орудія и захватила на Кубани турецкій городъ Копылъ. Остатки Девлетовскихъ скопищъ разсѣялись въ разныя стороны, Донъ былъ спасенъ отъ погрома, и турецкая экспедиція въ Крымъ не состоялась... Отрядъ былъ награжденъ въ лицѣ Бухвостова, которому Императрица пожаловала орденъ св. Георгія 3-й степени.

По заключеніи мира Ахтырскій эскадронъ не былъ возвращенъ въ свою штабъ-квартиру, а оставался еще нѣсколько лѣтъ на Кубани. Объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Итакъ окончилась турецкая война, поставившая имя новаго гусарскаго Ахтырскаго полка въ ряды лучшихъ старѣйшихъ боевыхъ полковъ русской регулярной конницы. Къ сожалѣнію, мы не можемъ подвести полныхъ итоговъ его блестящей дѣятельности, указать на всѣ безъ исключенія частные подвиги, совершенные его офицерами и нижними чинами. А между тѣмъ подвиговъ этихъ было не мало, и доказательствомъ этому можетъ служить то, что въ полку, среди его офицеровъ, однихъ георгіевскихъ кавалеровъ 4-ой степени было четыре человѣка: полковникъ Пишчевичъ, майоры: Зоричъ, Дмитріевъ и капитанъ Пятковичъ. Правда, Зоричъ и Дмитріевъ [1]) получили георгіевскіе кресты уже тогда, когда не носили ахтырскаго ментика, но подвиги совершили они въ свою бытность въ полку, и потому составляютъ безспорное достояніе нашей полковой исторіи. Нельзя не пожалѣть, что отрывочность сохранившихся свѣдѣній не даетъ возможности нарисовать полную картину боевой жизни полка въ первый, и самый знаменательный періодъ его существованія. А между тѣмъ именно въ этотъ періодъ ему приходилось съ острія сабли завоевывать себѣ почетное имя и созидать тотъ крѣпкій фундаментъ, на которомъ въ будущемъ предстояло ему построить величественное зданіе своихъ неугасимыхъ полковыхъ традицій. Единственными источниками и указаніями служили намъ въ данныхъ случаяхъ только свѣдѣнія, почерпнутыя въ Архивахъ: Военно-Ученомъ Главнаго Штаба, и Капитула Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, но и въ послѣднемъ, сохраняются только короткія резюме, такъ сказать, самая сущность дѣла [1]).

[1]) С.-м. Дмитріевъ былъ переведенъ 11-го мая 1774 г. въ Харьковскій полкъ съ производствомъ въ премьеръ маіоры. Прошеніе его о пожалованіи „за оказанныя передъ непріятелемъ храбрые поступки—военнымъ орденомъ“ пошло отъ Ахтырскаго полка (см. прил. 8), поэтому нужно признать, что Харьковскій драгунскій полкъ считаетъ неправильно майора Антона Дмитріева своимъ Георгіевскимъ кавалеромъ. Просьба Дмитріева была представлена гр. Румянцевымъ въ Военную Коллегію 18 марта 1774 г.

Относительно премьеръ-майора Дмитріева мы можемъ прибавить къ сказанному еще нѣсколько свѣдѣній. Такъ, извѣстно, что Дмитріевъ находился въ 1771 г. при корпусѣ генерала Вейсмана, въ качествѣ переводчика, колонновожатаго и предводителя легкихъ партій [1]); про его отважные поиски Румянцевъ въ одномъ изъ своихъ донесеній писалъ, „что Ахтырскаго полка майоръ Дмитріевъ, переправляясь черезъ Дунай, съ отличною храбростію побивалъ непріятеля на томъ берегу, бралъ людей его въ плѣнъ, добылъ знамя и вообще не имѣлъ устрашимости". Свидѣтельствомъ его заслугъ служитъ между прочимъ и то, что, будучи произведенъ въ прапорщики 25 іюня 1770 года, онъ черезъ годъ уже былъ секундъ-майоромъ, получивъ всѣ чины за выдающіеся боевые подвиги. Въ 1773 г. онъ неоднократно разбивалъ сильныя турецкія партіи [2]) и всегда возвращался съ большою добычею и трофеями. Особенно отличился Дмитріевъ 17 октября 1773 г. при преслѣдованіи бѣжавшихъ турокъ отъ Карасу, командуя легкими войсками; „при чемъ поступалъ съ отличною храбростью и мужествомъ, кромѣ того, всегда о непріятелѣ обстоятельныя свѣдѣнія доставлялъ и нѣсколько разъ непріятельскія партіи разбивалъ" [3]).

Не менѣе замѣчательный въ полку офицеръ былъ, Пятковичъ. Постоянно обращаетъ онъ на себя все больше и больше вниманіе высшаго начальства своими смѣлыми дѣйствіями въ разъѣздахъ и, наконецъ, ему начинаютъ поручать значительныя легкія партіи за дѣйствія, съ которыми онъ получаетъ крестъ св. Георгія 4 ст.

8 мая 1771 г. прапорщикъ Пятковичъ былъ посланъ браиловскимъ комендантомъ въ разъѣздъ на лодкахъ съ казаками и арнаутами къ озеру Плоскому. Не доѣзжая до него, Пятковичъ примѣтилъ на противоположномъ берегу Дуная человѣкъ 20 турокъ. Онъ дождался въ камышахъ ночи, напалъ на нихъ, 3 убилъ и 1 захватилъ въ плѣнъ, остальные разбѣжались.

8 іюля, уже произведенный въ поручики, Пятковичъ ловитъ съ своей командой сорванный половодьемъ понтонный мостъ и спасаетъ 26 человѣкъ унесенныхъ на немъ.

12-го онъ же, во главѣ 31 человѣка, переплываетъ на ту сторону Дуная, оставляетъ у озера Плоскаго лодки и, раздѣливъ пополамъ команду, ударяетъ на замѣченныя 2 партіи турокъ; часть ихъ была убита, другая разбѣжалась, а 1 турокъ попавшійся въ плѣнъ сообщилъ важныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

2-го августа капитанъ 1-го ранга Нагаткинъ съ 1 офицеромъ и 30 гренадерами и поручикъ Пятковичъ со своими 18 арнаутами—переправились за Дунай, разбили турецкую партію, состоявшую изъ 50 человѣкъ и захватили 4 большихъ и 1 малую лодку.

23-го Пятковичъ съ запорожскими казаками былъ посланъ внизъ по Дунаю изъ Галаца; вскорѣ онъ открываетъ непріятельскую флотилію, состоящую изъ 4-хъ галеръ, 3 канчебасовъ и множества мелкихъ судовъ и лодокъ. Немедленно даетъ знать о томъ майору Бѣличу, который, соединившись съ нимъ, бросается на собиравшихся вы-

---

[1]) В. У. Арх. №№ 438 и 473.
[2]) Тамъ-же № 506.
[3]) Тамъ-же № 259.

саживаться турокъ. При этомъ нападеніи убито и потоплено ихъ 150 человѣкъ, отнято 12 пушекъ и 12 фальконетовъ. Турокъ было до 1.000 человѣкъ. Часть, ихъ успѣвшая высадиться—разбѣжалась. За это дѣло Румянцевъ произвелъ Пятковича въ капитаны, а Императрица пожаловала ему орденъ св. Георгія 4 степени; запорожцамъ велѣно было выдать 600 рублей [1]).

Донесенія сохранили также имя безумнаго храбреца поручика Гернича, который былъ въ теченіе войны 4 раза раненъ и однажды обожженъ взрывомъ. Онъ также неоднократно посылался съ партіями на развѣдки и дѣйствовалъ успѣшно.

Такъ, напримѣръ, 12 сентября 1771 г. съ партіею въ 80 человѣкъ, изъ которыхъ онъ 65 ч. оставилъ у д. Банясы, съ остальными въ ночь на 13-е подъѣхалъ къ непріятельскому ретраншаменту и напалъ на непріятельскій пикетъ, приказавъ людямъ бывшимъ съ нимъ открыть стрѣльбу изъ ружей. У турокъ поднялась тревога, изъ ретраншамента началась пальба изъ пушекъ; тревога передалась въ Рущукъ и изъ крѣпости также открыли огонь. Произведя этотъ переполохъ, Герничъ со своими людьми благополучно вернулся въ Банясы.

Далѣе мы видимъ Подгоричани 2-го, Мисюрева, Богданова, Зорича, Челиновича, Вукотича, Новаковскаго, Губера, Требинскаго, Тербуховича и многихъ другихъ съ отличнымъ успѣхомъ командовавшихъ какъ частями полка, такъ и легкими войсками, своею храбростью и мужествомъ прославившими себя и свой родной полкъ.

Вообще, почти поголовно всѣ офицеры Ахтырскаго полка, были неоднократно представляемы за совершенные подвиги и многіе, начавшіе службу вахмистрами и кадетами [2]), окончили кампанію премьеръ-майорами, получивъ по 3, 4 и 5 чиновъ за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, не считая другихъ наградъ [3]).

Вообще нужно сказать, что собирая матеріалы за 1767—1774 г. намъ было очень отрадно и лестно встрѣчать имя родного полка гораздо чаще, чѣмъ другія имена, и при томъ почти исключительно читать о доблестныхъ поступкахъ какъ отдѣльныхъ офицеровъ, такъ и всего полка или частей его. Блестящія отзывы, приведенные о гусарахъ, начиная съ Императрицы Екатерины, кн. Голицына и гр. Румянцева, и кончая начальниками небольшихъ отрядовъ, въ составъ которыхъ входилъ полкъ, даютъ намъ право положительно утверждать, что послѣ дѣйствій противъ польскихъ конфедератовъ и участія въ 1-й Турецкой войнѣ Ахтырскій полкъ, несомнѣнно, сталъ въ ряду лучшихъ боевыхъ полковъ нашей арміи.

Преслѣдуя исключительно цѣль дать справедливую оцѣнку дѣйствіямъ полка и нарисовать вѣрныя картины его боевой жизни, мы не скрыли ни одного факта и не ослабили красокъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ полкъ или часть его постигала неудача. Вообще случаевъ, которыхъ нужно было бы стыдиться полку—*не было*; военное счастье сопровождало его.

Вотъ почему мы нарочно прибѣгали часто, при описаніи дѣйствій полка и приводя отзывы о немъ начальниковъ, къ изложенію словами подлинныхъ донесеній.

Если есть пропуски—то потому, что намъ не удалось разыскать всѣ матеріалы полностью.

Что касается потерь, понесенныхъ полкомъ въ первую турецкую войну, свѣдѣній сохранилось больше, но нельзя ручаться, чтобы они представляли собою безусловно полную и вѣрную цифру. Такъ, изъ годовыхъ отчетовъ полка съ 1769 по 1775 годъ видно, что за 5 лѣтъ 1-й турецкой войны въ полку было:

---

[1]) В. Уч. Арх. Гл. Шт. Журн. воен. дѣйств. 1 Арміи.

[2]) Унтеръ-офицеры изъ дворянъ.

[3]) Въ послѣднемъ томѣ исторіи будетъ приложенъ списокъ всѣхъ офицеровъ служившихъ въ Ахтырскомъ полку съ 1765 г.

Убито въ дѣлахъ съ непріятелемъ . .	офиц. 2 [1]),	гусаръ 41.
Взято въ плѣнъ и пропало безъ вѣсти .	„ 3 [2]),	„ 11.
Умерли	„ 4 [3]),	„ —
Исключено бѣжавшими.	„ —	„ 125.
Лошадей убито и пристрѣлено за ранами и болѣзнями		514.
Отбито непріятелемъ		20.
Уведено бѣжавшими		28.

Просматривая эту вѣдомость, невольно останавливаешься на значительной цифрѣ бѣжавшихъ. Казалось бы, что для полка, гдѣ нравственный духъ былъ такъ высоко приподнятъ,—эта цифра слишкомъ велика. Но надо принять въ соображеніе то отдаленное время, когда побѣги нижнихъ чиновъ считались вездѣ явленіемъ вполнѣ обыденнымъ, а главное – тотъ способъ комплектованія, котораго придерживались гусары. Гусарскіе полки пополнялись частью вербовкой и нерѣдко въ нихъ назначались пойманные бѣглые, изъ другихъ полковъ. Вотъ эти-то пришлые люди, и давали наибольшій % бѣглецовъ.

Какъ велика бывала убыль въ полку видно изъ слѣдующаго: напримѣръ, съ 1 ноября 1770 по 1 января 1772 г.

Умерло 6 унт.-оф. и 69 рядовыхъ	= 75
Уволено въ отставку у.-оф. и капраловъ – 13, рядовыхъ – 18	= 31
Бѣжало 25	= 25
Взято въ плѣнъ капралъ 1, гусаръ 3	= 4
Убито гусаръ 8	= 8 [4])
Произведено вахмистровъ и кадетъ въ офицеры . .	= 8
	151

За это время:

Въ полкъ навербовано	10 чел.
Назначено изъ бѣглыхъ	9 „
Изъ рекрутъ	118 „

За этотъ же періодъ было исключено 324 лошади, и пріобрѣтено покупкою 388 л.

Наибольшій некомплектъ лошадей въ полку былъ въ мартѣ 1771 г., не хватало 317 [5]).

Полкъ очень часто находился въ весьма слабомъ составѣ. Такъ въ февралѣ того же 1771 г. числилось [6]).

Въ отлучкахъ:

Въ Россіи (6-ой эск.)	5	оф.	173	н. чин.	и	152	лош.
Въ Польшѣ	—	„	19	„	„	и	9	„
При Арміи	10	„	57	„	„	и	30	„
Больныхъ	3	„	34	„	„	и	134	„

[1]) Поручикъ Гавриловъ, прапорщикъ Корачъ. Умерли отъ ранъ прапорщикъ Лани въ 1771 г. и с.-м. Челиновичъ въ 1773 г.

[2]) С.-м. Зоричъ, прапорщики: Квитковскій и Коленчичъ.

[3]) Не считая умершихъ отъ ранъ.

[4]) Цифра эта, очевидно, не вѣрна, такъ какъ 1 сент. 1771 г. убито въ одинъ день 10 чел.

[5]) В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 442.

[6]) Тамъ же.

На лицо оставалось всѣхъ чиновъ 597 чел. и лошадей

строевыхъ	235
подъемн.	73
прибавочн.	2
	310

Всего числилось въ полку по списку людей 895, лошадей (всѣхъ наименованій) 638.

35
73
2
10
(всѣхъ

Лит. И.Кадушина С.П.Б.

VIII.

(1775—1792).

Возвращеніе на Украйну.—Уничтоженіе Запорожской Сѣчи.—Приходъ въ Ахтырку.—Назначеніе Хорвата командиромъ полка.—Нѣкоторыя измѣненія въ штатахъ и формѣ обмундированія полка.—Походъ на Кубань.—Назначеніе командиромъ полка князя Куракина.—Реформы Потемкина.—Путешествіе Императрицы Екатерины въ Новороссію и Крымъ.—Вторая турецкая война.—Присоединеніе Ахтырскаго полка къ Харьковскому конно-егерскому.—Возвращеніе полку самобытности.—Приготовленія ко 2-ой Польской войнѣ.

Въ концѣ 1774 года Ахтырскій полкъ покинулъ, наконецъ, Валахію, которую искрестилъ буквально по всѣмъ направленіямъ, и перешелъ въ польскую Украйну, гдѣ зимовалъ въ с. Грабовѣ.

Вѣсть о счастливомъ окончаніи турецкой войны тѣмъ болѣе обрадовала Императрицу Екатерину, дворъ и народъ, что въ это самое время въ юго-восточныхъ предѣлахъ Имперіи свирѣпствовалъ страшный пугачевскій бунтъ, угрожавшій потрясти все государство. Мятежъ, наконецъ, былъ подавленъ. Но то, что произошло въ далекихъ степяхъ между Ураломъ и Волгой, легко могло повториться на берегахъ Днѣпра, гдѣ ненависть къ полякамъ и дикій казацкій разгулъ, еще такъ недавно проявившіеся въ лицѣ Желѣзняка и Гонты, кровавою волною захлестнули весь югъ сосѣдней съ нами Польши. И вотъ, въ то время, когда Ахтырцы спокойно отдыхали въ Грабовѣ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ уже обсуждался вопросъ, касавшійся уничтоженія самостоятельности политическаго существованія Запорожья. Прошло уже тридцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ запорожскія земли, считавшіяся на бумагѣ какъ бы въ подданствѣ Турціи, отошли по Бѣлградскому миру къ Россіи, но Запорожская „голытьба“ не признавала и русской власти такъ же, какъ никогда не признавала турецкой. Да и зачѣмъ имъ было справляться кому они принадлежатъ? Своими заимочными степями, лугами и рѣками они владѣли не по какимъ-либо государственнымъ актамъ, а просто „по черкасской обыкности и воли“, которыя, однако, ставили выше всякихъ законовъ и актовъ. Обширныя владѣнія ихъ, занимавшія всю нынѣшнюю Екатеринославскую губернію, большую часть Херсонской, и даже часть войска Донского, никакихъ опредѣленныхъ границъ не имѣли. „Въ то время, какъ западъ Европы, говоритъ Данилевскій [1]), обставлялъ свои рубежи готическими замками и башнями, запорожскіе характерники обозначали межи своихъ степей какими-нибудь чуть видимыми признаками: „волчьей балкой“, „грабленной могилой“, „гайдамацкимъ станомъ“, „курганомъ трехъ

[1]) Полное собраніе соч. Данилевскаго: „Послѣдніе Запорожцы“.

братьевъ", и т. п. названіями, хорошо извѣстными имъ, но вовсе не извѣстными ихъ сосѣдямъ. Отсюда и происходили у Запорожцевъ вѣчныя недоразумѣнія съ Россіей, Турціей и Польшей. Русское правительство, естественно, не могло терпѣть государства въ государствѣ, и мало по малу стало накладывать на запорожцевъ свою руку. Сперва въ кошевой крѣпостцѣ возникъ Новосѣчинскій ретраншаментъ, въ которомъ за насыпью и частоколомъ поселился русскій комендантъ, присланный сюда подъ видомъ соблюденія интересовъ самихъ же Запорожцевъ. Потомъ, постепенно переходя межи Запорожскаго войска, въ Новороссіи стали селиться сербы, образовавшіе переселенные гусарскіе полки, которые также охраняли государственную границу, но были болѣе полезны, чѣмъ необузданная гайдамацкая вольница. Первые подчинялись уже извѣстному служебному распорядку; вторая не признавала ничего, кромѣ вѣковыхъ казацкихъ традицій и, продолжая дѣйствовать на свой личный страхъ помимо правительства, ежеминутно угрожала втянуть Россію въ новыя войны съ сосѣдями. По окончаніи турецкой войны, когда Крымъ былъ отдѣленъ отъ Турціи, а отъ Польши взяты исконныя русскія земли, лежавшія между Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ,—Запорожская Сѣчь не только потеряла свое значеніе передоваго войска, охранявшаго въ теченіе двухъ вѣковъ южныя границы Малороссіи, но сама становилась серьезнымъ тормазомъ для заселенія и мирнаго развитія нашихъ обширныхъ южныхъ степей. И участь ея, наконецъ, была рѣшена.

Въ исходѣ мая 1775 года сильный русскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Текелли, въ составъ котораго назначенъ былъ и Ахтырскій гусарскій полкъ, получилъ приказаніе выступить изъ польской Украйны къ Днѣпровскимъ порогамъ, обезоружить казаковъ и заставить ихъ обратиться къ мирному быту. Текелли раздѣлилъ войска на отряды, и, безъ огласки, занимая по пути главныя села и хутора запорожцевъ, на зарѣ 4-го іюня съ четырехъ сторонъ подошелъ къ Сѣчи. Празднуя зеленыя святки (Троицкую недѣлю), запорожцы увидѣли наши войска только тогда, когда они заняли всѣ окрестныя высоты и нацѣлили пушки прямо на кошъ. Всѣмъ стало ясно, зачѣмъ пожаловали незванные гости....

„Что будемъ дѣлать?" предложилъ вопросъ кошевой атаманъ Колнышевскій: „ужли такъ и отдадимъ нашу матерь Запорожскую Сѣчь?" Казаки заволновались. Раздались дружные голоса: „Кто въ Бога вѣруетъ—за сабли! Бей въ набатъ, собирай войско!"... Но было уже поздно. Подойдя ночью, Текелли разбилъ свою ставку на высокомъ холмѣ, въ двухъ верстахъ отъ Сѣчи, и тотчасъ отрядилъ пѣхотный полкъ и эскадронъ пикинеръ, которые прошли предмѣстье, не встрѣтивъ ни одного казака, и безъ выстрѣла вступили въ Новосѣчинскій ретраншаментъ. „Часовые, какъ потомъ доносилъ Текелли, заняты были въ упражненіи сна". Въ тоже время онъ потребовалъ къ себѣ Ахтырскаго гусарскаго полка полковника Мисюрева и приказалъ ему отправиться въ кошъ, чтобы уговорить кошевыя власти явиться съ добровольною покорностью. При общемъ возбужденіи казаковъ порученіе это было далеко не безопасно; но Мисюревъ, имя котораго такъ часто встрѣчалось въ реляціяхъ турецкой войны,

вовсе
орож-
. Рус-
тва въ
жцевъ
инскій
посе-
облю-
пенно
литься
охра-
необу-
тному
вѣко-
ичный
Россію
когда
онныя
Дру-
ередо-
аницы
аселе-
участь

ачаль-
ылъ и
поль-
ковъ и
ъ вой-
села и
подо-
запо-
ли всѣ
стало

аманъ
жскую
(то въ
о было
высо-
оядилъ
ѣстье,
Ново-
келли,
бовалъ
и при-
власти
жденіи
оревъ,
войны,

Фельдмаршалъ Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ Таврическій.

Изъ коллекціи П. Я. Дашкова.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мытн. 2.

блистательно исполнилъ и это порученіе. Когда кошевыя власти убѣдились, что артиллерія и суда въ гавани отъ нихъ отрѣзаны, и что вездѣ на улицахъ появились „пристойные отъ частей караулы“, самъ атаманъ Колнышевскій, войсковой судья Головатый и писарь Глоба вышли изъ коша и вмѣстѣ съ Мисюревымъ отправились въ русскій лагерь встрѣчать генерала съ хлѣбомъ и солью. Тѣмъ временемъ, отряды русской пѣхоты, пользуясь сумятицей, происходившей у казаковъ, спокойно заняли пороховой и денежный погреба Сѣчи, войсковую канцелярію и острогъ. Пушки, порохъ и кошевой архивъ были немедленно вывезены изъ крѣпости въ поле. Запорожцы, потерявшіе голову, бродили по базару и предмѣстью, собирались въ кучи и толковали, что имъ дѣлать? Наконецъ, возвратилось начальство и объявило войску указъ Императрицы.

Сѣчь зашумѣла.

„Измѣна!... За сабли!... За мушкеты!“... кричала разъяренная толпа и бросилась къ своимъ куренямъ. Но на встрѣчу къ ней выступилъ соборный архимандритъ Сокальскій, и его горячая, полная убѣжденія рѣчь заставили запорожцевъ одуматься. „Покоритесь безъ пролитія братской крови, говорилъ онъ, русскіе уже окружили Сѣчь, заняли всѣ наши слободы, палатки и хутора. Не сдадитесь—пропадутъ ваши пожитки, а у кого есть жены и дѣти—гусары растащатъ ихъ, и все предадутъ огню и мечу“. Запорожцы поняли, наконецъ, невозможность сопротивленія,—и войско, послушавшись совѣта старшинъ,—положило оружіе [1]).

Текелли сталъ твердою ногою въ занятой имъ Сѣчи и началъ вводить въ ней новые порядки. Нѣкоторые полки отпущены были по домамъ, но нашимъ ахтырцамъ пришлось простоять на „Дикомъ полѣ“ до глубокой осени, въ предупрежденіе какихъ-либо безпорядковъ, которыхъ можно было ожидать со стороны разсыпавшагося казачества [2]). Но никакихъ безпорядковъ не произошло. Часть запорожцевъ, не понимая иной жизни, кромѣ прежней, казачьей, ушла „до Турка за синій Дунай“; другая, подчиняясь необходимости, повѣсила на гвоздь свои сабли и принялась за плугъ, не теряя, однако, надежды воскресить когда-нибудь на Украйнѣ былое казачество. Надъ хуторами и селами уже занималась заря новой, невѣдомой еще здѣсь жизни, а запорожскій станъ и его курени стояли въ развалинахъ. Съ наступленіемъ осени все кругомъ успокоилось, въ степи дѣлать было нечего, и Ахтырскій полкъ въ концѣ октября вернулся, наконецъ, послѣ восьми-лѣтняго странствованія по чужимъ землямъ, въ свое родное гнѣздо—въ Ахтырку.

Здѣсь ему пришлось проститься со своимъ доблестнымъ командиромъ полковникомъ Пишчевичемъ, назначеннымъ формировать новый Далмацкій гусарскій полкъ, одинъ изъ тѣхъ, которые учреждались тогда, взамѣнъ Запорожскаго войска, для охраны обширныхъ границъ Новороссіи [3]). На мѣсто Пишчевича командиромъ Ахтырскаго полка назначенъ былъ полковникъ Иванъ Антоновичъ Хор-

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Мос. Ар. Гл. Шт. Квартирное расписаніе войскъ въ 1775 году.
[3]) Записки Пишчевича „Чтеніе въ Имп. Об. Ист. и древн. 1883 г.“.

ватъ,—сербъ по происхожденію, человѣкъ еще молодой, и, судя по формулярному списку, хорошо образованный. Онъ перешелъ изъ австрійскихъ гусаръ въ русскую службу прямо ротмистромъ передъ самымъ началомъ турецкой войны, и, по окончаніи ея, за цѣлый рядъ боевыхъ отличій, получилъ въ командованіе Ахтырскій полкъ [1]).

Ко времени принятія имъ полка относятся нѣкоторыя перемѣны, послѣдовавшія въ штатахъ и формѣ обмундированія войскъ,—перемѣны, хотя и не вносившія вообще никакихъ рѣзкихъ измѣненій, но въ личной, такъ сказать, жизни каждаго полка все-таки имѣвшія свое немаловажное значеніе. Такъ, въ это время учреждены были полковые гербы, которые повелѣно употреблять на полковыхъ печатяхъ и на нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, напр.: на трубахъ, литаврахъ и т. под. Гербъ Ахтырскаго полка изображалъ собою щитъ, на голубомъ полѣ котораго сіяло восходящее солнце, озарявшее своими лучами золотой четырехъ-конечный крестъ. Быть можетъ, это была эмблема лучезарной славы стараго казачества, столько вѣковъ охранявшаго именно этотъ православный крестъ въ борьбѣ съ невѣрными татарами и ляхами. Затѣмъ въ штаты полка введены были кадеты (какъ стали называть тогда унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ), которые отличались отъ унтеръ-офицеровъ общаго срока золотымъ галуномъ на киверѣ; и, наконецъ, 24 декабря 1776 года, послѣдовали нѣкоторыя измѣненія и въ самой формѣ обмундированія. Въ главныхъ чертахъ гусарская одежда осталась таже; но прежде у нижнихъ чиновъ Ахтырскаго полка зеленые доломаны расшивались черными, а черные ментики—зелеными снурами; теперь же и тѣ и другіе обшивались снурами желтыми. Кивера, обшлага на доломанахъ, выпушки и даже вальтрапы были также желтые [2]). Замѣчательно, что этотъ цвѣтъ полкового приклада ахтырцы сохранили у себя и до настоящаго времени.

Не прошло и года мирной стоянки, какъ событія въ Крыму заставили снова привести полкъ на военное положеніе и двинуть его на Кубань, точно судьба заботилась о томъ, чтобы связать его славное имя и съ длинною эпопеею нашей Кавказской войны. Въ Крыму, признанномъ по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату свободнымъ и независимымъ, шла въ это время ожесточенная борьба за ханскій престолъ между двумя претендентами, изъ которыхъ одного втайнѣ поддерживала Турція, другого—Россія. Было ясно, что эти два враждебныя вліянія, турецкое и русское, безпрерывно сталкивавшіяся между собою, какъ два противоположныя теченія, будутъ служить для Крыма вѣчнымъ источникомъ смутъ и раздоровъ, а потому Потемкинъ уже задумывался надъ тѣмъ, чтобы пойти дальше, чѣмъ позволяли намъ условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира,—уничтожить совершенно самостоятельность Крымскаго ханства и обратить его въ часть русскаго государства, привести въ исполненіе завѣтную мечту царей Московскихъ.

---

[1]) Формулярный списокъ Хорвата. См. прил. 10.

[2]) Висковатовъ.

судя по
елъ изъ
ь передъ
а цѣлый
полкъ [1]).
еремѣны,
, — пере-
неній, но
имѣвшія
ны были
хъ печа-
трубахъ,
ь собою
це, оза-
Быть мо-
, столько
ь борьбѣ
введены
изъ дво-
го срока
776 года,
ированія.
прежде у
шивались
е и тѣ и
оманахъ,
чательно,
у себя и

ь Крыму
и двинуть
язать его
ойны. Въ
ободнымъ
а ханскій
го втайнѣ
два враж-
ивавшіяся
ь служить
этому По-
ше, чѣмъ
ничтожить
ить его въ
ую мечту

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

1776 г. — 1782 г.

Офицеръ и гусаръ Ахтырскаго полка.

Начиналась славная эпоха присоединенія Тавриды. Ожидали новой турецкой войны, и укрѣпленіе границъ со стороны Кубани являлось настоятельно необходимымъ, чтобы затруднить сношенія крымцевъ съ черкесами и, главное, съ ногайскими ордами, находившимися тогда въ вассальной зависимости отъ Крымскихъ хановъ. Въ этихъ видахъ и рѣшено было усилить Кубанскій корпусъ еще двумя гусарскими полками: Ахтырскимъ и Иллирическимъ—однимъ изъ тѣхъ, которые сформированы были вновь въ Новороссіи.

Почти передъ самымъ походомъ Ахтырскаго полка, въ концѣ 1776 года, вернулся „изъ своей татарской негоціи" резервный эскадронъ его, находившійся со времени турецкой войны въ Копылѣ, при ставкѣ Калги-султана, управлявшаго ногайцами. Копылъ стоялъ на самомъ берегу Кубани, и эскадрону приходилось лицомъ къ лицу сталкиваться съ воинственными племенами черкесовъ, не имѣвшихъ по своей отвагѣ и предпріимчивости, ничего общаго ни съ турками, ни съ крымскими татарами. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы составить полную картину дѣятельности эскадрона въ ногайской степи, и мы только, изъ однаго, случайно сохранившагося рапорта секундъ-майора Петровича, видимъ, что эскадронъ его потерялъ въ теченіе послѣдняго года одного капрала и болѣе 20 лошадей, захваченными непріятелемъ; 32 лошади пали въ степи отъ совершенной безкормицы, и 8 пристрѣлено за неизлѣчимымъ сапомъ [1]). Такимъ образомъ, гусары возвратились домой почти въ половинномъ числѣ конныхъ рядовъ. Разсказы ихъ о странѣ, въ которой они пробыли цѣлые пять лѣтъ, о тѣхъ трудахъ и лишеніяхъ, которые имъ пришлось перенести, естественно, представляли живой интересъ для полка, собиравшагося итти въ ту же „татарскую негоцію".

Весною 1777 года Ахтырскій полкъ, подъ командою полковника Хорвата, прибылъ, наконецъ, въ ногайскую степь и былъ расположенъ на берегу Азовскаго моря, близъ нынѣшняго города Ейска, въ Шангиреевскомъ ретраншаментѣ. Здѣсь онъ простоялъ два года, служа резервомъ для тѣхъ частей, которыя занимали кордонную стражу по самому берегу Кубани. Тамъ, по преимуществу, происходили кровавыя схватки, въ которыхъ пальма первенства почти всегда оставалась на сторонѣ черкесовъ; но иногда послѣдніе прорывались и внутрь ногайскихъ степей, доходя почти до самаго Дона. Тогда вызывались резервы: но настигнуть и наказать эти, носившіяся какъ метеоры, отважныя партіи почти никогда не удавалось. Суворовъ, прибывшій на Кубань въ январѣ 1778 года, сразу оцѣнилъ достоинства своихъ противниковъ и, вѣрный своей системѣ, тотчасъ приказалъ, что бы войска ежедневно упражнялись въ изученіи всѣхъ тонкостей передовой охранной службы, и производили маневры примѣнительно къ новой мѣстности и характеру новаго непріятеля. Онъ доносилъ Румянцеву, что „количественный недостатокъ войскъ будетъ пополненъ качественнымъ достоинствомъ". Но Суворовъ оставался на Кубани только три мѣсяца. Онъ вызванъ былъ въ Крымъ, а съ его отъѣздомъ дѣла въ ногайской степи приняли самый тре-

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячные отчеты полка.

вожный характеръ. Лѣтомъ въ 1778 года черкесы напали на кордонъ, занимавшійся Иллирическимъ гусарскимъ полкомъ около редута Гавриловскаго, и отогнали лошадей цѣлаго эскадрона. Командиръ его бросился въ погоню съ пѣшими гусарами, но попалъ въ засаду и погибъ вмѣстѣ со всѣмъ эскадрономъ. Затѣмъ черкесы нанесли жестокое пораженіе гарнизону Архангельскаго укрѣпленія (нынѣшній Екатеринодаръ), а черезъ мѣсяцъ, подкравшись къ другому укрѣпленію, захватили въ плѣнъ цѣлую команду, высланную за водой. Казачьи разъѣзды то и дѣло попадались въ засады. Очевидно, инструкціи и требованія Суворова были позабыты [1]).

Какое участіе принималъ Ахтырскій полкъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, свѣдѣній до насъ не дошло, но изъ полковыхъ отчетовъ видно, что потери его за эти два года, по сравненію съ другими частями, были совершенно ничтожны. Такъ, при нападеніи черкесовъ убитъ кадетъ Давидъ Войно, взятъ въ плѣнъ одинъ гусаръ, и исключено 27 лошадей; изъ нихъ: 6 убито, 7 захвачены непріятелемъ, и 14 пали при усиленныхъ погоняхъ за черкесскими партіями. Кромѣ того, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ 72 лошади погибли отъ злокачественнаго сапа, занесеннаго, по всей вѣроятности, ногайскими табунами, съ которыми полку, по необходимости, приходилось сталкиваться на однѣхъ и тѣхъ же пастбищахъ [2]).

Между тѣмъ, рядъ пораженій, испытанныхъ турками, и невозможность для нихъ прорваться черезъ Перекопъ внутрь полуострова—заставили Порту, наконецъ, утвердить условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, но съ тѣмъ, чтобы русскія войска также отведены были изъ Крыма и съ Кубани. Условія эти были приняты, и Ахтырскій полкъ лѣтомъ 1779 года возвратился обратно въ свою родную Ахтырку, въ которой и оставался вплоть до второй турецкой войны, временами уходя лишь или въ лагерные сборы въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, или на кордонную службу - по Днѣстру и Бугу къ Архангельскому и Добрянскому шанцамъ. Есть также свѣдѣніе, что ахтырцы стояли и въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ Кобеко въ своемъ сочиненіи „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“ упоминаетъ объ одномъ эскадронѣ Ахтырскаго полка, который въ 1781 году участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ Цесаревича и его супруги, посѣтившихъ Кіевъ во время своего путешествія подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Въ 1782 году полку довелось побывать и въ Крыму.

16-го января 1783 г. въ Ахтыркѣ скончался полковникъ Хорватъ, и на мѣсто его командиромъ полка назначенъ былъ полковникъ князь Степанъ Куракинъ, молодой еще человѣкъ (35-ти лѣтъ), получившій прекрасное образованіе въ Швеціи, имѣвшій большія связи при Дворѣ, и довольно крупное состояніе въ видѣ 4250 душъ [3]). Большую часть своей 15-ти лѣтней службы кн. Куракинъ провелъ въ войнахъ и походахъ, участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, и въ войнахъ съ польскими конфедератами, а затѣмъ былъ и ближайшимъ сподвижникомъ Бибикова при усмиреніи имъ пугачевскаго бунта.

---

[1]) Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ. Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла при Штабѣ Кавказскаго Военнаго Округа.

[2]) Мѣсячные отчеты полка.

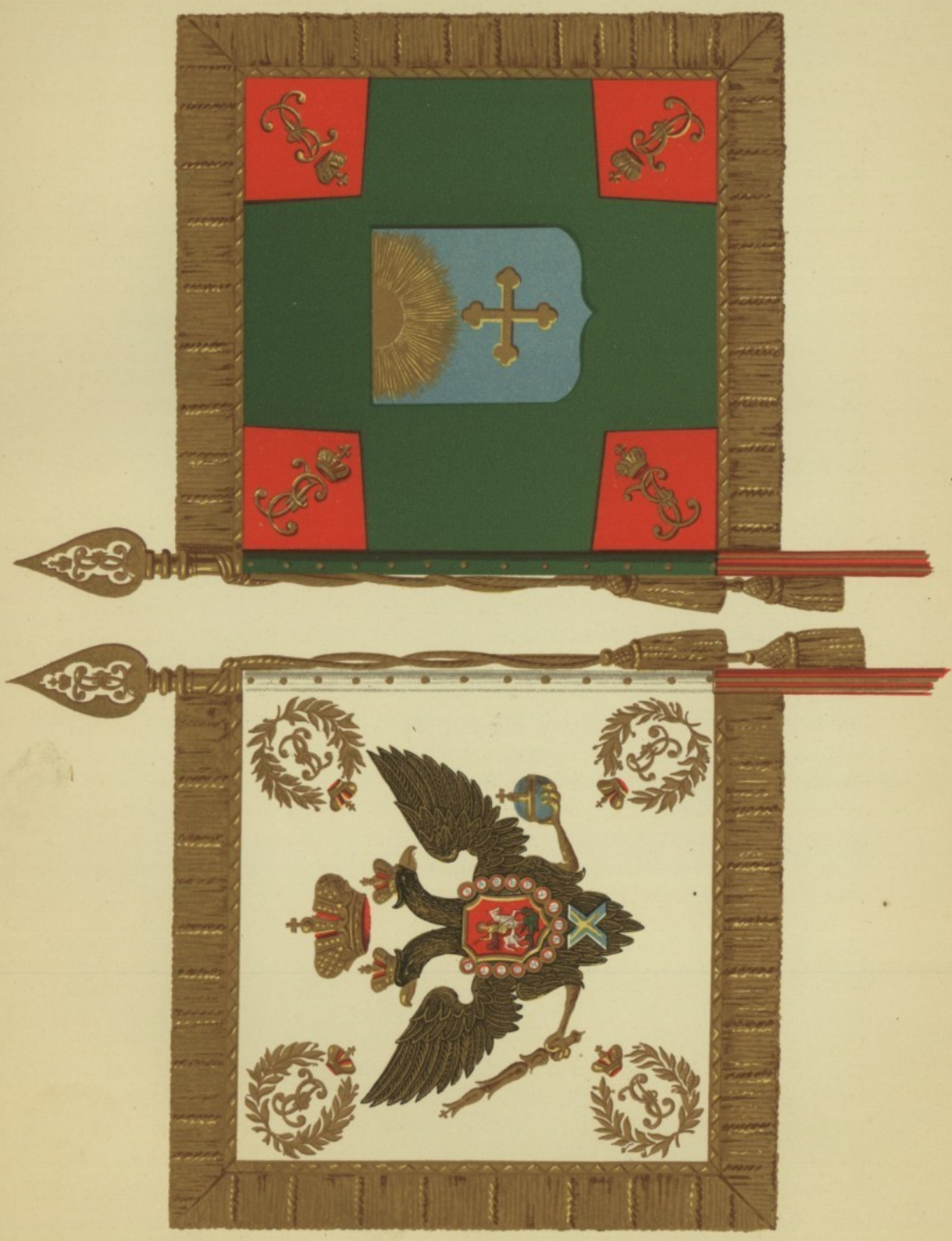
[3]) Формулярный списокъ князя Куракина.

ордонъ,
редута
иръ его
саду и
ли же·
нѣшній
укрѣп-
водой.
струк-

хъ дѣ-
видно,
астями,
ить ка-
лючено
4 пали
того,
ествен-
унами,
ться на

невоз-
рова—
рджій-
ы были
ырскій
одную
войны,
вскомъ
угу къ
е, что
своемъ
дномъ
лъ въ
вшихъ
афини
му.
рвать,
вникъ
полу-
связи
шъ [3]).
овелъ
йнѣ, и
ижай-
бунта.

Штабъ



Лит. И. Кадушина С. П. Б.

1782 г.
Штандартъ Ахтырскаго легкоконнаго полка.

Подъ начальствомъ кн. Куракина Ахтырцамъ пришлось пережить эпоху знаменитыхъ Потемкинскихъ реформъ, участвовать въ памятномъ смотрѣ Императрицы Екатерины Великой и, наконецъ, во второй турецкой войнѣ.

Кн. Куракинъ принялъ полкъ въ ту знаменательную пору, когда Потемкинъ, поставленный во главѣ Военной Коллегіи, приступилъ къ широкимъ преобразованіямъ всей русской конницы. Онъ хотѣлъ повести ее въ томъ національномъ, истинно русскомъ духѣ, начало которому положилъ Петръ Великій. Главныя преобразованія касались тяжелой конницы, которая, какъ выражался Потемкинъ, – «тяжела только себѣ самой, а не ударомъ непріятелю», и образцомъ для которой должны были послужить наши легкіе гусарскіе полки, прославившіе себя въ бояхъ съ турками и конфедератами.

Опыты польской и турецкой войнъ главнымъ образомъ и обратили вниманіе Потемкина на нашу конницу. Онъ потребовалъ отъ нея подвижности въ высшей степени, выносливости и, главное – способности къ развѣдочной службѣ, чтобы она служила глазами и ушами для арміи. Въ этихъ видахъ являлась прежде всего необходимость отрѣшиться отъ тѣхъ мелочныхъ требованій, которыя, безъ пользы отягающія солдата, дѣлали его уже не тѣмъ свободнымъ и сознательнымъ бойцомъ, какимъ его желалъ видѣть Петръ Великій, а простою машиной, у которой предполагалось одно живое свойство—способность безусловно повиноваться. Мысли Потемкина по этому вопросу ясно выражены были въ замѣчательной запискѣ, поданной имъ Императрицѣ въ 1783 году.

«Въ Россіи,—писалъ онъ,—когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, все почитали священнымъ и, какъ будто—таинственнымъ; имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ и ружейныхъ пріемахъ. Занимая себя такою дрянью, они и до сего времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ то: маршированія, быстрыхъ построеній, и поворотовъ; а что касается до исправности ружья, то тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммунція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата. Взятый изъ крестьянъ, почти въ 30 лѣтъ возраста, онъ узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ. Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи каждой вещи съ ея употребленіемъ: платье должно служить солдату одеждой, а не въ тягость; всякое щегольство должно быть уничтожено, ибо оно плодъ роскоши, требуетъ много времени и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. Завиваться, пудриться, плесть косы—солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. И на что пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать ее пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами; туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Если бы можно было только счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! И простительно ли, что

стражъ цѣлости и безопасности отечества удрученъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто отъ людей и безразсудныхъ. Когда бываетъ, что эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то солдату двѣнадцать часовъ надо употребить на то, чтобы убирать и себѣ, и взаимно другъ—другу волосы. Въ семъ безпокойствіи они проводятъ безъ сна цѣлую ночь, и на смотрахъ бываютъ слабы, не расторопны и малоспособны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ требуется бодрость, живость и сила» [1]).

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованіяхъ остракизму была подвергнута даже старая гусарская форма, безспорно очень красивая, но и на столько же сложная. Самое названіе гусаръ на нѣсколько лѣтъ почти исчезаетъ изъ русской арміи. Уже 28 іюня 1783 года. Ахтырскому гусарскому полку приказано было именоваться впредь: «Ахтырскимъ полкомъ Украинской конницы», а 26 февраля 1784 года «Ахтырскимъ легко-коннымъ полкомъ". Тогда же отмѣнена была и гусарская форма. Взамѣнъ тяжелыхъ киверовъ гусарамъ даны были легкія поярковыя каски, которыя Потемкинъ предпочиталъ треугольнымъ шляпамъ—убору, совершенно негодному, который, „торча концами во всѣ стороны, всегда озабочиваетъ солдата, какъ бы его не измять, и совершенно мѣшаетъ прислонить или положить голову". „Каска, — писалъ Потемкинъ, – дѣлаетъ солдату пригожій видъ и есть нарядъ военный и характеристическій". Каски эти, на манеръ нынѣшнихъ конно-гренадерскихъ имѣли бѣлый плюмажъ и черную, спускавшуюся сзади, лопасть. Доломанъ и ментикъ замѣнила синяя суконная куртка, съ красными отворотами; воротникъ, обшлага и выпушки на ней также дѣлались красными; куртка украшалась бѣлыми плечевыми погонами и бѣлымъ аксельбантомъ на правомъ плечѣ; у офицеровъ какъ погоны, такъ и аксельбанты были серебрянные. Шаровары полагались красные, съ бѣлымъ зубчатымъ лампасомъ, а офицеры, въ парадныхъ случаяхъ, надѣвали панталоны бѣлыя; вмѣсто узкихъ гусарскихъ ботиковъ, вся непрактичность которыхъ выказалась въ зимнія кампаніи, когда большинство гусаръ ходило съ отмороженными ногами, были даны большіе сапоги, въ родѣ ботфортовъ настолько широкіе, чтобы можно было надѣвать подъ нихъ шерстяные чулки. Косы, букли, пудра и т. п. были совершенно изгнаны изъ употребленія, и солдаты стали стричь волосы по народному—въ скобку. Что касается до вооруженія и конскаго убора, то они остались безъ измѣненія. Потемкинъ особенно стоялъ за венгерскія сѣдла, которыя „лучше всѣхъ другихъ и употребляются всѣми націями ѣздящими верхомъ, какъ то: венграми, поляками, казаками, татарами и черкесами; они легки и никогда не саднятъ лошади".

Описанная выше одежда, конечно, была не такъ богата, изящна и красива, какъ прежняя гусарская, но за то она была безусловно практичнѣе и удобнѣе. Строгимъ критикомъ этой одежды явился, однако, австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ, который видѣлъ нашу конницу, во время путешествія Императрицы Екатерины по югу Россіи, и писалъ о ней, между прочимъ, фельдмаршалу Ласси слѣдующее:

[1]) Ивановъ. „Русская кавалерія".

«Мундиры у ней (конницы), какъ у нашихъ уланъ—короткіе, безъ комзола, безрукавный жилетъ и суконные шаровары; на головахъ у нихъ что-то въ родѣ круглой войлочной шапки, съ кожаннымъ козырькомъ, приблизительно, какъ у нашихъ понтонеровъ; съ этой шапки свѣшивается внизъ короткій клокъ сукна, а поверхъ шапки, полукругомъ, облегаетъ что-то въ родѣ бѣлаго лисьяго хвоста, который не служитъ ни въ холодъ, ни въ дождь, давитъ спереди на носъ, и не защищаетъ отъ сабельнаго удара; сабли у кавалеріи довольно плохи, а также приборъ и замки у ружей. Русскіе переформировали всѣхъ гусаръ и сдѣлали изъ нихъ полки, которые называютъ конными егерями. Несмотря на стужу, предполагается, что теперь лѣто и солдаты щеголяютъ въ холстинныхъ шароварахъ и холстинныхъ камзолахъ, а подъ ними одна рубаха; они стучатъ зубами отъ холода, многіе заболѣваютъ лихорадкой, но никто не жалуется Богъ вѣсть, каково въ другихъ областяхъ, которыя я не видѣлъ, но здѣсь всю легкую кавалерію приходится продовольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе,—и это въ степяхъ, гдѣ еще нѣтъ травы и нечего ѣсть, зато у лошадей и подвело животы порядкомъ» [1]).

Однако, за этими внѣшними, быть можетъ и не всегда удачными преобразованіями Потемкина, скрывался знаменательный смыслъ внутренней жизни нашей конницы: широкое развитіе тѣхъ духовныхъ свойствъ, которыя приготовляли и закаляли солдата для боевой дѣятельности. Власть полкового командира была ограничена и поставлена въ рамки, которыя не давали уже мѣста произволу и уничтожали тѣ злоупотребленія, которыя, главнымъ образомъ, служили источникомъ неурядицъ въ полкахъ и безпорядочности общества офицеровъ. «Инструкція полковнику коннаго полка», строго предписывавшая «обходиться съ офицерами ласково, заботиться о ихъ благосостояніи, и всѣхъ подчиненныхъ своихъ такъ содержать, чтобы они къ нему любовь и страхъ имѣли»,—была утверждена Императрицей еще 14-го января 1766 года, но до сихъ поръ оставалась въ войскахъ мертвою буквою. Потемкинъ первый провелъ ее въ жизнь, и ему русская армія главнымъ образомъ была обязана упорядоченіемъ офицерскаго общества. Много облегчилъ Потемкинъ и солдатскую службу, требуя только то, что служило для боя, а не для внѣшняго показа. Всѣ предписанія Потемкина полны заботъ о солдатѣ, объ его благосостояніи, а также о томъ, чтобы солдатъ не терпѣлъ отъ произвола своихъ начальниковъ. Тѣлесныя наказанія и побои при строевыхъ ученіяхъ были воспрещены подъ страхомъ суроваго взысканія. «Паче всего я требую,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ распоряженіи,—чтобы обучать солдатъ съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію». Неуспѣхъ нижнихъ чиновъ онъ прямо приписывалъ исключительно невниманію, или незнанію дѣла самими офицерами. «Всякая принужденность, вытяжка, крѣпкіе удары въ ружейныхъ пріемахъ должны быть истреблены,—писалъ онъ въ своихъ наставленіяхъ,—взамѣнъ того вводить

---

[1]) Руçскій Архивъ 1880 г. кн. I-я „Письма Императора Іосифа II къ фельдмаршалу Ласси“, и „Памятники новой русской исторіи“ т. III. Русская Старина 1873 г.

бодрый видъ, наблюдать опрятность, столь нужную для сохраненія здоровья, доставлять добрую пищу и почаще лудить посуду. Таковыми попеченіями полковой командиръ можетъ отличиться,—и я на сіе буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тѣло» «Въ кавалеріи,—писалъ Потемкинъ въ другомъ своемъ наставленіи, начальники должны имѣть болѣе попеченіе о людяхъ, нежели о лошадяхъ, и для того меньше мучить ихъ чисткой лошадей, ибо не въ семъ состоитъ краса полка, а въ приведеніи его въ исправность, нужную для боя». Потемкинъ предписывалъ также воздержаться отъ педантичной ранжировки, ибо чрезъ сіе отходятъ лошади отъ людей» [1]).

Изъ такой-то школы, ставившей на первое мѣсто не муштровку, а воспитаніе, и вышли тѣ Екатерининскіе солдаты, которыхъ Суворовъ называлъ «чудо богатырями».

Вмѣстѣ съ новою одеждою 10 апрѣля 1786 года изданы были новые штаты и табели, измѣнявшіе, главнымъ образомъ, полковое хозяйство, ставившееся на болѣе прочныя начала, и опредѣлявшія размѣры разныхъ отпусковъ; при этомъ ремонтная цѣна на строевыхъ лошадей была повышена; что же касается довольствія ихъ то сухой фуражъ въ легкой кавалеріи приказано давать въ теченіе восьми мѣсяцевъ: по два гарнца овса и по двадцати фунтовъ сѣна на лошадь; въ уставѣ, изданнымъ Потемкинымъ по хозяйственной части, съ замѣчательной точностью опредѣлялись всѣ денежные отпуски отъ казны на каждый предметъ отдѣльно.

Легко-конные полки составляли любимый родъ войска князя Потемкина, и онъ всячески старался пріохотить къ службѣ въ нихъ различными льготами и привиллегіями. Въ этихъ полкахъ даже общій 25-ти лѣтній срокъ службы сокращенъ былъ до пятнадцати лѣтъ, а оставшіеся служить на вторичный срокъ получали черезъ три года серебряныя, а прослужившіе еще пять лѣтъ—золотыя медали, съ надписью „За усердную службу“; жалованье въ этихъ полкахъ, сравнительно, было больше, нежели въ остальной конницѣ; такъ: рядовые получали въ годъ восемь рублей 91 копѣйку, а когда полкъ находился въ походѣ, далѣе ста верстъ отъ того намѣстничества, гдѣ были его квартиры, оно увеличивалось до 11 р. 88 к.; кромѣ того, каждому солдату полагалось два рубля восемдесятъ шесть копѣекъ въ годъ аммуничныхъ денегъ и провіанта: два четверика муки и полтора гарнца крупы въ мѣсяцъ.

Всѣ эти преобразованія оказали благодѣтельное вліяніе и на устои внутренней полковой жизни. Нельзя не вспомнить глубокаго убѣжденія нашихъ старыхъ кавалеристовъ, что гусары, съ начала эпохи Екатерины Великой и до окончанія наполеоновскихъ войнъ, были лучшею нашею конницею. Это прежде всего слѣдуетъ, конечно, приписать преимущественно отличному составу офицеровъ и командировъ гусарскихъ полковъ. Хотя такіе офицеры-иностранцы, какъ: Хорватъ, Текелли, Чорба, Подгоричани, Шевичъ и другіе занесли имена свои даже на страницы русской военной исторіи, тѣмъ не менѣе, масса пришедшихъ изъ-за границы офицеровъ-гусаръ, первоначальнаго еще

[1]) Ивановъ. „Русская кавалерія“.

Лит. И. Кодумова С.П.Б.

1788 г. — 1792 г.

Оберъ-офицеръ Ахтырскаго легкоконнаго полка.

набора, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ замѣчательною храбростью, отличалась въ то же время и духомъ необузданности, невѣжества, невоздержанности и своеволія. Однако, гуманныя начала, положенныя Потемкинымъ въ основу его реформъ, мало по малу смягчили грубые нравы полковой жизни и обратили гусарскіе полки положительно въ модный фешенебельный родъ оружія. Всѣ молодые люди, съ хорошимъ образованіемъ и средствами, съ пламеннымъ желаніемъ отличія и подвиговъ, искали службы „въ гусарахъ“, какъ тогда продолжали называть по старому легкоконные полки. Это-то обстоятельство, главнымъ образомъ, и способствовало образованію прекрасной легкой кавалеріи, въ которой стихійная храбрость серба сочеталась съ широкой русской удалью [1]). Старонѣмецкія грубыя, безсердечныя требованія службы были настолько смягчены человѣколюбивыми идеями Потемкина, что, напримѣръ, въ Ахтырскомъ полку въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ было только четыре бѣжавшихъ [2]), между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе годы цыфра бѣжавшихъ ежегодно достигала обыкновенно до двухъ десятковъ человѣкъ (хотя надо принять въ соображеніе, что этой цифры побѣги достигали въ годы войны).

Въ 1787 году на долю полка выпало счастье представиться на смотръ Екатеринѣ Великой. Императрица, желая увидѣть свое „маленькое хозяйство“, рѣшила посѣтить Крымъ и вновь пріобрѣтенную Новороссію. „Я, матушка, прошу Тебя, писалъ ей Потемкинъ,— воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава Твоя оригинальна, и гдѣ Ты не дѣлишься ею съ Твоими предшественниками; тутъ Ты не слѣдуешь по стезямъ другого“.

Императрица, выѣхала изъ Петербурга 7 января 1787 года, въ кругу отборныхъ лицъ двора, въ сопровожденіи пословъ: Французскаго, Австрійскаго и Англійскаго, поджидая по дорогѣ встрѣтить двухъ вѣнценосныхъ гостей,—Польскаго короля Станислава Августа и Австрійскаго императора Іосифа II. Путешествіе совершалось съ необычайною пышностью. Императрица ѣхала въ раззолоченной каретѣ; четырнадцать другихъ каретъ везли ея свиту и дворъ; въ экипажи впрягалось по восьми лошадей; до 600 лошадей заготовлялось на каждой станціи.

Съ ранней весны войска стали собираться въ назначенные имъ пункты, и Ахтырскій гусарскій полкъ, въ дивизіи князя Юрія Долгорукова, выступивъ изъ Ахтырки, прибылъ въ общій лагерь подъ Кременчугомъ, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ [1]).

Ожили безлюдныя заднѣпровскія степи: клубится пыль, идутъ стройными рядами всадники, вѣютъ знамена, гремятъ полковые трубачи,—то идетъ конница Украинской арміи, полки пикинеръ и легкоконныхъ, въ удобныхъ и достаточно нарядныхъ мундирахъ, придуманныхъ самимъ свѣтлѣйшимъ.

Отъ Кіева путешествіе Императрицы продолжалось по Днѣпру, на галерахъ, раззолоченныхъ и убранныхъ флагами; на галерѣ

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Мѣсячные отчеты полка.
[3]) Мѣсячные отчеты полка.

„Днѣпръ“, съ высоко развѣвавшимся на ней императорскимъ штандартомъ, ѣхала сама Екатерина. Плаваніе было не совсѣмъ благопріятно. Днѣпръ бушевалъ, было холодно, и въ каютахъ топились печи. 30 апрѣля флотилія прибыла, наконецъ, къ Кременчугу. Было еще очень рано. Императрица вышла на палубу и изумилась: украинская весна представилась ей во всемъ блескѣ. Воздухъ былъ теплый; на ясномъ голубомъ небѣ—ни единаго облачка. Въ прибрежныхъ садахъ и лѣсахъ уже цвѣли черешни, дикія яблони и груши; поля были усѣяны цвѣтами; близость юга чувствовалась на каждомъ шагу. Пока Императрица почивала, князь Потемкинъ уже съѣхалъ на берегъ и принялъ затѣмъ ее, въ роли Екатеринославскаго намѣстника. Едва Государыня вступила на берегъ, какъ ее привѣтствовалъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ и радостные клики собравшагося сюда народа. Императрица, довольная и сіяющая, сѣла въ карету и направилась по живой улицѣ, между войсками и народомъ, въ домъ, приготовленный для нея Потемкинымъ; это была загородная вилла, окруженная прекрасною дубовою рощею и садомъ. „Въ здѣшнемъ саду,—писала она Гримму,—я нашла деревья, такой вышины и толщины, какихъ отродясь не видывала, и всѣ въ цвѣту; я думаю, что безспорно здѣсь прекраснѣйшій климатъ въ цѣлой моей Имперіи, а здѣшніе еще жалуются на весну, что она въ этомъ году опоздала на цѣлыя три недѣли. Кременчугъ—прелестнѣйшая мѣстность, какую я видѣла: здѣсь все пріятно“.

Хорошему расположенію духа Государыни много способствовалъ и видъ прекрасной конницы, созданной Потемкинымъ. Полки за полками, а въ томъ числѣ и Ахтырскій, проходили передъ Императрицей. Государыня, давно получавшая подметныя письма, утверждавшія, что кавалерія существуетъ только на бумагѣ и въ отчетахъ Потемкина, очень внимательно слѣдила за двигавшеюся мимо нея конницею. Конные полки, поравнявшись съ Императрицею, привѣтствовали ее радостными криками. Императрица была въ восторгѣ.

На слѣдующій день, 1 мая, она писала изъ Кременчуга: „Я видѣла одну треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто оная числится лишь на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ; однако, она дѣйствительно на лицо, и такова, какой можетъ быть никогда подобной не было“. Въ другомъ письмѣ къ Салтыкову она писала: „Я видѣла легко-конные полки, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они существуютъ только въ отчетахъ, на бумагѣ; но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные“. Въ тотъ же самый день, перваго мая, во время Высочайшаго выхода, Императрицѣ представились генералы и штабъ-офицеры бывшихъ въ городѣ полковъ, а вечеромъ Потемкинъ устроилъ народный праздникъ во славу Императрицы. Государыня отвѣтила на это великолѣпнымъ баломъ, на которомъ приглашенныхъ было болѣе 800 человѣкъ. Третьяго мая Императрица покинула Кременчугъ, подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ всего ею видѣннаго, и направилась въ Крымъ. Съ дороги она писала Салтыкову: „Чтобы видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способностямъ фельдмаршала, князя Потем-

кина, надлежитъ проѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены, какъ возможно лучше и порядочнѣе. Войска, которыя здѣсь, таковы, что даже иностранные оныя хвалятъ не ложно; города строются, недоимокъ нѣтъ". Это было полное торжество Потемкина. Не только тогда, но и теперь еще, къ удивленію, держится мнѣніе, пущенное по почину иностранцевъ, которымъ дѣятельность Потемкина не могла быть пріятной, что будто всѣ эти войска, города и деревни были какимъ-то великолѣпнымъ обманомъ; будто бы Потемкинъ, не стѣсняясь, бросалъ деньги и показывалъ Государынѣ живыя картины вмѣсто настоящихъ городовъ и селъ. Города и села Императрица посѣтила сама и убѣдилась, что они не призрачные; войска на клевету иностранной печати отвѣчали въ слѣдующемъ же году Суворовскими побѣдами, да такими, о подобныхъ которымъ Европа рѣдко слышала.

Отъѣздъ Императрицы изъ Кременчуга былъ также торжественъ, какъ и ея встрѣча. За каретой Императрицы отъ „виллы" до самаго Днѣпра, окружа ее со всѣхъ сторонъ, скакали кавалерійскіе офицеры. Государыня черезъ Потемкина передала войскамъ свое благоволеніе и благодарность за то образцовое состояніе, въ которомъ она ихъ видѣла.

Пока Императрица путешествовала по Крыму, войска изъ Кременчуга были переведены въ Полтаву, гдѣ предполагалось устроить маневръ, напоминающій Полтавскую битву. „Ваше Величество,—сказалъ ей Потемкинъ, когда она выѣхала изъ Кременчуга,—на обратномъ пути изъ Крыма, въ Полтавѣ, я намѣренъ устроить Вамъ зрѣлище, матери отечества и мудрыя царицы достойное,—именно, маневры воинскіе, гдѣ-бы два разные лагеря представили примѣрно полный бой блаженной памяти Императора Петра Великаго съ королемъ Карломъ XII". Къ сожалѣнію, эпизодъ этотъ неизвѣстенъ намъ въ подробностяхъ, но маневры дѣйствительно состоялись 8-го іюня, во время посѣщенія Императрицей Полтавы, на обратномъ пути изъ Крыма. „На маневрахъ участвовало,—писала Екатерина—30.000 войска, тутъ собраннаго и по новой формѣ образованнаго, въ самомъ блистательномъ военномъ вкусѣ, въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ; и я веселилась красотою войскъ, подъ командой князя Юрія Владимировича Долгорукова, и его маневромъ".

2 іюля Ахтырскій полкъ возвратился въ Ахтырку. Но только что эскадроны его разошлись по квартирамъ: въ Кожемлю, Боромлю, Сѣнное, Мурафу и Калантаевъ,—какъ пришло приказаніе готовиться къ новому, уже военному походу. То начиналась вторая турецкая война, вызвавшая чрезвычайный подъемъ духа и въ войскахъ, и въ обществѣ; всѣ мечты неслись за Дунай, туда, гдѣ, казалось, такъ близко разрѣшеніе великаго восточнаго вопроса, извѣстнаго тогда подъ именемъ „греческаго прожекта". Всѣхъ занимала мысль о изгнаніи изъ Европы турокъ, и воцареніе на древнемъ византійскомъ престолѣ второго внука Императрицы, Константина. Это было счастливое время, когда всѣ жили свѣтлыми возвышенными мечтаніями. Находились пессимисты, смотрѣвшіе съ предубѣжденіемъ и страхомъ на приближавшуюся войну, но сама Императрица старалась разсѣивать эти мрачныя мысли. „Я убѣждена, писала она Гримму,

что два мои фельдмаршала справятся очень хорошо; я вполнѣ вѣрю въ ихъ способность и искусство и льщу себя надеждой, что они также въ меня вѣрятъ; люди остались тѣ же, что и въ прежнія войны; средства тѣ же, а потому и не вижу, отчего бы намъ много хандрить. Можетъ быть, туркамъ и есть отчего, а намъ не изъ за чего". Однако, результаты этой войны дѣйствительно далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ большинства, а тѣмъ болѣе и самой Императрицы.

2 сентября 1787 года, Ахтырскій полкъ покинулъ свою штабъ-квартиру и выступилъ въ Екатеринославское намѣстничество, гдѣ расположился близъ крѣпости Святой Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), въ корпусѣ генералъ-поручика Самойлова. Грозныя силы собирались противъ Турціи. Екатеринославская армія, подъ начальствомъ князя Потемкина Таврическаго, должна была дѣйствовать, двигаясь параллельно западному берегу Чернаго моря отъ устьевъ Буга до устьевъ Прута; къ Пруту направляясь значительная австрійская армія, а для связи между ними и для прикрытія ихъ тыла, расположившись отъ Кіева до Хотина, стояла третья „Украинская" армія графа Румянцева. По общему плану, Екатеринославская армія Потемкина должна была прежде всего обезпечить за собою районъ между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, и для того овладѣть сильною приморскою крѣпостью Очаковымъ; затѣмъ перейти Днѣстръ и, очистивъ отъ турокъ второй районъ, между Днѣстромъ и Прутомъ, соединиться съ австрійцами, для совмѣстныхъ дѣйствій уже за Дунаемъ. Однако, планъ этотъ не былъ исполненъ въ кампанію 1787 года, которая ознаменовалась лишь блестящею побѣдою Суворова подъ Кинбурномъ. Ахтырскій полкъ зимовалъ въ этомъ году въ Елисаветградѣ, гдѣ была и главная квартира дѣйствующей армій. Всю зиму обѣ воюющія стороны готовились къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя должны были начаться раннею весною слѣдующаго 1788 года. Зима прошла спокойно, если не принимать въ расчетъ незначительныхъ стычекъ съ татарами въ окрестностяхъ Ольвіополя и между Днѣстромъ и Бугомъ. Въ половинѣ мая всѣ войска стянулись къ Ольвіополю, и Ахтырскій полкъ по новому расписанію, назначенъ былъ въ первую дивизію князя Рѣпнина, въ отрядъ князя Юрія Долгорукова. Рѣшено было взять Очаковъ, какъ пунктъ, постоянно угрожавшій спокойствію Крыма и дававшій возможность туркамъ волновать крымскихъ татаръ и закубанскихъ горцевъ Кавказа.

Къ этому времени относится воззваніе Императрицы Екатерины, обращенное къ боярамъ и духовенству Придунайскихъ княжествъ: „Великое наше желаніе",– говорилось въ этомъ возваніи,—исторгнуть вѣрующіе народы во Іисуса Христа, избавить православныя греческія церкви отъ неистоваго ига Агарянъ, ихъ угнетающаго. Двѣ наши сильныя арміи исходятъ теперь на пораженіе вѣчнаго врага христіанскаго. Вскорѣ войска оныя вступятъ въ ваши предѣлы, исженутъ турокъ и утвердятъ вашу безопасность. Дѣянія прошедшей войны свѣжи еще въ памяти вашей. Съ тѣмъ же порядкомъ и любовью и нынѣ придетъ воинство наше. Вожди онаго суть наши фельдмаршалы: графъ Румянцевъ-Задунайскій и князь Потемкинъ-Таврическій, человѣколюбіе и справедливость коихъ вы довольно знаете. Господа бояре и земскіе власти, соберитесь единодушно и идите на встрѣчу

нашимъ полкамъ; ополчите храбрыя войска земли вашей и содѣйствуйте всѣми вашими силами нашему оружію на пораженіе повсемѣстно турокъ".

1 іюля войска прибыли, наконецъ, къ Очакову и приступили къ осадѣ [1]). Очаковъ, примыкая восточной стороною къ морю со всѣхъ остальныхъ сторонъ былъ обнесенъ высокимъ валомъ, бастіоннаго начертанія, со рвомъ, достигавшимъ 25 футовъ глубины; обширная эспланада вокругъ крѣпости защищалась съ поля десятью люнетами, соединенными между собою также земляным валомъ; впереди этого вала цѣлая линія рогатокъ; обширные сады и виноградники окружали крѣпость и представляли отличное закрытіе, которымъ турки пользовались для безнаказной стрѣльбы по нашимъ передовымъ постамъ. При такихъ условіяхъ легкой кавалеріи, конечно, дѣлать было нечего, и вся ея дѣятельность ограничивалась только незначительными стычками на аванпостахъ. 14 октября заложена была, наконецъ, брешь батарея и черезъ нѣсколько дней пожары обратили весь городъ въ груду развалинъ; огромный провіантскій магазинъ погибъ въ пламени; все пространство внутри крѣпости, а также между нею и Гассанъ-пашинскимъ замкомъ, было совершенно разрушено. Войска рвались на штурмъ, но Потемкинъ не хотѣлъ жертвовать людьми и надѣялся, что непріятель, потерявъ всѣ средства къ защитѣ, сдастся на капитуляцію. Между тѣмъ наступила глубокая осень; было холодно, выпалъ, наконецъ, глубокій снѣгъ, а войска все стояли подъ Очаковымъ и не видѣли конца осады. Конница буквально, можно сказать, была истреблена постояннымъ ненастьемъ и голодомъ. Морская вода производила страшную болѣзненность, но еще хуже этихъ невзгодъ отзывалась на непривычныхъ кавалерійскихъ лошадяхъ тяжелая служба въ упряжкѣ; ежедневно назначались наряды отъ каждаго эскадрона по нѣсколько лошадей для перевозки громоздкихъ осадныхъ орудій. Все это привело къ тому, что въ одномъ Ахтырскомъ полку во время этой памятной осады пало 399 лошадей. Полковникъ кн. Куракинъ, какъ человѣкъ богатый и видимо заботившійся о своемъ полку, купилъ на собственныя деньги 130 лошадей, заплативъ за нихъ около четырехъ тысячъ рублей; но остальныхъ достать рѣшительно было негдѣ. Самъ Куракинъ, наконецъ, тяжко заболѣлъ и выѣхалъ въ Москву въ годовой отпускъ, а командиромъ полка назначенъ былъ полковникъ Сабуровъ [2]).

Такъ какъ не было никакой надежды на доставку фуража, то Потемкинъ распорядился оставить отъ каждаго кавалерійскаго полка только по одному эскадрону, а всѣ остальные отправить на поправку въ свои штабъ-квартиры. 9-го ноября Ахтырскій полкъ направился въ Ахтырку, куда прибылъ черезъ мѣсяцъ, оставивъ одинъ эскадронъ подъ Очаковымъ. Этому-то эскадрону и пришлось, наконецъ, дождаться паденія крѣпости. Шестаго декабря Очаковъ былъ взятъ штурмомъ; но конница въ немъ почти не участвовала, оставленная въ резервѣ для прикрытія батарей, на случай вылазки турокъ. На долю офицеровъ этого эскадрона и достались учрежденные за штурмъ

---

[1]) См. планъ осады Очакова.
[2]) См. приложеніе 12.

Очакова золотые кресты, на Георгіевской лентѣ, съ надписью „За службу и храбрость“.

Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1789 года остальные эскадроны Ахтырскаго полка получили приказаніе вновь выступить изъ Ахтырки и слѣдовать въ составъ дѣйствующей арміи. Теперь обѣ арміи, Екатеринославская и Украинская, соединились въ одну, принявшую названіе „Соединенной Южной арміи“, подъ общимъ начальствомъ князя Потемкина-Таврическаго. Ахтырскій полкъ назначенъ былъ въ пятую дивизію генералъ-лейтенанта Гудовича, состоявшую изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, четырехъ донскихъ, и легконныхъ: Ахтырскаго, Острогожскаго, Павлоградскаго и Украинскаго при двадцати орудіяхъ; дивизія эта расположилась у Кинбурна, на самомъ мѣстѣ славной Суворовской битвы, и имѣла назначеніемъ защищать Очаковъ отъ покушеній на него непріятеля. Здѣсь Ахтырскому полку пришлось простоять всю кампанію въ полномъ бездѣйствіи. Хотя Гудовичъ въ это время и предпринялъ покореніе Гаджи-бея (нынѣшней Одессы), но Ахтырскому полку не довелось участвовать въ этомъ походѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Ахтырку, не слыхавъ ни одного боеваго выстрѣла, и простоялъ на зимнихъ квартирахъ до мая 1790 года. Вообще, 2-я турецкая война оглашалась только громами Суворовскихъ побѣдъ; войска же главной арміи проводили время въ безконечныхъ движеніяхъ взадъ и впередъ по Новороссіи. Досадно было Ахтырскому полку, съ его боевою славою, участвовать въ этомъ безцѣльномъ хожденіи отъ Ахтырки къ Днѣпру и къ берегу Чернаго моря, а оттуда обратно — въ Ахтырку, ни разу не помѣрявшись своими силами съ непріятелемъ. Но еще большее горе ожидало его въ 1790 году, когда, въ маѣ мѣсяцѣ, онъ прибылъ съ зимовыхъ квартиръ на правый берегъ Днѣпра, гдѣ ему пришлось, хотя и не надолго, утратить свое славное историческое имя.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовало сформированіе нѣсколькихъ конно-егерскихъ полковъ, (идея была взята у французовъ), представлявшихъ собою только видоизмѣненіе драгунъ. Конно-егерскіе полки такъ же, какъ и драгунскіе, должны были состоять изъ десяти эскадроновъ, съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ нужды они могли дѣйствовать самостоятельно, не требуя поддержки ни отъ пѣхоты, ни отъ кавалеріи. Сильный составъ полка, по мнѣнію Потемкина, представлялъ еще ту выгоду, что, будучи приданъ отряду вмѣсто двухъ полковъ, имѣлъ одного начальника, одну, такъ сказать, душу. Жребій быть переформированнымъ въ конные егеря палъ на Харьковскій легко-конный полкъ; но, чтобы привести его въ десяти эскадронный составъ, къ нему присоединили весь нашъ Ахтырскій полкъ, составившій въ общемъ составѣ Харьковскаго конно-егерскаго полка шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый эскадроны. Какъ самобытная единица, Ахтырскій полкъ на время перестаетъ существовать въ русской кавалеріи; но, тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ жить своею собственною внутреннею жизнью; онъ даже не утратилъ своего собственнаго командира, полковника Сабурова, оставшагося командовать въ Харьковскомъ полку послѣдними пятью эскадронами, и только отчасти подчинялся командиру харьковцевъ, считавшемуся

по новымъ штатамъ шефомъ полка [1]). Даже отчетности и требованія Ахтырскіе эскадроны составляли отдѣльно, хотя они и представлялись по начальству вмѣстѣ съ харьковскими. Это было, впрочемъ, вполнѣ естественно, такъ какъ и Харьковскій и Ахтырскій полки находились въ разныхъ отрядахъ. Харьковскій подъ именемъ уже конно-егерскаго, вошелъ въ составъ главной арміи, въ число кавалерійскихъ полковъ князя Голицына, составивъ вмѣстѣ съ Елисаветградскимъ и Переяславскимъ конно-егерскими полками бригаду генералъ-маіора Дунина; Ахтырскій-же полкъ находился въ корпусѣ, составлявшемъ лѣвое крыло арміи, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-аншефа барона Меллера-Закамельскаго; этотъ корпусъ предназначался для обороны южныхъ частей Бессарабіи и противодѣйствія непріятелю на нижнемъ Дунаѣ. Въ росписаніи войскъ этого корпуса вовсе не показанъ Ахтырскій полкъ, можетъ быть, потому, что самое имя Ахтырскаго полка было упразднено, но что онъ былъ именно здѣсь—объ этомъ свидѣтельствуютъ мѣсячные рапорты полка, гдѣ говорится, что полкъ въ продолженіе всей кампаніи 1790 года находился въ корпусѣ лѣваго крыла барона Меллера-Закамельскаго, въ части князя Григорія Семеновича Волконскаго, въ бригадѣ генералъ-маіора Кассаковскаго.

Военныя дѣйствія начались только въ сентябрѣ когда барону Меллеру приказано было взять крѣпость Килію, лежавшую при устьѣ Дуная. Онъ подошелъ къ крѣпости 4 октября и обложилъ ее съ сѣверной стороны, расположившись въ двухъ верстахъ отъ ея передовыхъ окоповъ; самыя укрѣпленія крѣпости состояли изъ замка, обнесеннаго окопами, и ретраншамента, прикрывавшаго подступы съ поля. 6-го октября ретраншаментъ былъ взятъ штурмомъ, но при этомъ самъ Меллеръ-Закамельскій получилъ смертельную рану, и начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ Гудовичъ. Конница принимала въ осадѣ небольшое участіе; крѣпость сдалась 18-го октября, вслѣдствіе удачнаго дѣйствія нашихъ осадныхъ батарей.

По взятіи Киліи, часть кавалеріи, а въ томъ числѣ и Ахтырскій полкъ, отправлены были къ Бендерамъ; весь же остальной корпусъ Гудовича пошелъ къ Измаилу. Дѣйствія Гудовича подъ этой крѣпостью были, какъ извѣстно, совершенно неудачны; на мѣсто его прибылъ Суворовъ и взялъ Измаилъ штурмомъ. Ахтырскій полкъ при этомъ не участвовалъ,—онъ стоялъ уже на зимнихъ квартирахъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, а оттуда въ февралѣ 1791 года передвинутъ былъ на правый берегъ Прута, въ мѣстечко Дорогое, гдѣ былъ расположенъ и Харьковскій полкъ. Съ этого момента Ахтырцы дѣйствуютъ уже вмѣстѣ съ Харьковскимъ полкомъ, хотя въ частной жизни и продолжаютъ носить еще свое собственное имя.

Только 29 іюня 1791 года послѣдовалъ, наконецъ, Высочайшій указъ объ окончательномъ переименованіи Харьковскаго полка въ конно-егерскій, съ присоединеніемъ къ нему и полка Ахтырскаго.

Между тѣмъ, въ декабрѣ того же 1791 года турецкая война окончилась, а вмѣстѣ съ ней миновала, повидимому, и надобность въ конно-егерскихъ полкахъ, большинство которыхъ указомъ 5 января

---

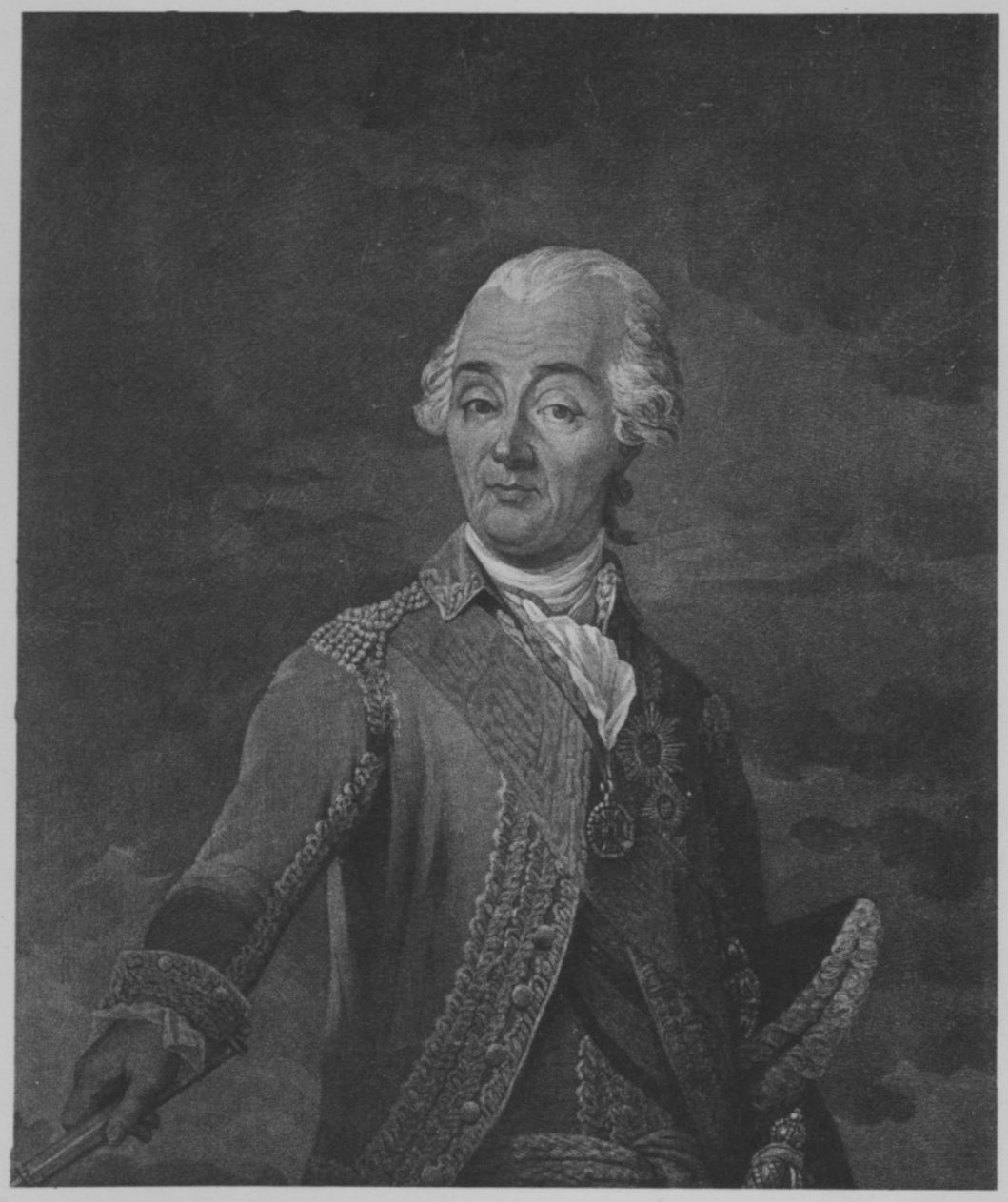
[1]) Е. Альбовскій. „Исторія Харьковскаго полка".

1792 г. были упразднены. Такимъ образомъ, Ахтырскіе эскадроны снова отдѣлились отъ Харьковскаго полка и образовали прежній легко-конный полкъ подъ начальствомъ стараго своего командира Сабурова. Всю эту ломку, превращавшую полкъ то въ конно-егерей, то опять въ легкоконныхъ, ахтырцы пережили въ Молдавіи, въ м. Дорогомъ, гдѣ были расположены, какъ мы уже сказали, на широкихъ квартирахъ, въ составѣ корпуса князя Волконскаго. Но не успѣли еще ахтырцы устроить свое новое полковое хозяйство, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ получено было повелѣніе готовиться къ новому походу. Турецкая война окончилась,—начиналась война польская.

Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній видно, что командиръ полка бригадиръ Сабуровъ получилъ за труды, понесенные во вторую турецкую войну, орденъ св. Владиміра 4-ой степени.

Сохранился еще аттестатъ Дерибаса выданный Ахтырскаго полка Корнету Александру Райковичу „что онъ въ 28 день іюня во время пораженія непріятеля при Мачинѣ, будучи при мнѣ былъ много разъ и въ опаснѣйшія мѣста посыланъ съ приказаніями и всегда исполнялъ то такъ похвально, что достойно заслуживаетъ почтенъ быть между отличившимися въ томъ дѣлѣ господами оберъ-офицерами“.

Болѣе подробныхъ извѣстій, объ отличіяхъ другихъ офицеровъ, до насъ не дошло.



Генералиссимусъ Свѣтлѣйшій князь Италійскій

графъ Суворовъ Рымникскій.

Изъ коллекціи П. Я. Дашкова.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

IX.

1792—1796.

События, предшествовавшія второму раздѣлу Польши.—Вступленіе въ Польшу русскихъ войскъ.—Бой у Дубенки.—Занятіе Варшавы и второй раздѣлъ Польши.—Первые признаки возстанія.—Неудачныя дѣла подъ Скальмержемъ и при Рославицахъ.—Варшавская рѣзня.—Отступленіе Тормасова и бой подъ Щекоциномъ.—Осада Варшавы.—Побѣда подъ Маціовицами и плѣненіе Косцюшки.—Появленіе на театрѣ войны Суворова.—Ахтырцы на штурмѣ Праги.—Капитуляція польской арміи.—Два года мирной стоянки полка.—Извѣстіе о кончинѣ Императрицы Екатерины.

Весною 1792 года Русская армія, только что окончившая турецкую войну и расположенная въ Бессарабіи, готовилась къ возвращенію на родину. Ожидали только прибытія курьера изъ Петербурга. Онъ наконецъ прибылъ,—но привезъ приказаніе итти не въ Россію, а къ границамъ Польши, гдѣ политическія обстоятельства сложились такъ, что вызывали неотложное вмѣшательство русской императрицы. Самобытность Польши видимо клонилась уже къ своему закату, и польскій сеймъ едва-ли сознавалъ то, что дѣлалъ, разрывая дружбу съ своею могущественною сосѣдкою. Договоръ 1775 года, опредѣлявшій взаимныя отношенія двухъ государствъ, былъ ею разорванъ. Договоромъ этимъ Польша обязывалась имѣть постоянную дружбу съ Россіей, ручавшейся въ неприкосновенности ея конституціи, утвержденной съ обоюднаго согласія, на основаніи старинныхъ правъ и привиллегій Рѣчи Посполитой. Положено было, чтобы избирательный образъ правленія оставался неизмѣннымъ, чтобы въ королевское достоинство возводились только потомки Пяста, и чтобы диссидентамъ предоставить свободу богослуженія, съ правомъ занимать всѣ государственныя должности и посылать депутатовъ на сеймъ.

Подъ щитомъ Екатерины Польша 12 лѣтъ наслаждалась глубокой тишиною, столь рѣдкой въ ея исторіи. Но мечта о возможности освободиться отъ неизбѣжнаго вліянія сосѣдей, скоро заразила опять безпокойные умы поляковъ, и они поспѣшили воспользоваться тѣмъ, что Турція и Швеція объявили войну Россіи. На этой войнѣ поляки и основали свои надежды возвратить свою утраченную золотую вольность. Первымъ нарушеніемъ дружбы и добраго согласія съ Россіей былъ отказъ сейма открыть свободный пропускъ русскимъ войскамъ черезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Бессарабію; предложеніе Екатерины заключить оборонительный союзъ противъ Турціи, одинаково грозившей обоимъ государствамъ, было также отвергнуто сеймомъ, который, увеличивъ польскую армію съ 30-ти до ста тысячъ, подвинулъ ее къ предѣламъ Россіи. Но самымъ главнымъ нарушені-

емъ союза съ нашимъ дворомъ Екатерина считала постановленіе сейма о наслѣдствѣ польской короны, по смерти Станислава-Августа не въ домѣ Пястовъ, а въ домѣ курфирста Саксонскаго, что уже противорѣчило прямымъ интересамъ Россіи. Новая конституція, объявленная 3-го мая 1791 года, вызвала въ самой Польшѣ страшную междоусобицу, какую еще никогда не испытывала эта страна. Объявивъ протестъ противъ опредѣленія сейма, Феликсъ Потоцкій, Северинъ Ржевусскій и другія знатныя лица составили конфедерацію въ Подольскомъ городкѣ Торговицахъ, и обратились къ русскому двору съ просьбой о защитѣ старинныхъ правъ польскаго народа, и о спасеніи его отъ тѣхъ бѣдствій, которыми угрожали ему учредители новаго порядка.

При такомъ положеніи дѣлъ Императрица считала торговицкую конфедерацію единственнымъ законнымъ правительствомъ Польши, и для поддержанія ея повелѣла своей арміи, расположенной въ Бессарабіи, подъ командой генералъ-аншефа Каховскаго, вступить въ предѣлы Польши. Она уже убѣдилась, что не будетъ конца тревогамъ ея Имперіи, пока безпокойный сосѣдъ не потеряетъ послѣднихъ средствъ вредить намъ, и безповоротно рѣшила возвратить Польшу въ первобытное ея состояніе, въ которомъ находилась она до соединенія съ Литовскимъ княжествомъ. Одновременно съ нашими войсками должна была вступить въ Польшу и прусская армія, поставившая себѣ задачей отторженіе отъ Польши Рданска и Торуня. Ни о какихъ уступкахъ поляки не хотѣли думать, готовясь къ рѣшительному отпору,—и вопросъ о самобытности Польши долженъ былъ разрѣшиться мечемъ.

Въ началѣ мая 1792 года шестидесяти-тысячная русская армія выступила изъ Яссъ, раздѣленная на четыре корпуса, двигавшіеся по разнымъ дорогамъ. Ахтырскій легкоконный полкъ, находившійся во 2-мъ корпусѣ генерала Дунина, перешелъ черезъ Днѣстръ, составлявшій тогда границу Польши, у м. Сороки и направился къ Немирову противъ центра непріятельской арміи; въ то же самое время, другіе наши корпуса обходили ее справо и слѣва. Слабѣйшіе числомъ, дурно управляемые и еще хуже того дисциплированные, поляки нигдѣ не осмѣливались вступить съ нами въ серьезный бой и отступали за Бугъ. Подолія, Волынь и Литва находились теперь въ нашихъ рукахъ [1]). 26-го іюня былъ занятъ нами Владиміръ-Волынскъ, и генералъ-аншефъ Каховскій главнокомандующій южной арміи назначилъ переправу черезъ Бугъ у дер. Кладнева, лежавшей у самой австрійской границы. Поляки не защищали переправу. Войска перешли черезъ Бугъ, частью вплавь, частью по понтонному мосту, и расположились ночевать на противоположномъ берегу его у дер. Дубенки, въ трехъ верстахъ отъ непріятельской позиціи. Эта позиція была сильна отъ природы и кромѣ того укрѣплена фортификаціонными сооруженіями. Ее занималъ восьми-тысячный отрядъ подъ начальствомъ извѣстнаго Тадеуша Косцюшки, способнѣйшаго изъ польскихъ генераловъ, на которомъ покоились надежды Рѣчи Посполитой. Каховскій рѣшилъ атаковать непріятеля на слѣдующій день. Въ три часа по

[1]) См. схему. Военныхъ дѣйствій 1794.

полудни 7 іюля войска выступили изъ лагеря тремя колоннами: въ правой шли: легкоконные полки Ахтырскій и Харьковскій, Сѣверскій карабинерный и Воронежскій гусарскій; въ лѣвой: Елизаветградскій конно-егерскій, Кіевскій карабинерный и Ольвіопольскій гусарскій; среднюю колонну составляли два полка пѣхоты со всею артиллеріею. Когда войска приблизились на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ непріятельскимъ батареямъ, послѣднія открыли огонь. Тогда Каховскій выдвинулъ впередъ двадцати-орудійную батарею, подъ прикрытіемъ гренадерскаго полка, а за ними во второй линіи сталъ генералъ Марковъ со всею конницею. Скоро подоспѣла пѣхота Дунина и тотчасъ направлена была для атаки лѣваго крыла непріятеля. Въ то же время Елизаветградскій конно-егерскій полкъ устремился на правый флангъ и съ налета взялъ одну за другою три батареи. Разстроенные взятіемъ шанцевъ и атакованные свѣжими силами, конно егеря были опрокинуты,—но на помощь къ нимъ уже неслись Ахтырскій и Харьковскій легкоконные полки; за ними, на рысяхъ двигалась остальная кавалерія. Завязался жестокій кавалерійскій бой, и поляки обращены были въ бѣгство. Весь отрядъ Косцюшки разсѣялся. Изъ мѣсячныхъ отчетовъ полка видно, что въ 4-мъ эскадронѣ убито въ дѣлѣ подъ Дубенкой 12 лошадей и 4 рядовыхъ [1]).

Это было послѣднее сраженіе Каховскаго съ польскими войсками. Разбитыя, онѣ отступили къ Люблину и сдали намъ этотъ городъ безъ боя. Въ Варшавѣ поднялась тревога. Напрасно приверженцы конституціи 3-го мая распускали слухъ, что Порта опять объявила войну Россіи, что Франція разбила союзныя войска и идетъ на защиту Польши. Слухамъ этимъ никто не вѣрилъ, и задорный тонъ, съ которымъ говорили до сихъ поръ поляки, началъ падать все ниже и ниже, по мѣрѣ того, какъ приходили изъ арміи вѣсти одна другой хуже: пораженіе Косцюшки, занятіе литовскихъ воеводствъ, извѣстія что прусскія войска уже подвигаются къ польскимъ предѣламъ, наводили на Варшаву ужасъ, и самъ примасъ королевства, въ торжественномъ засѣданіи маршаловъ сейма, говорилъ открыто, что имъ не остается ничего болѣе, какъ пожертвовать для спасенія отечества конституціею 3-го мая. Король Станиславъ-Августъ присталъ къ этому мнѣнію и подписалъ декларацію, что присоединяется къ торговицкой конфедераціи, въ надеждѣ, какъ онъ выражался, что исполнивъ предложенія Императрицы Екатерины, доставитъ странѣ желаемое спокойствіе. Примѣру короля послѣдовало большинство сановниковъ. Но не всѣ одинаково смотрѣли однако же на дѣло примиренія съ союзниками. Едва послѣдовалъ указъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, какъ многіе генералы, во главѣ съ Косцюшкой, подали въ отставку и уѣхали, частью въ Саксонію, а частью во Францію и въ Австрію. „Пусть русскіе торжествуютъ,—говорилъ Игнатій Потоцкій,—я утвер-

[1]) Федоръ Ищенко, Иванъ Скляровъ, Лаврентій Переборовъ и Иванъ Котовъ. Въ подробномъ описаніи сраженія при Дубенкѣ, помѣщенномъ въ прибавленіи къ № 66 СПБ. Вѣдомостей 1792 г. упоминается объ участіи въ дѣлѣ только двухъ полковъ Елизаветградскаго и Харьковскаго; но что Ахтырскій полкъ участвовалъ вмѣстѣ съ Харьковскимъ, на это указываетъ, какъ планъ сраженія 7 іюля, приложенный къ сочиненію Смита: „Суворовъ, и паденіе Польши" часть 1-я, такъ и потеря, понесенная 4-мъ эскадрономъ. Объ остальныхъ эскадронахъ свѣдѣній не имѣется. Въ послужныхъ спискахъ офицеровъ полка упоминается объ участіи ихъ въ этомъ дѣлѣ, см. приложеніе 12.

ждаю, что мы счастливо выйдемъ изъ войны съ Россіею; и если русскіе не будутъ побѣждены, то будутъ вырѣзаны всѣ вдругъ тогда, когда не будутъ совсѣмъ того ожидать". Такъ была брошена первая мысль о коварномъ нападеніи на русскихъ,—мысль, которая, развиваясь постепенно, разрѣшилась, какъ увидимъ, кровавою Варшавскою рѣзнею.

Между тѣмъ, пока шли переговоры о собраніи генеральнаго сейма для соединенія двухъ враждовавшихъ до сихъ поръ конфедерацій, Каховскій съ десяти-тысячнымъ корпусомъ, въ составъ котораго вошелъ и нашъ Ахтырскій легкоконный полкъ, двинулся впередъ и 19-го августа, подъ предлогомъ охраненія внутренняго порядка страны, занялъ Варшаву. Внезапное появленіе въ столицѣ иностранныхъ войскъ, какъ разъ послѣ печальнаго исхода кампаніи, казалось всѣмъ уже окончательнымъ покореніемъ Польши. Варшава ждала Каховскаго съ тревогою. Никто изъ поляковъ не думалъ скрывать своихъ опасеній, на счетъ новаго раздѣла Польши, и наши войска были приняты жителями, съ худо скрываемою ненавистью. Напрасно Каховскій и Булгаковъ, тогдашній полномочный министръ въ Варшавѣ, старались разсѣять эти опасенія. Имъ никто не вѣрилъ, да и сами они сознавали въ душѣ, что тучи, такъ долго висѣвшія надъ Польшей, должны разразиться новою катастрофою. Гдѣ въ это смутное время стоялъ Ахтырскій полкъ—неизвѣстно, такъ какъ мѣсячные рапорты, съ обычнымъ указаніемъ квартирнаго расположенія, не сохранились, и есть только отрывочныя свѣдѣнія, что полкъ получалъ довольствіе изъ Мазовецкаго воеводства, собирая его путемъ реквизицій, что вело за собою безпрерывныя столкновенія между войсками и народомъ. Взаимныя отношенія, и безъ того натянутыя, обострялись еще болѣе слухами о тайныхъ переговорахъ, которыя ведутся между Россіею и Пруссіею, а отъ этихъ переговоровъ Польша разумѣется не могла ожидать для себя ничего хорошаго. Войска стояли, какъ на угольяхъ. Такъ наступилъ 1793-й годъ. Готовясь къ рѣшительному шагу, Екатерина замѣнила Булгакова, въ качествѣ полномочнаго министра, старымъ дипломатомъ Яковомъ Федоровичемъ Сиверсомъ, а на мѣсто Каховскаго главнокомандующимъ войсками въ Польшѣ назначенъ былъ генералъ Игельштромъ, человѣкъ необразованный, грубый и заносчивый. Трудно даже понять, почему выборъ Императрицы, рѣдко ошибавшейся въ людяхъ, остановился именно на Игельштромѣ; да и дальнѣйшія событія показали, что онъ вовсе не былъ способенъ къ той роли, которую возлагала на него Государыня. Оба они, и Игельштромъ и Сиверсъ, имѣли точныя, опредѣленныя инструкціи относительно будущей судьбы Польши, но оба хранили объ этомъ глубокое молчаніе. Тайна раздѣла должна была открыться внезапно, чтобы отнять у поляковъ всѣ способы и средства оказать какое-либо сопротивленіе. Войска окружали Варшаву и готовы были двинуться туда, куда потребуютъ обстоятельства. Насталъ, наконецъ, и этотъ давно ожидаемый день, памятный въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи. И вотъ, 27 марта 1793 года, въ мѣстечкѣ Полонномъ, Волынской губерніи, внезапно обнародованъ былъ отъ имени Императрицы актъ, по которому присоединялись къ Россіи отъ Польши древнія, давно утраченныя ею, области: Во-

лынская, Подольская и Минская, съ трехъ милліоннымъ населеніемъ. Пруссія получила воеводство Великопольское съ Гданскомъ и Торунемъ. Поляки, угрожаемые съ двухъ сторонъ, не могли сопротивляться, и Гродненскій сеймъ 11 іюля 1793 года утвердилъ это постановленіе. Такъ окончила свое существованіе Польско-Литовская Рѣчь Посполитая. За потерею земель, отошедшихъ къ Россійской Имперіи и къ Прусскому королевству, остальная часть Польши, заключавшая въ себѣ всего 4000 кв. миль, была теперь фактическимъ достояніемъ Россіи, только съ извѣстными признаками провинціальной автономіи. Титулъ короля еще оставался, но власть его, какъ справедливо выразился нашъ полномочный министръ, была ниже власти Тверскаго генералъ губернатора. Въ то же самое время военныя силы Польши, сообразно съ потребностями новыхъ ея границъ и матеріальными средствами самого государства, положено было уменьшить до 14.000 ч., а остальныя затѣмъ или распустить по домамъ, или соединить съ русскими. Само собою разумѣется, поляки не могли помириться сразу съ новымъ своимъ положеніемъ, и должны были произойти попытки съ цѣлью возвратить Польшѣ самостоятельность. Въ Варшавѣ обнаруживались явные признаки, что Польша готовится къ чему-то особенному, важному, а между тѣмъ, съ нашей стороны никакихъ мѣръ, на случай возможнаго возмущенія въ городѣ, не предпринималось; ограничились тѣмъ, что къ Варшавѣ придвинули нѣсколько полковъ, и въ томъ числѣ Ахтырскій легко-конный, расположившійся въ городскомъ предмѣстьѣ—Прагѣ.

Глухое броженіе давно уже замѣчалось повсюду, но одно неожиданное происшествіе ускорило взрывъ. Генералъ Игельштромъ предписалъ нѣкоторымъ начальникамъ польскихъ войскъ ускорить роспускъ ихъ, согласно постановленію Гродненскаго сейма. Большая часть генераловъ повиновалась, но одинъ изъ нихъ Мадалинскій, командовавшій конною бригадою, не послушался повелѣнія и, присоединивъ къ себѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, вошелъ въ ту часть Польши, которая по второму раздѣлу принадлежала Пруссіи, и занялъ окрестности Остроленки. Тамъ онъ разбилъ нѣсколько прусскихъ отрядовъ, разграбилъ казначейство и, ежеминутно усиливаясь новыми войсками, двинулся на Краковъ. Это было уже открытое возстаніе. Игельштромъ тотчасъ выслалъ изъ Варшавы на перерѣзъ движенію мятежниковъ—небольшой отрядъ: баталіонъ пѣхоты, два эскадрона Ахтырскаго полка и казачій полкъ Денисова. Но русскимъ не удалось ни догнать его, ни преградить ему путь. Казачій полкъ, не болѣе какъ въ 150 коней, шелъ по слѣдамъ Мадалинскаго, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы предпринять что-нибудь противъ его отряда силою до трехъ тысячъ человѣкъ. Денисовъ ограничился тѣмъ, что занялъ мѣстечко Коневъ и здѣсь дождался генерала Тормасова, который вскорѣ подошелъ съ остальными войсками. Мадалинскій былъ наконецъ настигнутъ; но, поддержанный на самой границѣ новыми войсками, вышедшими изъ Кракова, самъ бросился на Тормасова и, по польскимъ источникамъ, разбилъ его на голову, а по словамъ Денисова,—„Тормасовъ сразился съ Мадалинскимъ не безъ успѣха, но какъ былъ слабъ, то ничего важнаго предпринять

противъ него не могъ и остался малымъ доволенъ“ [1]). Дѣло это произошло 20 марта 1794 года при мѣстечкѣ Скальмержѣ, или подъ Хельмомъ, какъ его называютъ полковые документы. Никакихъ подробностей объ этомъ дѣлѣ не сохранилось, но изъ мѣсячныхъ отчетовъ видно, что въ Ахтырскомъ полку захвачены въ плѣнъ корнетъ Грекуловъ и кадеты Шереметцовъ и Мѣдяниковъ.

Черезъ два дня послѣ этого дѣла Мадалинскій занялъ Краковъ, гдѣ встрѣченъ былъ сочувственными овaціями всего населенія, украсившаго свои дома польскими флагами. Косцюшко, прибывшій сюда нѣсколькими днями раньше Мадалинскаго, провозглашенъ былъ диктаторомъ республики и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа. Въ тотъ же день, окруженный всѣми патріотами, онъ отправился въ ближайшій костелъ капуциновъ и тамъ передъ открытымъ алтаремъ, монахи освятили ихъ сабли. Опасаясь, что мятежъ, поднятый Мадалинскимъ, можетъ распространиться по Польшѣ, Игельштромъ отправилъ генерала Денисова, приказавъ ему соединить всѣ войска, находившіяся по близости Краковской границы, въ одинъ отрядъ, и принять надъ нимъ начальство. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли изъ Варшавы еще два эскадрона Ахтырскаго полка, которые вмѣстѣ съ двумя другими эскадронами и казачьимъ полкомъ Денисова, бывшими у Тормасова, составили въ отрядѣ всю конницу. Скоро однако присоединились къ ней еще два эскадрона карабинеръ и казачій полкъ Орлова. Мадалинскій въ это время уже вышелъ изъ Кракова и стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, верстахъ въ десяти отъ города, куда подходили къ нему все новыя и новыя подкрѣпленія. Считая весь этотъ отрядъ простою рухавкой, которая должна была разсѣяться при одномъ взмахѣ казацкой сабли, храбрый и израненный въ бояхъ Денисовъ рѣшилъ немедленно истребить Мадалинскаго, но ему пришла несчастная мысль раздѣлить свой отрядъ на двѣ части и это то повело за собою такую катастрофу, которая имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу цѣлой кампаніи.

Приказавъ генералу Тормасову съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ $2^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ конницы [2]), казачьяго полка Денисова и 12 орудій,—наступать на лагерь Мадалинскаго; самъ Денисовъ съ остальными войсками двинулся влѣво, чтобы кружнымъ путемъ зайти ему въ тылъ и отрѣзать отъ Кракова. Косцюшко во время узналъ о той опасности, которая грозила Мадалинскому, и самъ привелъ къ нему на помощь еще семь баталіоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ народовой конницы и 11 пушекъ. Кромѣ того, къ нему подошло еще нѣсколько конныхъ отрядовъ вольныхъ польскихъ шляхтичей и болѣе двухъ тысячъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками и косами. Такимъ образомъ, силы Косцюшки почти въ четыре раза превышали силы Тормасова, и польскій военачальникъ, не колеблясь, рѣшилъ разбить русскія войска по частямъ. 24-го марта Косцюшко и Тормасовъ встрѣтились у д. Рацлавицы [3]). Казаки, бывшіе впереди отряда, первые открыли движеніе непріятеля и завязали съ нимъ бой

---

[1]) Записки Денисова. Рус. Стар. т. 10.

[2]) Въ эскадронахъ число людей не превышало 80 ч. въ каждомъ.

[3]) См. планъ сраженія при д. Рославицѣ.

Скоро подошелъ и Тормасовъ. Онъ желалъ тотчасъ атаковать противника, отдѣленнаго отъ насъ глубокою лощиной и занявшаго сильную позицію на высокой горѣ, примыкавшей слѣва къ большому и густому лѣсу. Намъ предстояло спуститься внизъ подъ огнемъ непріятеля, потомъ перейти долину и затѣмъ опять подниматься на гору. Нѣкоторые начальники находили атаку эту рискованной и совѣтовали Тормасову остановиться на занятыхъ имъ высотахъ, дождаться появленія Денисова, и тогда уже спуститься внизъ и атаковать непріятеля. Это было безспорно лучшее рѣшеніе задачи, но Тормасова смущало то, что о Денисовѣ не было никакихъ извѣстій, а между тѣмъ ему не хотѣлось отдать починъ нападенія въ руки непріятеля. Атака такимъ образомъ, была рѣшена, но Тормасовъ сдѣлалъ ту же ошибку въ которой упрекалъ Денисова. Онъ также раздѣлилъ свой небольшой отрядъ на двѣ части, приказавъ батальону пѣхоты и казачьему полку Денисова спуститься внизъ и итти прямо черезъ лѣсъ, чтобы внезапнымъ появленіемъ на флангѣ непріятеля облегчить ему успѣхъ фронтальной атаки. Отрядъ этотъ, порученный въ команду подполковника Пустовалова, благополучно миновалъ лѣсъ, встрѣчая въ немъ только небольшія одиночныя патрули противника. Но едва онъ сталъ выдвигаться изъ опушки, какъ былъ внезапно атакованъ сильною польскою конницею. Произошла рукопашная схватка. Подъ командиромъ казачьяго полка, маіоромъ Денисовымъ лошадь была буквально изрублена, и самъ онъ получилъ три сабельныя раны Все это показывало, что непріятель будетъ биться сильно и мужественно, а потому Пустоваловъ, видя скопленіе противъ себя значительныхъ силъ, послалъ просить подкрѣпленія. Тормасовъ выслалъ къ нему всю свою конницу, подъ командою полковника Муромцева. Онъ отбросилъ поляковъ но этимъ и ограничилось участіе конницы въ боѣ на этомъ участкѣ, такъ какъ Муромцевъ не могъ долѣе здѣсь оставаться. Тормасовъ самъ въ это время начиналъ атаку, и Муромцевъ, оставивъ въ распоряженіи Пустовалова только два эскадрона Ахтырцевъ, съ остальною конницею поспѣшилъ назадъ, чтобы помочь главной колоннѣ. Такимъ образомъ, два наши слабые отряда, разобщенные къ тому же глухимъ и бездорожнымъ лѣсомъ, предоставлены были каждый своимъ собственнымъ силамъ. Костюшко искусно воспользовался этой ошибкой и съ большею частью своихъ силъ бросился на Тормасова, оставивъ противъ Пустовалова только сильный заслонъ изъ пѣхоты и конницы. Пустоваловъ, однако, самъ перешелъ въ наступленіе. Видя, что польская пѣхота, посланная атаковать насъ, остановилась передъ картечнымъ огнемъ, Денисовъ схватилъ два эскадрона Ахтырцевъ, вмѣстѣ со своими казаками и врѣзался во флангъ ея, а Пустоваловъ, въ то же время ударилъ въ штыки съ егерями. Опрокинутый непріятель поспѣшно отступилъ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ, и нашъ отрядъ, выйдя изъ лѣсу, занялъ, наконецъ, позицію на флангѣ непріятеля.

„Въ это время,—говоритъ Денисовъ въ своихъ запискахъ,—слышна была сильная пальба у генерала Тормасова. Я говорю слышна, потому, что мы лѣсомъ были такъ раздѣлены, что не могли видѣть другъ друга, ибо лѣсъ былъ большой, густой и высокій. Но гора, съ которой мы пошли въ атаку, была видна хорошо, и мы скоро

увидѣли, что наши опрокинутыя войска опять бѣгутъ на ту же самую гору. Тогда же, съ противной стороны отъ насъ, вдали, показалась кавалерія, во весь опоръ скакавшая къ мѣсту сраженія. Мы догадались, что это была кавалерія Муромцева. Соединиться съ нею намъ было однако нельзя, потому что насъ раздѣляла цѣлая непріятельская линія,—да намъ и не было времени; весьма сильная пѣхота тотчасъ опять атаковала насъ, а конница скакала въ обходъ. Въ это время подполковникъ Пустоваловъ былъ убитъ, егеря его смѣшались, и большая часть ихъ была истреблена поляками, а остальные бѣжали въ лѣсъ. Я съ малымъ числомъ своей кавалеріи, трафя на прежнюю дорогу, то же сдѣлалъ. Непріятель гнался за нами черезъ весь лѣсъ и только темная ночь остановила погоню. Отрядъ нашъ совершенно разсѣялся, и, чтобы собрать людей, я послалъ небольшія команды, приказавъ имъ легкимъ свистомъ окликать и направлять всѣхъ на гору, гдѣ прежде стояли. Самъ я поспѣшилъ впередъ, дабы скорѣе соединиться съ Тормасовымъ, котораго нашелъ на горѣ съ весьма небольшимъ числомъ его войска".

У Тормасова дѣло сначала пошло успѣшно. Народовая конница не выдержавшая нашей атаки, бѣжала. Тогда Костюшко сосредоточилъ всѣ свои силы и, выдвинувъ впередъ косиньеровъ, бросился на русскихъ. Поляки насѣли на наши орудія. Русскіе которыхъ было значительно меньше, и въ моментъ атаки поляковъ они находились въ узкой долинѣ гдѣ не удобно было двигаться и маневрировать. Тормасовъ приказалъ пробиваться штыками, но поляки наступали такъ рѣшительно, что русскіе не выдержали ихъ натиска. Гренадерскій баталіонъ графа Томатиса, смѣшался и былъ разсѣянъ поляками. Видя это Тормасовъ выдвинулъ впередъ роту Углицкаго полка, но и эта рота была увлечена бѣжавшимъ батальономъ. Полковникъ Муромцевъ съ четырьмя эскадронами (изъ коихъ два ахтырскіе), бросился на непріятеля, чтобы спасти свою пѣхоту, но былъ убитъ во время атаки [1]). Въ этотъ несчастный день мы потеряли только одними убитыми двухъ штабъ-офицеровъ (Муромцева и Пустовалова), 10 оберъ-офицеровъ и 425 нижнихъ чиновъ. О раненныхъ и плѣнныхъ свѣдѣній не имѣется. На долю Ахтырскаго полка потеря выпала сравнительно еще незначительная: убиты поручикъ Колокольцевъ; старшіе вахмистры: Коломейцевъ и Глущенко, младшій вахмистръ Овсянниковъ, капралъ Ребниинъ и 16 рядовыхъ; въ плѣнъ взято восемь человѣкъ въ томъ числѣ старшій вахмистръ Шевейковъ. Лошадей убито 65 и пало отъ тяжелыхъ ранъ 33, и отъ легкихъ 11 [3]).

Генералъ Денисовъ, получивъ извѣстіе о неудачѣ Тормасова, вынужденъ былъ остановить свое обходное движеніе и, возвратиться назадъ. Онъ во всемъ винилъ генерала Тормасова „Тормасову,—говорилъ онъ, надо было занять удобное мѣсто и ожидать пока не появлюсь я съ обходною колонною; если же непріятель атаковалъ бы его раньше, то, стоя въ крѣпкой позиціи и имѣя достаточное число артиллеріи, онъ всегда могъ отразить нападеніе, и тогда гибель Кос-

---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой т. 11.

[3]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 214 кн. форм. сп. №, 124. Въ отчетѣ цифра убитыхъ лошадей показана за 20 и 24 число вмѣстѣ.

тюшки стала бы несомнѣнной“ [4]). Чтобы поправить ошибку, Денисовъ хотѣлъ немедленно атаковать поляковъ, но Костюшко, удовольствовавшись побѣдой, уже отсупилъ и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у м. Промника, не вдалекѣ отъ Кракова. Туда каждый день подходили новыя толцы крестьянъ-косиньеровъ, подвозилось оружіе, и тысячи рукъ спѣшили воздвигать укрѣпленія. Атаковать такую позицію слабому отряду Денисова было невозможно.

Почти въ это же время получено было извѣстіе, что запасный эскадронъ ахтырцевъ, слѣдовавшій къ полку изъ своихъ непремѣнныхъ квартиръ, изъ г. Ахтырки, подвергся на пути нападенію непріятеля и потерялъ одними плѣнными 10 человѣкъ, въ томъ числѣ трехъ вахмистровъ и трехъ каптенармусовъ. Но по какому распоряженію двигался этотъ эскадронъ къ полку, гдѣ, когда, и при какихъ условіяхъ произошло нападеніе, — никакихъ свѣдѣній не имѣется. Мѣсячный отчетъ показываетъ только число взятыхъ въ плѣнъ, но не говоритъ ничего—были ли убитые и раненые [1]).

Эти первые успѣхи поляковъ оказали чрезвычайно важное нравственное вліяніе на поддержку возстанія. Къ этому прибавилось то обстоятельство, что народовая конница, составленная исключительно изъ дворянъ, и при томъ важнѣйшихъ родовъ, позорно бѣжала съ поля сраженія, и битва выиграна была толпой косиньеровъ, — тѣхъ презрѣнныхъ хлоповъ, которыхъ считали не способными, и даже недостойными чести нести военную службу. Все это приходилось по душѣ Костюшкѣ, и первый удачный опытъ употребленія въ бою косиньеровъ, далъ ему мысль развить въ широкихъ размѣрахъ народную войну противъ русскихъ. Между тѣмъ вѣсть о неудачѣ москалей, превращенная стаустой мечтой въ пораженіе пронеслась по краю съ быстротою молніи и произвела такое впечатлѣніе, что даже тѣ, которые не вѣрили въ возможность возстанія, теперь стали приставать къ революціи. Вся Польша представляла изъ себя одинъ громадный заговоръ, къ которому пристало и войско. А Игельштромъ между тѣмъ не только не принималъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ города, но даже не вѣрилъ въ возможность появленія Костюшки въ Краковѣ, считая его все еще скитающимся гдѣ то далеко за границею. Онъ ограничился тѣмъ, что ввелъ въ Варшаву нѣсколько баталіоновъ пѣхоты; но они разбросаны были имъ по цѣлому городу и даже не поддерживали между собою связи. На Прагѣ также стояли войска, и въ томъ числѣ одинъ эскадронъ ахтырцевъ, но полякамъ стоило только уничтожить мостъ, чтобы лишить ихъ возможности дать помощь тѣмъ, которые находились въ Варшавѣ.

Въ такомъ расположеніи застала наши войска роковая ночь съ 5-го на 6-ое апрѣля. Казалось, что въ городѣ все было спокойно, все спало глубокимъ предразсвѣтнымъ сномъ, и только въ освѣщенныя окна православной церкви, пріютившейся въ какомъ-то палацѣ, видно было какъ человѣкъ 500 русскихъ солдатъ молилось у заутрени. Былъ великій четвергъ страстной недѣли, и баталіонъ Кіевскаго полка,

---

[4]) Записки Денисова. Рус. Стар. т. 10.

[1]) О прибытіи запаснаго эскадрона къ полку можно судить и потому, что на штурмѣ Праги Ахтырскій полкъ показанъ уже въ шести-эскадронномъ составѣ.

приведенный въ церковь, готовился къ святому причастію за раннею обѣдней. Пробило три часа, какъ вдругъ зловѣщій гулъ набата огласилъ всю Варшаву, и толпы черни, заранѣе подготовленныя сапожникомъ Килинскимъ, бросились на русскихъ солдатъ съ ружьями, ножами и косами. Солдаты захвачены были врасплохъ. Часть Кіевскаго полка, находившаяся въ церкви, была перебита безоружною; другая часть, вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ, захвачена въ плѣнъ. Поляки врывались въ дома и рѣзали всѣхъ, русскихъ попадавшихся подъ руку. Только тѣ войска, которыя расквартированы были близъ дома главнокомандующаго, успѣли собраться на тревогу, а остальныя, не получая ни отъ кого никакихъ приказаній, штыками проложили себѣ дорогу и вышли изъ Варшавы. За ними ушелъ и самъ главнокомандующій съ остатками своихъ войскъ, Части стоявшія на Прагѣ, также отступили къ Модлину. Кровавый день этотъ стоилъ русскимъ убитыми 2265 человѣкъ, и плѣнными 160 офицеровъ и 1600 нижнихъ чиновъ. Въ Ахтырскомъ эскадронѣ, стоявщемъ въ Прагѣ, были захвачены въ плѣнъ: поручики Пятницкій Черневскій и Райковичъ, корнеты: Алексѣевскій, Зимовичъ и Шумицкій; [1]) вахмистры: Кичка, Кременецкій, Радуцкій, Огурцовъ и Лемпицкій, капралъ Боярскій, каптенармусъ Наролинъ и девять рядовыхъ; лошадей убито и брошено за тяжкими ранами 22. Только черезъ нѣсколько дней Игельштромъ успѣлъ собрать всѣ разсѣявшіяся части и сталъ съ ними у Ловича.

Подробныя извѣстія о рѣзнѣ въ Варшавѣ приведенныя очевидцемъ ихъ графомъ Николаемъ Зубовымъ произвели порядочную панику въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ. Игельштромъ немедленно былъ отозванъ, и на мѣсто его назначенъ генералъ-поручикъ баронъ Ферзенъ, но съ подчиненіемъ его генералъ-аншефу князю Репнину, которому поручались всѣ войска, расположенныя въ Литвѣ и Польшѣ. Одновременно съ этимъ графъ Румянцевъ получилъ начальство надъ южною арміею, и выдвинулъ два корпуса, подъ начальствомъ графа Суворова-Рымникскаго, къ Брестъ-Литовску, что бы не допустить мятежниковъ проникнуть въ наши предѣлы. „Ваше сіятельство, писалъ онъ Суворову, были всегда ужасомъ поляковъ и турокъ... Ваше имя одно подѣйствуетъ на духъ непріятеля и тамошнихъ обывателей больше нежели многія тысячи... [2]). Но несмотря на это, роль Суворову представлялась только второстепенная. Инструкція изъ Петербурга предписывала ему дойти только до Брестъ-Литовска и, утвердясь въ немъ наинадежнѣйшимъ образомъ, озаботиться заготовленіемъ провіанта для корпусовъ Дерфельдена, дѣйствовавшаго въ Литвѣ, и Ферзена въ Польшѣ. Такое назначеніе, конечно, не могло удовлетворить Суворова. „Невѣжды петербургскіе, писалъ онъ, не могутъ дать правилъ россійскому Нестору (Румянцеву); одни его повелѣнія для меня священны... Мнѣ погодить о себѣ публиковать, что бъ оставалось въ запасѣ нѣчто нечаянности до перваго побіенія, коли благословитъ Богъ... Время драгоцѣннѣе всего.

---

[1]) Всѣ эти офицеры возвратились были въ полкъ послѣ взятія Праги; возвратился также и корнетъ Грекуловъ, захваченный въ плѣнъ подъ Скальмержемъ; относительно нижнихъ чиновъ свѣдѣній не найдено.

[2]) Петрушевскій. „Генералиссимусъ князь Суворовъ".

Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Мнѣ поспѣшать надлежитъ къ сторонѣ Бреста, но не для магазейнъ-вахтерства". Онъ ясно намѣчалъ себѣ весь планъ предстоящей кампаніи, и сразу ставилъ цѣлью своихъ дѣйствій не Брестъ, а Варшаву, съ паденіемъ которой должна было окончиться и возстаніе.

Но пока Суворовъ шелъ къ своей намѣченной цѣли, посмотримъ, что происходило въ Польшѣ.

Освобожденіе Варшавы отъ русскихъ войскъ было поводомъ къ безпредѣльной радости патріотовъ. Всѣ ликовали, пѣли вновь сочиненныя патріотическія пѣсни, прославляли свое мужество, изумлялись собственнымъ своимъ успѣхамъ. Воображали, что Польша, еще недавно находившаяся въ такомъ униженномъ положеніи, теперь воскресла, и для нее наступила эпоха возрожденія. Костюшко сдѣлался идоломъ революціонной партіи. Послѣ побѣды подъ Рацлавицами и Варшавской рѣзни, всѣ были убѣждены, что Костюшко не замедлить истребить слабый отрядъ Денисова, державшійся еще въ окресностяхъ Кракова, и, такимъ образовъ, изгонитъ окончательно русскихъ изъ Польши. Костюшко и самъ былъ убѣжденъ въ возможность освободить „ойчизну" однѣми польскими силами, и не хотѣлъ терять времени даромъ. Дѣйствуя съ главнымъ корпусомъ между р. Пилицей и г. Опатовымъ, онъ постарался окружить Денисова со всѣхъ сторонъ, и двинулъ въ тылъ ему войска изъ Люблина и Кракова. Денисовъ отступилъ къ Сташову. Угрожаемый, однако, и здѣсь Косцюшкою, располагавшимъ уже 26-ти тысячнымъ корпусомъ, онъ вынужденъ былъ продолжать отступленіе на Щекоцынъ, куда въ тоже самое время шли и прусскія войска, подъ личнымъ начальствомъ короля Фридриха Великаго, 26-го мая союзники соединились и тотчасъ же рѣшили атаковать Костюшку, занявшаго между тѣмъ крѣпкую позицію передъ Щекоцыномъ. Прусаки вступили въ бой прямо съ похода и развернулись вправо, а корпусъ Денисова—влѣво [1]). Вся конница послѣдняго, въ томъ числѣ и четыре эскадрона Ахтырскаго полка, расположились на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Вотъ какъ Денисовъ описываетъ отъ бой: [2]).

„Сраженіе,—говоритъ онъ, началось въ серединѣ пѣхотою. Наши шли, какъ стѣна, не останавливаясь и не подаваясь назадъ; непріятель скоро былъ потревоженъ, но держался; начальники ихъ скакали во всѣ стороны съ примѣтною торопливостью. Громъ пушекъ, стрѣльба ружей и военные крики заглушали слухъ. Въ это время вся непріятельская конница гордо и отважно выдвинулась противъ нашей кавалеріи. Наши полки также тронулись впередъ и разомъ пошли въ атаку. Непріятель сдѣлалъ тоже самое". По словамъ Денисова обѣ стороны слетѣлись и остановились на такой дистанціи, что только-только не могли рубиться саблями. Русскіе, однако, ободрились первыми, бросились впередъ, и опрокинутый непріятель былъ вогнанъ ими въ середину бѣгущей пѣхоты. Поляки, разбитые на голову, укрылись въ лѣсу, но король Прусскій остановилъ войска и не пошелъ преслѣдовать. Это спасло Костюшку, который, потерявъ

---

[1]) См. планъ сраженія при Щекоцынѣ.

[2]) „Записки Денисова". Рус. Старина т. XI.

въ битвѣ двухъ генераловъ, болѣе тысячи солдатъ и восемь орудій, успѣлъ отступить къ Опатову, и оттуда, черезъ Кѣлецкіе лѣса, пробрался въ Радомъ. Союзники между тѣмъ продолжали стоять у Щекоцына, и только 9-го іюня, когда въ лагерь прибылъ генералъ Ферзенъ, назначенный на мѣсто Игельштрома, двинулись, наконецъ, по слѣдамъ непріятеля. Но Костюшки въ Радомѣ уже не было: онъ переправился черезъ р. Пилицу у м. Варни и благополучно дошелъ до Варшавы.

Скудные офиціальные документы, и тѣ мемногія, крайне отрывочныя свѣдѣнія, которыя имѣлись въ нашемъ распоряженіи, не даютъ возможности прослѣдить дѣйствія Ахтырскаго полка за этотъ періодъ времени, и намъ остается только помѣстить ихъ такъ, какъ они сохранились въ мѣсячныхъ отчетахъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что за дѣло 20-го, (въ отрядѣ Тормасова) поручикъ Ахтырскаго полка Федоръ Ризенко произведенъ въ ротмистры; другой офицеръ, корнетъ Осипъ Ризенко, послѣ дѣла 28-го апрѣля (слѣдовательно при отступленіи Денисова къ Сташеву), отправленъ за тяжкими ранами въ Плоцкій военный госпиталь и произведенъ въ поручики; старшій вахмистръ Григорій Дзюбинъ за отличіе въ сраженіи (но въ какомъ не извѣстно) произведенъ въ корнеты; и наконецъ, въ дѣлахъ 28 апрѣля, 21 [1]) и 26-го мая [2]) въ Ахтырскомъ полку убито 20 лошадей и брошено искалѣченныхъ пушечными ядрами 10. Къ этимъ свѣдѣніямъ можно добавить только, что за все это время пять рядовыхъ Ахтырскаго полка пропали разновременно безъ вѣсти, и двѣ лошади ранены на пикетѣ.

Поляки поняли, однако, намѣреніе Ферзена, и, подъ начальствомъ Адама Понинскаго, успѣли преградить ему путь на Вислѣ. Такимъ образомъ переправу нужно было брать съ боя, а это было дѣломъ не легкимъ, когда всѣ мосты и паромы были уничтожены поляками. Къ счастью Ферзену удалось обмануть бдительность своего противника и переправиться у Козеницъ, гдѣ сторожили его сравнительно слабыя силы. Денисовъ разсказываетъ, что два казачьихъ полка, получивъ приказаніе атаковать батарею, расположенную на гомъ берегу, сняли съ себя мундиры, сбросили съ лошадей сѣдла, и съ одними дротиками въ рукахъ, вдругъ вылетѣвъ изъ лѣса, съ отчаяннымъ гикомъ, ринулись въ Вислу. Поляки такъ оробѣли, что бросили пушки и обратились въ бѣгство [3]). Переправа совершилась безъ малѣйшаго препятствія [4]) и стоила намъ только нѣсколькихъ человѣкъ утонувшихъ, въ числѣ которыхъ находился и рядовой Ахтырскаго полка Забіяка.

Къ этому надо добавить, что при перестрѣлкахъ, происходившихъ со времени отступленія отъ Варшавы, въ полку исключено 12 лошадей убитыми и павшими отъ ранъ.

Допустивъ русскихъ перейти черезъ Вислу, Понинскій уже не могъ остановить движеніе Ферзена и далъ знать объ этомъ Костюшкѣ, который самъ прискакалъ изъ Варшавы и принялъ начальство надъ

---

[1]) Метицовъ и Глевантинъ.
[2]) Щекоцынъ.
[3]) Записки Денисова. „Рус. ст.“. Т. XI.
[4]) См. планъ переправы.

войскомъ. Противники встрѣтились 29-го сентября подъ Маціовицами [1]).

Пока колонна генерала Денисова, отряженная вправо, заходила въ тылъ непріятеля, главныя силы Ферзена построились въ боевой порядокъ, причемъ два легкоконные полка, Ахтырскій и Харьковскій, вмѣстѣ съ шестью батальонами пѣхоты образовали вторую линію, подъ командой генерала Рахманова. Бой начался общимъ наступленіемъ русской пѣхоты; но поляки не только мужественно выдержали первый напоръ ея, но даже сами попытались перейти въ наступленіе. Къ счастью въ эту минуту вдругъ послышалась пальба въ колоннѣ у Денисова, и все вниманіе Костюшки невольно обратилось въ ту сторону. Ферзенъ искусно воспользовался этимъ моментомъ и атаковалъ Мацеовицы. Въ тоже самое время 2-я линія Рахманова, двинутая въ обходъ черезъ плотины, вышла въ тылъ непріятеля, — и Мацеовицы были окружены. Пока пѣхота брала штыками окопы, Ахтырцы и Харьковцы тѣснили толпы смѣшавшихся поляковъ, производя въ рядахъ ихъ страшное опустошеніе. Наконецъ, польская кавалерія первая обратилась въ бѣгство и увлекла за собою пѣхоту. Тогда Ахтырцы, Харьковцы и казаки устремились въ погоню. Въ этомъ общемъ смятеніи Костюшко отдѣлился отъ прочихъ, и, настигнутый нѣсколькими нашими всадниками, былъ раненъ и захваченъ въ плѣнъ. Кто взялъ Костюшку,—объ этомъ существуетъ цѣлая литература, основанная, впрочемъ, на показаніяхъ лицъ непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Фрезенъ между тѣмъ пишетъ прямо [2]), что Костюшку захватили корнеты: Харьковскаго полка Федоръ Лысенко, Елизаветградскаго конно-егерскаго Владиміръ Смородскій, Ахтырскаго легкоконнаго Павелъ Пономаревъ,—и казаки: Федоръ Топилинъ и Николай Лосевъ. Этотъ документъ избавляетъ насъ отъ всякой полемики, и мы, опираясь на него, можемъ сказать, что честь взятія Костюшки въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ, какъ Харьковцамъ, такъ и нашимъ Ахтырцамъ [3]) *).

---

[1]) См. планъ сраженія при Маціовицахъ.

[2]) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 200, св. 52 № 13.

[3]) Зап. по Ист. Воен. иск. въ Россіи. Вып. II, часть II профессоръ Масловскій на стр. 473: Костюшку съ его штабомъ замѣтки Ахтырскаго полка. Корнетъ Пономаревъ съ нѣсколькими рядовыми (Семеномъ Чернышевымъ, Саргѣемъ Ларинскимъ Харвизскаго легкоконнаго поручикъ Потѣбсекій и корнетъ Федоръ Лысенко. Послѣдній, видя старавшагося спастись Костюшку, два раза нанесъ ему саблею несмертныя раны и захватилъ его въ плѣнъ,

*) Мѣстность южнѣе болотистой рѣчки Окрошенки вплоть до берега Вислы, куда переправилась русская армія и гдѣ разыгралось сраженіе 29 сентября, болотиста и покрыта кустарникомъ. Въ восточномъ участкѣ, въ окрестностяхъ деревень: Папротно, Стрыха, Годишъ и Жичинь проходилъ лѣсъ. Замѣтныя возвышенности шли по правому берегу рѣки Окрошенки, а на лѣвомъ была значительная высота только у дер. Орене и Мацеовицкаго замка, командовавшая всею окрестною низменностью, нѣсколько возвышенною къ сторонѣ дороги Стрыхъ—Годишъ. Подступы къ Мацеовицкой возвышенности разобщались сплошнымъ болотомъ сѣвернѣе дороги Ухочъ и Ковенчинъ—Стрыхъ. Наступленіе къ западу отъ дороги Павловичи и Ухочъ на замокъ Мацеовицы было крайне стѣснено: р. Вислою, болотистымъ устьемъ Окрошенки, запруженной между мѣстечкомъ Мацеовицами и замкомъ въ двухъ мѣстахъ, и болотами Ухочъ—Ковенчинъ. Кромѣ того, это направленіе выводило на самую сильную часть позиціи, на укрѣпленный замокъ съ прочно обезпеченнымъ правымъ флангомъ. Восточное направленіе на дер. Папротно—Ороне было гораздо удобнѣе, но требовало очень серьезныхъ мѣръ для прикрытія мостовъ у Голендры. Самая важная выгода позиціи на высотѣ замка заключалась въ томъ, что, укрѣпивъ высоты, обороняющійся, при атакѣ только со стороны Папротно, могъ своевременнымъ переходомъ въ наступленіе атаковать русскую армію при развертываніи изъ лѣса, а при направленіи атаки съ запада въ двухъ направленіяхъ, т. е. отъ Ухоча и Стрыха, въ первомъ случаѣ—захватить мостъ, а во второмъ

Потеря въ Ахтырскомъ полку, подъ Мацеовицами была не велика: пропали безъ вѣсти вахмистръ Самусъ и рядовой Сѣряцкій, да было убито и брошено за ранами 25 лошадей. Ферзенъ за эту побѣду получилъ Георгія 3 ст., а изъ числа ахтырцевъ: ротмистръ Петръ Ризенко произведенъ въ секундъ-майоры: князь Марковичъ, Бедряга князь Кастріотъ-Дрекаловичъ въ премьеръ-майоры.

Узнавъ 4 октября о побѣдѣ Ферзена, Суворовъ, находившійся уже въ Брестѣ, задумалъ исполнить свой планъ движенія къ Варшавѣ и приказалъ именемъ Императрицы итти для соединенія съ нимъ какъ Дерфельдену, дѣйствовавшему тогда въ Литвѣ, такъ и Ферзену. Послѣдній соединился съ нимъ 14-го октября подъ Станиславовымъ. Суворовъ немедленно сдѣлалъ смотръ вновь прибывшему корпусу. Нѣкоторые полки, какъ напримѣръ Ахтырскій, встрѣчались съ нимъ уже въ турецкихъ войнахъ и на Кубани, а потому знали его хорошо; другіе поступали подъ его команду въ первый разъ, но и для нихъ онъ не былъ человѣкомъ новымъ, какъ и для всей русской арміи. Суворовъ приказалъ тотчасъ же разослать въ полки свой военный катехизисъ, который долженъ былъ читаться солдатамъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Читали его и наши ахтырцы, и твердо знали то, что требовалъ отъ кавалеріи Суворовъ:

„Непріятель насъ не чаетъ, считаетъ за сто верстъ, а мы на него, какъ снѣгъ на голову. Закружится у него голова. Атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ! Конница начинай! Руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай! Ура! Чудеса творятъ братцы! „Конница обыкновенно врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ,—только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду, какъ пѣхота,—кони на поводахъ, казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ, конница, гони, руби! Конница займется, пѣхота не отстанетъ“...

опираясь на свой сильный правый флангъ, разбить дебуширующія войска по частямъ. Крупный недостатокъ позиціи Костюшки—неимѣніе свободнаго пути отступленія. Дороги отъ замка шли на дер. Полецъ-Ласкаржевъ, внѣ праваго фланга, но почти перпендикулярно позиціи, а на лѣвомъ—на Ороне, Годишъ, Корытницу въ Желехово—параллельно фронту. Прямаго сообщенія съ дер. Соболевою, откуда шли дороги и на Желехово, и на Ласкаржевъ, не было, и по всѣмъ даннымъ, Костюшко, занятый укрѣпленіемъ фронта, ничего не успѣлъ сдѣлать для связи съ тыломъ—дер. Соболевою. Вслѣдствіе этого, другой важный недостатокъ позиціи—незначительная глубина ея—подвергала польскую армію не только огромнымъ потерямъ, но, главное, требовала *той нравственной стойкости*, которой не могли имѣть ея молодыя войска. Какъ увидимъ, Мацеовицкое сраженіе затянулось, и русская артиллерія имѣла случай обстрѣливать позицію сравнительно продолжительное время,—около 2—3 часовъ.

Ферзенъ, по окончаніи переправы у Голендры, получивъ извѣстіе, что почти равносильная ему армія Костюшки (съ Понинскимъ), до 15,000 находится у Корытницы, отправился лично на рекогносцировку. На пути онъ получилъ донесеніе, что непріятель перешелъ къ замку Мацеовицы и оттѣснилъ наши посты въ направленіи на Ухочъ. Ферзенъ, отправивъ туда подкрѣпленіе, едва успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью Стрыхъ—Ухочъ и вернулся назадъ, не имѣя понятія о мѣстности на правомъ флангѣ Костюшки. Послѣдній между тѣмъ занялъ высоту у Мацеовицы, укрѣпилъ замокъ, прикрылъ фронтъ четырьмя, а лѣвый флангъ—двумя сильными люнетами.

Корпусъ *Ферзена* состоялъ изъ 23-хъ батальоновъ пѣхоты, 39 эскадроновъ конницы, 43-хъ орудій полевой артиллеріи и четырехъ слабыхъ казачьихъ полковъ, всего около 12,000 человѣкъ, а съ казаками не больше *13.000—14.000*. Войска подраздѣлялись: *на боковой авангардъ* генералъ-майора *Денисова* (въ составѣ $2^1/_2$ егерскихъ батальоновъ, мушкатерскаго и одного конно-егерскаго (10 эскадроновъ) полковъ, 10 орудій полевой артиллеріи и пяти казачьихъ полковъ; всего до 3,000 пѣхоты, до 1,000 конницы, а съ казаками до 5,000) и *главныя силы*, подъ личнымъ начальствомъ Ферзена, до 9,000. Денисовъ занималъ ночью съ 28-го на 29-е окрестности Павловичи, прикрывая со стороны Пулавы главныя силы, расположившіяся впереди моста въ линейномъ боевомъ порядкѣ. Оба его фланга были прикрыты егерями съ артиллеріей у Варгочина и Тырчина и съ фронта—передовыми постами около д. Ухочъ.

Ферзенъ, узнавъ отъ плѣнныхъ о намѣреніи непріятеля разбить русскихъ впереди Вислы до соединенія съ Суворовымъ, рѣшился, съ разсвѣтомъ 29-го сентября, самъ атаковать Костюшку. Для сего отдана была слѣдующая диспозиція:

Въ Станиславовѣ между тѣмъ получены были свѣдѣнія о непріятелѣ, и войска опять раздѣлились: Ферзенъ 15 октября пошелъ на Окуневъ, а Суворовъ въ Кобылкѣ, такъ какъ по слухамъ и тутъ и тамъ стояли сильные польскіе отряды, защищавшіе дорогу къ Варшавѣ. Ферзенъ не нашелъ непріятеля и на другой же день прибыль въ Кобылку, гдѣ Суворовъ 15 октября на голову разбилъ остатки литовскихъ войскъ Макроновскаго [1]).

„Отряды тронулись въ путь; въ серединѣ ночи, пройдя 14 верстъ, Суворовъ остановился на отдыхъ. Въ авангардѣ шелъ бригадиръ Исаевъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ, и съ 10 слабыми эскадронами Переяславскихъ конныхъ егерей. Исаевъ узналъ отъ крестьянъ, что въ Кобылкѣ инсургенты дѣйствительно находятся и что въ эту же самую ночь къ нимъ пришла подмога. Онъ остановился, послалъ Суворову донесеніе и спрашивалъ—не будетъ ли подкрѣпленія; Суворовъ приказалъ ему продолжать путь. Пошли густой чащей, а потомъ, не вдалекѣ отъ непріятеля, наткнулись на болотную мѣстность. Съ большими усиліями казаки и конные егеря одолѣли это препятствіе, особенно двигавшіяся въ хвостѣ колонны, и въ 6 часу 15 октября появились передъ непріятелемъ.

Поляки были расположены двумя линіями на равнинѣ, около $1^1/_2$ версты діаметромъ, окруженной лѣсомъ, который въ тылу позиціи тянулся густой чащей, прорѣзанной многими дорогами. Въ центрѣ ихъ расположенія стояла пѣхота, на флангахъ конница; фланги обстрѣливались, кромѣ того, пѣшими егерями, скрытыми по опушкѣ лѣса вмѣстѣ съ нѣсколькими орудіями. Было видно сразу, что непріятель гораздо многочисленнѣе русскаго авангарда, и дѣйствительно, поляковъ тутъ находилось тысячи три-четыре, а Исаевъ едва имѣлъ и полторы. Онъ все-таки произвелъ атаку немедленно, преимущественно на фланги, пренебрегая сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; причемъ особенно надоѣдали замаскированныя лѣсомъ батареи. Непріятель держался хорошо; нѣсколько смѣшалась и разстроилась только конница, пѣхота же осталась почти нетронутой. Въ это время прибылъ Суворовъ, опередивъ свой корпусъ. Замѣтивъ большое неравенство силъ, онъ послалъ приказъ слѣдовавшей за нимъ конницѣ—спѣшить не переводя духа. Конница бросилась впередъ и стала прибывать къ

Правому отряду Денисова, въ составѣ $4^1/_2$ батальоновъ, 10 эскадроновъ, 10 орудій и четырехъ казачьихъ полковъ (4,500—5,000), атаковать въ направленіи Папротно—Ороне.

Главныя силы: а) *львому флангу 1-й линіи,* подъ начальствомъ генералъ-майора *Тормасова,* въ составѣ *5-ти батальоновъ пѣхоты, 8-ми эскадроновъ и 23-хъ орудій* (до 2,500), атаковать высоты у Мацеовицкаго замка; б) *правому флангу 1-й линіи,* подъ начальствомъ генералъ-майора *Хрущева,* въ составѣ *5-ти батальоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ драгунъ и 10-ти орудій (до 3,000),* возстановить связь между колоннами Денисова и Тормасова, для чего заблаговременно обрекогносцировать и найти проходъ въ болотахъ сѣвернѣе отъ Ухочъ—Стрыхъ (о проходимости коихъ имѣлись свѣдѣнія), имѣя готовыя піонерныя команды для исправленія пути; 2-й линіи, подъ начальствомъ генералъ-майора *Рахманова,* въ составѣ *6-ти батальоновъ пѣхоты и 8-ми эскадроновъ конницы* (до 3,000), и резерву, подъ начальствомъ полковника *графа Толстого, $2^1/_2$ батальона егерей* и 3 э-на гусаръ (до 1,000) выстроиться: Рахманову за Тормасовымъ во 2-й линіи, а графу Толстому—въ 2-й линіи за Рахмановымъ. Иниціатива атаки, по диспозиціи, принадлежала Денисову (онъ „при разсвѣтѣ начнетъ атаку"), а лѣвая колонна—Тормасова, Рахманова и Толстого должны были одновременно атаковать со стороны дер. Ухочъ: „въ какое время (указано въ диспозиціи) корпусъ отъ стороны д. Ухочъ непріятеля атакуетъ".

Вагенбургъ и мосты оставались подъ прикрытіемъ всего двухъ эскадроновъ Воронежскихъ гусаръ, что объясняется полученными достовѣрными свѣдѣніями о присоединеніи Понинскаго къ Костюшкѣ, со стороны Пулавы. Главныя силы для движенія отъ мостовъ къ Ухочу приказано раздѣлить на двѣ колонны: *правая*—Хрущева и *лѣвая*—Тормасова; *2-я линія и резервъ* (войска Рахманова и Толстого) распредѣлены въ обѣ колонны въ строгой зависимости отъ принятаго способа построенія боевого порядка. Собственно правый флангъ 2-й линіи (три батальона Сибирскаго полка и Харьковскій легкоконный) шелъ въ хвостѣ правой колонны и былъ въ колоннѣ слѣва; прочія войска 2-й линіи (батальонъ Сибирцевъ, Новгородцы, Ахтырцы) и резервъ, въ порядкѣ развертыванія частей—въ хвостѣ лѣвой колонны, въ колоннѣ справа. Это служитъ образцомъ современнаго боевого характера и способа его развертыванія. Про этотъ-то боевой порядокъ Суворовъ и выразился: „боевой порядокъ настоящій *галло-тактическій Фолардовъ*" (см. планъ 66-й).

Денисовъ около д. Стрыхъ и главныя силы у Ухоча заняли мѣста еще до разсвѣта. Хрущевъ къ тому времени началъ движеніе черезъ болота сѣвернѣе Ухочъ—Ковенчинъ, по намѣченному и осмот-

[1]) См. планъ сраженія при Кобылкѣ.

полю сраженія, дефилируя на поляну какъ попало, не соблюдая очереди; каждый полкъ шелъ самъ по себѣ, стараясь лишь объ одномъ—прибыть поскорѣе. Какъ только прибывшіе эскадроны нѣсколько устроились, произведена атака. Исленьевъ врубился въ непріятельскую конницу лѣваго крыла, а также сбилъ и потопталъ часть пѣхоты; Шевичъ атаковалъ правый флангъ, опрокинулъ конницу и вогналъ ее въ лѣсъ. Поляки стали отступать двумя колоннами, съ замѣчательною стройностью и порядкомъ, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, но были настойчиво преслѣдуемы русской конницей, которая производила частыя атаки отовсюду, гдѣ только представлялась возможность. Пѣхоты еще не было; два батальона егерей только подходили.

Первая польская колонна, силою около тысячи человѣкъ, ретировалась по правой изъ лѣсныхъ дорогъ. Исленьевъ преслѣдовалъ ее, усиленный драгунами изъ резерва и батальономъ пѣшихъ егерей, нанесъ огромную потерю и заставилъ положить оружіе послѣ атаки спѣшенными драгунами".

„Вторая колонна была гораздо многочисленнѣе первой и двигалась по большой варшавской дорогѣ. Въ обходъ ей была послана значительная часть конницы съ однимъ изъ двухъ подоспѣвшихъ егерскихъ батальоновъ; отряду этому приказано—перехватить у поляковъ путь отступленія. Потомъ къ нему присоединились еще два казачьихъ полка, отряженные Ферзеномъ Польская колонна продолжала ретираду, усилившись уцѣлѣвшими остатками первой, разбитой Исленьевымъ. На пути лежала высота, хотя лѣсистая, но болѣе открытая, чѣмъ ближайшія окрестности. Поляки взобрались на нее и въ вдругъ увидѣли передъ собою русскую конницу и егерскій батальонъ съ пушками, которыя тотчасъ же и открыли огонь. Полякамъ приходилось и отбиваться и пробиваться; они стали жаркимъ артиллерійскммъ огнемъ очищать свой путь отступленія. Пальба эта продолжалась, однако, недолго, потому что русскіе произвели рѣшительный ударъ, въ которомъ приняли между прочимъ участіе и войска, загородившія полякамъ дорогу въ Варшаву. Но такъ какъ съ этой стороны дѣйствіе въ конномъ строю, по лѣсному характеру мѣста, было невозможно, то 4 эскадрона Маріупольскаго легко-коннаго полка и 2 эскадрона Глуховскихъ карабинеръ спѣшились и, о бокъ съ егерскимъ батальономъ ударили на непріятельскую пѣходу въ палаши и сабли. Поляки бились отчаянно и не сдавались; больше часа продолжалось побоище; плѣнныхъ было взято сравнительно мало: въ числѣ ихъ генералъ адъютантъ польскаго короля Бышевскій, раненый въ плечо. Спаслось немного.

рѣнному уже пути на Ороне. Къ этому времени, несомнѣнно, была измѣнена диспозиція въ томъ, что сигналомъ для атаки Денисова должна служить канонада въ отрядѣ Тормасова.

Какъ только войска лѣвой колонны, при которой былъ самъ Ферзенъ, развернулись, то выяснилось, что болотистые кусты у устья Окрошенки заняты польскими стрѣлками и, такимъ образомъ атакана замокъ въ направленіи дороги, обсаженной деревьями, обстрѣливалась фланговымъ огнемъ Кромѣ того, обнаружилась и сила позиціи на правомъ флангѣ. Вслѣдствіе этого, къ мѣстечку Мацеовичу былъ отряженъ резервъ Толстого, съ приказаніемъ очистить устье Окрошенки и ударить во фланга польскимъ егерямъ; затѣмъ открыта была канонада. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня Тормасовъ за нимъ 2-я линія Рахманова продвинулись впередъ къ началу дороги, обсаженной деревьями, а Денисовъ началъ развертываться у выхода изъ лѣса, съ цѣлью атаковать лѣвый флангъ поляковъ.

Бой на правомъ флангѣ начался контръ-атакою непріятельской конницы. Въ то время, какъ Денисовъ, имѣя во главѣ слабые казачьи полки, началъ развертывать свою пѣхоту, его атаковала конница Костюшки. Здѣсь, несомнѣнно, произошла не только задержка, но, весьма вѣроятно, и временной успѣхъ поляковъ: казаки по всѣмъ признакамъ не приняли атаки, но Смоленскіе драгуны, подъ нач. Депрерадовича, изъ колонны Хрущева, ударомъ во флангъ и тылъ польской конницы скоро не только обезпеили развертываніе пѣхоты Денисова, но и возстановили прочную связь его съ среднею колонною.

Хрущевъ съ войсками средней колонны, сформировавъ отъ всѣхъ полковъ команду охотниковъ, направилъ ихъ впередъ подъ начальствомъ Кіевскаго гренадерскаго полка полковника *Дашкова.* Благодаря предварительной рекогносцировкѣ путей, охотники безъ потери времени прошли болотистую мѣстность, открыли путь конницѣ и, какъ уже сказано, Хрущевъ успѣлъ тремя эскадронами Смоленцевъ подъ начальствомъ Депрерадовича, атаковать непріятеля во флангъ и тремя эскадронами того же полка — въ тылъ польскую конницу, обрушившуюся на Денисова. Пользуясь успѣхомъ, Денисовъ тотчасъ развернулся въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ центрѣ батарея капитана Оленина (10 орудій), по обѣ стороны которой—пѣхота *въ батальонныхъ колоннахъ, прикрытая съ фланга егерями.* Конница за лѣвымъ флангомъ, а казаки—за правымъ. Хрущевъ развернулъ свою колонну въ одну линію подъ угломъ къ Денисову, имѣя батарею на правомъ флангѣ и примыкая къ правому флангу Тормасова, оставшагося, однако, еще уступомъ назади. Въ этомъ положеніи войска находились около двухъ часовъ времени, ограничиваясь артиллерійскимъ огнемъ. Эта неожиданная остановка обусловливалась слѣдующимъ. Тормасовъ, видя неизбѣжную задержку въ движеніи Толстого, и чрезвычайную силу укрѣпленнаго

Такъ кончилось это небольшое, но кровопролитное дѣло. Къ концу его подоспѣла часть войскъ Фрезена, который не нашелъ въ Окуневѣ непріятеля и потому хотѣлъ подать помощь Суворову, но надобности въ этомъ не оказалось. Не учавствовала въ бою и большая часть войскъ самого Суворова, именно пѣхота, за исключеніемъ двухъ егерскихъ батальоновъ. Причиною тому была, во первыхъ, очень дурная дорога и болотистая мѣстность передъ Кобылкой: весьма трудный и безъ того путь сдѣлался совершенно непроходимымъ послѣ конницы, обратившей все въ жидкую грязь. Во вторыхъ, Суворовъ велъ дѣло особенно энергично, ибо близость Варшавы и предполагаемое сосѣдство Макроновскаго требовали спѣха, такъ что сраженіе продолжалось всего 5 часовъ. Онъ былъ правъ вполнѣ. Макроновскій, прибывшій къ Прагѣ 13 числа пополудни, послалъ къ Кобылкѣ подмогу, но посланный отрядъ, не дойдя 5 верстъ, повернулъ назадъ, вѣроятно опасаясь наткнуться на засаду или на слишкомъ сильнаго непріятеля.

Одна изъ колоннъ корпуса Макроновскаго была совершенно разбита, разсѣяна или взята въ плѣнъ, остальныя двѣ, хотя и съ потерями, пробрались въ Варшаву. Число сражавшихся съ той и другой стороны было почти одинаково, около 4000, такъ какъ у Суворова была въ дѣлѣ только конница и два батальона. Число плѣнныхъ поляковъ простиралось до 1073 человѣкъ: изъ этого можно судить объ общей ихъ потерѣ въ бою при Кобылкѣ. Русскіе, кромѣ того, взяли всю артиллерію у поляковъ (9 орудій) и единственное знамя; а сами потеряли не больше 200 человѣкъ и 600 лошадей убитыхъ и раненныхъ.

22 октября русскіе подошли къ Прагѣ въ составѣ 24—25 тысячъ, такъ какъ къ Суворову, кромѣ Ферзена, успѣлъ присоединиться и Дерфельденъ. 24 числа Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, а 25 числа Варшава сдалась на капитуляцію съ гарнизономъ въ 30 тысячъ человѣкъ, кромѣ вооруженныхъ жителей.

Результатомъ этой войны былъ 3-й раздѣлъ и окончательное паденіе Польши.

Переходя къ общему выводу относительно употребленія Суворовымъ конницы въ бою, считаемъ необходимымъ замѣтить, что иностранные писатели, воспитанные на ложной методикѣ веденія войны и боя, на рутинѣ линейной тактики и непремѣнныхъ обходахъ, желавшіе все на войнѣ подчинить извѣстнымъ правиламъ, не отдавали, а многіе и теперь не отдаютъ, должной справедливости этому великому полководству и всѣ его успѣхи приписываютъ удачѣ. Но постоянныя удачи сопровождаютъ дѣйствія только такихъ полководцевъ, которые умѣютъ приготовить для себя побѣду, для противника пораженіе.

„Кавалерійскія атаки подъ Брестомъ и подъ Кобылкой“, говоритъ г. Петрушевскій напоминаютъ, хотя и разной степени, такую же атаку Суворова подъ Ландцкоро-

---

праваго фланга, поручилъ Харьковскаго легкоконнаго полка майору Каменеву осмотрѣть устье Окрошенки выше Мацеовицъ. Здѣсь были замѣчены не вполнѣ испорченные мосты черезъ плотины, и Ферзенъ, по совѣщанію съ Тормасовымъ и Рахмановымъ, составилъ планъ охвата праваго фланга и тыла Костюшки. Для сего Рахмановъ, со второю линіею, назначался для обхода праваго фланга и атаки замка со стороны плотинъ и д. Полецъ (Поликъ), а Толстой долженъ былъ слѣдовать въ тылъ на д. Полецъ къ Соболево. Такимъ образомъ, польской арміи угрожало полное окруженіе, и до окончанія обхода—Денисовъ и Хрущевъ должны были удержаться отъ рѣшительной атаки, почему они перешли къ канонадѣ

Пока это новое распоряженіе сдѣлалось извѣстно генералу Денисову, послѣдній, однако, перешелъ въ рѣшительное наступленіе въ направленіи къ д. Ороне, подошелъ къ самой позиціи и хотя понесъ сравнительно большія потери, но этимъ и отвлекъ вниманіе Костюшки отъ его праваго фланга: послѣдній тогда только замѣтилъ окруженіе, когда было уже поздно исправить ошибку. Дѣйствія Рахманова и Сибирцевъ въ этотъ день безусловно замѣчательны. Безъ большихъ затрудненій и безъ выстрѣла, очистивъ штыками устье Окрошенки отъ стрѣлковъ, Рахмановъ прошелъ по быстро возстановленнымъ мостамъ и развернулся ниже деревни Полецъ. Командиръ Сибирскаго полка полковникъ Муромцевъ выслалъ свою полковую артиллерію, подъ прикрытіемъ команды охотниковъ (100 человѣкъ), для продольнаго обстрѣливанія плотины, быашей подъ огнемъ польской артиллеріи, поручилъ это майору Вимпфену. Затѣмъ остальныхъ охотниковъ, подъ командою капитана Руссо, назначилъ для штурма плотины, которую поляки не успѣли окончательно разрушить: а прочимъ батальоннымъ командирамъ полковой командиръ приказалъ искать переходъ черезъ болота Окрошенки у замка. Скоро въ разныхъ мѣстахъ были найдены удобные проходы и всѣ остальные батальоны Сибирцевъ и два батальона Новгородцевъ дружно атаковали правый флангъ поляковъ и съ тыла. Сообразуясь съ этимъ, Тормасовъ выдвинулся въ одну линію съ Хрущевымъ, и, войдя въ связь батальономъ Тучкова и Курскимъ полкомъ съ атакою Сибирцевъ дружно атаковалъ правый флангъ и фронтъ Мацеовицкой позиціи. Обходъ и атака съ фронта

ной, 22 года назадъ, кончившуюся пораженіемъ Дюмурье. Это показываетъ, что въ тактическихъ правилахъ Суворова была устойчивость, и что онъ поступалъ такъ не поминутному порыву. Въ этихъ пріемахъ, называемыхъ анти-тактическими, дѣйствовала не опрометчивость, а необходимое военное качество—смѣлость и съ нею трезвая осмотрительность. Пуская конницу въ атаку, Суворовъ непосредственно затѣмъ двигаетъ пѣхотныя части на ея поддержку. Не такъ поступаютъ люди, увлекаемые фантазіей и кидающіеся на непріятеля, очертя голову; не такъ дѣйствовали неразумные подражатели Суворова въ Польскую войну 1792 года и потому платились дорого. Наконецъ, для правильнаго освѣщенія дѣйствій Суворова, укажемъ еще на его непрерывныя, злыя атаки и на настойчивое (подъ Брестомъ) преслѣдованіе. Такой способъ дѣйствій ошеломлялъ непріятеля, не давалъ ему придти въ себя и успокоится, пока окончательно не подрывалъ его духа и физическихъ силъ, послѣ чего слѣдовали плѣнъ или смерть. Это ли не тактита?

Дѣло при Кобылкѣ, представляя собою, подобно предшествовавшимъ, наглядныя особенности Суворовской военной теоріи, имѣетъ еще одну характерную частность—атаку спѣшенной конницы на пѣхоту съ ударомъ въ сабли. Атака эта была вызвана, какъ мы видѣли, необходимостью—мѣстностью и отсутствіемъ пѣхоты; Суворовъ не задумался прибѣгнуть въ крайности къ такому необычному средству, и оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Практикуя часто на поляхъ сраженій пріемы, которые нельзя найти въ учебникахъ, онъ уже привыкъ къ нимъ и пріучилъ свои войска, но настоящій случай даже и ему казался заслуживающимъ особеннаго вниманія. „Если бы ты былъ при Кобылкѣ“, говорилъ онъ потомъ одному французскому эмигранту, вступившему въ русскую военную службу; „ты бы увидѣлъ то, чего и я никогда не видалъ“. Но спѣшивая эскадроны легкой и тяжелой конницы, пуская ихъ на пѣхоту, Суворовъ постарался, однако-же, обезпечить успѣхъ атаки вспомогательными способами, какіе имѣлъ въ своемъ распоряженіи: онъ пустилъ въ атаку съ этимъ эскадрономъ единственный пѣхотный батальонъ, которымъ могъ распорядиться. И что же? Такое живое его отношеніе къ военному дѣлу осталось или незамѣченнымъ, или приравнено къ способу дѣйствій первобытныхъ полудикихъ воителей. У одного изъ новѣйшихъ военныхъ писателей сказано, что подъ Кобылкой „Суворовъ сдѣлалъ самое жалкое употребленіе изъ своей конницы, вваливъ одну часть ея въ болото, а другую—заставивъ спѣшиваться и атаковать съ одними саблями пѣхоту, находившуюся въ лѣсной засадѣ“. А что критикъ скажетъ на то, что Суворовъ подъ Рымникомъ послалъ конницу въ атаку на укрѣпленія, или подъ Измаиломъ послалъ двѣ колонны спѣшенныхъ казаковъ на штурмъ? Это показываетъ только, что Суворовъ превосходно умѣлъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. Дѣйствія его столь разнообразны, что они съ перваго взгляда могутъ показаться неправильными, особенно, если критикъ не доросъ до ихъ пониманія. „Какъ различно,“ продолжаетъ Петрушевскій, „можно освѣтить одинъ и тотъ же фактъ, и до какой степени можетъ доходить путаница понятій.

и праваго фланга окончательно рѣшили участь боя. Войска Костюшки, забитыя въ тѣсное пространство, почти не имѣли выхода. Путь отступленія на Ороне, Годишъ и Корытницу, Костюшко потерялъ еще утромъ. Таковой же на Полецъ—Ласкаржевъ былъ захваченъ Рахмановымъ, а на Соболево, хотя и безъ дорогъ,—Толстымъ. Оставалось незанятымъ пространство между Годишъ и Соболево, куда и бросились въ полнѣйшей паникѣ всѣ остатки польскаго корпуса. Преслѣдованіе ихъ приняли на себя восемь эскадроновъ Рахманова и Толстого, которые, по условіямъ мѣстности, не могли принять участія въ общей атакѣ, и три эскадрона Елизаветградцевъ, успѣвшихъ пробраться сюда отъ Денисова. Всего 11 эскадроновъ.

Пораженія Костюшки было самое полное, довершенное блестяще веденнымъ преслѣдованіемъ. Самъ Костюшко, его штабъ, пять самыхъ старшихъ начальниковъ, 231 младшихъ, болѣе 2,000 нижнихъ чиновъ, 21 орудіе и два знамени захвачены русскими; объ остальныхъ потеряхъ поляковъ Ферзенъ замѣчаетъ, что непріятель, *„не имѣя уже спасенія въ бѣгствѣ весь погибъ“*. И дѣйствительно, немногіе могли укрыться отъ энергично и живо веденнаго преслѣдованія 11-ти свѣжихъ эскадроновъ конницы, бывшей у нихъ въ тылу. Конница при преслѣдованіи разбросалась на группы, и офицеры приняли непосредственное участіе въ захватѣ важныхъ плѣнныхъ. Такъ, Костюшку съ его штабомъ замѣтили Ахтырскаго полка корнетъ Пономаревъ съ нѣсколькими рядовыми (Семеномъ Чернышевымъ, Сергѣемъ Ларикомъ), Харьковскаго легкоконнаго поручикъ Потбѣскій и корнетъ Федоръ Лысенко. Послѣдній видя старавшагося спастись Костюшку, два раза нанесъ ему саблею несмертельныя раны и захватилъ его въ плѣнъ.

Потери Ферзена: убитыми 6 офицеровъ и 162 нижнихъ чина; ранеными 31 офицеръ и 1,092 нижихъ чина; всего 1,902, изъ нихъ наибольшая часть относится на долю отряда Денисова.

Вообще страннымъ путемъ иногда складываются репутаціи и долго держатся по одной инерціи, вопреки простому здравому смыслу. Такъ создалась и живетъ въ западной Европѣ репутація Суворова, какъ ни нелѣпо объяснять непрерывную цѣпь тождественныхъ явленій случаемъ или, что тоже, счастіемъ. Цѣнители и судьи проглядѣли въ Суворовѣ самую важную его особенность—неограниченное нравственное владычество надъ своими войсками. Не замѣтили они и другой его черты—знанія своего противника со всѣхъ сторонъ и построеннаго на этомъ знаніи умѣнья—пользоваться его слабостями и недостатками, по указанію слагавшихся обстоятельствъ. Оттого онъ и могъ дѣлать многое такое, на что не осмѣливался никто другой, а если бы и осмѣлился, то жестоко поплатился бы за свою дерзость. Откиньте эти Суворовскія особенности и подведите его дѣйствія подъ одинъ формальный тактическій шаблонъ, выйдетъ счастье; возьмите въ расчетъ не одни внѣшнія данныя, а также животворящій ихъ духъ,—выйдетъ геній. Невольно припоминаются здѣсь слова Суворова, сказанныя имъ 10 лѣтъ передъ тѣмъ въ письмѣ къ Потемкину: „я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ.“

Путь къ Варшавѣ теперь былъ открытъ, но Суворовъ остановился въ Кобылкѣ и сталъ ожидать прибытія корпуса Дерфельдена, что по соединеніи съ нимъ двинуться къ цѣли дѣйствія. Но время это не было потеряно даромъ. Суворовъ производилъ рекогносцировки, изучалъ Пражскія укрѣпленія, а въ лагерѣ заготовлялись фашины, плетни и штурмовыя лѣстницы. Въ то же время Суворовъ ежедневно объѣзжалъ войска, балагурилъ съ солдатами и говорилъ имъ о предстоящихъ трудахъ. Онъ не только не скрывалъ, а напротивъ заранѣе внушалъ своимъ войскамъ, что Прага даромъ въ руки не дастся. „Намъ давнымъ давно туда бы пора, говорилъ онъ: помилуй Богъ, пора! Поляки копаются, какъ кроты, въ землѣ, строятъ укрѣпленія“... Солдаты отвѣчали, что былъ бы приказъ взять,—такъ будетъ взято, что другого Измаила не выстроятъ, а и тому не поздоровилось“. Духъ въ войскахъ былъ превосходный.

19-го октября подошелъ, наконецъ Дерфельденъ, а 22-го октября войска двинулись къ Прагѣ и вступили въ назначенныя имъ лагерныя мѣста съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и веселою музыкою, „чтобы озадачить и ввести въ раздумье непріятеля“. Штурмъ былъ рѣшенъ на слѣдующій день и вечеромъ 23-го октября во всѣхъ войскахъ читали слѣдующій приказъ—Суворова:

„Его сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

„Взять штурмомъ Вражскій ретраншаментъ... Войскамъ итти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять. Подошелъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро, по приказу кричать ура! Подошли ко рву, ни секунды не медля, бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него, и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ.—Шибко, скоро, пара за парой лѣзь?—Коротка лѣстница? штыкъ въ валъ,—лѣзь по немъ, другой, третій. Товарищъ товарища обороняй? Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля,—и мгновенно стройся за валомъ.

Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! Держаться своихъ, въ середину; отъ начальниковъ не отставать. Вездѣ фронтъ.

„Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

„Кого изъ насъ убьютъ,—Царство Небесное! живымъ - Слава! Слава! Слава“!

Въ ночь съ 23-го на 24-е октября всѣ войска раздѣлены были на семь штурмовыхъ колоннъ [1]), изъ коихъ первыя четыре назначились для атаки сѣвернаго фронта, остальные—восточнаго. Эти послѣднія три колонны 5, 6 и 7-я, составлявшія корпусъ Ферзена, должны были выждать нѣкоторое время и начать атаку получасомъ позже, чтобы дать возможность корпусамъ Дерфельдена и Потемкина отвлечь силы гарнизона отъ болѣе сильнаго и болѣе важнаго восточнаго фронта. Затѣмъ 5-я колонна Тормасова начинаетъ штурмъ по кратчайшему направленію къ мосту съ тѣмъ, чтобы, ворвавшись въ городъ, скорѣе отрѣзать мятежникамъ путь отступленія. Тормасова непосредственно поддерживаетъ шестая колонна Рахманова, а 7-я, генерала Денисова, идетъ въ обходъ, и атакуетъ непріятеля съ юга между Вислой и ея болотистымъ протокомъ. Часть кавалеріи,—Ахтырскій легко-конный полкъ, четыре эскадрона Елизаветградскихъ конныхъ егерей и три эскадрона Воронежскихъ гусаръ—расположились у сожженной деревни Гроховъ, между колоннами Рахманова и Денисова. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручено было командиру Ахтырскаго полка бригадиру Сабурову, а мѣсто его передъ фронтомъ занялъ премьеръ-майоръ Синицынъ.

Въ три часа утра колонны выступили изъ лагеря и, подойдя къ условленнымъ заранѣе мѣстамъ, остановились. Скоро взвилась сигнальная ракета, и приступъ начался. Въ томительномъ ожиданіи, когда придетъ ихъ очередь, стояли колонны Ферзена, прислушиваясь къ грому пушекъ и шуму битвы, шедшей уже на валахъ и въ улицахъ Праги. Но вотъ, прошло полъ-часа. Барабаны ударили походъ— и колонна Тормасова двинулась. Ей предшествовали охотники, въ числѣ которыхъ находилась команда и нашихъ ахтырцевъ, подъ начальствомъ поручика Горлицына. Тормасовъ чуть не въ одинъ мигъ овладѣлъ и валомъ и батареями, а по его пятамъ ворвалась въ Прагу и колонна Рахманова, вслѣдъ за нею вошла и конница Сабурова. Въ то время, какъ наша пѣхота, разбрасывая польскіе батальоны, стремилась къ мосту, чтобы захватить его въ свои руки, Ахтырскій полкъ вмѣстѣ съ остальною конницей „храбро,—какъ доносилъ Ферзенъ“, дѣйствовалъ въ самой Прагѣ, повсюду побивая поляковъ, гдѣ только мятежники мыслили собираться вмѣстѣ“. Бой шелъ и въ улицахъ, и на площадяхъ. Множество поляковъ заперлось, однако, въ домахъ и стрѣляло изъ оконъ. Тогда майоръ Синицынъ, спѣшивъ четыре эскадрона ахтырцевъ и эскадронъ конныхъ егерей, приказалъ имъ штурмовать дома, а остальные два эскадрона Ахтырскаго полка съ майоромъ Бедрягой, направлены были къ Вислѣ, гдѣ непріятель, отбитый отъ моста, дрался съ отчаяннымъ мужествомъ. Мостъ былъ зажженъ по приказанію Суворова, желавшаго спасти Варшаву отъ участи Праги, и поляки, столпившіеся на Пражскомъ берегу, буквально гибли тысячами на глазахъ варшавянъ, въ тупомъ оцѣпенѣніи смотрѣвшихъ на ужасную катастрофу. Но вотъ къ берегу подскакала наша артиллерія и стала дѣйствовать черезъ рѣку

[1]) См. планъ штурма Праги.

Лит И Кадушкина С П Б

съ такимъ успѣхомъ, что многіе дома въ Варшавѣ были разрушены. Народъ въ ужасѣ разбѣжался. „Отъ свиста ядеръ и отъ разрыва бомбъ, говоритъ Суворовъ, поднялись по всѣмъ улицамъ стоны и вопли. Въ набатъ ударили повсемѣстно. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ плачевнымъ рыданіемъ народа, производилъ подавляющее впечатлѣніе“... А въ Прагѣ бойня между тѣмъ дошла до своего апогея, и остановить ее было невозможно, такъ какъ разъяренные солдаты мстили за смерть своихъ товарищей, измѣннически погибшихъ въ Варшавской рѣзнѣ 6-го апрѣля. Къ вечеру бой прекратился; предмѣстье было разграблено и на развалинахъ Праги можно бы было написать fuit (былъ)—ни точки болѣе.

Поляки въ этотъ памятный день потеряли 104 орудія, много знаменъ, свыше 16-ти тысячъ убитыми и утонувшими и до 13,000 плѣнными. Потеря русскихъ не превышала 1500 человѣкъ. Въ Ахтырскомъ полку убитыхъ было только трое: каптенармусы Иванъ Ольховскій и Климъ Кривуша, да рядовой Илья Кононенко. Лошадей выбыло 14.

За взятіе Праги командиру Ахтырскаго полка Сабурову и премьеръ-майору Бедрягѣ пожалованы были Императрицею золотыя шпаги; Синицынъ произведенъ въ подполковники и Суворовъ взялъ его въ свой штабъ; остальнымъ отличившимся офицерамъ: секундъ-майору князю Кастріотъ-Дрекаловичу, ротмистрамъ: Смольяну и Касавчичу, поручикамъ: Горлицыну, Шестакову, Грембетскому, полковому квартермистру Енишарлову, адъютанту Коханову и корнетамъ князю Кастріотъ-Дрекаловичу, Кременецкому, Раевскому, Негребецкому, Дзюбину и Шереметцеву—выданы похвальные листы. Кромѣ названныхъ офицеровъ, генералъ Тормасовъ, особенно рекомендовалъ находившихся при немъ Ахтырскаго полка ротмистра Ризенко и вахмистра Лобкова, которые во время штурма употреблялись имъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и вообще, „будучи при немъ черезъ всю кампанію отличили себя многими заслугами“. Какая награда пожалована была ротмистру Ризенко, произведенному уже въ секундъ-майоры за Мацеовицы,—неизвѣстно, но вахмистръ Лобковъ, „лично поражавшій непріятелей“, произведенъ въ корнеты. Независимо отъ этого, всѣ офицеры, участвовавшіе на штурмѣ Праги, получили особые золотые кресты на Георгіевской лентѣ, съ надписью на одной сторонѣ: „За труды и храбрость“, а на другой: „Прага взята 1794 года 24-го октября“. Нижнимъ чинамъ розданы особыя четырехъ-угольныя серебряныя медали для ношенія въ петлицѣ на Александровской лентѣ.

Это были уже третьи медали, установленныя Екатериной Великой. Первыя двѣ пожалованы были за турецкія войны. Одна изъ нихъ, четырехъ-угольная, на Андреевской лентѣ, имѣла на лицевой сторонѣ портретъ Екатерины, а на обратной—надпись: „Побѣдителямъ. Заключенъ миръ съ Портою 10 іюня 1774 года“. Вторая медаль была овальная, также на голубой лентѣ, но съ вензелемъ Императрицы подъ короной, и надписью: „Побѣдителямъ. При мирѣ Декабря 29-го, 1791 г.“.

Побѣда Суворова повела за собою безусловную капитуляцію Варшавы: она отворила ворота и поднесла побѣдителю городскіе ключи; польскія войска, настигнутыя корпусомъ Ферзена, также положили оружіе. Къ сожалѣнію, Ахтырскому полку не пришлось уча-

ствовать въ этихъ послѣднихъ событіяхъ. Въ концѣ октября онъ посланъ былъ, вмѣстѣ съ батальономъ Новгородскаго пѣхотнаго полка, въ г. Луцкъ—конвоировать плѣнныхъ и 104 орудія взятыя нами въ Прагѣ [1]).

Въ Луцкѣ получены были извѣстія, что польская война окончилась, и что поляки съ покорностью выслушали послѣдній роковой приговоръ союзныхъ державъ, условившихся прекратить ихъ самостоятельность. 23-го декабря 1704 года король Станиславъ-Августъ отказался отъ престола; и послѣ третьяго раздѣла—Польша исчезла съ карты Европы, какъ самостоятельное государство. Таковъ былъ конечный результатъ блистательныхъ дѣйствій Суворова. По третьему раздѣлу: области: Литовская, Гродненская и Курляндская присоединены были къ Россіи, воеводства: Краковское, Сандомирское и Люблинское къ Австріи; остальныя затѣмъ земли, съ городомъ Варшавою,—къ Пруссіи. Такимъ образомъ Екатерина исполнила то, о чемъ мечтали и къ чему стремились Московскіе цари, о чемъ думалъ Петръ Великій, и что было неизбѣжно, какъ неминуемое слѣдствіе вѣкового хода событій. Въ началѣ XVII вѣка судьба давала Польшѣ все, чтобы стать во главѣ всѣхъ славянъ, но она не поняла своего призванія. Съ этого момента руководство славянами стало постепенно дѣлаться достояніемъ Россіи.

Такъ какъ военныхъ дѣйствій болѣе не предвидѣлось, то Ахтырскій полкъ получилъ приказаніе итти изъ Луцка прямо на зимнія квартиры, назначенныя ему въ Житомірскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Лещинѣ и его окрестныхъ селеніяхъ. Здѣсь онъ провелъ зиму, а съ мая по сентябрь мѣсяцъ 1795 года находился въ кампаментѣ при мѣстечкѣ Ивницѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Житомира. Во время этого кампамента пріѣзжалъ и Суворовъ. Онъ прибылъ внезапно, вызвалъ по тревогѣ конницу, произвелъ свой обычный маневръ, съ переправами черезъ рѣки, со спѣшиваніемъ и штурмами, поблагодарилъ солдатъ, сказалъ имъ краткое поученіе изъ своего катехизиса, а затѣмъ сѣлъ въ телѣжку и ускакалъ также внезапно, какъ появился.

По окончаніи кампамента полкъ перешелъ въ мѣстечко Чудново, той же Волынской губерніи, и поступилъ въ составъ дивизіи генералъ-аншефа князя Прозоровскаго.

Что касается до внутренней жизни полка,—то оффиціальные документы объ этомъ ничего не говорятъ, а частныхъ воспоминаній не сохранилось; но изъ сохранившихся мѣсячныхъ отчетовъ, кажется можно придти къ довольно отрадному заключенію. Такъ напр., ко времени пріѣзда Суворова въ Ахтырскомъ полку, имѣвшимъ наличный составъ въ 849 человѣкъ, больныхъ было только 30—процентъ не только по тогдашнему, но и по нынѣшнему времени, небольшой, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ 30 человѣкъ—шесть было тяжело раненыхъ, остававшихся еще со времени польской кампаніи. Вообще за послѣдніе три года (94, 95 и 96) даже цыфра умершихъ отъ болѣзней и ранъ была весьма умѣренная, и не превышала 14 и 15 человѣкъ въ годъ. Что же касается до бѣглыхъ, то въ 94 году бѣжало

---

[1]) Рапортъ Суворова графу Румянцеву 18 ноября 1794 г.

изъ полка всего 5 человѣкъ, въ 95—одинъ, и въ 96 два. Что несомнѣнно свидѣтельствуетъ уже о поворотѣ внутренней, духовной жизни полка къ несравненно лучшимъ условіямъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же относительно конскаго состава, смертность въ немъ продолжала свирѣпствовать съ прежнею силою. Такъ за тѣ же три года, въ полку исключено павшими отъ разныхъ болѣзней 115 лошадей и 135 пристрѣлено за неизлѣчимымъ сапомъ—цыфры сами по себѣ весьма внушительныя. Отчего происходила такая страшная убыль, какія мѣры принимались противъ нея—свѣдѣній нѣтъ, и всякія догадки могли бы въ этомъ случаѣ по вести за собою только ложные выводы.

Перезимовавъ въ Чудновѣ, полкъ въ маѣ мѣсяцѣ 1796 года вышелъ изъ Польши и расположился въ Брацлавской губерніи, въ Махновкѣ. Въ то же самое время Суворовъ назначенъ былъ командующимъ войсками, расположенными въ губерніяхъ Брацлавской, Екатеринославской, Вознесенской, Харьковской и въ Таврической области. Такимъ образомъ Ахтырскій полкъ остался подъ начальствомъ знаменитаго фельдмаршала,—и нѣтъ сомнѣнія, что Суворовская метода обученія, его военный катехизисъ и личное поученіе, глубоко врѣзывавшіеся въ душу солдатъ, послужили залогомъ тѣхъ громкихъ подвиговъ, которыми Ахтырцамъ пришлось ознаменовать себя въ великую эпоху Наполеоновскихъ войнъ.

Но и въ то время, когда полкъ стоялъ въ Махновкѣ, политическія событія складывались уже такъ, что Ахтырцамъ предстояло въ недалекомъ будущемъ новое поприще на поляхъ Европы.—Суворовъ собиралъ 60-ти тысячную армію, чтобы итти съ нею во Францію. Ахтырскій полкъ назначенъ былъ въ корпусъ генерала Дерфельдена, и въ этихъ видахъ переведенъ изъ Махновки опять въ Волынскую губернію, въ Новгородъ-Волынскій уѣздъ, въ мѣстечко Березделье. Но среди приготовленій къ военному походу, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1796 года пришло роковое извѣстіе о кончинѣ Екатерины Великой. На престолъ вступилъ Императоръ Павелъ Петровичъ.

Конецъ II-го тома.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Приложеніе 1.

РЕПОРТЪ [1])

о состояніи слободского ахтырскаго полку людей и лошадей

за мартъ мѣсяцъ 1765 году.

Отд. V. Стр. 128. Харьк. Ист. Арх.
№ 97.

---

[1]) Во всѣхъ приложеніяхъ правописаніе сохранено подлинныхъ бумагъ.

ЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.		Полковникъ.	Старшинъ полковыхъ.										Пол	
			Обозной.	Судья.	Есауловъ.		Ротмистръ.	Писарей.		Хорунжій.	Итого.	Попъ.		
					Старшій.	Младшій.		Старшей.	Младшей.					
По списку состоитъ		1	1	1	1	1	1	1	1	1	9	—		
Стого числа вотлучкахъ. На украинской линіи вдержаніи по стовъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Стого числа вотлучкахъ. В отвозе новороссійской губерніи вкрепость святой Елизаветы денежной казны		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Стого числа вотлучкахъ. И того		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. При своихъ должностяхъ. Здоровыхъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. При своихъ должностяхъ. Вбегахъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. При своихъ должностяхъ. Больныхъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. При своихъ должностяхъ. По смертну убійству подкарауломъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. Всиле имянного указа вотремени отъ командъ. Здоровыхъ		1	1	1	1	—	1	1	1	1	8	—		
Затѣмъ при полку налицо. Всиле имянного указа вотремени отъ командъ. Больныхъ		—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—		
Затѣмъ при полку налицо. Всиле имянного указа вотремени отъ командъ. По смертну убійству подкарауломъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Затѣмъ при полку налицо. Всиле имянного указа вотремени отъ командъ. И того		1	1	1	1	1	1	1	1	1	9	—		
Въ добавку требуетца		—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—		
Сдобавкою должно быть		1	1	1	1	1	1	1	1	1	9	1		

ковыхъ служи

Городов. лекарь.	Подпрапорныхъ втомъ числѣ 8 вдолжности сотенныхъ урядниковъ.	Канцеляристовъ	Канцелярійскихъ писарей.	Городничій.	Цилюрикъ.
1	59	3	3	1	1
—	5	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	5	—	—	—	—
1	51	3	3	1	1
—	—	—	—	—	—
—	3	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—			—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
1	54	3	3	1	1
—	—	—	—	1	—
1	59	3	3	1	1

Да вономъ-же полку состоитъ у командованія полкомъ за полковника колежской
за изшедшій февраль мѣсяцъ репорта прибыло всилѣ указовъ и командующаго Ге
Лошадей исправлено марта 8 дня. Убыло людей казаковъ умер

асесоръ одинъ: за судьс титу
нералитета ордеровъ снеслу
ло марта 8 одинъ. Лошадей

Коллежскій ассесоръ *Василій Струковъ.* За судью титулярный совѣтникъ *Юрій Козловскій.*

Полковой писарь канцелярис

олковыхъ.				Пол	ковыхъ служителей.									Сотенныхъ старшинъ.				Сотенныхъ урядниковъ и козаковъ безсостоящихъ въ должности урядничей и подпрапорныхъ.	Всего всѣхъ чиновъ.	Лошадей.		Сверхъ комплекта.		
Писарей.					Городов. лекарь.	Подпрапорныхъ втомъ числѣ 8 вдолжности сотенныхъ урядниковъ.	Канцеляристовъ	Канцелярійскихъ писарей.	Городничій.	Цилюрикъ.	Литаврщиковъ.	Трубачей.	Пушкарей.	И того.	Поручиковъ.	Прапорщиковъ.	Сотниковъ.	И того.			Козачихъ.	Артиллерійскихъ	Обозной.	Сотниковъ.	И того.
Старшей.	Младшей.	Хорунжій.	Итого.	Попъ.																				
I	I	I	9	—	I	59	3	3	I	I	I	3	12	84	I	I	23	25	1227	1345	1235	12	I	3	4
—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	201	206	201	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	20	21	20	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	1	1	221	227	221	—	—	—	—
—	—	—	—	—	I	51	3	3	I	I	I	3	12	76	—	—	—	—	983	1059	1014	12	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	20	23	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
I	I	I	8	—	—			—	—	—	—	—	—	—	I	I	19	21	—	29	—	—	I	3	4
—	—	—	I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	3	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—
I	I	I	9	—	I	54	3	3	I	I	I	3	12	79	I	I	22	24	1006	1118	1014	12	I	3	4
—	—	—	I	—	—	—	—	—	I	—	—	—	—	I	—	—	—	—	15	16	7	3	—	—	—
I	I	I	9	I	I	59	3	3	I	I	I	3	12	85	I	I	23	25	1242	1361	1249	15	I	3	4

полковника колежской
и командующаго Ге
людей казаковъ умер

тникъ *Юрій Козловскій.*

асесоръ одинъ: за судьи титулярный совѣтникъ одинъ: экстрактъ послѣ отправленного
нералитета ордеровъ снеслужащихъ, вподпрапорные произведено марта 9 одинъ.
ло марта 8 одинъ. Лошадей пало февраля 20 и марта 2 двѣ.

Полковой писарь канцелярист *Петръ Перебійносовъ.* Канцеляристъ *Василій Каноплинъ.*

Приложеніе 2.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

Какие именно бывшего казачьего а нынѣ определенние в ахтырской полевой государской полкъ старшины и подпрапорныя отправлены на смотръ и кто ис техъ за какими невозможностями не отправлятця которие после отправляютця знчится под симъ

ЗВАНИЕ.	Число людей.	Зачемъ оние на смотръ не представляютця.
Полковой обозний Степанъ Лисевицкій .	1	
Полковой хоружий Михаило Линицкій . .	1	в силе обявленного ему приказа не явился.
Сотнини		
Ефимъ Кременецкій	1	
Алексей Карповъ	1	
Романъ Евфимиевъ	1	в харкове при экспедиции следственнихъ дѣлъ.
Николай Нахимовъ	1	в глухове для приему на фуражъ и провиантъ ис камиссіи генералъ провиантмейстера лейтнанта Колчавскаго суммы.
Василий Новосельский	1	
Иванъ Огроновичъ	1	
Максимъ Павловъ	1	
Осипъ Карповъ	1	
Подпрапорнии.		
Иванъ Перекрестовъ	1	
Григорий Боярский	1	
Иванъ Кобеляцкий	1	
Андреянъ Лисевицкий	1	
Иванъ Парафиевский	1	при генералномъ дежурствѣ на ординарци.
Григорий Ионинъ	1	(в ахтирской провинциалной канцелярии в приеме казны за казначея).
Михаило Зашаловский	1	

Приложеніе 2.

ЗВАНИЕ	Число людей.	Зачемъ оние на смотръ не представляютця.
Романъ Поклонский	1	
Игнатъ Филиповичъ	1	
Алєксей Лисевицкий	1	
Григорий Лисевицкий	1	
Лукянъ Миусовъ , ...	1	
Иванъ Лисевицкий	1	
Иванъ Соляниковъ	1	(в москве с прапорщикомъ вукочичемъ для приему ис камисариата сукна).
Лука Бужинский	1	
Матвей Нахимовъ	1	в глухове з сотникомъ Нахимовымъ.
Петро Линицкий	1	в харкове при генералномъ дижурстве для писма.
Данило Погатовка	1	
Левъ Кубашъ	1	
Романъ Карповъ	1	
Константинъ Перекрестовъ	1	
Василий Богаевский	1	
ИТОГО . .	33	

Бригадиръ *Подгоричани.*

Приложеніе № 3.

СПИСОКЪ ИМЕННОЙ

Ахтырского полевого Гусарского полку

кто именно оставшіе отъ опредѣленія къ гусарской службѣ бывшого Слободского ахтырского козацкого полку Полковая и сотенная старшина и подпрапорные явившіеся за разными неспособностями которые подведение ахтырской провинціальной канцеляріей отправлены о томъ явствуетъ по симъ.
Сентября 24 1765 года.

Полковникъ Михаилъ Боярской.

Полковая старшина.

Полковой судья Алексей Кобеляцкой

Старшій полковой асаулъ Андрей Смаковской.

Младшій полковой асаулъ Ефимъ Зашаловской.

Полковой ротмистръ Афанасій Карповъ.

Старшій полковой писарь Петръ Кардашевской.

Младшой полковой писарь Климентъ Филиповичъ.

Сотенная Старшина.

Сотники.

Михаилъ Боярской.
Федоръ Богаевской.
Петоръ Парафеевской.
Василій Олхомскій.
Василій Корнѣевъ.
Федоръ Карповъ.
Иванъ Боярскій.
Ѳедоръ Чуприновъ.
Левъ Катковъ.
Филипъ Власовъ.
Степанъ Линѣцкій.
Иванъ Матюшинскій.
Иванъ Лееевицкой.
Филипъ Поклонской.
Иванъ Поготовка.
Осипъ Іонинъ.
Петръ Верцѣнскій.
Филипъ Карповъ.
Иванъ Горловъ.
Василій Андреевской.

Подпрапорные.

Сава Яцюповъ.
Петръ Якубинскій.
Иванъ Гнилосиръ.
Василій Кодинецъ.
Петръ Поповъ.
Михаилъ Сливицкій.

Федоръ Краснокутскій.	Марко Сумець.
Андрей Чаговецъ.	Дмитрей Босковскій.
Ефимъ Ефимьевъ.	Константинъ Чуприновъ.
Петръ Ввовыця.	Семенъ Ковалевскій.
Яковъ Ольховскій.	Иванъ Дмитриевъ.
Василей Негребецкій.	Иванъ Власовъ.
Максимъ Гнедичъ.	Федоръ Гречка.
Раманъ Стороженко.	Власъ Бужинскій.
Федоръ Олховскій.	Степанъ Поповъ.
Антонъ Кременецкій.	Ефимъ Яцюковъ.
Иванъ Ковтуновскій.	Андрей Соляниковъ.
Никита Лесевыцкій.	Николай Перекрестовъ.
Раманъ Перекрестовъ.	

Малолетные.

Михаила Лесевыцкій.	Николай Капнестовъ.
Петръ Капнестовъ.	Андрей Капнѣстовъ.
Василей Капнѣстовъ.	Иванъ Кобеляцкій.
Ларионъ Кобеляцкій.	Семенъ Кобеляцкій.
Иванъ Боярской.	

Бригадиръ *Подгоричани*.

(Харьковскій Историческій Архивъ, V отд. № 89, стр. 299).

*Приложеніе 4 *).*

О состояніи Ахтырского полев. гус. полку людей и лошадей съ показаніемъ отлучекъ мѣсячной. Октября 26 д.

	Званіе чиновъ.	Командамъ.	По списку состоитъ.	Съ того числа въ отлучкахъ.			Затемъ при полку на лицо.				Потребно въ добавку.	Всего съ добавкою.	Сверхъ комплекта.
				Вдальныхъ спасіяхъ котори чрезъ две недели кполку быть неможно.	Вближайщихъ которые чрезъ неделю кполку быть могутъ.	И того.	Здоровыхъ.	Больныхъ.	Подъ арестомъ.	И того.			
Управа штаба	Бригадиръ полковникъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Подполковникъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Казаковъ. Примеръ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Казаковъ. Секундъ		1	1	—	1	—	—	—	—	1	2	—
	Итого		4	1	—	1	3	—	—	3	1	5	—
	Полковой квартирмейстеръ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Адъютантъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Аудиторъ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Комисаръ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Попъ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Лекарь		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Подлекарь		1	1	—	1	—	—	—	—	1	2	—
	Вахмистровскихъ чиновъ. Провіантмейстеръ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Вахмистровскихъ чиновъ. Обозной		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Вахмистровскихъ чиновъ. Надзиратель больныхъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Вахмистровскихъ чиновъ. Полков. писарь		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Писарей		4	—	—	—	4	—	—	4	—	4	—
	Писарей. Комисарской		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Писарей. Провіанской		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Штабъ трубачъ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Трубачей		9	2	—	2	7	—	—	7	2	11	—
	Литаврщикъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Ученикъ		—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
	Церковникъ		1	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—
	Денщиковъ		—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—
	Извощиковъ		30	5	—	5	25	—	—	25	—	30	—
	Профосовъ		—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—
	Итого		54	8	—	8	46	—	—	46	14	68	—
Ротнаго.	Капитановъ		8	2	—	2	5	1	—	6	—	7	1
Ротнаго.	Порутчиковъ		10	1	1	2	8	—	—	8	2	12	—
Ротнаго.	Прапорщиковъ		11	4	—	4	7	—	—	7	1	12	—
Ротнаго.	Вахмистровъ		12	4	—	4	8	—	—	8	—	12	—

	Званіе чиновъ.	Командамъ.	По списку состоитъ.	Съ того числа въ отлучкахъ.			При полку на лицо.				Требуется въ добавку.	Всего съ добавкою.	Сверхъ комплекта.
				Въ дальнихъ командахъ которые чрезъ двѣ недели къ полку быть могутъ.	Вблизкихъ которые чрезъ неделю въ полку быть могутъ.		Здоровыхъ.	Больныхъ.	Подъ арестомъ.	И того.			
Изъ списка.	Ротныхъ квартирм.		17	7	1	8	9	—	—	9	—	12	5
	Подпрапорщиковъ.		2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	2
	Капраловъ . . .		59	13	1	14	42	2	1	45	—	48	11
	Ротныхъ писарей.		2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	2
	Цирюльниковъ.		6	—	—	—	6	—	—	6	—	6	—
	Гусарь. Строевыхъ . .		828	217	14	231	585	9	3	597	—	828	—
	Гусарь. Нестроевыхъ .		6	—	—	—	6	—	—	6	—	6	—
	Слесарской маст.		1	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—
	Ему учениковъ. .		5	—	—	—	5	—	—	5	—	5	—
	Кузнецовъ . . .		6	—	—	—	6	—	—	6	—	6	—
	Седельниковъ .		2	2	—	2	—	—	—	—	—	2	—
	Коноваловъ . . .		2	—	—	—	2	—	—	2	—	2	—
	Плотниковъ .		2	—	—	—	2	—	—	2	—	2	—
	И того. . . .		979	254	17	271	691	13	4	108	3	961	21
	Всего всѣхъчиновъ		1037	263	17	280	740	13	4	757	18	1034	21
Изъ списка.	Лошадей. Строевыхъ . .		913	181	—	181	732	—	—	732	—	913	—
	Лошадей. Подъемныхъ .		85	—	—	—	85	—	—	85	—	85	—
	Лошадей. И того . .		998	181	—	181	817	—	—	817	—	998	—

Изъ оставшихъ за выборомъ въ гусарскую службу козаковъ причислено въ запасъ 50 человѣкъ послѣ отправленнаго за сентябрь мѣсяцъ мѣсячнаго репорта.

ПРИБЫЛО.

На мѣсто выключеннаго обознаго полкового въ Слободской Изюмской полкъ помѣщенъ вахмистръ 1

Да по сообщенію бригадира Зорича сприбывшихъ изъ Слободского гуссарскаго полку по ошибкѣ написанъ квартирмейстромъ Губеръ кой по прежнему въ полку считается вахмистромъ. 1

Да сприбывшихъ изъ Слободского гусарскаго полку помѣщенъ съ квартирмейстеровъ въ вахмистры въ комплктъ . . . 1

Съ подпрапорныхъ произведенъ въ вахмистры и вмѣщенъ въ комплектъ 1

До ачи въ ахтырскую провинціальную канцелярію лошадей съ негодныхъ выбрано въ строевые подъ гусаръ 146

Сверхъ-же того по присланному отъ команды повелѣнію причислено не прибывшихъ и прибывшихъ изъ Слободского полку верховыхъ лошадей 20

УБЫЛО.

По конфермаціи Его Сіятельства Господина Генералъ Аншефа и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцова написанны.

За побои Кіевскаго мѣщанина капитанъ онаго чина на полъ года лишенъ въ парутчичей 1

За отрубленіе Кіевскимъ жителемъ руки изъ вахмистровъ вредовые разжалованъ одинъ да скапраловъ одинъ и того . . . 2

Выключены въ Слоб. гус. полки.

Обозный	1
Вахмистровъ	2
Квартермейстеръ .	1
Капралъ .	1
Рядовыхъ. .	2
Итого. . .	7

Отдано въ Ахтырскую полковую канцелярію вовсе не годныхъ лошадей и бывшихъ казачьихъ верховыхъ для прокормленія чрезъ зиму обывателямъ 167

Да изъ артельныхъ оной-же канцеляріи отдано для продажи. 86

Подгоричани.

Приложеніе № 5.

IV отд. № 15, стр. 52. Харьковск. Истор. Арх.

Высокородный и превосходительный господинъ
генералъ маіоръ (Подгоричани)

Сего числа чрезъ присланного из государственной военной коллегіи курьера из секретной экспедиціи полученъ Ея Императорскаго Величества указъ коимъ между протчимъ предписано что по именному Ея Императорскаго Величества указу велено со вверенымъ мне корпусомъ выступить какъ скоро возможно а в томъ корпусе быть подъ командою моею вашему превосходителству полкижъ назначени севской дивизіи пехотные троицкой и белозерской и карабинерной тверской да из украинской дивизіи нижегородской карабинерной и ахтырской гусарской слободцкой полкъ да сверхъ того пять сотъ казаковъ с старшинамы

и во исполнение сего высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа вашему превосходителству имею предписать следующое

1. С полкомъ ахтырскимъ имеете выступить ис квартиръ своихъ х киеву сего месяця съ 15 числа имея съ собою доволное число сколко поднять можно на проходъ до киева правиянта а фуражъ чрезъ посылаемыхъ впередъ афицеровъ по местамъ заготовлени чинитъ оставя на непременныхъ квартирахъ одинъ экскадронъ и если полкъ ахтырскій не в комплектѣ состоитъ людми и лошадми то ис того оставленного эскадрона укомплектовать чтобъ выступившие в походъ экскадроны были все укомплектованы и всемъ потребнымъ удоволствованы без изятия женъ и детей и всю полковую экономию оставить на непременныхъ квартирахъ равножъ и обозъ какъ штапъ оберъ И ундеръ афицерской и полковой иметь по предписанию щтата безызлишества.

2. какъ уже ваше превосходителство давно имели из государственной военной коллегіи о бытіи в готовности в походъ указъ и уповаю что на на употребление за границею для покупки провианта и фуража на полкъ пять тысячъ рублевъ приняты

какъ то и другие полки то имеютъ то оную сумму иметь въ береженіи не употребляя из нее ни под какимъ видомъ без ордера моего ни на что а на проходъ для покупки провианта и фуража на полкъ употреблятъ другие правиянские денги кои уповательно в полку и состоятъ будежъ бы ихъ недостаточно в полку состояло то по полученіи сего ис правианскаго ведомства доволную сумму истребовать и темъ въ пути довольствоватся.

3: на какиежъ места от ахтырки по киева следовать о томъ при семъ прилагаю маршрутъ и притомъ рекомендую чтобъ ваше превосходителство расположили маршъ свой с темъ чтобъ 29 числа сего месяца в киевъ прибыть могли куда от меня о далнеишемъ походѣ чрезъ нарочного куриера к вамъ ордеръ присланъ будетъ.

4. по соединенижъ со мою ваше превосходителство имеете в брегаде своей иметь в команде тверской и нижегородской карабинерные полки и о всемъ принадлежащемъ отъ техъ полковъ получая ко мне представлять о чемъ отъ меня и в те полки предложено а до свиденія в разсужденіи вашей отъ нихъ отдаленности велено имъ прямо меня рапортировать вамже самимъ естли какая надобность потребуетъ имеете ко мне представленіи свои делать нине в чернеговъ ибо я самъ отсюда из рыска съ 15 сего месяца на почтовыхъ в черниговъ отправится имею и далее где находитца буду о томъ в свое время вашему превосходителству предложить не оставлю.

5. в какомъ числе людми и лошадми и что въ непременныхъ квартерахъ оставлено и с коликимъ числомъ провианта и сколко в полку денегъ какого званія суммъ о томъ обстоятелные рапорты с симже от меня посланнымъ курьеромъ ко мне прислать рекомендую при томъ чтобы онъ удерженъ не былъ и по крайней мере моглбы возвратитца 14 числа по утру.

6. Ежели есть отъ полку вашего всякова звания люди в раскомандировке то старатца онихъ какъ скоро возможно собрать будежъ которыхъ за отдаленностью собрать невозможно то оныхъ причислить во оставшей экскадронъ.

7. будежъ полкъ чемъ потребнымъ ис какихъ либо местъ еще не удоволствованъ то с симже курьеромъ прислать ко мне обстоятелные ведомости куда и откуда какие вещи были требованы то от меня будетъ предложено в те места о скорейшемъ удоволствіи.

8. С полученія сего ордера какъ наискорие при афицере пристойную команду отправить напередъ в киевъ для принятия из магазеина правианта коей и приказать с крайнею скоростию туда следовать и по прибытіи тотъ провиантъ принять и по принятіи перепечь и хлебы пересушить в сухари чтобъ к прибытію полку все то было изготовлено чрезъ чтобъ никакой медленности послѣдовать не могло на сколькожъ дней оного правианта принять надлежитъ то оное предаю на разсмотрение вашего превосходителства с темъ толко чтобъ по вступленіи заграницу десятидневной с собою провиантъ былъ а что до границы употреблять надлежитъ то сверхъ того иметь.

9. по получении сего ваше превосходителство изволите какъ скоро возможно отправить для конвою моего при адномъ офицере спристойнымъ числомъ ундеръ офицеровъ и капраловъ гусаръ сорокъ человекъ коимъ давъ напроходъ потребную сумму на покупку провиянта и фуража и приказать следовать до чернигова где прибывъ тому офицеру явитца вмоемъ дежурстве накакиешъ места имъ иметь путь свой то имеете отсебя дать имъ маршрутъ.

Заключаяжъ темъ что ваше превосходительство поизвесной вашей службе Ея Императорскаго величества ревности и усердию скорейшимъ исполнениемъ по вышепрописанному исполнить неоставите о чемъ и ожидаю немедленнаго о действителномъ выступлени чрезъ нарочнаго оттого числа рапорта для донесения о исполнении государственной военной коллеги! всекретную экспедицию вовремяжъ следования по тракту отвоеводскихъ канцелярей и вмалоросии отместечекъ требовать для препровождения полку камисаровъ откоихъ внеучинении обидъ брать квитанции и по прибыти меня рапортовать

вподлинномъ подписано

вашего Превосходительства покорной слуга генералъ маеоръ Петръ Кречетниковъ

Февраля 11 дня
1767 году Рылскъ.

Приложеніе № 6

Формулярный списокъ Ахтырскаго Гусарскаго полка
Полковника Семена Пишчевича *):

Былъ въ Цесаріи для выводу людей въ службу и потомъ служилъ Ея Императорскаго Величества въ Кабините и посыланъ былъ по надобности въ чужія края а на послѣдокъ по указу Правительствующаго Сената вербовалъ Болгарской Гусарской полкъ, въ 764 г. былъ съ полкомъ Сербскимъ въ Польшѣ, а въ 767 году съ прибытія полка *Ахтырскаго* въ польшу жъ находился въ разныхъ командиращяхъ и отдѣленныхъ деташаментахъ тожъ не однократно поручаемые секретные экспедиціи исправлялъ добропорядочно а въ 768 году съ польскими возмутительными конфедератами многократно находился при полку въ сраженіяхъ и при разбитіи оныхъ поступалъ по долгу рачительно, а въ 769 году сначала Турецкой войны командуя полкомъ Ахтырскимъ при вступленіи за рѣку Днѣстръ Апрѣля 17 при нападеніи встрѣчу съ города Хотина, на авангардной корпусъ Турковъ при разбитіи и прогнаніи оныхъ 19 при атакѣ города Хотина, 21 при разбитіи непріятельскаго сикурса Анадольскаго Абазы Паши равно при нападеніи при Каменцу Подольскомъ близь деревни Должку перешедшихъ черезъ рѣку Днѣстръ до нѣсколько тысячъ турковъ, Іюня 19 и будучи непріятелемъ окруженъ и не смотря что непріятельскою силою отъ корпуса со всѣмъ отрѣзанъ съ тремя эскадронами атаковалъ онаго напавъ на дифилею разбивъ и привелъ къ совершенной онаго побѣдѣ объ чемъ тогда и по командѣ представлено къ чему свидѣтельствуютъ данные аттестаты Господъ Генералъ Маіоровъ и Кавалеровъ Потемкина и Князя Прозоровскаго, а по вторичному переходу чрезъ Днѣстръ при всѣхъ бывшихъ сраженіяхъ и отакахъ 22 число Іюля при разбитіи пришедшаго непріятельскаго сикурса такожъ и 29 Августа когда непріятель вышелъ со множествомъ знаменъ густою кучею и устремлясь чтобъ заѣхать во флангъ то по приказанію Командующаго Корпусомъ Господина Генералъ-Маіора и Кавалера Князя Прозоровскаго посланъ былъ я съ полкомъ Ахтырскимъ атаковать онаго котораго и атаковалъ и разбилъ и при томъ отбилъ большое знамя къ чему отъ онаго Князя Прозоровскаго аттестатъ свидѣтельствуетъ, а сего 770 года по переходѣ на ту сторону рѣки Прутъ Іюня 17 по приказанію Командующаго Корпусомъ Господина Генералъ-Поручика и Кавалера Князя Репнина въ тотъ день съ полкомъ Ахтырскимъ откомандированъ въ передъ атаковать непріятеля котораго я и атаковалъ и привелъ онаго въ бѣгство, тако жъ Іюля 7 при атакѣ непріятельскаго лагеря и при разбитіи и прогнаніи онаго, Іюля жъ 17 дня посланъ былъ съ полкомъ для защищенія отъ татаръ и турокъ слѣдущаго изъ Польши къ арміи провіантскаго транспорта, Іюля жъ 28 дня во время атаки города Измайллова посланъ былъ отъ онаго Господина Генералъ Поручика

*) Моск. Стд. Арх. Гл. Шт. Оп. 214. Св. 103.

и Кававлера Князя Репнина въ атаку непріятеля съ полкомъ Ахтырскимъ гдѣ онаго и атаковалъ и бѣгущихъ турокъ догналъ многихъ побилъ и живыхъ пѣшихъ Янычаръ взялъ 60 человѣкъ при атакѣ жъ и даже до сдачи крѣпости Киліи былъ и поступалъ со всякимъ усердіемъ и храбростію объ чемъ всемъ свидѣтельствуетъ данной мнѣ отъ Господина Генералъ Поручика и Кавалера Князя Репнина аттестатъ, послѣ жъ того при атакѣ и осадѣ крѣпости Браилы былъ и неоднократно при вылазкахъ съ непріятелемъ имѣлъ сраженіе и разбивалъ и прогонялъ онаго объ чемъ и по командѣ отъ Господина Генералъ-Маіора и Кавалера Глѣбова представлено такожъ *Ноября* 24 дня при взятіи города Букареста и при атакѣ вышедшаго на встрѣчу непріятеля въ разбитіи и прогнаніи онаго былъ въ коихъ всѣхъ вышеписанныхъ случаяхъ поступалъ по долгу моему совсяккимъ усердіемъ и ревностію.

Приложеніе 7.

АТТЕСТАТЪ *).

По указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА данъ сей Ахтырскаго гус. п. Господину секундъ маіору Михаилѣ Губеру который будучи подъ командою моею при разбитіи въ мѣстечкѣ Рымникѣ волоскаго Господаря Мануилы Воды сентября 1-го числа когда переправившіеся, чрезъ рѣку Олту казаки и арнауты отъ превосходившихъ непріятельскихъ силъ назадъ обращены посланъ отъ меня былъ на ту сторону рѣки для подкрѣпленія съ двумя эскадронами гусаръ и сколь скоро переплылъ рѣку тотчасъ построивши свои эскадроны не смотря на усилившагося многимъ числомъ непріятеля состоящаго изъ конницы и на производимой отъ него сильной огонь хотя уже во фронтѣ его пять человѣкъ гусаръ ранили и семь лошадей убили не выстрѣля и одного патрона на сабляхъ лицо въ лицо и соотмѣнною храбростію вдарилъ и подавши мужествомъ и отчаянною отвагою своею подъ командным примеръ сприкрытіемъ сихъ его двухъ эскадроновъ фланговъ казаками и арнаутами всю непріятельскую конницу удержалъ и преодолѣлъ и обративши передовыхъ въ бѣгство и мертвыми многихъ повергъ такъ что ни малѣйшаго покушенія уже непріятель надъ нимъ и легкими войсками сдѣлать не могъ и свободной путь и переправѣ моего резерфу открылъ равноже подражалъ прежнему своему примеру когда я уже всѣмъ своимъ деташаментомъ непріятеля атаковалъ и того разбилъ употребляя гдѣ ему случилось быть къ пораженію непріятеля все свой силы клалъ я всѣмъ его Губера достохвальнымъ поступкомъ и храброму подъ вягу заслуживающему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости и благоволенія очевидецъ въ удостовѣреніе симъ свидѣтельствую сентября 25 дня 1771 года.

Фабриціанъ.

*) В. Уч. Арх. № 547.

О просящихъ за оказанныя предъ непріятелемъ храбрыя поступки пожалованія военными орденами.

(Изъ книги опредѣленій военной коллегіи за Ноябрь мѣсяцъ 1775 года стр. 455 *)

Формулярный списокъ.

Ахтырскаго Гусарскаго полка

1) *Секундъ-Маіоръ Антонъ Дмитріевъ.* Въ службу вступилъ: 1761 года сентября 16, прапорщикомъ 1770 года іюня 25, поручикомъ 1770 года ноября 10, капитаномъ 1771 года мая 1, секундъ-маіоромъ 1771 года іюня 28.

Въ походахъ противъ непріятеля находился:

Въ Польшѣ и сначала Турецкой войны потомъ подъ Фокшанами Браиловымъ при взятіи Измаила и Киліи, при нападеніи на Тульчу при деревняхъ Бештепѣ и Мурыгинѣ, а сверхъ того всегда употребляемъ былъ по Дунаю водою къ рекогносированію непріятельскаго берега и постовъ при которыхъ случаяхъ всегда онъ былъ провожатымъ и отличалъ себя къ службѣ ревностью и не имѣлъ устрашимости.

Челобитная его Дмитріева о награжденіи его военнымъ орденомъ въ коллегію представлена отъ генерала фельдмаршала и кавалера графа Румянцова-Задунайскаго 18 марта прошлаго 774 года.

Аттестатами бывшія надъ нимъ командиры свидѣтельствуютъ, что онъ Дмитріевъ, будучи неоднократно провожатымъ по извѣстію имъ такихъ мѣстъ, гдѣ требовалось непріятелю сдѣлать вредъ съ авантажемъ къ нашей сторонѣ—исполнялъ то со всякою успѣшностію, а случайно противъ непріятеля поступалъ съ отличною храбростію побивалъ непріятеля бралъ людей его въ плѣнъ и одно знамя получилъ въ подкрѣпленіе чего и господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій съ своей стороны объ немъ Дмитріевѣ какъ о отлично храбромъ офицерѣ свидѣтельствуетъ.

---

*) Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.

Формулярный списокъ *)

Ахтырскаго Гусарскаго полка

2) Премiеръ-маiоръ Георгiй Богдановъ. Въ службу вступилъ: 1757 года сентября 1 вахмистромъ, прапорщикомъ 1764 года января 1, поручикомъ 1768 года января 1, капитаномъ 1770 года марта 18, секундъ-маiоромъ 1770 года августа 19 и премiеръ-маiоромъ 1771 года ноября 21.

Въ Прусскомъ и противъ Польскихъ Конфедератовъ какъ и сначала Турецкой войны въ походахъ и у дѣла противъ непрiятеля былъ.

Аттестатами объ немъ отъ разныхъ персонъ засвидѣтельствовано что онъ Богдановъ будучи при деревнѣ Нелешты отъ многочисленнаго татарскаго войска до трехъ тысячъ человѣкъ атакованъ и окруженъ четыре дни отъ нихъ отбивался, жителей той деревни всѣхъ спасъ и за прудъ перевелъ, какъ и впослѣдованiе того вдаваясь опасности разбивалъ непрiятельскiя партiи въ сикурсъ слѣдующiя и бравъ въ полонъ старшинъ чрезъ которыхъ о обстоятельсвахъ— вѣрныя извѣстiя получены, и сверхъ того и генералъ-маiоръ Нащокинъ увѣряетъ что онъ Богдановъ въ послѣднюю Задунайскую экспедицiю iюня 13 употребленъ былъ съ двумя эскадронами подъ Рущукомъ и обратя непрiятеля въ бѣгство прогналъ до самаго лагиря бывшаго впереди ихъ самаго ретранщамента съ причиненiемъ ему немалаго урону чѣмъ и принудилъ помянутой лагерь тотчасъ снять 20 числа при деревнѣ Турлакахъ съ эскадрономъ бросясь на саблякъ въ конницу въ превосходномъ числѣ находившуюся, прогналъ сквозь ворота бывшаго тутъ плетня. 21 при разбитiи помянутой деревни Осанъ Паши и взятiи въ плѣнъ дву бунчужнаго Башняцкаго Паши, первый онъ Богдановъ съ эскадрономъ былъ въ дѣлѣ, 23 съ командою мѣстечко Разградъ занявъ взялъ непрiятельской лагерь двѣ пушки тожъ въ плѣнъ 14 турокъ и до дву тысячъ фамилей Болгаръ изъ разныхъ деревень онаго мѣстечка, 24 со ста человѣками гусаръ и пикинеръ и 25 казаками къ сторонѣ Шумлѣ пробиваясь сквозь непрiятельскую землю имѣлъ частыя шермицiи будучи такъ отдаленъ не надѣясь уже ни откудова сикурсу и не уважая на все вышеписанное 26 числа со взятьемъ одного въ полонъ турка возвратился.

---

*) Тамъ же.

Приложеніе 10.

Формулярный списокъ Ахтырскаго Гусарскаго полка за 1782 годъ *полковника Хорвата* *).

Полковникъ Антонъ Ивановъ Хорватъ, 34 лѣтъ, изъ Цесарскихъ дворянъ, вѣры Греческаго Исповѣданія.

Въ службу вступилъ: 757 года, Капитаномъ 757 г., Премiеръ-Маiоромъ 758 года. Подполковникомъ 775 г. Марта 31, Полковникомъ 778 г. Января 6-го.

Въ походахъ: 778 г. Марта съ 17 числа съ полкомъ по татарской экспедиціи въ Крыму; 779 г. Іюня по 7 число близь Днѣпра по той экспедиціи.

Грамотѣ Россійской, Французской и Нѣмецкой читать и писать умѣетъ, рисовать, отъ части математикѣ, исторію и географію,—механикѣ знаетъ.

Въ отпускахъ и штрафахъ небывалъ.

Приложеніе 11.

Формуярный списокъ *Ахтырскаго Легкоконнаго полка* за 1790 годъ полковаго командира бригадира князя Куракина **).

Бригадиръ князь Степанъ Куракинъ, 35 лѣтъ, изъ Россійскихъ князей, за нимъ мужеска полу душъ въ разныхъ намѣстничествахъ 4250.

Въ службѣ: 1764 года, Мичманомъ 1764, капитаномъ 1770 г., Генеральсъ адъюантомъ Премiеръ Маiорскаго чина 1773 Іюня 6, изъ оныхъ переименованъ въ Премiеръ-Маiоры 1774, подполковникомъ 1777 г. Іюня 9, полковникомъ 1784 г. Апрѣля 21, бригадиромъ 1789 Апрѣля 21.

Въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля находился: Съ 1764 г. по 1769 находился въ Швеціи для обученія разныхъ наукъ, въ 1770 году при осадѣ Бендеръ волонтиромъ, отъ куда посыланъ былъ курьеромъ съ знаменами ко Двору, въ 1771 находился въ 1-й Арміи при Генералъ фельдмаршалѣ графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ Задунайскомъ, дежурнымъ; а потомъ былъ въ Бохурестскомъ корпусѣ въ командѣ господина Генералъ Аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князя Николая Васильевича Репнина, и былъ неоднократно въ сраженіяхъ; по окончаніи оной посыланъ былъ курьеромъ въ Петербурѣ, гдѣ и перешелъ въ Польской корпусъ и находился тамъ 1772 и 1773 годовъ до Іюня мѣсяца въ разныхъ коммисіяхъ и посылкахъ подъ командою господ. Генералъ Аншефа и разныхъ орденовъ кавалера Бибикова; послѣ того находился при немъ вовремя его командованія корпусомъ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ, въ 1774 при усмиреніи бунтовщика Емельки Пугачева, а 1788 г.г. Ноября по 9 число при осадѣ крѣпости Очаковской.

---

*) Моск. отд Арх. Гл. Шп. № 38.
**) Тамъ же № 410.

Грамотѣ читать и писать умѣетъ, по Русски, по Французски, по Нѣмецки, по Шведски, по Латыни, математики, фортификаціи и географіи и разныхъ другихъ наукъ, въ штрафахъ не бывалъ; сверхъ комплекта, а уволенъ Главною командою въ гор. Москву для излѣченія болѣзни на 1 годъ 1789 г. Марта 4 число. О достоинствѣ его представляется наразсмотрѣніе Главной Команды.

Приложеніе 12.

Формулярный списокъ *командира Ахтырскаго* Гусарскаго полка Генералъ Маіора Сабурова.

(Вып. изъ форм. спис. доставл. отъ Ригскаго Кирасирскаго полка за 1797 годъ по Моск. Леф. Арх. № 262).

Генералъ Маіоръ и кавалеръ Иванъ Федоровичъ Сабуровъ.

45 лѣтъ, изъ Россійскихъ дворянъ, за нимъ въ Московскомъ уѣздѣ крестьянъ мужеска полу 500 душъ.

Въ службѣ: Января 1-го 1769 года, капраломъ 1769 Мая 26 вахмистромъ 1770 Января 24, корнетомъ 1776 Января 1, подпоручикомъ 1778 Января 6, поручикомъ 1779 года Января 1, Гвардіи въ Конномъ полку; выпущенъ въ Армію подполковникомъ 1782 г. Января 1, полковникомъ 1788 Іюля 14, бригадиромъ 1793 Сентяря 2, *въ Ахтырскомъ* Легкоконномъ, что нынѣ Гусарскомъ 1782 Января 1, Генералъ Маіоромъ 1797 г. Февраля 26 по произвожденію въ Риг ской Кирасирской 1797 г. Февраля 26.

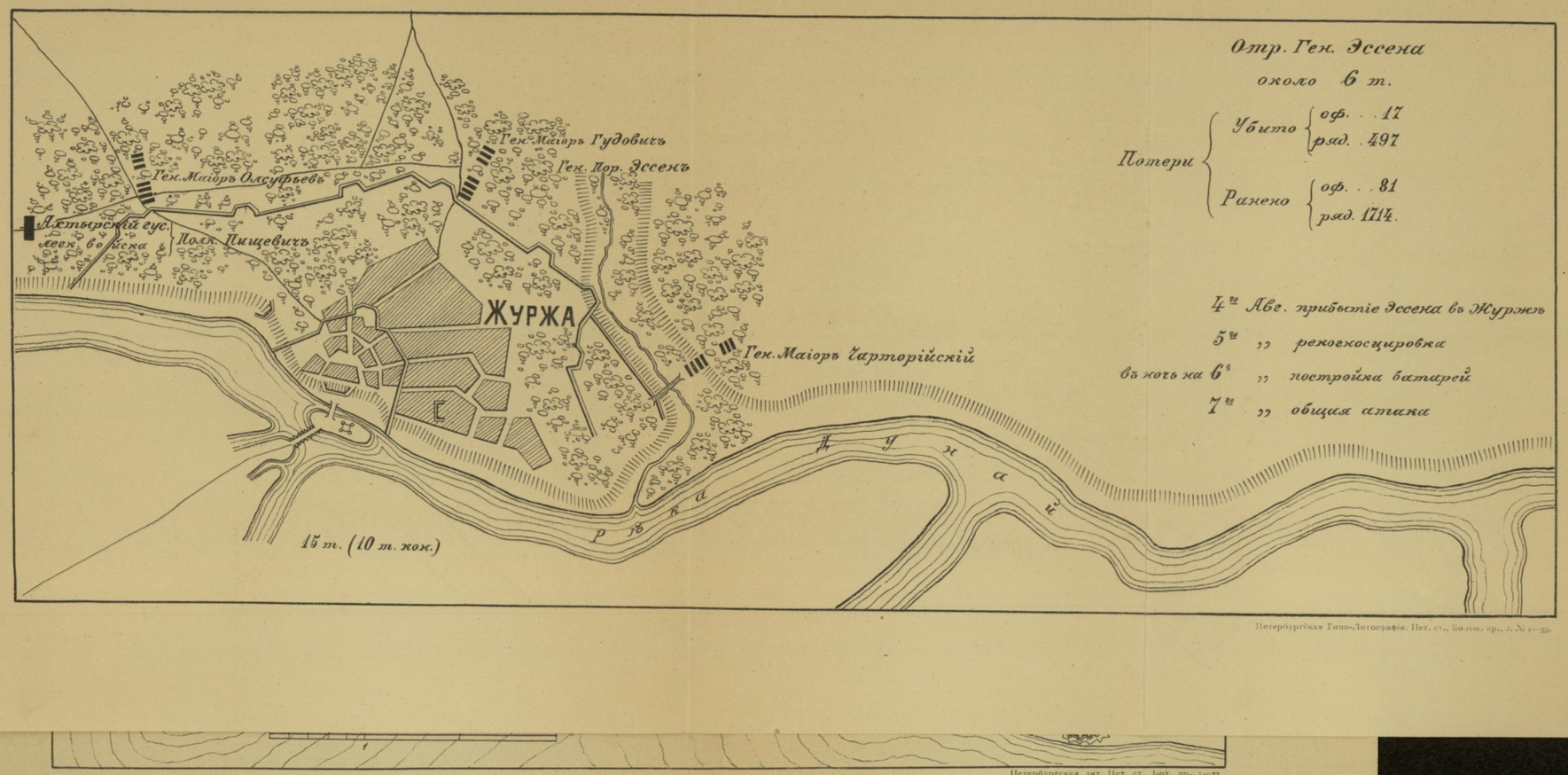
Въ походахъ находился:

1782-го въ Крымскомъ полуостровѣ въ Турціи, 1788 при осадѣ города Очакова, 1789 на Кинбурнской Косѣ, 1790 при взятіи крѣпости Киліи, 1792 въ Польшѣ и при сраженіяхъ противъ Поляковъ подъ мѣстечками: Іюня 26 подъ Володимерокомъ, а Іюля 7 числъ подъ Рубенкою, былъ также 1793 и 1794 г.г. въ Польшѣ, гдѣ 1794 года былъ въ сраженіяхъ противъ войскъ Польскихъ мятежниковъ въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ подъ Городомъ Варшавою, Сентября 28 по переправѣ на правую сторону рѣки Вислы, 29 при Замкѣ Мацеовицкомъ, гдѣ разбитъ весь непріятельскій корпусъ; Октября 15 въ сраженіи подъ мѣстечкомъ Кобылкою, а 24 при штурмѣ мѣстечка Праги и сдачѣ города Варшавы, отколь съ препорученнными ему отъ его сіятельства Господина Генералъ Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршаломъ) и кавалера графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго полоненными Польскими войсками и 100 орудіями слѣдовалъ до города Острога.

Россійской и Французской грамотѣ знаетъ, въ штрафахъ и отпускахъ не бывалъ.

83-10
45

Атака Журжи 7го Августа 1771 г. Ген Эссеномъ



Отр. Ген. Эссена
около 6 т.

Потери
- Убито: оф. . . 17; ряд. . 497
- Ранено: оф. . . 81; ряд. 1714.

4го Авг. прибытіе Эссена въ Журжу
5го ,, рекогносцировка
въ ночь на 6е ,, постройка батарей
7го ,, общая атака

Петербургская Гипо-Литографія. Пет. ст., Больш. пр., д. № 1—33.

Петербургская лит. Пет. ст., Бол. пр., 1—33.

ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ ОТЧАКОВА
ОКРУЖЕННОЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВ-СКОЙ АРМІИ 3го іюля 1788 г.

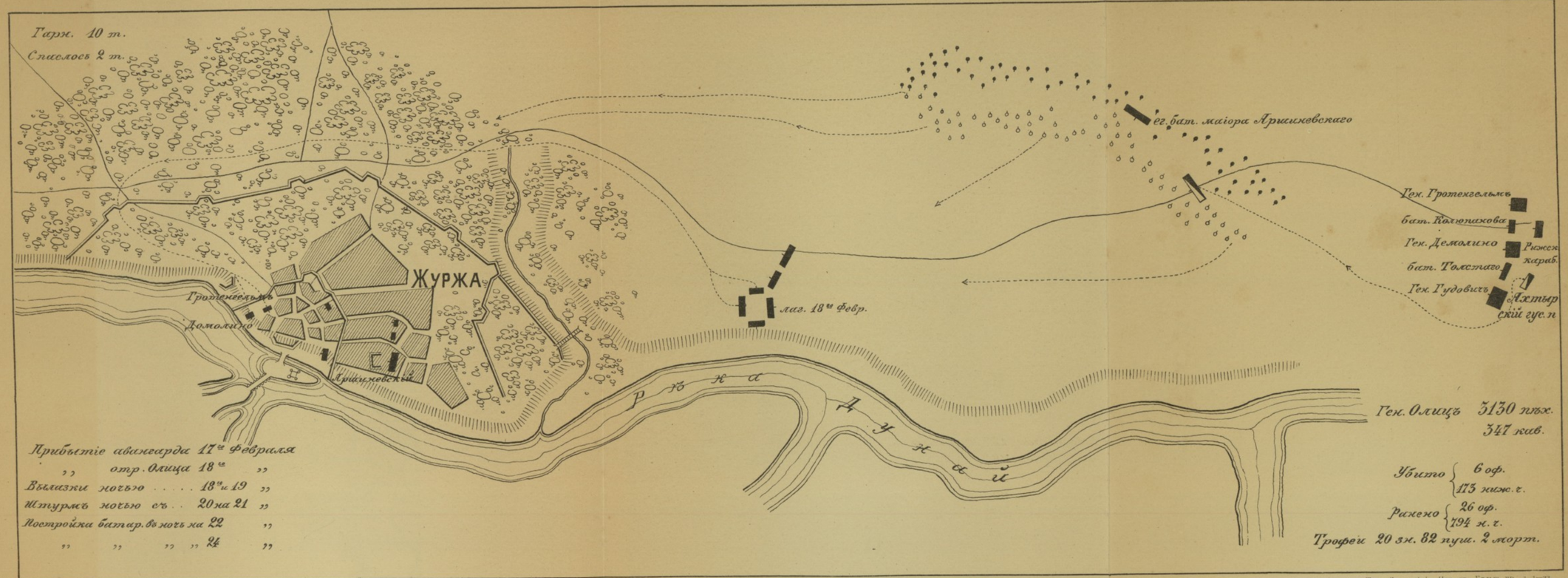
ИЗЪЯСНЕНІЕ

А. 1. Положеніе парусной эскадры подъ командою Контръ-Адмирала Паульжонеса.
А. 2. Положеніе 20 Іюля
В. Россійская флотилія подъ командою Принца Нассау
С. Турецкіе барки

Отчаковъ
Гасанъ Паша Замокъ
Блокфортъ
Кинбурнъ
Днѣпровской Лиманъ
Лиманъ Березанской
Лиманъ Метели
Черное Море
Главн. кварт.
Колодецъ
Колодецъ Метели
Козаки
Украинск.
Херсонск.
Ахтырск.
Екатериносл. Гусары
Воронежск. Гусары
Гренад.
Екатериносл. Гренадер.
Парк
Садъ
Бат. Сухова
Бат. Фишера
Ак. 1
Ак. 2
В.
С.
0 100 200 300 400 500 2 3 Верс.

Петербургская лит. Нет. ст., бол. пр., 1—33.

Планъ дѣйствій Ген. Аншефа Олица подъ Журжей въ Февралѣ мѣсяцѣ 1771 г.



Петербургская Типо-Литографія, Нев. ст., Больш. пр., д. 1—33.

СХЕМА
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
1794 г.
Масштабъ.
Балтійское море
Виндава
Либава
РИГА
МИТАВА
Поланген
САМОГИТІЯ
КОВНО
ВИЛЬНО
Троки
Мерачъ
Вилейка
ВИТЕБСКЪ
Сенно
Полоцкъ
Дисна
Друя
Дрисса
Борисовъ
МИНСКЪ
Мстиславль
Новогрудокъ
Миръ
Несвижъ
Слуцкъ
Бобруйскъ
Рогачевъ
Любань
Мозырь
Пинскъ
БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ
Высоко-Литовскъ
Каменецъ
Кобринъ
Брагинъ
БЕЛОСТОКЪ
Сокольскъ
Гродно
Ломжа
Остроленка
Пултускъ
Нарев
Буг
Висла
Варшава
Прага
Минскъ
Брестъ
Жолковъ
Вишницы
Кобринъ
Кодень
Пулавы
Люблинъ
Хелмъ
Красностав
Ковель
Владимиръ
Волынскъ
Луцкъ
Олыка
Варковичи
Дубно
Збручъ
Днестръ
Краковъ
Щекоцинъ
Опатовъ
Сандомиръ
Пинчевъ
Рославицы
Кельцы
Калишъ
Серадзь
Петрикова
Житковичи
Мозырь
Калишское воеводство
Серадзское воеводство
Ленчицкое воеводство
Рацкое воеводство
Плоцкое воеводство
Куявское воеводство
Кульмское воеводство
Мазовецкое княжество
Сандомирское воеводство
Люблинское воеводство
Краковское воеводство
Брестское воеводство
Новогрудское воеводство
Виленское воеводство
Троки-Гродненское воеводство
Волынское воеводство
Холмское воеводство
Условные знаки:
Границы
№1 Путь следованія Суворова
№2 див. г. Пор. Дерфельдена
№3 — Берлина
Брацлавъ
Камировъ
Литогр. Ст. Бол. Пр. д. 1.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

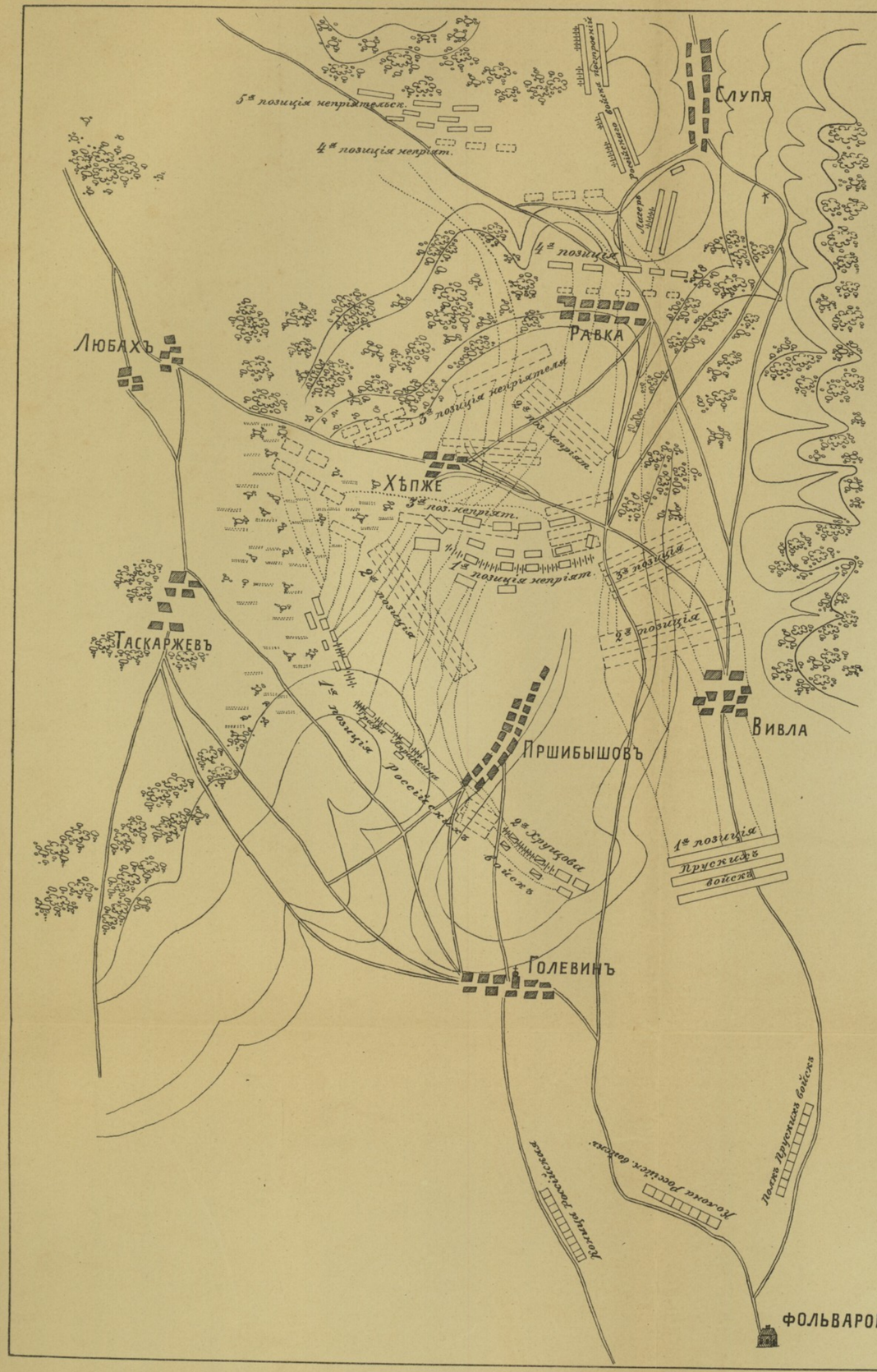
при

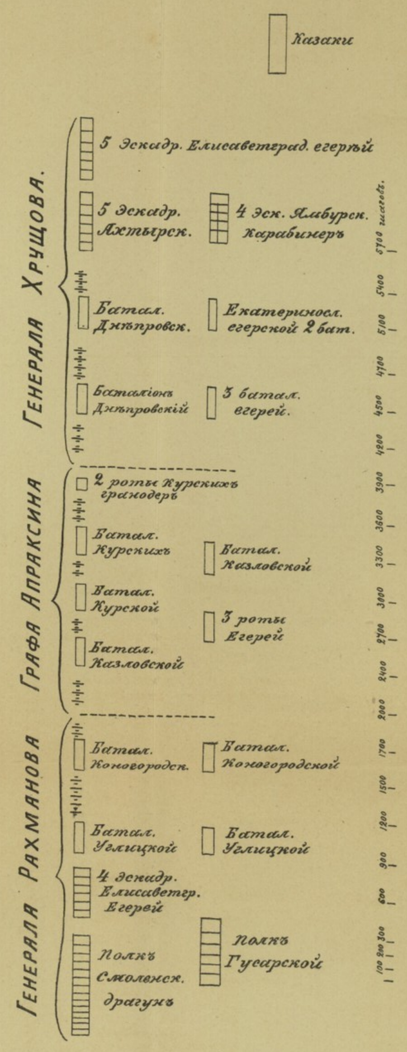
РЯБОЙ МОГИЛѢ

17го Іюня 1770 г.

Хромо-Литогр. И. Кадушина, Екатерин. кан. 100, С. Б. П.

Планъ Сраженію при Щекоцинѣ, между Россійско-Прусскихъ войскъ подъ начальствомъ Е.В. Короля Прусскаго и Ген. Порутч. Денисова, а Польскихъ войскъ подъ предводительствомъ Ген. Косцюшки въ 1794 г.





Петербургская лит. Пет. ст. Бол. просп. 1-33.

КАРТА ДѢЙСТВІЙ ПРОТИВЪ ПОЛЬСКИХЪ КОНФЕДЕРАТОВЪ 1767-1769 г.г.

Петербургская лит. Пет. ст., Бол. пр., 1—33.

ПЛАНЪ

взятія штурмомъ укрѣпленій Праги подъ командою графа Суворова-Рымникскаго 24го Октября 1794 года.

Масштабъ 300 саж. въ дюймѣ.

ВАРШАВА

Р. Висла

ПРАГА

Фор. Поленды

Секерки

Сож. д. Каменка

Звѣринецъ

Сож. д. Тарговекъ

д. Мясы

д. Годлавъ

Фл. Годлавъ

д. Збытки

Сож. д. Гроховъ

Корч. Утрата

Корч. Выгода

Сож. д. Брудно

д. Вулька

д. Застаўе

д. Бяголенка

Хромо-Литогр. И. Кидушица, Екатерин. кан. 100, С. Б. П.

Карта
Топографическая или показаніе земель и областей гдѣ были движенія компаменты, осады, баталіи и иныя военныя дѣйствія, квартиры, магазейны, почтовыя дороги, мосты, переправы, госпитали, карантинные дома и почты. Россійской Императорской арміи подъ ордеромъ Генерала Фельдмаршала Графа Румянцева Задунайскаго, съ 1769го по 1779й годъ съ означеніемъ дѣйствій и второй арміи при Бендерахъ, въ полуостровѣ Крымѣ и Кубани.
Февраля 18го дня 1780 года.
Масштабъ къ картѣ
0. 10. 20. 30. 40. 50. 60. верстъ
Кіевъ
Бѣлацерковъ
Львовъ
Самборъ
Брацлавъ
Орелъ
Яссы
Бендеры
Очаковъ
Аккерманъ
Галацъ
Рене
Измаилъ
Тулча
Слободзея
Букарештъ
Журжа
Рущукъ
Силистрія
Турна
Никополь
Ахтіарская гавань
Инкерманъ
Часть
Чернаго моря
Петербургская лит. Пет. ст., Бол. пр., 1—33.

Разворенная дер. Найманъ

Ген. Бауръ

Гр. Румянцевъ

Ген. Репнинъ

Ген. Племянниковъ

р. Ларга

Бауръ и Репнинъ

Румянцевъ

Репнинъ

Егеря

Бауръ

Легкая конница

Егеря

Лаг. Кн. Репнина

Лагерь по побѣдѣ непр. гл. арміи

Лаг. Ген. Баура

ПЛАНЪ

сраженія при р. ЛАРГѢ

7 Іюля 1770 г.

Масштабъ.

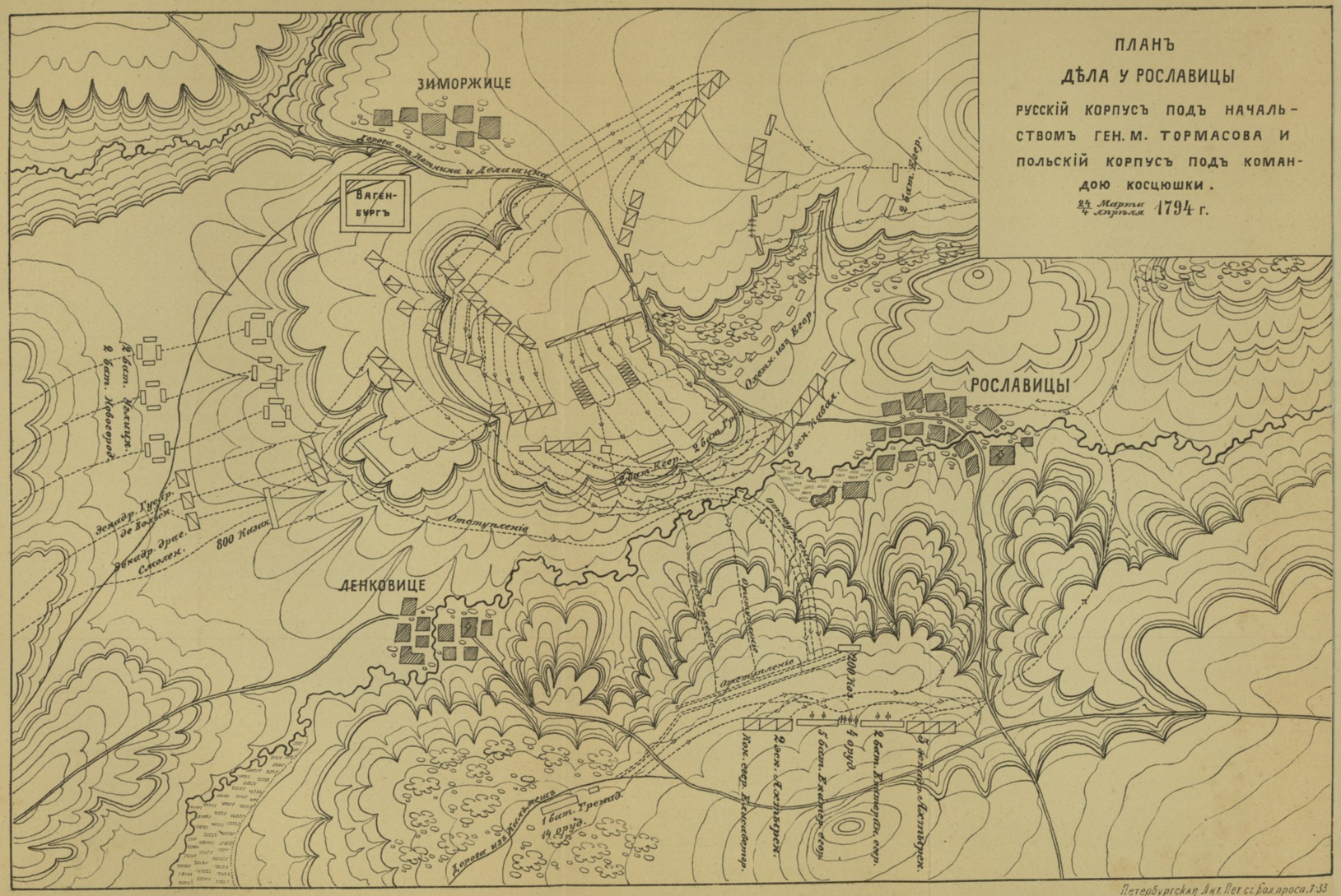
0 1 2 3 4 версты.

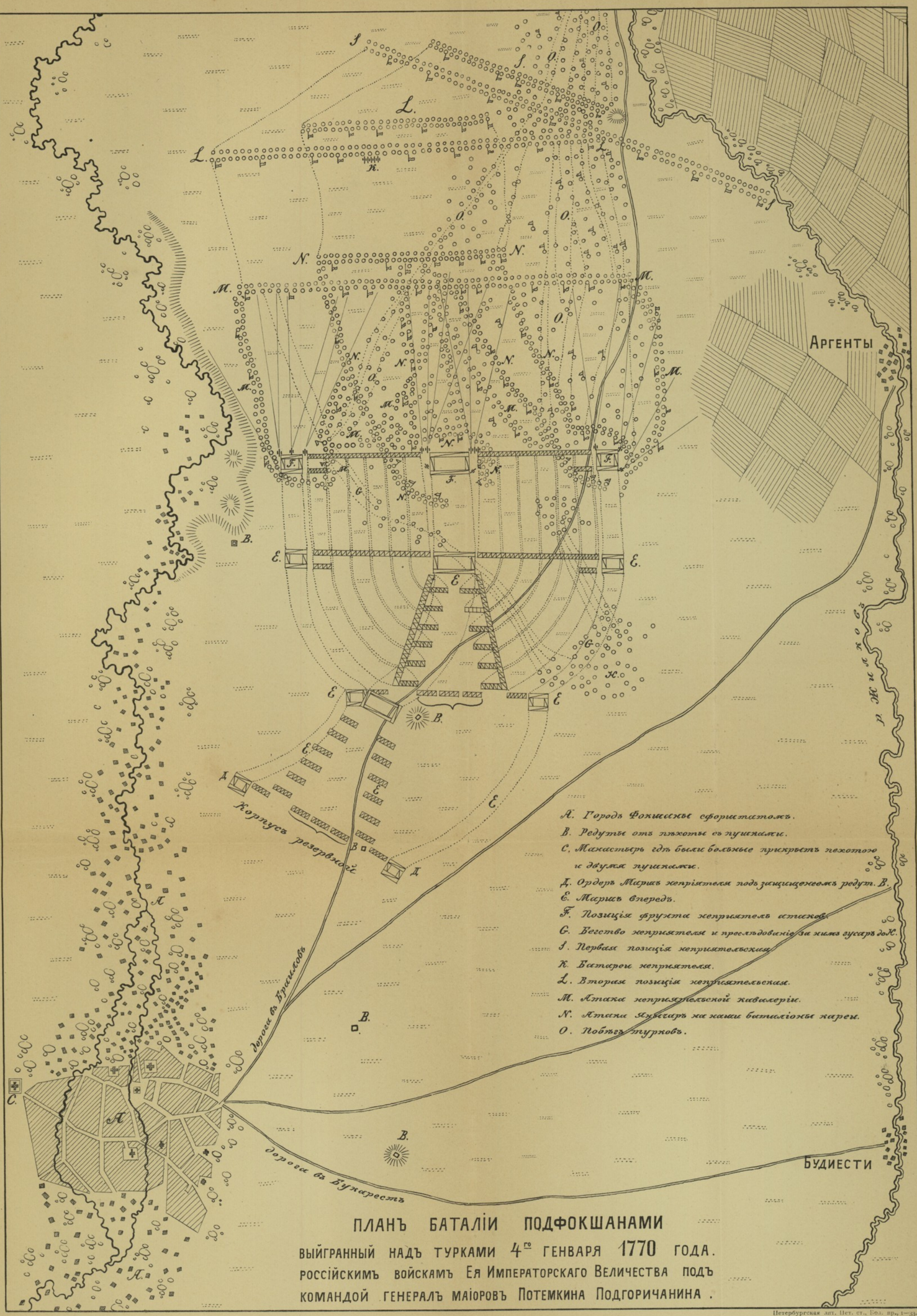
Хромо-Литогр. И. Кадушкина, Екатерин. кан. 100, С. Б. П.

ПЛАНЪ
ДѢЛА У РОСЛАВИЦЫ

РУССКІЙ КОРПУСЪ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕН. М. ТОРМАСОВА И ПОЛЬСКІЙ КОРПУСЪ ПОДЪ КОМАНДОЮ КОСЦЮШКИ.

24 Марта / 4 Апреля 1794 г.

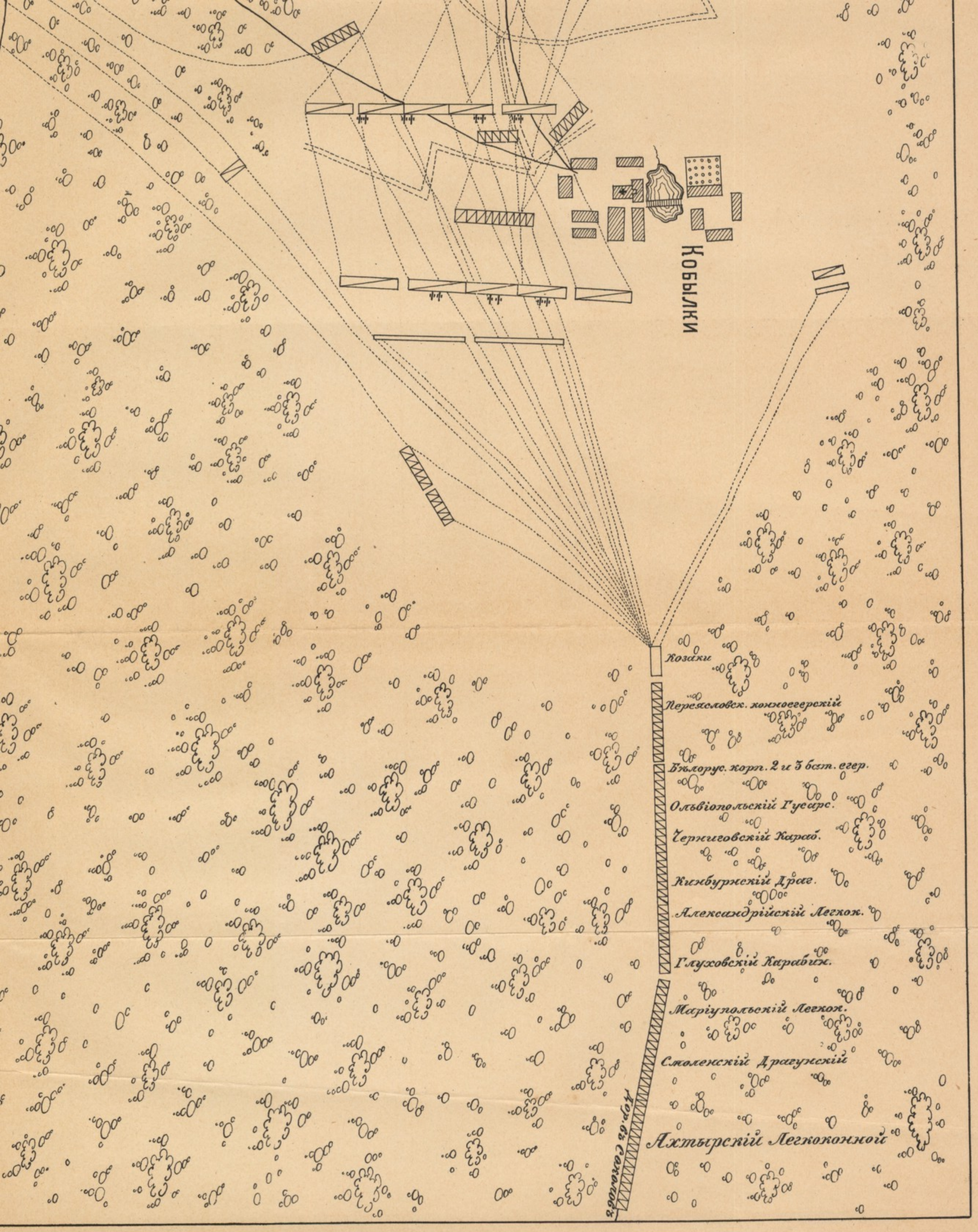


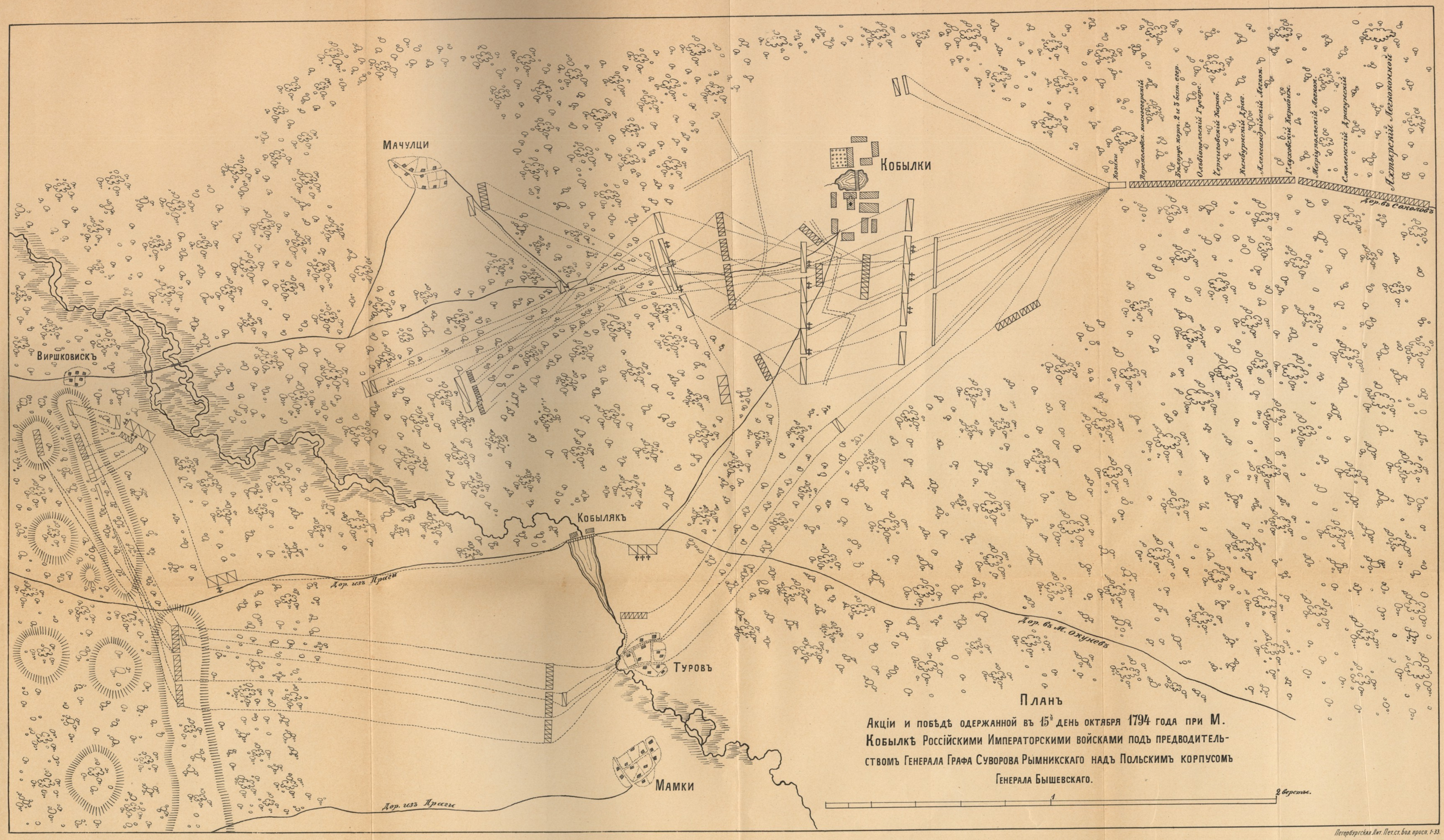


ПЛАНЪ БАТАЛІИ ПОДФОКШАНАМИ

ВЫИГРАННЫЙ НАДЪ ТУРКАМИ 4го ГЕНВАРЯ 1770 ГОДА.
РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОДЪ
КОМАНДОЙ ГЕНЕРАЛЪ МАІОРОВЪ ПОТЕМКИНА ПОДГОРИЧАНИНА.

Петербургская лит. Нет. ст., Вол. пр., 1—33.


Кобылки
Козаки
Переясловск. конноегерскій
Бѣлорус. корп. 2 и 3 бат. егер.
Ольвіопольскій Гусарс.
Черниговскій Караб.
Кинбурнскій Драг.
Александрійскій Легкок.
Глуховскій Карабин.
Маріупольскій Легкок.
Смоленскій Драгунскій
Ахтырскій Легкоконной
Дор. въ Соколовъ



Планъ

Акціи и побѣдѣ одержанной въ 15ᵗᵉ день октября 1794 года при М. Кобылкѣ Россійскими Императорскими войсками подъ предводительствомъ Генерала Графа Суворова Рымникскаго надъ Польскимъ корпусомъ Генерала Бышевскаго.

Петербургская Лит. Пет. ст. Бол. просп. 1-33.

План переправы Россійскаго Императорскаго войска состоящих подъ командою Господина Генералъ Порутчика и Кавалера Барона Ферзена черезъ реку Вислу въ виду непріятеля Сентября 23 дня 1794 г.

Петербургская Лит. Пет. Ст. Бел. проси. 1-33.